

Қазақстан Республикасының Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 3 (21)

2023

Құрылтайшы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

Бас редактор:

Ақан Оңғарұлы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры,
тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (Алматы, Қазақстан)

Редакциялық кеңес:

А.Г. Ситдиқов, тарих ғыл. докт., ТР ҒА академигі, ТР ҒА А.Х. Халиков ат. Археология институты; Қазан федералдық университеті (Қазан, Ресей) (төраға);
А.Беттс, доктор, проф., Сидней университеті (Сидней, Австралия);
А. Оутрам, археология докт., проф., Эксетер университеті (Эксетер, Ұлыбритания);
А.А. Тишкин, тарих ғыл. докт., проф., Алтай мемлекеттік университеті (Барнаул, Ресей);
В.Б. Панковский, тарих ғыл. канд., Украина ҰҒА Археология институты (Киев, Украина);
Ж.Қ. Таймағамбетов, тарих ғыл. докт., проф., ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі (Астана, Қазақстан);
З. Самашев, тарих ғыл. докт., проф., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Астана, Қазақстан);
И.Л. Кызласов, тарих ғыл. докт., Археология институты (Москва, Ресей);
М. Фрачетти, археология докторы, Вашингтон университеті (Сент-Луис, АҚШ);
М.Е. Елеуов, тарих ғыл. докт., проф., әл. Фараби ат. Қазақ Ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан);

Н. Бороффка, археология докт., проф., Неміс археология институты (Берлин, Германия);
Н.Ю. Смирнов, тарих ғыл. канд., РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты (Санкт-Петербург, Ресей);
П.М. Колыцов, тарих ғыл. докт., проф., Б.Б. Городовиков ат. Қалмақ мемлекеттік университеті (Элиста, Ресей);
Р. Йовита, PhD, Нью-Йорк университеті (Нью-Йорк, АҚШ);
Р.Х. Сулейманов, тарих ғыл. докт., профессор, Мирзо Ұлықбек ат. Өзбекстан ұлттық университеті (Ташкент, Өзбекстан);
С.Е. Әжіғали, тарих ғыл. докт., профессор, Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты (Алматы, Қазақстан);
Ш. Шода, PhD, Нара ұлттық мәдени құндылықтар ғылыми-зерттеу институты (Нара, Жапония);
Ц. Төрбат, PhD, Моңғолияның Ұлттық университеті (Ұланбатыр, Моңғолия)

Редакциялық алқасы:

А.А. Бисембаев, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ә.М. Манапова, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Б.Ә. Байтанаев, тарих ғыл. докт., ҚР ҰҒА академигі, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Д.А. Воякин, тарих ғыл. канд., Орталық Азия халықаралық зерттеулер институты (Самарқан, Өзбекстан);
Е.Ш. Ақымбек, PhD, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ж. Құрманқұлов, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
М.Қ. Хабдулина, тарих ғыл. канд., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан);
Т.Б. Мамиров, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабекова, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ғ.А. Базарбаева, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
 Телефон: (727) 272 06 89
 E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
 archeologiakazahstana@gmail.com

Журналдың арнайы сайты: archeokz.kz

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж кәулігі берілген

Басылым ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. БНҚ шеңберінде жүзеге асырылды,
 жоба ЖТН BR11765630

Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 3 (21)

2023

Учредитель: Институт археологии имени А.Х. Маргулана**Главный редактор:****Акан Онгарулы**, генеральный директор Института археологии имени А.Х. Маргулана, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор (Алматы, Казахстан)**Редакционный совет:**

А.Г. Ситди́ков, докт. ист. наук, академик АН РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия) (председатель);
А. Беттс, доктор, проф., Сиднейский университет (Сидней, Австралия);
А. Оутрам, доктор археологии, проф., Университет Эксетер (Эксетер, Великобритания);
А.А. Тишкин, докт. ист. наук, проф., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
В.Б. Панковский, канд. ист. наук, Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина);
Ж.К. Таймагамбетов, докт. ист. наук, проф., академик НАН РК, Национальный музей Республики Казахстан (Астана, Казахстан);
З. Самашев, докт. ист. наук, проф., Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Астана, Казахстан);
И.Л. Кызласов, докт. ист. наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия);
М. Фрачетти, докт. археологии, Университет Вашингтон (Сент-Луис, США);

М.Е. Елеуов, докт. ист. наук, проф., Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан);
Н. Бороффка, докт. археологии, проф., Немецкий археологический Институт (Берлин, Германия);
Н.Ю. Смирнов, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия);
П.М. Кольцов, докт. ист. наук, проф., Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия);
Р. Йовита, PhD, Университет Нью-Йорк (Нью-Йорк, США);
Р.Х. Сулейманов, докт. ист. наук, проф., Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан);
С.Е. Ажигали, докт. ист. наук, проф., Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Алматы, Казахстан);
Ш. Шода, PhD, Национальный исследовательский институт культурных ценностей (Нара, Япония);
Ц. Төрбат, PhD, Национальный университет Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Редакционная коллегия:

А.А. Бисембаев, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
А.М. Манапова, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Б.А. Байтанаев, докт. ист. наук, академик НАН РК, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Д.А. Воякин, канд. ист. наук, Международный институт центральноазиатских исследований (Самарканд, Узбекистан);
Е.Ш. Акымбек, PhD, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Ж. Курманкулов, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
М.К. Хабдулина, канд. ист. наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (Астана, Казахстан);
Т.Б. Мамиров, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Ответственные секретари:

Г.С. Джумабекова, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Г.А. Базарбаева, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Адрес редакции, издателя-учредителя:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Телефон: (727) 272 06 89
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazakhstan@gmail.com

Официальный сайт журнала: archeokz.kz

Журнал основан 26 апреля 2018 г.
Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК

Издание осуществлено в рамках ПЦФ Комитета науки МНВО РК на 2022–2023 гг.,
ИРН проекта BR11765630

Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan
Science Committee
Margulan Institute of Archaeology

KAZAKHSTAN ARCHEOLOGY

ҚАЗАҚСТАН АРНЕОЛОГИАСЫ

№ 3 (21)

2023

Founder: Margulan Institute of Archaeology

Editor-in-Chief:

Akhan Onggaruly, Director General of the Margulan Institute of Archaeology,
Candidate of Historical Sciences and Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)

Executive Editors:

Airat G. Sitdikov, Dr. of Hist. Sciences, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia) (chairman);
Alan Outram, Dr. of Archaeology, Prof., Exeter University (Exeter, UK);
Alexey A. Tishkin, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Altai State University (Barnaul, Russia);
Alison V.G. Betts, Doctor, Prof., The University of Sydney (Sydney, Australia);
Igor L. Kyzlasov, Dr. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
Madiyar Ye. Yeleuov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan);
Michael D. Frachetti, Dr. of Archaeology, Washington University (St. Louis, USA);
Nikolaus N.O. Boroffka, Dr. of Archaeology, Prof., German Archaeological Institute/DAI (Berlin, Germany);
Nikolay Yu. Smirnov, Cand. of Hist. Sciences, Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia);

Petr M. Koltsov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., B.B. Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
Rady P. Iovita, PhD, New York University (New York, USA);
Rustam Kh. Suleymanov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);
Serik E. Ajigali, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Almaty, Kazakhstan);
Shinya Shoda, PhD, Nara National Research Institute for Cultural Properties (Nara, Japan);
Tsagaan Turbat, PhD, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia);
Valentin B. Pankowski, Cand. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine);
Zainolla Samashev, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Margulan Institute of Archaeology (Astana, Kazakhstan);
Zhaken K. Taimagambetov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National museum of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

Editorial Board:

Aliya M. Manapova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Arman A. Bissembaev, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Bauyrzhan A. Baitanayev, Dr. of Hist. Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Dmitriy A. Voyakin, Cand. of Hist. sciences, International Institute for Central Asian studies (Samarkand, Uzbekistan);
Maral K. Khabdulina, Cand. of Hist. Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan);
Talgat B. Mamirov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Yeraly Sh. Akymbek, PhD, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Zholdasbek Kurmankulov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

Gulnara S. Jumabekova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Galiya A. Bazarbayeva, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Address of the editorial office, publisher-founder:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Phone: (727) 272 06 89
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazahstana@gmail.com

Official website of the journal: archeokz.kz

The journal was founded on April 26, 2018.
Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2022–2023, project IRN BR11765630

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ – ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

Мамиров Т.Б. (Алматы, Қазақстан), Ожерельев Д.В. (Москва, Россия), Жусупкалиев Т.Т. (Алматы, Қазақстан) К вопросу о сохранении памятников каменного века в предгорных районах Алматинской области	9
Хабдулина М.К., Кошман Т.В., Егинбай А.Е. (Астана, Қазақстан) Грандиозный проект археологического картографирования XX века: целинная экспедиция К.А. Акишева в Приишимье	17
Федорук А.С. (Барнаул, Россия) Керамика «донгальского типа» в материалах памятников степного и лесостепного Алтая	32
Утубаев Ж.Р., Суюндиқова М.К. (Алматы, Қазақстан) XIX–XX ғғ. Сырдарияның төменгі ағысындағы археологиялық зерттеулер	48
Ермоленко Л.Н., Советова О.С. (Кемерово, Россия) Об апотропеическом смысле фигуративных составляющих декора конского начельника из могильника Андреевская щель (Северный Кавказ)	68

ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Aitkali A., Zhuniskhanov A., Rakhmankulov E. (Astana, Kazakhstan) Investigation of the burial mounds of early nomads of the Irtysh region of Semey	82
Кушаев Г.А., Жамбулатов К.А. (Алматы, Қазақстан) Позднесарматские погребения могильника Мамай (Западный Казахстан)	95
Касенова А.Д. (Алматы, Қазақстан), Амиров Е.Ш. (Караганды, Қазақстан), Ермоленко Л.Н. (Кемерово, Россия), Утубаев Ж.Р. (Алматы, Қазақстан) Археологические раскопки на комплексе Каратал в Улытау	110
Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. (Караганды, Қазақстан) Тюркский кенотаф из Центрального Казахстана (по материалам могильника Кетабан)	125
Логвин А.В. (Костанай, Қазақстан), Хасенова Б.М. (Астана, Қазақстан), Шевнина И.В. (Костанай, Қазақстан) Ритуальный воинский комплекс VII–VIII вв. из могильника Бестамак (Северный Казахстан)	136
Taleev D., Moldakhmet A. (Almaty, Kazakhstan) The medieval town Kyshkala (Kyshtobe) – Barshynkent (Barshynly): archaeological research, localization and dating	151

ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Доумани Дюпюй П.Н. (Астана, Қазақстан), Таишманбетова Ж.Х. (Сент-Луис, США), Киясбек Г.К. (Алматы, Қазақстан), Мерц В.К. (Павлодар, Қазақстан), Койл Р., Жунисханов А.С., Самашев З. (Астана, Қазақстан) Самое древнее захоронение человека в Казахстане: по неолитическим находкам поселения Кокен	164
Ержанова А.Е. (Алматы, Қазақстан) Функциональный анализ орудий труда поселения Акбауыр 1 (Казахский Алтай)	187
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	205
Авторларға арналған ереже – Правила для авторов	207

CONTENT

ARCHAEOLOGY ISSUES

T. Mamirov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), D. Ozherelyev (<i>Moscow, Russia</i>), T. Zhusupkaliev (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) On the issue of preservation of Stone Age monuments in the foothill areas of the Almaty region (in Russian)	9
M. Khabdulina, T. Koshman, A. Yeginbay (<i>Astana, Kazakhstan</i>) The grandiose project of archaeological mapping of the 20 th century: the virgin land expedition of K. Akishev in the Ishim river region (in Russian)	17
A. Fedoruk (<i>Barnaul, Russia</i>) Ceramics of the «Dongal type» in the materials of the monuments of the steppe and forest-steppe Altai (in Russian)	32
Zh. Utubayev, M. Suyundikova (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Archaeological research of the 19 th –20 th centuries in the lower reaches of the Syr Darya (in Russian)	48
L. Ermolenko, O. Sovetova (<i>Kemerovo, Russia</i>) The apotropaic function of the figurative components in the decoration of horse headress from the Andreevskaya Shchel cemetery (North Caucasus) (in Russian)	68

FIELD STUDIES

A. Aitkali, A. Zhuniskhanov, E. Rakhmankulov (<i>Astana, Kazakhstan</i>) Investigation of the burial mounds of early nomads of the Irtysh river region of Semey (in English)	82
G. Kushaev, K. Zhambulatov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Late Sarmatian burials of the Mamay burial ground (West Kazakhstan) (in Russian)	95
A. Kasenova (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), Ye. Amirov (<i>Karagandy, Kazakhstan</i>), L. Ermolenko (<i>Kemerovo, Russia</i>), Zh. Utubayev (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Archaeological excavations at the Karatal complex in Ulytau (in Russian)	110
Ye. Dmitriev, A. Kukushkin (<i>Karagandy, Kazakhstan</i>) Turkic cenotaph from Central Kazakhstan (based on the materials of the Ketaban burial ground) (in Russian)	125
A. Logvin (<i>Kostanay, Kazakhstan</i>), B. Khasanova (<i>Astana, Kazakhstan</i>), I. Shevnina (<i>Kostanay, Kazakhstan</i>) Ritual military complex of the 7 th –8 th centuries from the Bestamak burial ground (Northern Kazakhstan) (in Russian)	136
D. Taleev, A. Moldakhmet (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) The medieval town Kyshkala (Kyshtobe) – Barshynkent (Barshynly): archaeological research, localization and dating (in English)	151

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

P.N. Doumani Dupuy (<i>Astana, Kazakhstan</i>), Zh. Tashmanbetova (<i>St. Louis, USA</i>), G. Kiyasbek (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), V. Merts (<i>Pavlodar, Kazakhstan</i>), R. Coil, A. Zhuniskhanov, Z. Samashev (<i>Astana, Kazakhstan</i>) Earliest human burial in Kazakhstan: Neolithic findings from the Koken settlement (in Russian)	164
A. Yerzhanova (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Functional analysis of tools from the Akbauyr 1 settlement (Kazakh Altai) (in Russian)	187
List of Abbreviations	205
Submissions	207

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.9.16>

К вопросу о сохранении памятников каменного века в предгорных районах Алматинской области

© 2023 г. Мамиров Т.Б., Ожерельев Д.В., Жусупкалиев Т.Т.

Keywords: archaeology, Almaty region, Stone Age, Paleolithic, monuments, historical and cultural heritage, protection

Түйін сөздер: археология, Алматы облысы, тас дәуірі, палеолит, ескерткіштер, тарихи-мәдени мұра, қорғау

Ключевые слова: археология, Алматинская область, каменный век, палеолит, памятники, историко-культурное наследие, охрана

Talgat Mamirov^{1*}, Dmitry Ozherelyev² and Talgat Zhusupkaliev¹

^{1*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: talgat.mamirov@gmail.com

²Candidate of Historical Sciences, Researcher, Department of Stone Age Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: dmit.ozherelyev@gmail.com

¹Master of Sciences, Junior Researcher, Department of Stone Age Archaeology, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: talgat-stone83@list.ru

On the issue of preservation of Stone Age monuments in the foothill areas of the Almaty region

The article focuses on the issues of research and preservation of Stone Age monuments in the foothill areas of the Almaty region. Over the past few years, more than 10 promising Paleolithic sites with a preserved cultural layer have been discovered in the region, which allowed to uncover some problems of settlement of the region in antiquity and outlined a new range of questions about the origins and connections of Upper Paleolithic cultures. Almaty and the adjacent areas belong to dynamically developing agglomerations, which imposes an imprint on the issues of preservation of historical and cultural heritage objects: sites, settlements, complexes with petroglyphs, etc. Periodically, evidence of the destruction of archaeological monuments in the vicinity and the city of Almaty itself appears in the media. The preservation of Stone Age monuments in the region is becoming particularly relevant. Since the nature of their location has its own peculiarities in loess deposits, almost all of them belong to the category of emergency and were discovered in the course of destruction by anthropogenic activity. Due to the fact that the archaeological material is mainly represented by stone inventory, they are the most vulnerable as a result of economic activity, unlike other chronological periods, due to the weak ability to distinguish archaeological finds in stone raw materials. A thorough search and identification of Stone Age monuments will allow us to study this period in the region and create an opportunity for their preservation.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2022–2024, project IRN AP14872494.

For citation: Mamirov, T., Ozherelyev, D., Zhusupkaliev, T. 2023. On the issue of preservation of Stone Age monuments in the foothill areas of the Almaty region. *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 9–16 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.9.16](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.9.16)

Талғат Базарбайұлы Мамиров^{1*},
Дмитрий Викторович Ожерельев²,
Талғат Талапұлы Жүсіпқалиев¹

Талғат Базарбаевич Мамиров^{1*},
Дмитрий Викторович Ожерельев²,
Талғат Талапович Жусупкалиев¹

^{1*} корреспондент авторы, тарих ғылымдарының кандидаты, директордың орынбасары, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

²тарих ғылымдарының кандидаты, ғылыми қызметкер, Тас ғасыры археологиясы бөлімі, РҒА Археология институты, Москва, Ресей

¹магистр, кіші ғылыми қызметкер, Тас ғасыры археологиясы бөлімі, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

Алматы облысының тау бөктері аудандарындағы тас дәуірі ескерткіштерін сақтау мәселесі

Мақалада Алматы облысының тау бөктері аудандарындағы тас дәуірі ескерткіштерін зерттеу және сақтау мәселелеріне басты көңіл бөлінеді. Соңғы бірнеше жылда аймақта оннан астам мәдени қабаты сақталған палеолит ескерткіштері ашылып, аймақты ежелгі уақытта қоныстанудың кейбір мәселелерін ашуға мүмкіндік берді және жоғарғы палеолиттік мәдениеттердің пайда болуы мен байланысы жайлы мәселелер тобын белгіледі. Алматы және шекаралас аудандар қарқынды дамып келе жатқан агломерацияға жатады, бұл тұрақтар, қоныстар, петроглифтері бар кешендер сияқты тағы да басқа да тарихи-мәдени мұра нысандарының сақталуы мәселесіне өзінің теріс әсерін тигізіп жатыр. Бұқаралық ақпарат құралдарында Алматы қаласының өзі мен оның маңайында археологиялық ескерткіштердің бұзылуы жайлы дәлелдер жиі жариялануда. Аймақта тас дәуірі ескерткіштерін сақтау өзекті мәселе болып тұр. Өйткені олардың сарғыш топырақты шөгінділерде орналасуының өз ерекшеліктері бар, олардың барлығы дерлік апатты жағдайға жатқызылды және антропогенді жағдайда бұзылу барысында табылуда. Археологиялық материалдың басым бөлігі тас құралдары болғандықтан, олар шаруашылық іс-әрекет барысында ең осал болып табылады, өйткені басқа хронологиялық кезеңдермен салыстырғанда тас шикізатында археологиялық құралды ажырата білу оңай емес. Тас дәуірі ескерткіштерін мұқият іздеу және сәйкестендіру аймақта бұл кезеңді зерттеуге және оларды сақтауға мүмкіндік береді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің гранттық қаржыландыру аясында орындалды, 2022–2024 жж., жобаның ЖТН АР14872494.

Сілтеме жасау үшін: Мамиров Т.Б., Ожерельев Д.В., Жүсіпқалиев Т.Т. Алматы облысының тау бөктері аудандарындағы тас дәуірі ескерткіштерін сақтау мәселесі. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 9–16-бб. (Орысша). DOI: 10.52967/akz2023.3.21.9.16

^{1*}автор-корреспондент, кандидат исторических наук, заместитель директора, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

²кандидат исторических наук, научный сотрудник, Отдел археологии каменного века, Институт археологии РАН, Москва, Россия

¹магистр, младший научный сотрудник, Отдел археологии каменного века, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

К вопросу о сохранении памятников каменного века в предгорных районах Алматинской области

В статье акцентируется внимание на вопросах исследования и сохранения памятников каменного века в предгорных районах Алматинской области. За последние несколько лет в регионе открыто более 10-ти перспективных памятников палеолита с сохранившимся культурным слоем, что позволило раскрыть некоторые проблемы заселения региона в древности и обозначило новый круг вопросов об истоках и связях верхнепалеолитических культур. Алматы и прилегающие районы относятся к динамично развивающимся агломерациям, что накладывает отпечаток на вопросы сохранения объектов историко-культурного наследия: стоянки, поселения, комплексы с петроглифами и т. д. Периодически в СМИ появляются свидетельства разрушения археологических памятников в окрестностях и самого г. Алматы. Особо актуальным становится сохранение памятников каменного века в регионе. Так как характер их расположения имеет свои особенности в лёссовых отложениях, практически все они относятся к категории аварийных и были обнаружены уже в ходе разрушения антропогенной деятельностью. В связи с тем, что археологический материал представлен преимущественно каменным инвентарём, они являются наиболее уязвимыми в результате хозяйственной деятельности, в отличие от других хронологических периодов, ввиду слабого умения различать в каменном сырье археологические находки. Тщательный поиск и идентификация памятников каменного века позволит изучить этот период в регионе и создаст возможность для их сохранения.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2024 гг., ИРН проекта АР14872494.

Для цитирования: Мамиров Т.Б., Ожерельев Д.В., Жусупкалиев Т.Т. К вопросу о сохранении памятников каменного века в предгорных районах Алматинской области. *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 9–16. DOI: 10.52967/akz2023.3.21.9.16

1 Введение (Мамиров Т.Б., Ожерельев Д.В., Жусупкалиев Т.Т.)

Территория города Алматы и прилегающих районов исторически подвержена активным процессам воздействия антропогенной деятельностью, начиная с эпохи древности и продолжающейся по настоящее время. За последние десятилетия территория города несколько раз меняла свои очертания, увеличиваясь и вовлекая в городскую черту близлежащие населённые пункты. На окраинах города активно проводятся и строительные работы, связанные с сооружением жилых и хозяйственных объектов, дорожных полотен, развязок и т. д. Всё это создаёт угрозу объектам историко-культурного наследия. Учитывая то обстоятельство, что хронологически более отдалённые от современности археологические памятники становятся и более уязвимыми, и сохраняющими минимальную аутентичность от поздних археологических памятников, исследование их имеет особое значение для понимания этапов заселения региона и становления местных культур.

О значимости региона в международном масштабе свидетельствует то обстоятельство, что из 10-ти объектов историко-культурного наследия Казахстана, включённых в список всемирного культурного наследия – ЮНЕСКО, четыре находятся на территории Алматинской области.

Имеющиеся на сегодняшний день актуальные государственные списки объектов историко-культурного наследия республиканского значения, местного значения г. Алматы и Алматинской области, а также списки памятников предварительного учёта, имеют большое значение в вопросах их сохранения и популяризации. Однако необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в этих списках отражена лишь небольшая часть богатого исторического прошлого региона. Одним из таких свидетельств является, например, яркий археологический объект в регионе, олицетворяющий процессы активной жизни на территории города Алматы с усуньского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.) по развитое средневековье (XI – начало XII в.), – городище Алмаарасан, не включённый в государственный список памятников историко-культурного наследия местного значения города Алматы. Памятники каменного века вообще не представлены в каких-либо списках, поэтому вопрос их исследования и сохранения имеет большое значение для понимания самых древних страниц истории края [Постановление акимата Алматинской ...; Постановление акимата города Алматы ...; Приказ ...; Список предварительного учёта ...].

2 Краткая история открытия стратифицированных палеолитических памятников региона (Мамиров Т.Б., Ожерельев Д.В., Жусупкалиев Т.Т.)

Долгое время единственным комплексом памятников, свидетельствующим о заселении Алматинской области в каменном веке, являлось местонахождение Актогай 1–4 на левом берегу р. Чарын в горах Кунгей Алатау. Ввиду того, что район сосредоточения местонахождения является тектонически активным, памятник относится к категории аварийных, и собранные там артефакты, в настоящее время (205 экз.), свидетельствуют о наличии индустрии среднего палеолита.

В качестве сырья древние люди здесь использовали кремнистые алевролиты, которые встречаются на местности в виде галек и валунов. Техника первичного расщепления представлена леваллуазской индустрией, в виде остроконечников леваллуа, сколов леваллуа. Среди орудий можно выделить зубчато-выемчатые изделия, ножи с естественными обушками. Наиболее близкие аналогии памятнику прослеживаются как в типологическом, так и географическом плане со стоянкой-мастерской Хантау в Шу-Илейских горах [Артюхова 2013: 88–95].

Одним из первых стратифицированных памятников палеолита, исследованных археологами, стала стоянка Майбулак возле пос. Каргалы (до 2007 г. – Фабричный; Жамбылский р-н,

Алматинская обл.). Памятник располагался на нижних прилавках северного склона хребта Иле Алатау и был выявлен в результате выработки глины местным населением. Причиной сообщения археологам о разрушении памятника стало обнаружение костных останков в верхних слоях лёссового обнажения. Обследования памятника начаты были в 1987, 1989 годах Ю.А. Мотовым, Б.Н. Нурмуханбетовым, Ж.К. Таймагамбетовым, в ходе которых были выявлены каменные артефакты, выделены четыре культурных горизонта [Нурмуханбетов и др. 1987; Мотов, Рогожинский 1989]. Активные исследования памятника в 2004–2006 гг., эпизодически в 2010, 2015, 2017, 2021 гг. позволили выявить следы жизнедеятельности людей эпохи верхнего палеолита со следами очагов, с развитой каменной индустрией. Для нижнего и верхнего горизонтов стоянки были получены впервые абсолютные радиоуглеродные датировки: 34970±665 лет (нижняя дата) и 12460±160 лет (верхняя дата) [Таймагамбетов, Ожерельев 2009; Ожерельев и др. 2023б], что позволило обозначить поздний палеолит Жетысу на геохронологической карте Казахстана и Средней Азии. Памятник имеет определённые аналогии с памятниками Горного Алтая, и Средней Азии и свидетельствует о заселении региона на ранних и средних этапах позднего палеолита. К настоящему времени памятник полностью уничтожен.

В 1993 г. Ю.А. Мотовым была обнаружена стоянка в ущелье Кастек, на проезжей части грунтовой дороги [Мотов 2005: 50–51]. Прокладка дороги через лёссовые участки обнажила культурные отложения с остатками каменных артефактов палеолитического облика. В настоящее время в окрестностях памятника Кастек ведутся работы совместной экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана и Института археологии РАН на аварийной стоянке Сарыжазык, обнаруженной в 2021 г. вследствие нарушения слоя грунтовой дорогой.

Еще одним из стратифицированных объектов палеолитического времени стала стоянка Каракастек, расположенная на правом берегу одноименной реки. Строительство санаторного комплекса с закладкой котлована, впоследствии заброшенного, позволило выявить в одной из стен котлована каменные отщепы палеолитического облика и мелкие угольки на глубине 4,5 м от дневной поверхности [Мотов 2005: 43].

Местонахождение Бурган, обнаруженное В.В. Сараевым на правом берегу р. Кызылауз и зафиксированное Ю.А. Мотовым, также относится к категории аварийных, с находками палеолитических артефактов в лёссовых отложениях [Мотов 2005: 43].

Серия палеолитических памятников обнаружена в Талгарском и Енбекшиказахском районах Алматинской области в 2005–2006 гг. К таковым относятся: местонахождение нуклеуса леваллуазского облика с несколькими сколами на разрушенном останце в южной части г. Талгар, стоянка Рахат, местонахождения каменных изделий палеолитического облика в ущельях возле села Кайназар, поселка им. Турара Рыскулова. Все памятники были обнаружены ввиду активной антропогенной деятельности (добыча глины), либо в результате размыва лёссовых отложений паводковыми водами.

На стоянке Рахат с 2018 г. были начаты исследования, которые показали наличие культурных слоев (16) в лёссовых отложениях мощностью до 13 м, содержащих каменные индустрии, очаги, прокалы, ямы, а также костные остатки животных. Памятник датируется средним и поздним этапами верхнего палеолита, материалы слоев 1–5 находят аналогии среди памятников начала поздней поры верхнего палеолита и эпипалеолита Ближнего Востока, Ирана и Средней Азии (кебаран, ранний зарзиан, ~20–18 тыс. л.н.) [Ожерельев, Мамиров 2020].

В течение последних двух лет были обнаружены в лёссовых отложениях предгорных районов Алматинской области такие памятники, как Тикенекты, Ынтымак, Узынагаш 1–9 и др. [Намен и др. 2020: 66–67; Ожерельев, Мамиров 2023; Ожерельев и др. 2023а; Kunitake 2019; Ферапонтов 2023]. Преимущественно эти памятники также относятся к категории аварийных.

3 Проблемы сохранения памятников каменного века в регионе (Мамиров Т.Б., Ожерельев Д.В., Жусупкалиев Т.Т.)

Важность стратифицированных памятников каменного века для изучения истории как Казахстана, так и сопредельных территорий трудно переоценить. Именно сохранность культурных отложений позволяет получить надёжные данные о хронологической позиции памятника, об эволюции каменных индустрий и культурных взаимосвязях с памятниками сопредельных регионов. Наличие очагов, костных остатков и др. позволяют получить сведения о хозяйстве и образе жизни древних людей. Открытия и исследования стратифицированных памятников последних лет в Алматинской области – наглядное тому свидетельство.

Однако актуальным стоит вопрос поисков, исследования и сохранения памятников каменного века региона. Характер расположения памятников в схожих геоморфологических позициях позволил выработать методику поиска палеолитических памятников – лёссовидные суглинки по левому или правому борту на берегу небольшой реки на выходе из ущелий с богатым каменным сырьём. Стратифицированные памятники расположены на участке от западных окраин Алматинской области (Жамбылский р-н) на восток, включая Енбекшиказахский и Талгарский районы, на северных предгорьях Иле Алатау.

Поисковые работы в указанных районах затрудняются интенсивным хозяйственным освоением, и многие перспективные участки оказываются либо застроенными, либо в частных владениях. Следующий аспект связан с тем, что культурные отложения памятников залегают на сравнительно большой глубине, и отсутствие естественных или искусственных обнажений лёссовидных суглинков создают трудности для обнаружения стратифицированных памятников, но не снимают возможности выявления таковых в результате антропогенного воздействия (в качестве примера можно назвать памятники Кастек, Сарыжазык, Рахат и др.). Так как в качестве сырья для орудий выступают преимущественно породы из порфирита, окремнённых пород, других эффузивов – местное для региона сырьё, повсеместно встречающееся вдоль русел рек, определить их неспециалистам невозможно, то вероятность своевременного оповещения археологов о разрушении памятника минимальная. Исключение – комплекс разновременных памятников Майбулак, который содержит погребения более поздних эпох.

Вопросы поисков и исследований памятников мезолита–энеолита региона являются не разработанными. Есть свидетельства единичных находок неолитического возраста в районе пос. Шилик, Талгар, ущелье Архарлы и др. [Свод памятников ... 2006]. Геоморфологически они привязаны к долинам рек, располагаются уже в большей степени в равнинной местности. Вопросы поиска, исследования и сохранения голоценовых памятников региона также актуальны, как и для памятников палеолита.

4 Обсуждение и выводы (Мамиров Т.Б., Ожерельев Д.В., Жусупкалиев Т.Т.)

Основным решением проблемы является обязательное проведение научной экспертизы при выделении земельных участков специалистами всех хронологических периодов от эпохи камня, заканчивая этнографическим периодом.

К сожалению, на территории области часто встречаются нарушения в проведении научной экспертизы. В этом отношении есть необходимость организации семинаров по предварительному обучению типологии каменных артефактов, встречаемых в регионе, для сотрудников учреждений по охране памятников, региональных музеев, для своевременного реагирования при проведении строительных работ, сигнализирования архелогам в области каменного века. В поиске стратифицированных памятников палеолита возникла в настоящее время парадоксальная ситуация – обнаружение возможно лишь после начала их разрушения. Обнажённые лёссовые отложения позволяют фиксировать наличие культурных горизонтов. В этом отношении важна своевременность оповещения археологов при проведении земляных работ для оперативного реагирования и исследования лёссовых отложений.

Ещё одним из решений существующей проблемы может стать тесное взаимодействие археологов, с уполномоченными учреждениями по охране и использованию памятников истории и культуры, музеями-заповедниками для внесения местонахождений каменного века в списки предварительного учёта памятников истории и культуры Алматинской области, для последующего придания статуса памятников выявленным объектам. В этом отношении можно отметить, что большое упущение было допущено исследователями по созданию паспортов и учётных карточек памятников.

В настоящее время авторами в рамках проекта Комитета науки МНВО РК «Поиск и исследование стратифицированных памятников каменного века в предгорных районах Заилийского Алатау» проводится детальная работа по паспортизации стратифицированных памятников с последующей передачей данных в Алматинский областной центр по охране историко-культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Артюхова О.А. Мустье Центрального Казахстана. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 216 с.
- 2 Мотов Ю.А. Отчет Карасайского отряда Алматинской разведочной археологической экспедиции по программе Свода археологических памятников Карасайского и Жамбылского района Алматинской области в 2005 г. // Архив ИА КН МНВО РК. Ф. 2, оп. 2, д. 2744.
- 3 Мотов Ю.А., Рогожинский А.Е. Отчет Майбулакского отряда Алматинской Новостроечной археологической экспедиции ИИАЭ АН КазССР об археологических работах в урочище Майбулак и Тамгалы Джамбульского района Алматинской области за 1989 г. // Архив ИА КН МНВО РК. Ф. 2, оп. 2, д. 2260, 168 л.
- 4 Намен А., Варис А., Кузбертсон П., Йовица Р., Таймагамбетов Ж. Предварительные итоги разведывательных работ проекта Palaeosilkroad: мультидисциплинарный подход в исследованиях // Маргулановские чтения-2020: м-лы междунар. научн.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). В 2-х т. / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. Т. 2. С. 60-69.
- 5 Нурмуханбетов Б.Н., Досымбаева А.М., Савельева Т.В., Мотов Ю.А. Поиски и раскопки в Алматинской области 1987 г. // Архив ИА КН МНВО РК. Ф. 2, оп. 2, д. 2166, 163 л.
- 6 Ожерельев Д.В., Мамиров Т.Б. Характеристика культурных слоев и каменной индустрии верхнепалеолитической стоянки Рахат (Юго-Восточный Казахстан) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре (10–12 февраля 2020 г.). В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Т. 1. Самара: Изд-во СГСПУ, 2020. С. 61-62.
- 7 Ожерельев Д.В., Мамиров Т.Б. Комплекс многослойных стоянок верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня: общие данные и перспективы исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 3. С. 67-74.

- 8 Ожерельев Д.В., Лев С.Ю., Столпникова Е.М. Проблемы верхнего палеолита предгорий Северного Тянь-Шаня: новейшие открытия и дальнейшие перспективы // Вестник Московского университета. Серия XIII. Антропология. 2023а. № 1. С. 118-128.
- 9 Ожерельев Д.В., Успенская О.И., Таймагамбетов Ж.К. Начальные этапы раннего верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня, Казахстан (по материалам многослойной стоянки Майбулак) // Stratum plus. 2023б. № 1. С. 129-152.
- 10 Постановление акимата Алматинской области от 22 декабря 2020 года № 498 «Об утверждении государственного списка памятников истории и культуры местного значения Алматинской области». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V20D0005840> (дата обращения: 25.08.2023).
- 11 Постановление акимата города Алматы от 17 марта 2021 года № 1/191 «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения города Алматы». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V21R0001693> (дата обращения: 25.08.2023).
- 12 Приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 14 апреля 2020 года № 88 «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры республиканского значения». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020397> (дата обращения: 25.08.2023).
- 13 Свод памятников истории и культуры г. Алматы. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2006. 360 с.
- 14 Список предварительного учета памятников истории и культуры Алматинской области. URL: <https://madenimura-zhetisu.kz/ru/pamyatniki/spisok-pamyantika-predvaitelnogo-znacheniya.html> (дата обращения: 25.08.2023).
- 15 Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы: Қазақ университеті, 2009. 256 с.
- 16 Ферантонтов А.И. Категория скребков на стоянках верхнего палеолита Узынагаш 1 и 2 (по результатам исследований 2022 г.) // Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение. М-лы VII конф. молодых ученых (г. Москва, 21–23 марта 2023 г.) / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2023. С. 38-40.
- 17 Kunitake S. The excavation of a newly discovered Upper Palaeolithic site; Kyzylaus-2 site in the Southern Kazakhstan // Методы и методология естественных наук в полевых археологических исследованиях: м-лы междунар. научн.-практ. конф. (г. Алматы, 19 сентября 2019 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2019. С. 148-149.

REFERENCES

- 1 Artyukhova, O. A. 2013. *Mustye Tsentralnogo Kazakhstana (Mustier of Central Kazakhstan)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 2 Motov, Yu. A. 2005. In: Archive of the Margulan Institute of archaeology. F. 2, op. 2, d. 2744 (in Russian).
- 3 Motov, Yu. A., Rogozhinskiy, A. E. 1989. In: Archive of the Margulan Institute of Archaeology. F. 2, op. 2, d. 2260, 168 s. (in Russian).
- 4 Namen, A., Varis, A., Kuzbertson, P., Jovicza, R., Tajmagambetov, Zh. 2020. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2020 (Margulan readings–2020)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 60-69 (in Russian).
- 5 Nurmukhanbetov, B. N., Dosymbayeva, A. M., Savelyeva, T. V., Motov, Yu. A. 1987. In: Archive of the Margulan Institute of archaeology. F. 2, op. 2, d. 2166, 163 s. (in Russian).
- 6 Ozherelyev, D. V., Mamirov, T. B. 2020. In: Derevyanko, A. P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Samare (Proceedings 6th (23) All-Russian Archaeological Congress in Samara)*. Samara: Samara State Socio-Pedagogical University, 61-62 (in Russian).
- 7 Ozherelyev, D. V., Mamirov, T. B. 2023. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)*, 51/3, 67-74 (in Russian).
- 8 Ozherelyev, D. V., Lev, S. Yu., Stolpnikova, E. M. 2023а. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta (Bulletin of the Moscow University)*, XIII/1, 118-128 (in Russian).
- 9 Ozherelyev, D. V., Uspenskaya, O. I., Taimagambetov, Zh. K. 2023б. In: *Stratum plus*, 1, 129-152 (in Russian).

- 10 Postanovlenie akimata Almatinskoy oblasti ot 22 dekabrya 2020 goda # 498 (Resolution of Akimat of Almaty region No. 498 dated December 22, 2020). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V20D0005840> (accessed: 25.08.2023) (in Russian).
- 11 Postanovlenie akimata goroda Almaty ot 17 marta 2021 goda # 1/191 (Resolution of the Akimat of Almaty dated March 17, 2021 No. 1/191). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V21R0001693> (accessed: 25.08.2023) (in Russian).
- 12 Prikaz Ministra kultury i sporta Respubliki Kazakhstan ot 14 aprelya 2020 goda # 88 (Order of the Minister of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan dated April 14, 2020 No. 88). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020397> (accessed: 25.08.2023) (in Russian).
- 13 Svod pamyatnikov istorii i kultury g. Almaty (The official list of monuments of the history and culture of Almaty). 2006. Almaty: “Kazakh entsiklopediyasy” Publ. (in Russian).
- 14 Spisok predvaritelnogo ucheta pamyatnikov istorii i kultury Almatinskoy oblasti (The list of the preliminary records of historical and cultural monuments of Almaty region). URL: <https://madanimura-zhetisu.kz/ru/pamyatniki/spisok-pamyantika-predvaitelnogo-znacheniya.html> (accessed: 25.08.2023) (in Russian).
- 15 Taimagambetov, Zh. K., Ozherelyev, D. V. 2009. *Pozdnepaleoliticheskie pamyatniki Kazakhstana (Late Paleolithic monuments of Kazakhstan)*. Almaty: “Kazak University” Publ. (in Russian).
- 16 Ferapontov, A. I. 2023. In: Rodinkova, V. E. (ed.). *Novye materialy i metody arheologicheskogo issledovaniya: istoriya VS istochnikovedenie (New materials and methods of archaeological research: history VS source studies)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 38-40 (in Russian).
- 17 Kunitake, S. 2019. In: *Metody i metodologiya estestvennyh nauk v polevyh arkheologicheskikh issledovaniyakh (Methods and methodology of natural sciences in the field of archaeological research)*. Almaty: “Kazak University” Publ., 148-149 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 28.08.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 27.09.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 28.09.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.17.31>

Грандиозный проект археологического картографирования XX века: целинная экспедиция К.А. Акишева в Приишимье

© Хабдулина М.К., Кошман Т.В., Егинбай А.Е.

Keywords: archaeology, Northern Kazakhstan, Ishim region, Ishim, archaeological map of Kazakhstan, archaeological exploration, virgin land expeditions, cemeteries, kurgans

Түйін сөздер: археология, Солтүстік Қазақстан, Есіл бойы, Есіл, Қазақстанның археологиялық картасы, археологиялық барлау, тың игеру экспедициялары, қорымдар, обалар

Ключевые слова: археология, Северный Казахстан, Приишимье, Ишим, археологическая карта Казахстана, археологическая разведка, целинные экспедиции, могильники, курганы

Maral Khabdulina¹, Tatyana Koshman^{1*} and Adil Yeginbay¹

¹Candidate of Historical Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

E-mail: mk_khabdulina@mail.ru

^{1*}Corresponding Author, Senior Lecturer, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

E-mail: tatyanakoshman@mail.ru

¹Master of Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

E-mail: adil_eginbaev2000@mail.ru

The grandiose project of archaeological mapping of the 20th century: the virgin land expedition of K. Akishev in the Ishim river region

In the middle of the 20th century, the archaeology of Kazakhstan implemented a grandiose project of mapping antiquities throughout the Republic. The project was caused by a large-scale national economic task of developing virgin and fallow lands in 1954–1956. Ten archaeological expeditions were organized to the northern regions of Kazakhstan to identify and register ancient monuments, collect material for compiling an archaeological map. K.A. Akishev was appointed the head of the North Kazakhstan archaeological expedition. This was the first stage of the study and systematization of information on the archaeology of Northern Kazakhstan. The result of the three-year work of the virgin land expeditions was the publication of the first set of monuments in the practice of Soviet archaeology within the framework of the whole republic – the Archaeological Map of Kazakhstan published in 1960. The map register includes 5,000 monuments of archaeology, history and architecture. All archival information about the monuments and expeditions of the 18th–19th centuries was collected. The register is equipped with maps of search routes and the location of archaeological sites, indexes of geographical and bibliographic names. This edition remains a model and a reference book for specialists in the field of studying and preserving ancient monuments. The purpose of this article is to give a comparative analysis of the exploration work of the virgin land expedition of K.A. Akishev and the archaeological routes of subsequent years, carried out in order to monitor the preservation of monuments known from the Archaeological map of Kazakhstan and the fixation of new archaeological sites.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574223.

For citation: Khabdulina, M., Koshman, T., Yeginbay, A. 2023. The grandiose project of archaeological mapping of the 20th century: the virgin land expedition of K. Akishev in the Ishim river region. *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 17–31 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.17.31](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.17.31)

Марал Қалымжанқызы Хабдулина¹,
Татьяна Васильевна Кошман^{1*},
Әділ Ерланұлы Егінбай¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев
атындағы Еуразия Ұлттық университеті, Астана,
Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, аға оқытушы, Л.Н. Гумилев
атындағы Еуразия Ұлттық университеті,
Астана, Қазақстан

¹магистр, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық
университеті, Астана, Қазақстан

**XX ғасырдың археологиялық картаға түсірудің
үлкен жобасы: Есіл бойындағы К.А. Ақышевтың
тың игеру экспедициясы**

XX ғ. ортасында Қазақстан археологиясы бүкіл республика көлемінде ежелгі ескерткіштерді картаға түсірудің орасан зор жобасын жүзеге асырды. Жобаға 1954–1956 жж. тың және тыңайған жерлерді игеру жөніндегі ауқымды халық шаруашылығы міндеті себеп болды. Қазақстанның солтүстік өңірлерінде ежелгі ескерткіштерді анықтау және тіркеу, археологиялық карта жасау үшін материал жинау мақсатында 10 археологиялық экспедиция ұйымдастырылды. Солтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының жетекшісі болып К.А. Ақышев тағайындалды. Бұл Солтүстік Қазақстан археологиясы бойынша мәліметтерді зерттеу мен жүйелеудің бірінші кезеңі болды. Тың игеру экспедицияларының үш жылдық жұмысының нәтижесі кеңестік археология тәжірибесіндегі алғашқы басылым бүкіл республика шеңберіндегі ескерткіштер жинағы – 1960 ж. баспадан шыққан Қазақстанның археологиялық картасы болды. Карта реестріне 5000 археология, тарих және сәулет ескерткіштері енді. XVIII–XIX ғғ. экспедициялар және ескерткіштер туралы барлық архив деректері жинақталды. Тізілім іздеу маршруттарының картасымен және археологиялық ескерткіштердің орналасуымен, географиялық және библиографиялық атаулар көрсеткішімен жабдықталған. Бұл басылым әлі күнге дейін көне ескерткіштерді зерттеу және сақтау саласындағы мамандарға үлгі және анықтамалық кітап болып табылады. Бұл мақаланың мақсаты – К.А. Ақышевтың тың игеру экспедициясының барлау жұмыстары мен Қазақстанның археологиялық картасы бойынша белгілі ескерткіштердің сақталуына мониторинг жасау мақсатында орындалған кейінгі жылдардағы археологиялық маршруттарға салыстырмалы талдамалар жасау және жаңа археологиялық нысандарды анықтау болды.

Марал Калымжановна Хабдулина¹,
Татьяна Васильевна Кошман^{1*},
Адил Ерланұлы Егінбай¹

¹кандидат исторических наук, Евразийский
национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, старший преподаватель,
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

¹магистр, Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

**Грандиозный проект археологического
картографирования XX века: целинная экспедиция
К.А. Акишева в Приишимье**

В середине XX в. археология Казахстана осуществила грандиозный по замыслу и воплощению проект картографирования древностей в рамках всей республики. Проект был вызван масштабной народнохозяйственной задачей освоения целинных и залежных земель в 1954–1956 гг. В северные регионы Казахстана для выявления и регистрации древних памятников, сбора материала для составления археологической карты было организовано 10 археологических экспедиций. Руководителем Северо-Казахстанской археологической экспедиции был назначен К.А. Акишев. Это был первый этап изучения и систематизации сведений по археологии Северного Казахстана. Итогом трёхлетних работ целинных экспедиций стало издание первого в практике советской археологии свода памятников в рамках целой республики – Археологической карта Казахстана, изданная в 1960 г. В реестр карты вошли 5000 памятников археологии, истории и архитектуры. Были собраны все архивные сведения о памятниках и экспедициях XVIII–XIX вв. Реестр оснащён картами поисковых маршрутов и месторасположения археологических памятников, указателями географических и библиографических наименований. Это издание до сих пор остаётся образцом и настольной книгой для специалистов в области изучения и сохранения памятников старины. Целью данной статьи является сравнительный анализ разведочных работ целинной экспедиции К.А. Акишева и археологических маршрутов последующих лет, выполненных с целью мониторинга сохранности памятников известных по Археологической карте Казахстана и фиксации новых археологических объектов.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жылдарға арналған бағдарламалық-мақсатты қаржыландыруы, ЖТН BR18574223 жобасы аясында дайындалған

Сілтеме жасау үшін: Хабдулина М.К., Кошман Т.В., Егинбай Ә.Е. XX ғасырдың археологиялық картаға түсірудің үлкен жобасы: Есіл бойындағы К.А. Ақышевтың тың игеру экспедициясы. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 17–31-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.17.31](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.17.31)

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574223.

Для цитирования: Хабдулина М.К., Кошман Т.В., Егинбай А.Е. Грандиозный проект археологического картографирования XX века: целинная экспедиция К.А. Акишева в Приишимье. *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 17–31. DOI: [10.52967/akz2023.3.21.17.31](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.17.31)

1 Введение (*Хабдулина М.К., Кошман Т.В., Егинбай А.Е.*)

В 50-е годы XX в. активную деятельность по изучению археологических памятников на территории Казахской ССР проводил отдел археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Это время начала планомерных и системных археологических исследований, время подготовки научных кадров, определения актуальных направлений археологических изысканий. Северный Казахстан в середине XX в. оставался практически не изученным регионом республики. Первый прорыв был совершён целинными экспедициями, организованными в годы освоения залежных земель 1954–1956 гг. для фиксации памятников археологии. За три года в северных областях Казахстана было зарегистрировано 600 археологических памятников. Раскопки были проведены примерно на 200 объектах.

Северный Казахстан имеет большую площадь, географически объединённую руслом реки Ишим. Протяжённость реки по Казахстану составляет 1770 км. Одна треть её (450 км) течёт широтно. В урочище Жаркайын-агаш река упирается в гранитные пороги, резко поворачивает на север и более 1000 км течёт меридионально по территории Акмолинской и Северо-Казахстанской областей.

В истории археологического изучения Северного Казахстана, заложившего современные знания по археологии и древней истории края, выделяется деятельность Северо-Казахстанской археологической экспедиции (СКАЭ) 1969–1976 гг., созданной на базе Петропавловского педагогического института и Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея под руководством Г.Б. Здановича [Зданович и др. 2018]. В 80–90-е годы XX в. руководство экспедицией возглавил В.Ф. Зайберт, позже – А.А. Плешаков [Зайберт, Плешаков 1978: 242–243; Зайберт 1993: 13–18; Плешаков 2004: 150–151].

Экспедиции второй половины XX в. выявили огромное количество памятников различных археологических эпох [Волошин 2023: 99–113]. Северный Казахстан предстал как крупный исторический регион Евразии, активно вовлечённый в историко-культурные процессы древности и, во многом, определяющий их направление и течение.

2. Материалы и методы исследования (*Хабдулина М.К., Кошман Т.В., Егинбай А.Е.*)

2.1 Методы исследования

В изучении маршрутной схемы целинных экспедиций 1954–1956 гг. в целом и осмотра карты реки Ишим 1956 г. с фиксацией количества занесённых объектов использован метод картографи-

ческого анализа. Картографический метод послужил основой анализа всех последующих разведочных маршрутов. Уточнение расположения некоторых объектов и осмотр ландшафтных привязок осуществлён по карте *Google*.

Характеристика сведений представлена с использованием метода районирования. Были выделены отдельные территории высокой концентрации памятников определённых эпох. Например, указаны районы локализации крупных могильников по левому берегу р. Ишим. Восстановление маршрутов разведочных поисков проводилось методом реконструкции и моделирования. В уточнении локализации объектов использован метод топонимического анализа. Это вызвано неоднократным изменением названий административных районов и населённых пунктов во второй половине XX в.

В методологической основе использованы принципы исторического материализма. Системный подход направлен на выявление взаимосвязей археологических объектов и уточнения датировки археологических памятников долины р. Ишим. Сравнительно-исторический метод выявил закономерности исторического развития и позволил определить особенности их проявления в северных областях Казахстана.

2.2 Характеристика материала

К концу 50-х годов XX в. по археологии Северного Казахстана было опубликовано всего три статьи [Грязнов 1956: 8–16; Оразбаев 1958; Акишев 1959: 3–31]. В них были даны первые характеристики памятников региона, отмечены их особенности и определены культурно-хронологические позиции. Первый этап системного изучения Северного Казахстана связан с освоением целинных и залежных земель. В течение трех лет 1954–1956 гг. 10 археологических экспедиций Института истории, археологии и этнографии АН КазССР обследовали 10 из 15-ти областей Казахстана. Начальником Северо-Казахстанской археологической экспедиции (СКАЭ) в 1954–1956 гг. был назначен К.А. Акишев, начальником отряда Г.А. Кушаев [Акишев, Агеева 1958: 69].

Маршруты пролегли по намеченным к распашке совхозным землям. Основной территорией изучения были выбраны долины рек, берега озёрных котловин. Это был масштабный осмотр с целью фиксации и нанесения на карту всех видимых руин и объектов старины. Каждая экспедиция прошла десятки тысяч километров по территории Кустанайской, Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Акмолинской и Павлодарской областей (рис. 1).

Для нанесения памятников были использованы следующие приёмы картографирования. Вся территория Казахстана была поделена на 160 условных квадратов с нанесением всех рек, озёр и иных географических и административных объектов [АКК 1960: 7]. При обследовании совхозных земель использовалась более подробная карта в масштабе 2×2 км. На неё было удобно наносить обнаруженные памятники. Такие заготовки значительно облегчили процесс фиксации археологических памятников.

В период целинных экспедиций 1954–1956 гг. короткие сроки работ и огромная площадь определили способ (тактику) визуального осмотра территории с использованием автомобиля. Пеший осмотр предпринимался только в радиусе найденных археологических объектов. При авторазведке трудно обнаружить археологические памятники, не выделяющиеся на современной поверхности заметными всхолмлениями или руинированными остатками. Поэтому такие объекты, как стоянки каменного века и поселения эпохи бронзы, найдены в ходе разведки в единичном количестве. В основном фиксировались курганы и курганные могильники эпохи бронзы и раннего железа.

Рис. 1. Карта маршрутов археологических экспедиций (по: [АКК 1960. Приложение])
1-сур. Археологиялық экспедициялар маршруттарының картасы ([АКК 1960. Қосымша] бойынша)
Fig. 1. Map of archaeological expedition routes, after – Arheologicheskaya karta Kazahstana. 1960. Prilozhenie

Разведочными маршрутами были пройдены берега рек Ишим, Чаглинка, их притоки, озёра. В основном осматривались территории крупных целинных районов – Есильский, Кийминский, Атбасарский, Макинский. Иногда разведочный отряд останавливался на 2–3 дня и проводил выборочные раскопки памятников для определения их хронологической позиции, как это было сделано на берегу озера Айдабуль, на притоке Ишима, р. Коныр. В научном архиве К.А. Акишева есть фотографии раскопок (рис. 2; 3).

Результатом работ целинных экспедиций стала Археологическая карта Казахстана (АКК), своеобразный реестр, включивший более 5000 объектов. Карта была подготовлена и издана в краткие сроки и стала образцом для формирования аналогичных справочников, как в рамках территории отдельных республик, так и отдельных регионов, областей и районов. В последующие десятилетия неоднократно проводился осмотр, мониторинг и новые издания археологических карт под названием «Свод памятников историко-культурного наследия» по областям Казахстана. Сведения первой археологической карты (1960) уточнялись, дополнялись, открывались объекты, не зафиксированные в ходе целинных экспедиций. В современные «Свод памятников» включаются топографические чертежи, фотографии, публикуются более подробные описания памятников, указываются географические и GPS-координаты [Свод памятников 2007].

Научная значимость АКК 1960 г. не снижается и сегодня. Удивительным образом в ней сохранились стиль и дух эпохи, отражённые в краткости, лаконичности описания и точной привязке

Рис. 2. Раскоп кургана у села Лосевка, 1956 г. Фото из личного архива К.А. Акишева
2-сур. Лосевка ауылындағы обаның қазбасы, 1956 ж. К.А. Ақышевтің жеке архивінен алынған сурет
Fig. 2. Kurgan pit in the village of Losevka, 1956. Photo from the personal archive of K.A. Akishev

Рис. 3. Расчистка костяка в кургане могильника у села Октябрьское, 1956 г.
Фото из личного архива К.А. Акишева
3-сур. Октябрьское ауылындағы қорым обасында сүйек қаңқасын тазарту, 1956 ж.
К.А. Ақышевтің жеке архивінен алынған сурет
Fig. 3. Clearing the skeleton in the kurgan of the burial mound near the village of Oktyabrskoye, 1956.
Photo from the personal archive of K.A. Akishev

к географическим ориентирам. Многие из памятников трудно идентифицировать, определить их местонахождение, т. к. с середины XX в. неоднократно менялись названия сёл, посёлков, районов. Многие уже распахано, застроено, утеряно для науки, но археологи постоянно обращаются к данным АКК 1960 г.

Это издание остаётся настольной книгой, справочником для выбора археологических маршрутов и направлений научных исследований. В Предисловии к АКК написано, что «<...> настоящая карта является только началом археологического картографирования древностей Казахстана» [АКК 1960: 6]. С конца 60-х годов XX в. в исследование древней истории Казахстана, кроме академических экспедиций, включается вузовская археология. Это приводит к формированию новых научных направлений, к расширению тематических и пространственных масштабов. Вузовская археология не располагала финансовыми средствами академических экспедиций, поэтому её метод работы – пешее обследование исследуемой территории. Это было характерно и для СКАЭ под руководством Г.Б. Здановича.

Второй период детального археологического изучения Северного Казахстана начался в 1966 г. с формирования в Петропавловске на базе областного историко-краеведческого музея и Петропавловского педагогического института Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством Г.Б. Здановича. Первое десятилетие работ СКАЭ 1966–1976 гг. было самым значительным как по количеству открытых и раскопанных памятников, так и по получению разносторонних археологических материалов по всем эпохам. Уже за первые три года было зафиксировано 40 поселений эпохи бронзы на р. Ишим. Карта их приведена в монографии Г.Б. Здановича [Зданович 1988: 21].

Основным методом работ СКАЭ стало масштабное проведение многолетних стационарных раскопок поселений и могильников бронзового века. Они дали обильный материал по андроновской культуре и включили северо-казахстанское Приишимье в сферу крупного региона андроновского мира. До 1973 г. центр СКАЭ находился г. Петропавловске при Северо-Казахстанском областном историко-краеведческом музее. В 1973 г. в республике был открыт Карагандинский государственный университет* (*в наст. вр. – НАО «Карагандинский университет им. Е.А. Букетова») и Г.Б. Зданович переезжает в Караганду для работы в этом вузе. В Петропавловске во главе СКАЭ остался В.Ф. Зайберт.

3 Обсуждение (Хабдулина М.К., Кошман Т.В., Егинбай А.Е.)

В качестве территории изучения выбран меридиональный сток Ишима как главной водной артерии Северного Казахстана. Источником анализа являются научные отчёты по результатам археологических исследований на территории Северо-Казахстанской области.

Наибольшее количество памятников было обследовано и зафиксировано в 1956 г. Поисковый маршрут экспедиции прошёл вдоль р. Ишим от северной границы области до устья р. Аккан-Бурлук (с. Рузаевка). Затем направление осмотра повернуло на восток по р. Аккан-Бурлук на обследование озёр Кокшетауской возвышенности и вышло на берега рек Чаглинка, Иман-Бурлук, Жабай, Аршалы, Ащылы, Коныр. Всего в 1956 г. было зафиксировано 300 памятников, из них 77 по р. Ишим [Хабдулина 2010: 146] (рис. 4).

Северо-Казахстанской экспедицией в 1954–1956 гг. были проведены значительные работы по выявлению и изучению памятников в основном двух эпох – бронзы и ранних кочевников. За два года экспедицией в пяти пунктах раскопаны 29 оград эпохи бронзы и девять курганов сако-сарматского времени [Акишев 1959: 15].

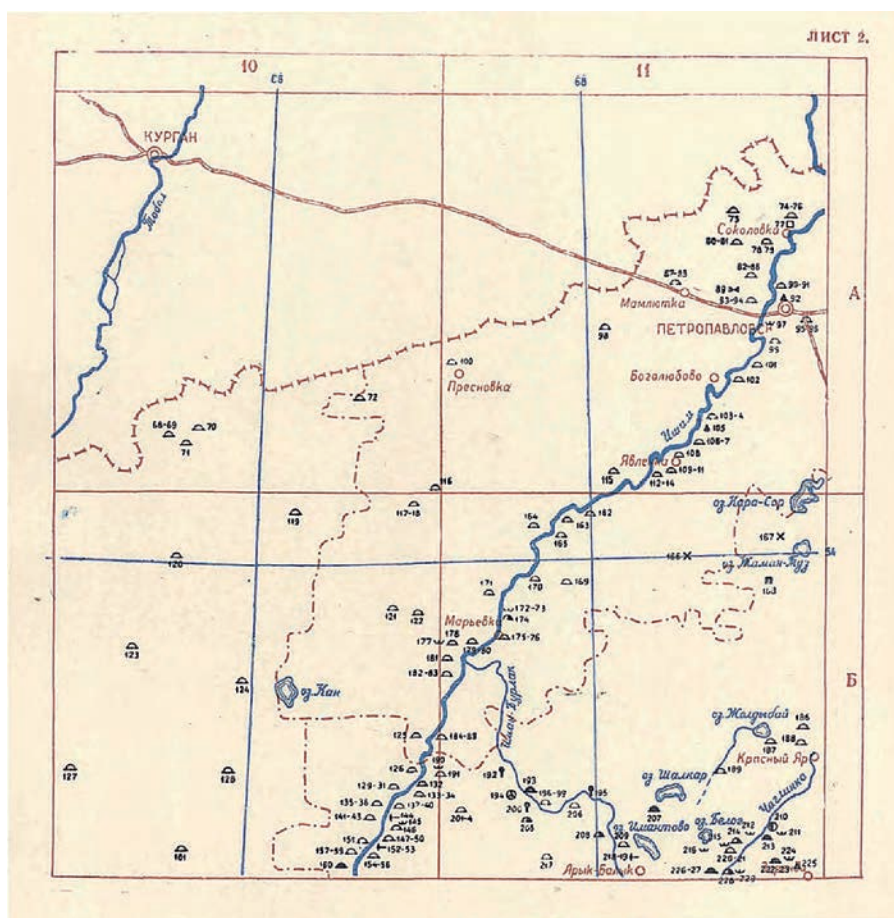

Рис. 4. Фрагмент «Археологической карты Казахстана». 1960 г.
4-сур. «Қазақстанның археологиялық картасының» фрагменті. 1960 ж.
Fig. 4. Fragment of the «Archaeological map of Kazakhstan». 1960

Уже в те годы были выявлены отличия в архитектуре наземных частей погребальных сооружений разных археологических эпох и различия в конструкции памятников одной эпохи в зависимости от ландшафтного окружения. Например, надмогильные сооружения бронзового века Кокчетавской области были названы «курганы-оградки», т. к. имели земляные насыпи, окружённые по основанию кольцом из вертикально вкопанных каменных плит. В лесостепной зоне СКО, где отсутствовали выходы камня, погребальные сооружения бронзового века образовывали большие могильные поля из земляных курганов [Хабдулина 2019: 22].

К сожалению, большой процент памятников хищнически уничтожался как в целинные, так и в последующие годы. Из курганов изымался камень для строительных нужд, разбирались кирпичи средневековых мазаров и мавзолеев. Значительный урон был нанесён каменным скульптурам древних тюрков. По сведениям исследователей Степного края XIX в. И.П. Шангина и И.Я. Словцова, их было много в степях Казахстана [Акишев 1959: 12]. Подробные сведения о каменных изваяниях Сарыарки собраны А.Х. Маргуланом в период разведочных маршрутов Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1946–1956 гг. [Маргулан 1949: 3–20; 2003: 20–46]. В годы освоения

целины каменные изваяния использовали в качестве строительного материала, в частности для фундамента сооружений.

В обобщающей статье 1959 г. К.А. Акишев приводит сведения о том, что за три года целинных экспедиций на карту нанесено 17 поселений, более 20-ти могильников эпохи бронзы [Акишев 1959: 6, 15]. Было раскопано 55 погребальных сооружений эпохи бронзы.

Для определения степени насыщенности древними памятниками Северного Казахстана нами рассмотрен наиболее длинный археологический маршрут 1956 г., охвативший берега меридионального течения р. Ишим, осуществлён сравнительный анализ количества зафиксированных памятников с результатами разведочных работ 1988 г.

Анализ схемы маршрутов по р. Ишим показывает, что от Петропавловска до села Покровка экспедиция обследовала правый берег (занесено 27 объектов), затем у села Покровка маршрут перешёл на левый берег р. Ишим и длился до устья р. Аккан-Бурлук, село Рузаевка (25 объектов). Здесь разведочный отряд перешёл в обратном направлении на правый берег и пролёг до устья р. Иман-Бурлук. На этом небольшом отрезке правого берега р. Ишим отмечено 25 объектов. По описанию здесь находятся самые крупные по численности курганные памятники (рис. 4). Географически – это юго-западный край Кокшетауской возвышенности. Остальные памятники 1956 г. (223) зафиксированы на пространстве восточнее русла р. Ишим.

Одним из детальных маршрутов, охвативших меридиональный сток Ишима, является археологическая разведка 1988 г. [Отчет СКАЭ 1989]. Она носила комплексный характер с выделением памятников отдельных административных районов. Руководитель работ В.Ф. Зайберт. Разведкой зафиксировано более 80-ти объектов [Зайберт 1992: 12].

Основная часть археологических памятников левого берега р. Ишим – это земляные курганы диаметром 10–15 м. Среди них выделяются крупные курганы у сёл Марьевка (АКК № 179, 180) и Коноваловка (АКК № 181), где диаметр курганов составляет 30 м. Эти же курганы имеют наибольшую высоту в пределах 2,5 м. К сожалению, эти археологические памятники попали в 1960-е гг. в зону затопления Сергеевского водохранилища. У совхоза Западный в 1956 г. был зафиксирован каменный курган (АКК № 160). Последующими экспедициями курган не был обнаружен, возможно, был разрушен хозяйственной постройкой или автомобильной трассой. Таких примеров достаточное количество.

По правому берегу р. Ишим от Явленки до Сергеевки на карту АКК нанесено 13 объектов. Это курганы у сёл Явленка (АКК № 109–111), Покровка (№ 112–114), Ильинка (АКК № 162), Бастау (АКК № 170), Сергеевка (АКК № 171), Каратай (АКК № 172), Марьевка (АКК № 173–176) (рис. 4). В большинстве своём курганы правого берега р. Ишим имеют диаметр около 20 м и высоту в среднем 1,5 м. Крупный курган диаметром 35 м и высотой 5 м был зафиксирован в 2 км от села Сергеевка. Возможно, так был обозначен «царский» курган долины р. Ишим – курган 1 могильника Байкара. В 1997–1998 гг. он был раскопан совместной казахстанско-германской археологической экспедицией [Parzinger, Zajbert et al. 2003].

Следует сказать, что последующее изучение окрестностей Сергеевки в 1980-е гг. привело к фиксации новых могильников, корректировке их названий в соответствии с топонимами Сергеевка 2, 3 (эпоха бронзы), Сергеевка 5 (ранний железный век, могильник Байкара, курган 1), Сергеевка 6 (ранний железный век, могильник Байкара). Результаты проведённых археологических исследований датируют данные курганы ранним железным веком и позволяют характеризовать матери-

альную и духовную культуру племён Северного Казахстана сарматского времени [Свод памятников 2007: 458–461].

СКАЭ в 1956 г. по дороге из села Марьевка в село Каратал зафиксирован могильник эпохи бронзы из восьми кольцевых каменных оград, которые тянутся на протяжении 12 км. Диаметр оград 6–8 м [АКК 1960: 39]. Последующими экспедициями этот могильник не был обнаружен. Возможно, как и многие другие, попал в зону затопления Сергеевского водохранилища.

На пути от села Марьевки до села Рузаевки по левому берегу р. Ишим выявлено 22 кургана, которые расположены к юго-западу от села Марьевка (АКК № 179, 180), села Боганаты (АКК № 181), Коноваловка (АКК № 182, 183), Куприяновка (АКК № 125), Пески (АКК № 126, 129, 130), Ашанино (АКК № 131), Бирлик (АКК № 132, 133), Муккур (АКК № 134). На этом же отрезке разведочного маршрута экспедиция 1988 г. выявила и зафиксировала новые археологические объекты. Так увеличилось число могильников раннего железного века у села Коноваловка, могильников эпохи бронзы у села Куприяновка [Свод памятников истории 2007: 445].

В Отчёте о научно-исследовательской работе СКАЭ 1988 г. А.Г. Шалагин даёт характеристику ландшафта береговой линии р. Ишим Куйбышевского района Кокчетавской области (ныне р-н Габита Мусрепова, СКО): «Археологические памятники района состоят из могильников и курганов бронзового, раннего железного века и средневековья. Высокий, обрывистый берег реки малоприспособлен для стоянок и поселений древнего человека. Остальная территория – это степь. Многие посёлки возникли во время освоения целинных и залежных земель, т. е. после 1956 г., когда шли основные археологические разведки в данном районе. Как следствие активной хозяйственной, особенно строительной и сельскохозяйственной деятельности совхозов – полное и частичное уничтожение могильников и курганов. Поэтому во время обследования многие памятники выделялись заново. По-видимому, ранее, до освоения этих земель, могильники и курганы тянулись вдоль Ишима цепью, прерываемой только оврагами и скальными выступами» [Шалагин 1989: 18].

Курганы на левом берегу Ишима севернее села Пески были исследованы в 1956 г. (АКК № 126). А.Г. Шалагин, исследовав надпойменную террасу левого берега р. Ишим, пишет: «Могильник Пески I находится на территории совхоза им. 60-летия КазССР. Начинается от северо-западной окраины села Пески и тянется на 4,3 км вдоль левого берега реки Ишим. Могильник состоит из 50 курганов, диаметром от 6 до 22 метров, высотой от 0,3 до 12 метров на расстоянии от 100 до 200 метров. Форма насыпей округлая, состоит из земли и щебня, задернованы слабо. Датируется эпохой бронзы и раннего железного века» [Шалагин 1989: 79].

36 курганов между совхозами Рузаевским и Новонеженским обозначены в АКК под номером 142. При исследовании этой территории в 1988 г. они объединены в один могильник Приишимский. Курганы расположены по левому скалистому берегу р. Ишим на протяжении 3 км, датируются эпохой бронзы и раннего железа. Часть могильника уничтожена при застройке села.

Расширение сёл, устройство дорог привели к частичному разрушению мог. Нежинка I, II (АКК № 151, 157), мог. Ставрополка II (АКК № 918–920). На месте могильника из 10-ти курганов (АКК № 141) стоит село Приишимское. Курганы между селами Ашанино (переименовано в посёлок Трудовой) и Пески (АКК № 129–131) оказались в зоне активного хозяйственного освоения и были уничтожены. В 1988 г. так же не обнаружены курганы: у села Ефимовка (АКК № 141); северо-западнее села Нежинка (АКК № 143); у совхоза Западный (АКК № 158–160).

В то же время экспедиция 1988 г. обнаружила и зафиксировала новые памятники в данном районе. Это могильники Ефимовка II–VI, Ставрополка I, III, Урожайный I–III. К сожалению, мно-

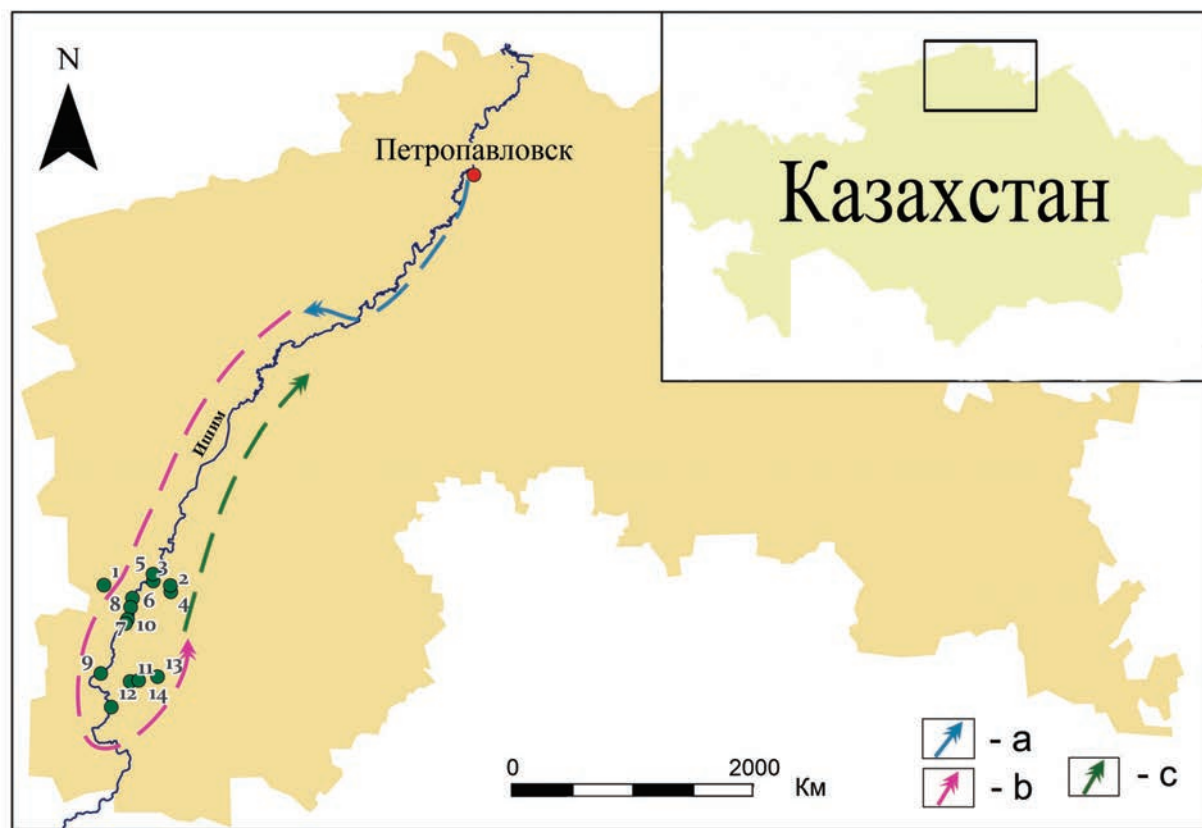

Рис. 5. Археологическая карта долины реки Ишим.
Памятники, исследованные после 1956 г.: 1 – Куприяновка;
2 – Муккур; 3 – Алгабас; 4 – Новоселовка; 5 – Пески; 6 – Ефимовка; 7 – Приишимский; 8 – Неженка;
9 – Ставрополка; 10 – Шукурколь; 11 – Возвышенка; 12 – Чернозубовка; 13 – Рузаевка; 14 – Григорьевка.
Условные обозначения: а – маршрут г. Петропавловск – с. Явленка; б – маршрут с. Явленка – с. Рузаевка;
с – маршрут с. Рузаевка – с. Явленка. Исполнитель: Адиль Егинбай

5-сур. Есіл өзені аңғарының археологиялық картасы.
1956 ж. кейін зерттелген ескерткіштер: 1 – Куприяновка;
2 – Мұққұр; 3 – Алғабас; 4 – Новоселовка; 5 – Пескі; 6 – Ефимовка; 7 – Приишимский; 8 – Неженка;
9 – Ставрополка; 10 – Шүкіркөл; 11 – Возвышенка; 12 – Чернозубовка; 13 – Рузаевка; 14 – Григорьевка.
Шартты белгілер: а – маршрут Петропавл қ. – Явленка с.; б – маршрут Явленка с. – Рузаевка с.;
с – маршрут Рузаевка с. – Явленка с. Орындаған: Әділ Егінбай

Fig. 5. Archaeological map of the Ishim River valley.
Monuments explored after 1956: 1 – Kupriyanovka; 2 – Mukkur;
3 – Algabas; 4 – Novoselovka; 5 – Peski; 6 – Efimovka; 7 – Priishimskiy; 8 – Nezenka; 9 – Stavropolka;
10 – Shukurkol; 11 – Vozvyshenka; 12 – Chernozubovka; 13 – Ruzaevka; 14 – Grigorievka.
Symbols: a – route Petropavlovsk – Yavlenka village; b – route Yavlenka village – Ruzaevka village;
c – route Ruzaevka village – Yavlenka village. Executed by Adil Eginbay

гие из них утеряны для исследования из-за многолетних распахек: «Частично курганы распаханы, почти не заметны на поверхности и отличаются от пашни только светлыми пятнами» [Шалагин 1989: 25].

В результате мониторинга разведочных маршрутов второй половины XX в. нами составлена карта *Google* памятников долины р. Ишим с учетом GPS – координат, зафиксированных в «Своде памятников истории и культуры Республики Казахстан» (2007) (рис. 5).

4 Результаты (Хабдулина М.К., Кошман Т.В., Егинбай А.Е.)

В результате сравнительного анализа установлено, что археологическая карта северной части Казахстана к концу XX в. стала более подробной и пополнилась значительным количеством новых археологических объектов. Неоднократный мониторинг найденных в 1956 г. памятников позволил последующим экспедициям наметить направления дополнительных разведочных маршрутов и привёл к открытию не только курганов, но и стоянок каменного века, поселений эпохи бронзы и раннего железного века. Выявлена утеря значительного количества объектов, зафиксированных целинными экспедициями. Застройка сёл, распахка, подтопление и другие антропогенные факторы привели к уничтожению ряда древних памятников, известных по АКК.

Важные результаты получены археологическими работами 1969–1976 гг. СКАЭ под руководством Г.Б. Здановича применила метод сплошного пешего обследования берегов р. Ишим. За первые пять лет деятельности СКАЭ на карту было нанесено 400 памятников, 200 из них – это памятники эпохи голоцена. Эти открытия определили научный интерес В.Ф. Зайберта к изучению каменного века Приишимья [Зайберт 1992].

Опорными памятниками для создания периодизации бронзового века Северного Казахстана стали поселения Новоникольское I, Петровка II, изученные раскопками под руководством Г.Б. Здановича [Зданович 1988: 20]. За четыре полевых сезона на поселении Новоникольское I, площадь которого составляет 12 000 кв. м, было раскопано 4 950 кв.м, т. е. меньше половины. На поселении Петровка II общей площадью 8 540 кв.м вскрыто 3 665 кв.м [Зданович 1988: 42]. Получен не только огромный массив керамики, но и большое количество бронзовых вещей. Постепенно стал накапливаться материал, сформировавший новую концепцию периодизации и хронологии памятников андроновской культурно-исторической общности [Зданович 1988]. Материалы раскопок опубликованы частично. После работ Г.Б. Здановича поселения и могильники Приишимья не являлись предметом научного исследования. Коллекции памятников хранятся в Северо-Казахстанском историко-краеведческом музее.

5 Заключение (Хабдулина М.К., Кошман Т.В., Егинбай А.Е.)

В археологическом изучении Приишимья выделяются следующие этапы: целинные экспедиции 1954–1956 гг. под руководством К.А. Акишева, Северо-Казахстанская экспедиция 1969–1976 гг. под руководством Г.Б. Здановича, 1980-е гг. под руководством В.Ф. Зайберта. Кроме стационарных работ большую роль играли периодические разведочные обследования, которые привели к созданию в 2007 г. «Свода памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область». В Своде отражён весь корпус зафиксированных археологических памятников региона. Большая заслуга в организации этих работ принадлежит А.А. Плешакову, возглавляющему и ныне археологические исследования на территории Северного Казахстана [Плешаков 2004: 234; 2020: 91–100].

Особенно крупных успехов северо-казахстанская археология достигла в изучении неолита–энеолита и эпохи бронзы. Древности Северного Казахстана представлены крупными археологическими культурами, среди которых необходимо указать атбасарскую эпохи неолита, ботайскую эпохи энеолита [Зайберт 2009]. Создана периодизация андроновской культурно-исторической общности Южного Урала, Северного и Центрального Казахстана [Зданович Г.Б. 1988]. Новым в историографии древней истории Приишимья является обоснование саргаринской археологической культуры [Зданович С.Я. 1983: 69–80]. Памятники раннего железного века были систематизированы М.К. Хабдулиной [Хабдулина 1994; 2019: 21–33].

Таким образом, история и культура Северо-Казахстанского Приишимья получила археологическое обоснование в культурно-хронологическом аспекте. Следующей задачей является возобновление и продолжение масштабных археологических раскопок стационарных объектов отдельных локальных регионов Приишимья.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. Археология. С. 3-31.
- 2 Акишев К.А., Агеева Е.И. Археологические работы 1956 года // Известия АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1958. Вып. 1 (6). С. 83-94.
- 3 АКК – Археологическая карта Казахстана / Сост. Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.
- 4 Волошин В.С. Археологические памятники позднего голоцена в верховьях р. Ишим (Северный Казахстан) // Археология Казахстана. 2023. № 1 (19). С. 99-113.
- 5 Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. 1956. Вып. 61. С. 8-16.
- 6 Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 220 с.
- 7 Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, 1993. 244 с.
- 8 Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: ҚазАқпарат. 2009. 576 с.
- 9 Зайберт В.Ф., Плеваков А.А. Результаты исследования памятников энеолита и ранней бронзы на р. Чаглинка // Советская археология. 1978. № 1. С. 242-250.
- 10 Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск. Изд-во Уральского ун-та, 1988. 184 с.
- 11 Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры (к постановке проблемы) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Межвуз. сб. Челябинск, 1983. С. 69-80.
- 12 Зданович С.Я., Иванова Н.О., Таирова А.А. 56 полевых сезонов археолога Г.Б. Здановича. Ч. I (1962–1982 гг.) // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии. Сб. науч. тр. к 80-летию Г.Б. Здановича / Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2018. С. 9-32.
- 13 Маргулан А.Х. Отчет о работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1947 г. // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. С. 3-20.
- 14 Маргулан А.Х. Каменные изваяния Улытау. Сочинения в 14 т. / Сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 3-4. С. 20-46.
- 15 Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. V. Археология. С. 216-294.
- 16 Отчет СКАЭ 1988. Т. 2 Исследования СКАЭ в 1988 г. Исследования в Кокчетавской области. 99 с. // Северо-Казахстанский областной музей. № госрегистрации 80038724.
- 17 Плеваков А.А. Долматовское городище // Северо-Казахстанская область: энциклопедия. Алматы: Арыс, 2004. С. 234.
- 18 Плеваков А.А. Предварительные результаты исследования археологических памятников золотоордынского периода Северного Казахстана // Проблемы изучения истории Золотой Орды: выявление и

- интерпретация исторических источников. Сб. м-лов научн.-практ. конф. (г. Петропавловск, 10 декабря 2020 г.) / Отв. ред. Е.М. Исакаев. Петропавловск: СКУ им. М. Козыбаева, 2020. С. 91-100.
- 19 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область. Алматы: Аруна, 2007. 496 с.
- 20 Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Гылым, 1994. 170 с.
- 21 Хабдулина М.К. Археологическая эпопея целины // Астана қаласында мұрағат ісін дамыту: тәжірибе, проблемалар және перспективалар. Халықар. ғыл.-тәж. конф. м-ры (г. Астана, 12 ноября 2010) / Отв. ред. Е.Е. Каналинов. Астана: Акимат города Астана, 2010. 145-153-бб.
- 22 Хабдулина М.К. Новое в изучении тасмолинской археологической культуры Сарыарки // *Turkic Studies Journal*. 2019. Т. 1. № 2. С. 21-33.
- 23 Шалагин А.Г. Разведочные обследования в Куйбышевском районе. Отчет. Исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1988 году. Исследования в Кокчетавской области. Т. 2. С. 17-30 // Северо-Казахстанский областной музей. № госрегистрации 80038724.
- 24 Parzinger H., Zajbert V., Nagler A., Plešakov A. Der große Kurgan von Bajkara, Nordkazachstan. Mainz: Philipp von Zabern Verl., 2003. 280 s. (Archäologie in Eurasien; Bd. 16).

REFERENCES

- 1 Akishev, K. A. 1959. In: *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 7, 3-31 (in Russian).
- 2 Akishev, K. A., Ageyeva, Ye. I. 1958. In: *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR. Seriya istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. History, Archeology and Ethnography Series)*, 1 (6), 83-94 (in Russian).
- 3 Ageyeva, Ye. I., Akishev, K. A., Kushayev, G. A., Maksimova, A. G., Senigova, T. N. (compl.). 1960. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the KazSSR (in Russian).
- 4 Voloshin, V. S. 2023. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archaeology)*, 1 (19), 99–113 (in Russian).
- 5 Gryaznov, M. P. 1956. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladah i polevyh issledovaniyah Instituta istorii materialnoy kultury (Brief reports on reports and field studies of the Institute for the History of Material Culture)*, 61, 8-16 (in Russian).
- 6 Zaybert, V. F. 1992. *Atbasarskaya kultura (Atbasar culture)*. Yekaterinburg: Ural Branch RAS (in Russian).
- 7 Zaybert, V. F. 1993. *Eneolit Uralo-Irtyshskogo mezhdurechiya (Eneolit of the Ural-Irtysh interfluve)*. Petropavlovsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 8 Zaybert, V. F. 2009. *Botayskaya kultura (Botai culture)*. Almaty: “QazAqparat” Publ. (in Russian).
- 9 Zaybert, V. F., Pleshakov, A. A. 1978. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 1, 242-250 (in Russian).
- 10 Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyy vek Uralo-kazakhstanskikh stepey (osnovy periodizatsii) (Bronze age of the Ural-Kazakhstan steppes (bases of periodization))*. Sverdlovsk. Ural University (in Russian).
- 11 Zdanovich, S. Ya. 1983. In: *Bronzovyi vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurechiya (The Bronze Age of the steppe strip of the Ural-Irtysh interfluves)*. Chelyabinsk, 69-80 (in Russian).
- 12 Zdanovich, S. Ya., Ivanova, N. O., Tairova, A. A. 2018. In: Zdanovich, D. G. (ed.). *Stepnaya Yevraziya v epokhu bronzy: kultury, idei, tekhnologii (Steppe Eurasia in the Bronze Age: cultures, ideas, technologies)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 9-32 (in Russian).
- 13 Margulan, A. Kh. 1949. In: *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR. Seriya arkheologicheskaya (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeology Series)*, 2, 3-20 (in Russian).
- 14 Margulan, A. Kh. 2003. *Kamennyye izvayaniya Ulytau. Sochineniya v 14 t. (Stone statues of Ulytau. Works in 14 vol.)*. Almaty: “Daik-Press” Publ. T. 3-4, 20-46 (in Russian).
- 15 Orazbayev, A. M. 1958. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnologii KazSSR ((Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*. T. V. *Arkheologiya (Archaeology)*, 216-294 (in Russian).
- 16 In: North Kazakhstan Regional Museum, no. 80038724 (in Russian).

- 17 Pleshakov, A. A. 2004. In: *Severo-Kazakhstanskaya oblast: entsiklopediya (North Kazakhstan region: encyclopedia)*. Almaty: “Arys” Publ., 234 (in Russian).
- 18 Pleshakov, A. A. 2020. In: Isakayev, E. M. (ed.). *Problemy izucheniya istorii Zolotoy Ordy: vyavleniye i interpretatsiya istoricheskikh istochnikov (Problems of studying the history of the Golden Horde: identification and interpretation of historical sources)*. Petropavlovsk: Manash Kozybayev North Kazakhstan State University, 91–100 (in Russian).
- 19 *Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazakhstan Severo-Kazakhstanskaya oblast (The official list of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. North-Kazakhstan region)*. 2007. Almaty: “Aruna” Publ. (in Russian).
- 20 Khabdulina, M. K. 1994. *Stepnoye Priishimiye v epokhu rannego zheleza (Steppe near the Ishim in the early iron age)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).
- 21 Khabdulina, M. K. 2010. In: Kanalinov, E. E. (ed.). *Astana kalasynda muragat isin damytu: tazhiribe, problemalar zhane perspektivalar (Development of inheritance in Astana: experience, problems and prospects)*. Astana: Astana city akimat, 145-153 (in Russian).
- 22 Khabdulina, M. K. 2019. In: *Turkic Studies Journal*, 2/1, 21-33 (in Russian).
- 23 Shalagin, A. G. 1989. In: *North Kazakhstan Regional Museum*, no. 80038724 (in Russian).
- 24 Parzinger, H., Zajbert, V., Nagler, A., Plešakov, A. 2003. *Der große Kurgan von Bajkara, Nordkazachstan*. Mainz: Philipp von ZabernVerl., 280 S. (Archäologie in Eurasien; Bd. 16). (in German).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.05.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 11.07.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 12.09.2023.

УДК 902.904 (571.150)
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.32.47>

Керамика «донгальского типа» в материалах памятников степного и лесостепного Алтая

© 2023 г. Федорук А.С.

Keywords: archaeology, south of Western Siberia, steppe and forest-steppe Altai, Late Bronze Age, transitional period from bronze to iron, settlements, ceramics, “Dongal type”, ornamentation, technical and technological analysis

Түйін сөздер: археология, Батыс Сібірдің оңтүстігі, далалық және орманды дала Алтайы, кейінгі қола дәуірі, қоладан темірге өтпелі кезеңі, қоныстар, керамика, «доңғал типі», ою-өрнек, техникалық-технологиялық талдау

Ключевые слова: археология, юг Западной Сибири, степной и лесостепной Алтай, эпоха поздней бронзы, переходное время от бронзы к железу, поселения, керамика, «донгальский тип», орнаментация, технико-технологический анализ

Alexandr Fedoruk^{1, 2}

¹Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Novosibirsk, Russia. E-mail: fedorukas@mail.ru

Ceramics of the “Dongal type” in the materials of the monuments of the steppe and forest-steppe Altai

The paper discusses the results of studying ceramics of the “Dongal type” originating from the settlements of the Late Bronze Age and the transitional time from Bronze to Iron in the forest-steppe and steppe Altai. Based on the data obtained from the materials of the settlements of Kalinovka-II, Rublevo-VI, Zharkovo-3, Burla-3, a generalized characteristic is made, including a description of the forms of vessels, methods and zones of ornamentation, motifs and compositions used in decor, raw materials and molding masses. Statistical calculations are given for each of the designated areas of analysis. Comparison of the received data between monuments is carried out. As a result, common and individual features of pottery from single complexes of the region, local differences in collections from different parts of Kulunda are determined, and the obtained data are compared with the complexes of Kazakhstan. The author comes to the conclusion that the Dongal-type ceramics found on the sites of both regions has a high degree of similarity in terms of forms and ornamentation. In technical and technological terms, both similarities and differences are noted, primarily related to the geographical features of the regions. Based on the results of the study, a conclusion is made about a single vector of development of the two regions - Altai and Kazakhstan, constant contacts of the population, its interaction and interpenetration.

Source of funding: And the study was carried out within the framework of the project “Interdisciplinary study of ancient and medieval societies of Altai” project No. (FZMW-2023-0009) of the State Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Fedoruk, A. 2023. Ceramics of the “Dongal type” in the materials of the monuments of the steppe and forest-steppe Altai. *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 32–47 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.32.47](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.32.47)

Александр Сергеевич Федорук^{1, 2}

¹тарих ғылымдарының кандидаты,
Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул, Ресей
²РФА СБ Археология және этнография институты,
Новосибирск, Ресей

Александр Сергеевич Федорук^{1, 2}

¹кандидат исторических наук, Алтайский
государственный университет, Барнаул, Россия
²Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

Далалық және орманды дала Алтайы ескерткіштері материалдарындағы «доңғал типті» керамика

Жұмыста орманды дала мен далалық Алтайдағы кейінгі қола дәуірі және қоладан темірге ауысу кезеңінің қоныстарынан шыққан «доңғал типті» керамикаларды зерттеу нәтижелері талқыланады. Калиновка-II, Рублево-VI, Жарково-3, Бурла-3 қоныстарының материалдары бойынша алынған деректер негізінде ыдыстардың пішіндерін, әшекейлеу әдістері мен орынын, әрлеуде пайдаланылған мотивтер мен композициялар, шикізат пен қалыптарды қамтитын жалпылама сипаттама жасалады. Талдаудың белгіленген бағыттарының әрқайсысына статистикалық есептеулер жүргізіледі. Ескерткіштер арасында алынған мәліметтер салыстырылады. Нәтижесінде аймақтың кейбір кешендерінің керамикаларының жалпы және жекелеген белгілері, құндылығы әртүрлі бөліктерінен алынған коллекциялардың жергілікті айырмашылығы анықталып, Қазақстан кешендерінен алынған мәліметтермен салыстырулар жүргізілуде. Автор екі өңірдің ескерткіштерінен табылған доңғал типті керамикалардың пішімі мен ою-өрнегі жағынан ұқсастығы жоғары деген тұжырымға келеді. Техникалық және технологиялық тұрғыдан алғанда, ең алдымен аймақтардың географиялық ерекшеліктеріне байланысты ұқсастықтар да, айырмашылықтар да атап өтіледі. Зерттеу нәтижесі бойынша екі аймақтың – Алтай мен Қазақстанның дамуының біртұтас векторы, тұрғындардың тұрақты байланыстары, оның өзара әрекеттесуі мен өзара енуі туралы қорытынды жасалады.

Қаржыландыру көзі: Зерттеу Ресей Федерациясы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Мемлекеттік тапсырысының «Алтайдың ежелгі және ортағасырлық қоғамдарын пәнаралық зерттеу» жобасы (FZMW-2023-0009) аясында жүзеге асырылды.

Сілтеме жасау үшін: Федорук А.С. Далалық және орманды дала Алтайы ескерткіштері материалдарындағы «доңғал типті» керамика. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 32–47-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.32.47](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.32.47)

Керамика «донгальского типа» в материалах памятников степного и лесостепного Алтая

В работе рассматриваются результаты изучения керамики «донгальского типа», происходящей с поселений эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу лесостепного и степного Алтая. На основе данных, полученных по материалам поселений Калиновка-II, Рублево-VI, Жарково-3, Бурла-3, делается обобщенная характеристика, включающая описание форм сосудов, способов и зон орнаментации, используемых в декоре мотивов и композиций, исходного сырья и формовочных масс. Приводятся статистические подсчеты по каждому из обозначенных направлений анализа. Выполняется сопоставление полученных данных между памятниками. В результате определяются общие и индивидуальные черты керамики отдельных комплексов региона, локальные отличия коллекций из различных частей Кулунды, проводится сопоставление полученных данных с комплексами Казахстана. Автор приходит к выводу, что керамика донгальского типа, обнаруживаемая на памятниках обоих регионов, имеет высокую степень сходства в плане форм и орнаментации. В технико-технологическом плане отмечаются как сходства, так и различия, связанные, в первую очередь, с географическими особенностями регионов. По итогам исследования делается вывод о едином векторе развития двух регионов – Алтая и Казахстана, постоянных контактах населения, его взаимодействия и взаимопроникновении.

Источник финансирования: Исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» проект № (FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Для цитирования: Федорук А.С. Керамика «донгальского типа» в материалах памятников степного и лесостепного Алтая. *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 32–47. DOI: [10.52967/akz2023.1.21.32.47](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.21.32.47)

Введение

В 2023 г. исполняется 36 лет с момента, когда В.Г. Ломаном по материалам поселения Донгал был выделен особый тип керамики, по памятнику получивший наименование «донгальский». В 1987 г. исследователем были определены основные характеристики данной группы посуды и её место в кругу древностей Центрального Казахстана. Характерными особенностями посуды этого

типа стали такие признаки как, расположение орнамента главным образом по шейке сосуда; наличие узких, прямоугольных или треугольных в сечении валиков; помещение большинства валиков под самым устьем сосуда, в 0,5–1 см от него; наличие у части сосудов венчиков с бортиками; широкое использование гончарами в качестве орнамента пальцев; украшение сосудов наклепными наклонными валиками [Ломан 1987].

За прошедшие с тех пор десятилетия география находок посуды подобной донгальской, существенно расширилась – она была выделена не только в комплексах Центрального Казахстана, но и Восточного Казахстана, Семиречья [Бейсенов, Ломан 1999: 224; Шамшин и др. 2000: 17; Ломан 2003: 82; Бейсенов и др. 2013: 69–72; Варфоломеев 1987: 63, 64, 66; 2014б: 148, 156, 157, 165; Воякин, Усманова 2023: 60, 61, 92, 93, 110] и на Алтае. Это позволило предполагать возможность выделения на территории Казахского мелкосопочника самостоятельной донгальской культуры переходного времени от бронзы к железу [Евдокимов 1987] или выделять донгальский этап бегазы-дандыбаевской культуры, знаменующий финальную стадию бронзового века Казахстана [Варфоломеев и др. 2014а: 165]. В работах российских исследователей, зачастую донгальская керамика, хотя и выделяется, но рассматривается в едином комплексе с саргаринско-алексеевской [Кирюшин и др. 1990: 114, 117, 119; Иванов 2000: 83; Ситников 2015: 71]. Предметом отдельного изучения эти материалы становятся нечасто. Ранее автором, совместно с Д.В. Папиным [Папин, Федорук 2007], в кратком виде было представлено общее описание донгальской керамики с алтайских памятников, однако за прошедшее время получено значительное количество новой информации, позволяющей дополнить, скорректировать и актуализировать прежние данные. Целью настоящей работы является обобщённая характеристика донгальских комплексов Алтая.

Материалы и методы

На сегодняшний день на территории исследуемого региона комплексов, содержащих исключительно донгальскую посуду, не выявлено. При этом на ряде поселений она обнаружена в качестве сопутствующей основной, чаще саргаринско-алексеевской, керамике (рис. 1).

Наиболее многочисленная серия донгальской посуды происходит с поселения Калиновка-II (Восточная Кулунда). Материалы памятника представлены преимущественно саргаринско-алексеевской, черкаскульской, андроновской посудой, а также керамикой «донгальского типа». Коллекция последней насчитывает 127 фрагментов (не менее чем от 100 сосудов), а также один развал сосуда (рис. 2, 4, 7–12; 3). Доля этих материалов в общем комплексе памятника незначительна (2,0%). Основная часть донгальской керамики происходит из заполнения двух сооружений, а также пространства между ними [Федорук и др. 2022: 779].

Достаточно крупная серия донгальской посуды обнаружена на поселении Жарково-3 (Центральная Кулунда). Керамический комплекс памятника в культурном плане также неоднороден и представлен андроновской, саргаринско-алексеевской, донгальской и ирменской посудой. Донгальская группа (рис. 2, 1, 3, 5, 13, 14; 4, 1–16) насчитывает 54 ед. (18,9% керамики комплекса) [Папин и др. 2016: 105, 108, 109, рис. 2; 3]. Происходят они преимущественно из верхних слоев зольника (48,2% посуды группы), хотя обнаружены и в заполнении сооружений: сооружение № 1 – 16,7%, сооружения № 2, 3 – по 14,8%.

В коллекции поселения Рублево-VI (Южная Кулунда) основную часть керамики составляет саргаринско-алексеевская, саргаринско-дандыбаевская, ирмено-донгальская, андроновская и донгальская посуда. Донгальская серия представлена 19-тью черепками [Папин и др. 2015: 117,

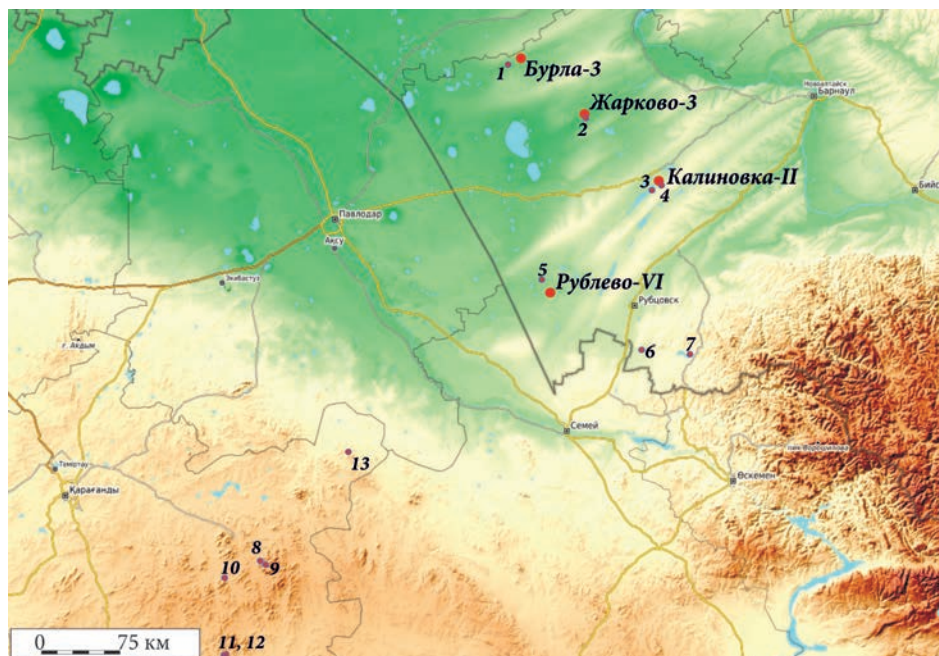

Рис. 1. Поселения с донгальской керамикой на территории Алтая и Казахстана: 1 – Новоильинка; 2 – Жарково-1; 3 – Черная Курья-3; 4 – Калиновка-IV; 5 – Горелый Кордон-1; 6 – Советский путь-1; 7 – Чекановский Лог-1; 8 – Донгал; 9 – Кент; 10 – Бақыбулак; 11 – Каратал-1; 12 – Каратал-2; 13 – Едірей-2

1-сур. Алтай және Қазақстан территориясындағы доңғал керамикасы бар қоныстар: 1 – Новоильинка; 2 – Жарково-1; 3 – Черная Курья-3; 4 – Калиновка-IV; 5 – Горелый Кордон-1; 6 – Советский путь-1; 7 – Чекановский Лог-1; 8 – Доңғал; 9 – Кент; 10 – Бақыбулак; 11 – Қаратал-1; 12 – Қаратал-2; 13 – Едірей-2

Fig. 1. Settlements with Dongal ceramics on the territory of Altai and Kazakhstan: 1 – Novoilinka; 2 – Zharkovo-1; 3 – Black Kurya-3; 4 – Kalinovka-IV; 5 – Gorelyi Cordon-1; 6 – Soviet way-1; 7 – Chekanovsky Log-1; 8 – Dongal; 9 – Kent; 10 – Bakybulak; 11 – Karatal-1; 12 – Karatal-2; 13 – Edirey-2

127–129, рис. 8], что составляет 4,1% комплекса памятника (рис. 2, 2, 6, 15, 16; 4, 17–22). Обнаружена она в зольнике и заполнении сооружений.

Немногочисленные фрагменты исследуемой керамики отмечены в материалах поселения Бурла-3 (раскопки 2013–2018 гг.), расположенном в Северной Кулунде. Керамика поселения представлена круговой, саргаринско-алексеевской, бегазы-дандыбаевской, саргаринско-дандыбаевской, дандыбаевской и андроновской посудой. Донгальская серия (рис. 4, 23, 24) состоит всего из 4-х ед. (0,06% коллекции) [Папин и др. 2021: 178, 179, 185, рис. 2, 10–12], происходящих из разных частей раскопок.

Помимо перечисленных коллекций, посуда, по орнаментации сопоставимая с донгальской, присутствует в опубликованных комплексах крупных поселений эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая Жарково-1, Чекановский Лог-1, Советский Путь-1, Новоильинка [Кирюшин и др. 1990: 112, рис. 4, 3, 6; 5; Ситников 2015: 163, 166, 168, 174, 179, 182, 193, 198, 200, 220–222, рис. 16, 3; 19, 1; 22, 5; 28, 1; 33, 2; 36, 1; 47, 7; 52, 1, 3; 54, 7; 74, 5; 75, 2; 76, 1, 2]. Однако, отмечая близость части материалов донгальскому типу керамики, исследователи не выделяют их в отдельную группу и рассматривают в комплексе с саргаринско-алексеевской. Соответственно отдельного анализа и

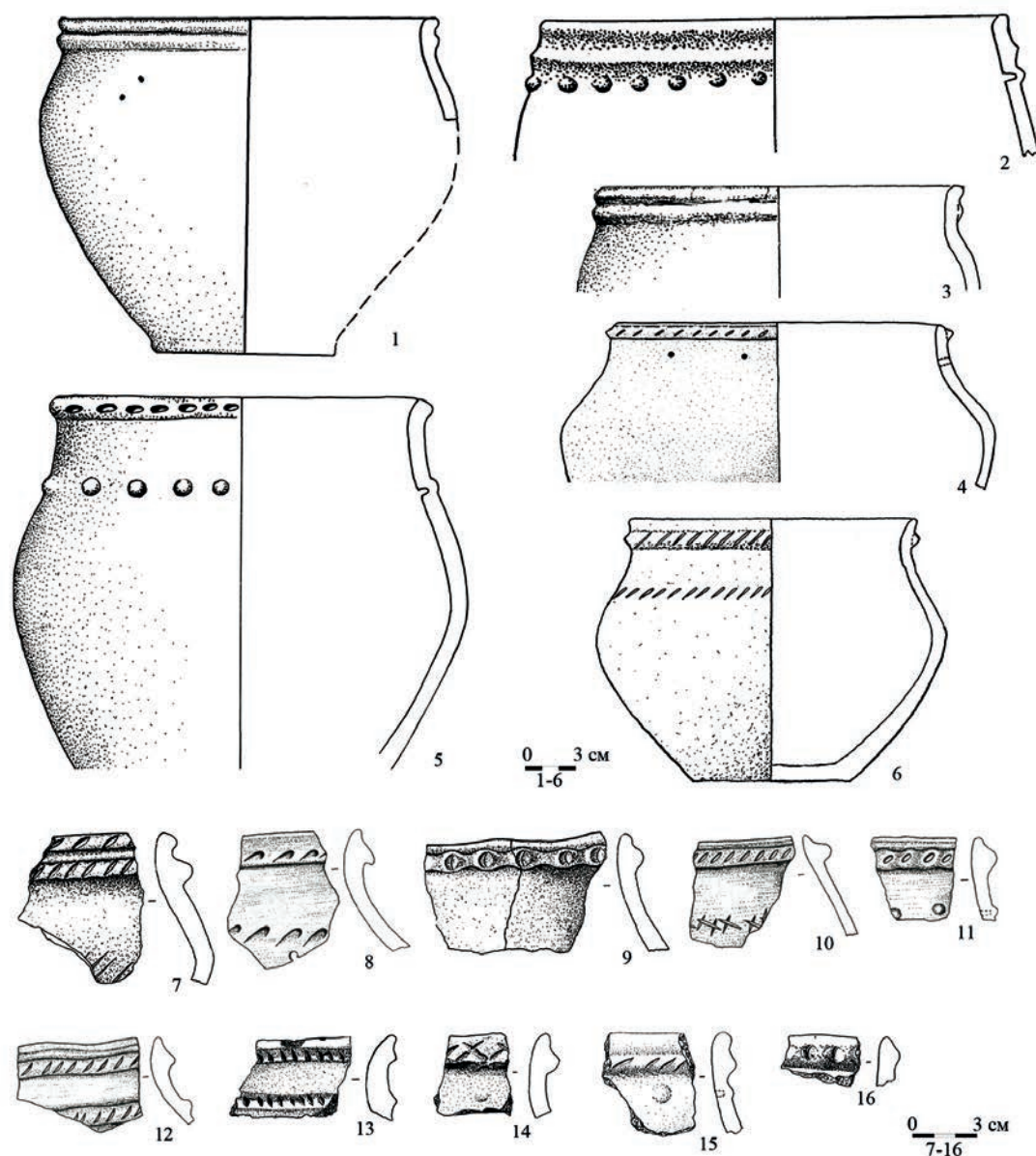

Рис. 2. Донгальская керамика поселений Алтая: 1, 3, 5, 13, 14 – Жарково-3 (по: [Кирюшин и др. 2008: 172, рис. 2, 1, 3, 4, 14; Кирюшин и др. 2009: 278, рис. 2, 20]; 2, 6, 15, 16 – Рублево-VI (по: [Шамшин и др. 1999: 35, рис. 4, 15; 2000: 12, рис. 1, 4; Папин и др. 2018: 21, рис. 2, 13, 16]); 4, 7–12 – Калиновка-II [Иванов 2000: 89, рис. 34, 1–3, 5; Кирюшин и др. 2007: 31, рис. 4, 1, 3]

2-сур. Алтай қоныстарының доңғал керамикасы: 1, 3, 5, 13, 14 – Жарково-3 ([Кирюшин и др. 2008: 172, рис. 2, 1, 3, 4, 14; Кирюшин и др. 2009: 278, рис. 2, 20] бойынша; 2, 6, 15, 16 – Рублево-VI ([Шамшин и др. 1999: 35, рис. 4, 15; 2000: 12, рис. 1, 4; Папин и др. 2018: 21, рис. 2, 13, 16] бойынша); 4, 7–12 – Калиновка-II [Иванов 2000: 89, рис. 34, 1–3, 5; Кирюшин и др. 2007: 31, рис. 4, 1, 3] бойынша

Fig. 2. Dongal ceramics from Altai settlements: 1, 3, 5, 13, 14 – Zharkovo-3, after – Kiryushin et al. 2008: 172, fig. 2, 1, 3, 4, 14; 2009: 278, 2, 20; 2, 6, 15, 16 – Rublevo-VI, after – Shamshin et al. 1999: 35, fig. 4, 15; 2000: 12, fig. 1, 4; Papin et al. 2018: 21, fig. 2, 13, 16; 4, 7–12 – Kalinovka-II, after – Ivanov 2000: 89, fig. 34, 1–3, 5; Kiryushin et al. 2007: 31, fig. 4, 13

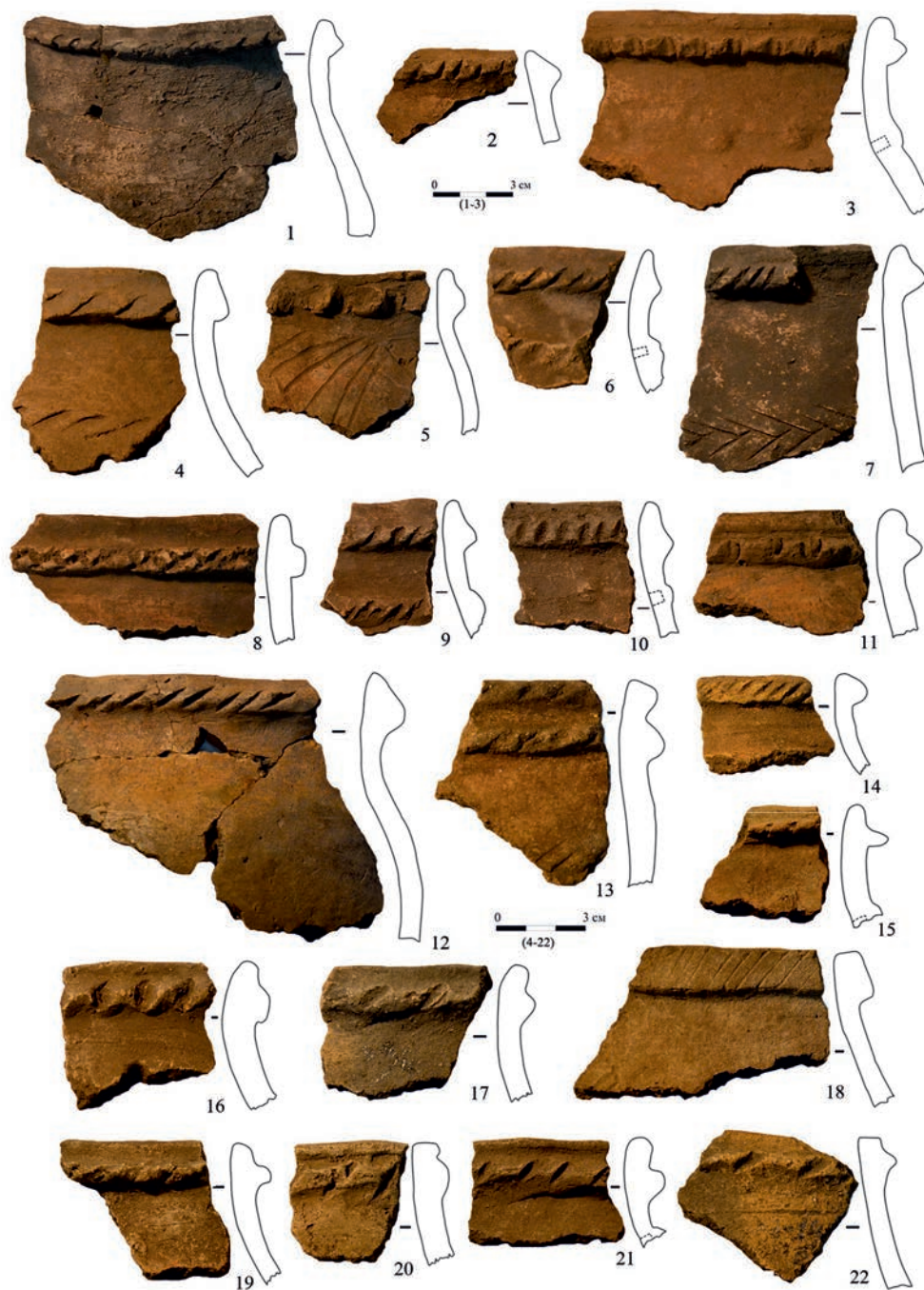

Рис. 3. Донгальская керамика поселения Калиновка-II
(по: [Федорук и др. 2022: 780, 781, рис. 1, 1–11; 2, 1–11])

3-сур. Калиновка II қонысының доңғал керамикасы:
([Федорук и др. 2022: 780, 781, рис. 1, 1–11; 2, 1–11] бойынша)

Fig. 3. Dongal ceramics from the Kalinovka-II settlement,
after – Fedoruk et al. 2022: 780, 781, fig. 1, 1–11; 2, 1–11

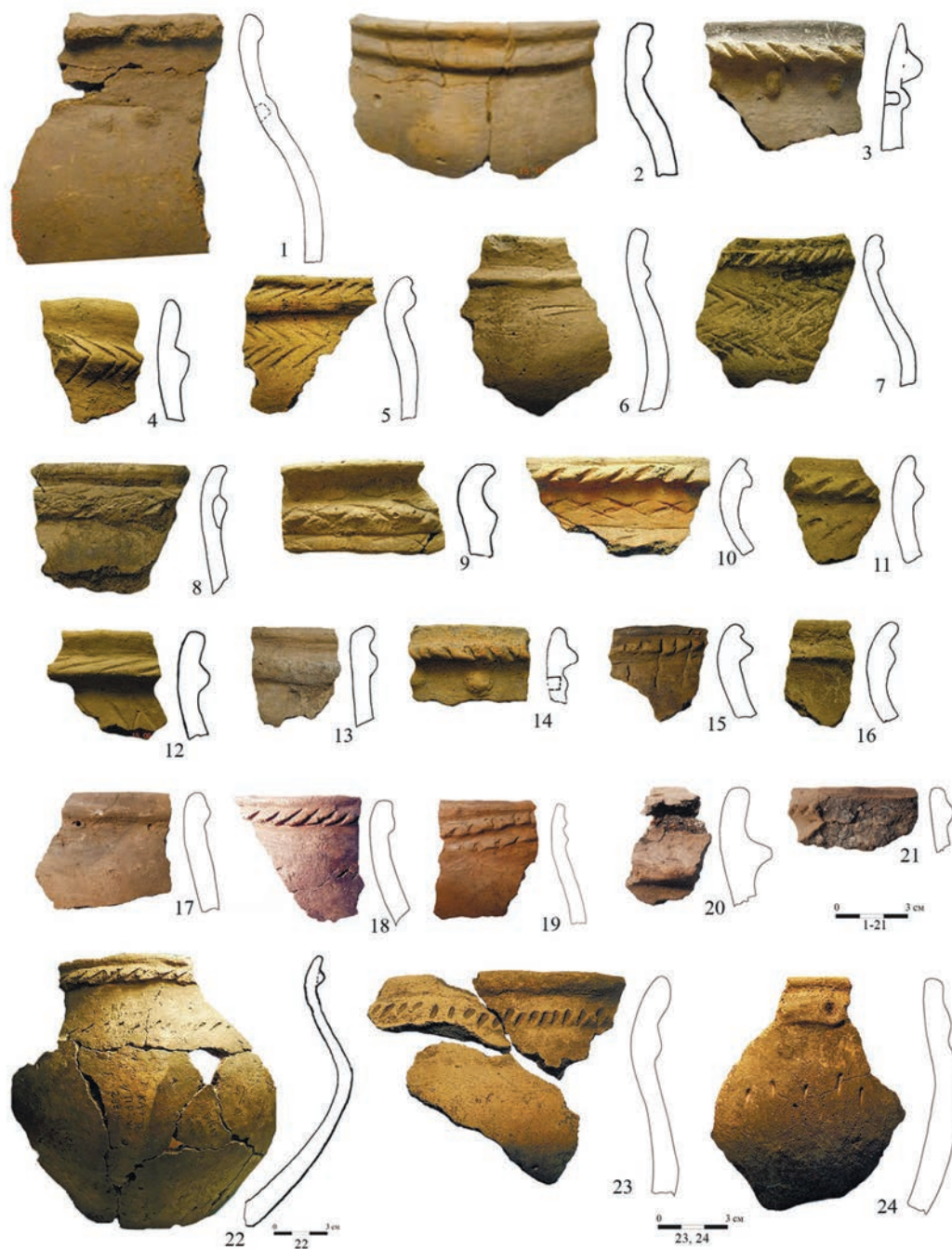

Рис. 4. Донгальская керамика поселений Жарково-3 (1–16), Рублево-VI (17–22), Бурла-3 (23, 24) (по: [Папин и др. 2015: 127, рис. 8; 2016: 107, 110, рис. 2; 3; 2021: 185, рис. 2, 10–12])

4-сур. Жарково – 3 қонысының доңғал керамикасы (1–16), Рублево-VI (17–22), Бурла-3 (23, 24) ([Папин и др. 2015: 127, рис. 8; 2016: 107, 110, рис. 2; 3; 2021: 185, рис. 2, 10–12] бойынша)

Fig. 4. Dongal ceramics from the settlements of Zharkovo-3 (1–16), Rublevo-VI (17–22), Burla-3 (23, 24), after – Papin et al. 2015: 127, fig. 8; 2016: 107, 110, fig. 2; 3; 2021: 185, fig. 2, 10–12

технико-технологических исследований этих материалов не производилось, что не позволяет нам на данном этапе их использовать при характеристике донгальских комплексов региона.

Отдельные фрагменты керамики донгальского облика опубликованы среди сборов на поселениях поздней бронзы Черная Курья-III и из разведочного раскопа на Калиновке-IV (оба памятника находятся в Восточной Кулунде), но их специального изучения также не производилось [Иванов 1993: 132–139, 144, рис. 5; 2000: 72, 73, 94–95, рис. 27, 4, 8; 36, 7–10; 2016: 25, 26, рис. 28].

Кроме того, фрагменты, по орнаменту схожие с донгальской керамикой, происходят из сборов на поселении переходного времени Горелый Кордон-1 (Южная Кулунда). Но они единичны [Фролов и др. 1999: 67–69, рис. 1; 2; Фролов и др. 2002: 136, 137, рис. 1, 4–7, 12, 13; Фролов, Папин 2004: 38–39, рис. 1, 28–30] и целенаправленно не изучалась.

Таким образом, в настоящее время полноценно можно использовать только комплексы поселений Калиновка-II, Рублево-VI, Жарково-3 и Бурла-3. Анализ форм и орнаментации керамики эпохи поздней бронзы этих памятников был выполнен автором и ранее опубликован в совместных публикациях с Д.В. Папиным, В.Г. Ломаном, Н.Ф. Степановой и Г.Е. Ивановым [Папин и др. 2015: 117, 127, 128, рис. 8; 2016: 105, 107–109, рис. 2; 3; 2021: 178, 179, 188, рис. 2, 10–12; Федорук и др. 2022]. Статистические подсчёты при анализе коллекций выполнялись автором по отдельным направлениям, включающим особенности форм, способов нанесения орнамента, орнаментальных мотивов и композиций, а поверхность сосудов рассматривалась как совокупность отдельных зон. Такой подход позволил более детально отразить своеобразие изучаемой керамики.

Результаты

Статистически обобщая результаты исследований донгальских серий керамики с поселений Кулунды (табл. 1), можно отметить, что абсолютное большинство сосудов (96,7%) – горшки. При этом преобладают сосуды сильнопрофилированных форм (64,1%), средне- и слабопрофилированных заметно меньше (14,9% и 17,7% соответственно). Сосуды баночных форм немногочисленны (3,3%), причем все они закрытого типа.

Украшалась преимущественно шейка сосуда (51,6%) и плечико (43,7%). Тулово орнаментировано редко (4,7%). Отмечено применение семи способов нанесения декора: налеп (присутствует на всех фрагментах – доля среди всех техник орнаментации в группе 42,9%), насечка (23,3%), пальцевая техника (9,1%), штампование (8,3%), выдавливание (7,9%). Помимо того, отмечаются вдавления (5,2%) и прочерчивания (3,4%).

Зафиксировано использование 34-х разновидностей орнаментальных мотивов. Наиболее часто встречен валик с пояском из наклонных насечек, оттисков гладкого или гребенчатого штампов (совокупно 25,7%), оттисков пальцев, ногтевых и пальцевых зацепов (14,5%), валик без дополнительного декора (15,4%). Несколько реже отмечаются ряды пальцевых узоров (3,6%, но с учётом этих мотивов, расположенных на валиках – 18,9%), жемчужника (10,4%), пояски из прямых или наклонных оттисков гладкого, гребенчатого штампа, насечек (11,3%, с учётом на валиках и воротничках – 40,2%), сеточка из оттисков штампа, насечек, резных линий (1,8%, с учетом валиков и воротничков – 4,1%). Прочие мотивы используются не часто.

Целых форм сосудов в коллекциях мало, однако, учитывая крупные фрагменты, можно составить представление о композиционных схемах исследуемой керамики. Орнамент её достаточно прост. Наиболее распространен декор, состоящий только из одного мотива (52%). В 35,9% случаев

Таблица 1 – Сравнительная характеристика керамики донгальских комплексов стенового и лесостепного Алтая (форма, орнамент)
1-кесте – Дігалық және орманды дала Алтайы доңғал кешендері керамикасының саясиыстрмалы сипаттамасы (формасы, оюы)
Table 1 – Comparative characteristics of pottery from the Dongal complexes of the steppe and forest-steppe Altai (shape, ornament)

	Кол-во фрагментов	Капиновка-II (по: [Федорук и др. 2022])	Жарково-3 (по: [Палин и др. 2016])	Руднево-VI (по: [Палин и др. 2015])	Бурда-3 (по: [Палин и др. 2021])	Среднее значение
Форма сосудов	Горшки сильнопрофилированные	67,9%	71,7%	66,7%	50%	64,1%
	Горшки среднепрофилированные	11,3%	15,1%	8,3%	25%	14,9%
	Горшки слабопрофилированные	9,5%	11,3%	25%	25%	17,7%
	Банки закрытые	11,3%	1,9%	-	-	3,3%
Зона орнаментации	Шейка	55,9%	58,2%	59,1%	33,3%	51,6%
	Переход от шейки в плечико	28,7%	40,3%	40,9%	50%	43,7%
	Плечико	14,7%	1,5%	-	16,7	4,7%
Способы орнаментации	Гулово	0,7%	47,5%	35,7%	44,4%	42,9%
	Налеп	44,2%	22,9%	25%	22,2%	23,3%
	Насечка	22,8%	15,3%	-	-	8,3%
	Штампование	17,8%	4,2%	-	22,2%	9,1%
	Пальцевая техника	9,9%	5,9%	21,4%	-	7,9%
	Выдавливание	4,1%	2,5%	17,9%	-	5,2%
	Вдавливание	0,4%	1,7%	-	11,2%	3,4%
Мотивы	Прочерчивание	0,8%	28,9%	8,7%	16,7%	15,4%
	Вылик с пояском из наклонных насечек, отгисков гладкого или гребенчатого штампов	48,5%	1,2%	8,7%	33,3%	14,5%
	Вылик без дополнительного декора	10%	13%	16,7%	25,7%	15,4%
	Ряды отгисков и зашипов ногтками и пальцами (отдельно в т.ч. на валиках и воротничках)	-/16,9%	1,2%	8,7%	33,3%	14,5%
	Вылик с пояском из отгисков пальцев, ногтевых и пальцевых зашипов	14,7%	8,5%	26,2%	-	10,4%
	Ряд жемчужника	6,7%	8,5%	26,2%	-	10,4%
	Пояски из прямых или наклонных отгисков гладкого, гребенчатого штампа, резных линий, насечек (отдельно в т.ч. на валиках и воротничках)	2,7/61,5%	7,2/14,5%	-/-	-/-	1,8/4,1%
Сложность композиций	Сеточки из наклонных отгисков гладкого и гребенчатого штампа, резных линий, насечек (отдельно в т.ч. на валиках и воротничках)	-/2%	35,3%	50%	52%	35,9%
	Один мотив	65,6%	29,5%	3,3%	1,6%	4,5%
	Два различных мотива	29,5%	9,5%	11,8%	-	4,5%
	Три различных мотива	3,3%	4,8%	-	-	4,5%
Сложность композиций	Один мотив, повторенный дважды	1,6%	4,8%	-	-	4,5%

Таблица 2 – Сравнительная характеристика керамики донгальских комплексов степного и лесостепного Алтая (технология)

2-кесте – Далалық және орманды дала Алтайы доңғал кешендері керамикасының салыстырмалы сипаттамасы (технологиясы)

Table 2 – Comparative characteristics of pottery from the Dongal complexes of the steppe and forest-steppe Altai (technology)

		Калиновка-II (по: [Федорук и др. 2022])	Жарково-3 (по: [Папин и др. 2016])	Рублево-VI (по: [Папин и др. 2015])	Бурла-3 (по: [Папин и др. 2021])	Среднее значение
Кол-во фрагментов		52	36	9	3	100
Исходное сырье	Среднежелезненное	86%	89%	78%	33,3%	71,6%
	Слабожелезненное	14%	11%	22%	66,7%	28,4%
	Пластичное	26%	61%	78%	66,7%	57,9%
	Среднепластичное	12%	39%	22%	33,3%	26,6%
	Низкопластичное	62%	-	-	-	15,5%
Формовочные массы	Глина +шамот+органика	54%	57%	22%	33,3%	41,6%
	Глина +дресва+органика	2%	11%	11%	-	6%
	Глина +дресва +шамот +органика	44%	32%	67%	66,7%	52,4%

использованы два различных мотива. Три различных мотива использованы в 7,6% случаев, один мотив, повторенный дважды – в 4,5%.

Сопоставляя между собой материалы памятников, можно отметить общие и индивидуальные черты комплексов (табл. 1). В целом, для памятников характерны одинаковые формы сосудов и их процентные соотношения, размещение орнамента преимущественно на шейке, реже – плечиках (за исключением поселения Бурла-3), простота орнаментальных композиций (декор состоит преимущественно только из одного, либо двух различных мотивов). В части способов орнаментации наблюдается уже менее однородная картина: если доля налепов и насечек везде достаточно высока и находится примерно на одном уровне, то соотношение остальных способов показывает различия.

Технико-технологическое изучение исследуемых серий выполнено В.Г. Ломаном и Н.Ф. Степановой [Папин и др. 2015; 2016; 2021; Федорук и др. 2022]. Обобщив эти результаты (табл. 2), можно увидеть, что при изготовлении донгальских сосудов Алтая чаще использовалось среднежелезненное (71,6%), реже слабожелезненное (28,4%) сырьё. Преимущественно применялись пластичные глины (в среднем 57,9%), реже среднепластичные (26,6%) и низкопластичные (15,5%). В составе формовочных масс преимущественно отмечается смешение традиций добавления шамота и дресвы (в среднем 52,4%). Доля рецептов только с шамотом также достаточно значительна (в среднем 41,6%), а рецептов только с дресвой минимальна (6%).

Объединяет коллекции исследуемых памятников использование только средне- и слабожелезненных глин. В выборе пластичности сырья ситуация различна: гончары Жарково-3, Бурла-3 и Рублево-VI предпочитали пластичные и среднепластичные глины, Калиновка-II – низкопластичные. Разница, вероятно, обусловлена местными особенностями глин. Отмечены отличия в соотношении используемых рецептов формовочных масс. В частности, в коллекции

поселения Бурла-3 рецептов только с дресвой не зафиксировано, на других памятниках они есть, но немногочисленны. Сосуды с добавлением только шамота преобладают на Калиновке-II и Жарково-3 – памятниках, расположенных восточнее чем Рублево-VI и Бурла-3, где доля рецепта только с шамотом значительно ниже. Количество рецептов, сочетающих шамот и дресву, демонстрирует прямо противоположную картину (преобладание на более западных поселениях Рублево-VI, Бурла-3).

При сопоставлении полученных результатов с материалами эпонимного поселения Донгал, отмечается достаточно высокая степень сходства, в первую очередь в орнаментации – расположение орнамента главным образом по шейке; наличие специфических, маркирующих донгальскую керамику валиков (узких, острорёберных, подтреугольных в сечении, зачастую расположенных под самым венчиком сосуда), а также присутствие сосудов, орнаментированных двумя валиками. Рецепты формовочных масс показывают как сходство, так и различия в выборе минеральных примесей: если на поселениях Рублево-VI и Бурла-3, как и в сосудах поселения Донгал, преобладал рецепт «дресва+шамот+навоз», отражающий смешение культурных традиций в выборе минеральных примесей, то Калиновка-II и Жарково-3 показывают преобладание местной для Алтая традиции (глина+шамот+органика) [Ломан 1989: 80; 1991: 51, рис. 1; Папин и др. 2015: 128–129; 2016: 108, 109; 2021: 188; Федорук и др. 2022: 782].

Внешнее сходство керамики (форма, орнаментация) прослеживается с материалами центральноказахстанских поселений Бакубулак, Каратал-1, 2, Едирей-2. Однако, результаты технико-технологического изучения (с оговоркой, что опубликованные данные этих памятников содержат обобщенные сведения по всей совокупности керамики периода поздней бронзы, а иногда и раннего железного века) показывают несколько иную картину – в отличие от алтайских памятников, здесь преобладает традиция использования дресвы в качестве минеральной примеси и навоза как органической добавки. При этом в качестве исходного сырья везде преобладают ожелезненные глины [Бейсенов, Ломан 2009: 37, 63, 64, 88–90, 115, 116, табл. 7, 11, 15, 19].

С донгальской керамикой поселения Кент (Центральный Казахстан) комплексы Алтая сближает внешнее сходство форм сосудов, способов нанесения орнамента и орнаментальных мотивов, особенности оформления и расположения валиков, преимущественное использование ожелезненных глин, преобладание рецептов с шамотом (совокупно 37,8%, с дресвой 35,2%, сочетающих дресву и шамот 21,6%) [Варфоломеев и др. 2017: 61, 62].

Закключение

Подводя итог, следует отметить, что донгальская керамика памятников Алтая и Казахстана демонстрирует неразрывное единство этих регионов в древности, указывает на один вектор развития, постоянные контакты, взаимодействие и взаимопроникновение населения. Отмеченные как межрегиональные, так и внутри Алтая, различия, отражают локальные особенности и специфику местоположения отдельных памятников. В частности, наиболее многочисленные серии поселений Калиновка-II и Жарково-3 значительно схожи между собой. Сходство прослеживается по большинству параметров: формам, зонам орнаментации, приёмам нанесения декора, используемым мотивам, степени сложности композиций и составу формовочных масс. Зачастую близки и процентные соотношения всех показателей (табл. 1, 2). При этом данные памятники территориально расположены достаточно близко (расстояние между ними около 93 км) и более чем поселения Рублево-VI и Бурла-3 удалены от Казахстана.

Взаимосвязь местоположения алтайских памятников со степенью интенсивности контактов с районами Казахстана подтверждается данными технико-технологического анализа древней керамики. Ранее Н.Ф. Степановой, при изучении керамики Алтая, была выявлена зависимость в выборе минеральных примесей от ландшафтных зон и удалённости от горной местности [Степанова 2010: 124; 2015: 93, 94; 2017: 402, 403]. Для региона Кулунды, где отсутствуют выходы камня, характерно использование шамота. Донгальские материалы алтайских поселений подтверждают это (совокупно шамот выявлен в 94% сосудов). Высокий процент смешанных рецептов (шамот+дресва) и наличие немногочисленной группы рецептов только с дресвой (без шамота) указывают на проникновение в регион населения из районов, имеющих выходы камня, в нашем случае, очевидно, Казахстана, а также на активные контакты и взаимодействие. Преимущественное использование шамота на алтайских памятниках и дресвы на казахстанских, вероятно, связано с местными локальными особенностями. При этом фиксируется процесс смешения населения и вытеснение принесенной в Кулунду традиции использования дресвы местной, шамотной [Федорук и др. 2022: 784].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бейсенов А.З., Ломан В.Г. К проблеме изучения поселений завершающего этапа бронзового века Центрального Казахстана // Комплексные общества из Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. М-лы конф. (г. Челябинск, 24 августа – 2 сентября 1999 г.). Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 223-225.
- 2 Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: Инжу-Маржан, 2009. 264 с.
- 3 Бейсенов А.З., Ломан В.Г., Касеналин А.Е. Новое в археологии Сарыарки: донгальские погребения могильника Кызыл // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. С. 59-73.
- 4 Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана / отв. ред. В.В. Евдокимов. Караганда: КарГУ, 1987. С. 56-68.
- 5 Варфоломеев В.В. Сарыарка в конце бронзовой эпохи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1991. 21 с.
- 6 Варфоломеев В.В. Керамика // Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: ИА КН МОН РК, 2014а. С. 143-165.
- 7 Варфоломеев В.В. Поселения // Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: ИА КН МОН РК, 2014б. С. 81-142.
- 8 Варфоломеев В.В., Ломан В.Г., Евдокимов В.В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана: изд. гр. КазНИИ культуры, 2017. 338 с.
- 9 Воякин Д.А., Усманова Э.Р. Горно-металлургический комплекс Бозшаколь 1. Алматы: МИЦАИ, 2023. 282 с.
- 10 Евдокимов В.В. О выделении донгальской культуры переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Центральном Казахстане // Проблемы археологии степной Евразии / отв. ред. В.Н. Добжанский. Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1987. С. 101-103.
- 11 Иванов Г.Е. Два поселения эпохи поздней бронзы в Степном Алтае // Культура народов евразийских степей в древности / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. С. 132-146.
- 12 Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул: Изд-во ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2000. 160 с.
- 13 Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. Барнаул: Азбука, 2016. 516 с.

- 14 Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1990. С. 104-128.
- 15 Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шакин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А. Некоторые итоги исследования поселения Калиновка II // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006: Археология, этнография, устная история. Вып. 3. Барнаул: БГПУ, 2007. С. 26-33.
- 16 Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Изучение памятников бронзового века Кулундинской степи летом 2009 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2009. С. 275-280.
- 17 Кирюшин Ю.Ф., Федорук А.С., Папин Д.В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2008. С. 169-174.
- 18 Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана / отв. ред. В.В. Евдокимов. Караганда: КарГУ, 1987. С. 115-129.
- 19 Ломан В.Г. Об эволюции валиковой керамики Центрального Казахстана (по данным гончарной технологии) // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии / отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: [б./и.], 1989. С. 78-80.
- 20 Ломан В.Г. Особенности гончарной технологии эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана // КСИА. 1991. Вып. 203. С. 47-53.
- 21 Ломан В.Г. Общность культур переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: м-лы междунар. научн. конф. (г. Пермь, 6–10 октября 2003 г.) / отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь: [б./и.], 2003. С. 82-84.
- 22 Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 2 (12). С. 115-143.
- 23 Папин Д.В., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Керамика эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышья как источник для реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 19-31.
- 24 Папин Д.В., Федорук А.С. О своеобразии памятников финальной бронзы степного Алтая // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. Тюмень: Изд-во Вектор Бук, 2007. С. 121-124.
- 25 Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Керамический комплекс поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 3 (15). С. 102-125.
- 26 Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Лепная керамика периода поздней бронзы поселения Бурла-3 // Теория и практика археологических исследований. 2021. № 2 (33). С. 175-192.
- 27 Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 254 с.
- 28 Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / отв. ред. Ю.Б. Цетлин, Н.П. Салугина, И.Н. Васильева. М.: ИА РАН, 2010. С. 117-125.
- 29 Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. № 4 (13). С. 90-95.
- 30 Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита–раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2017. С. 401-404.
- 31 Федорук А.С., Иванов Г.Е., Степанова Н.Ф. Керамика донгальского типа поселения Калиновка-II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2022. С. 778-786.

- 32 Фролов Я.В., Ведянин С.Д., Изоткин С.Л. Комплекс древних поселений Горелый Кордон // Михайловский район: очерки истории и культуры / отв. ред. А.Б. Шамшин. Барнаул: ООО «Некси», 1999. С. 66-69.
- 33 Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Горелый Кордон-1 – первое поселение переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на юге Кулунды // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2002. С. 135-139.
- 34 Фролов Я.В., Папин Д.В. О трансформации культурных традиций населения Кулундинской равнины в VIII–VI вв. до н.э. // Комплексные исследования древних и современных обществ Евразии / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2004. С. 31-42.
- 35 Шамшин А.Б., Дуда Я.В., Изоткин С.Л., Ситников С.М., Цивцина О.А., Ченских О.А. Поселение Рублево- VI – новый памятник эпохи поздней бронзы на юге Кулунды // Михайловский район: очерки истории и культуры / отв. ред. А.Б. Шамшин. Барнаул: ООО «Некси», 1999. С. 29-41.
- 36 Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К. Исследования поселений эпохи поздней бронзы в Южной Кулунде // Восточковедные исследования на Алтае / отв. ред. В.А. Моисеев. Вып. II. Барнаул: АлтГУ, 2000. С. 5-20.

REFERENCES

- 1 Beisenov, A. Z., Loman, V. G. 1999. In: *Kompleksnyye obshchestva iz Tsentralnoy Yevrazii v III–I tys. do n.e.: regionalnyye osobennosti v svete universalnykh modeley (Complex Societies from Central Eurasia in the 3rd–1st Millennium BC: Regional Peculiarities in the Light of Universal Models)*. Chelyabinsk; Arkaim: Chebyabinsk University, 223-225 (in Russian).
- 2 Beisenov, A. Z., Loman, V. G. 2009. *Drevniye poseleniya Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient settlements of Central Kazakhstan)*. Almaty: “Inzhu-Marzhan” Publ. (in Russian).
- 3 Beisenov, A. Z., Loman, V. G., Kasenalin, A. E. 2013. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybayevskaya kultura stepnoy Yevrazii (Begazy-Dandybay culture of steppe Eurasia)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 59-73 (in Russian).
- 4 Varfolomeev, V. V. 1987. In: Evdokimov, V. V. (ed.). *Voprosy periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Tsentralnogo i Severnogo Kazakhstana (Issues of periodization of archaeological sites of Central and Northern Kazakhstan)*. Karaganda: Karagandy State University, 56-68 (in Russian).
- 5 Varfolomeev, V. V. 1991. *Saryarka v kontse bronzovoy epokhi: avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk (Saryarka at the end of the Bronze Age: abstract dis. ... cand. hist. sciences)*. Alma-Ata (in Russian).
- 6 Varfolomeev, V. V. 2014a. In: Beisenov, A. Z., Varfolomeev, V. V., V. G., Kasenalin, A. E. *Pamyatniki begazy-dandybayevskoy kultury Tsentralnogo Kazakhstana (Monuments of the Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 143-165 (in Russian).
- 7 Varfolomeev, V. V. 2014b. In: Beisenov, A. Z., Varfolomeev, V. V., V. G., Kasenalin, A. E. *Pamyatniki begazy-dandybayevskoy kultury Tsentralnogo Kazakhstana (Monuments of the Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 82-142 (in Russian).
- 8 Varfolomeev, V. V., Loman, V. G., Evdokimov, V. V. 2017. *Kent – gorod bronzovogo veka v tsentre kazakhskikh stepey (Kent – a Bronze Age city in the center of the Kazakh steppes)*. Astana: Kazakh Research Institute of Culture (in Russian).
- 9 Voyakin, D. A., Usmanova, E. R. 2023. *Gorno-metallurgicheskiy kompleks Bozshakol 1 (Mining and metallurgical complex Bozshakol 1)*. Almaty: ICAI (in Russian).
- 10 Evdokimov, V. V. 1987. In: Dobzhansky, V. N. (ed.). *Problemy arkheologii stepnoy Yevrazii (Problems of the archaeology of steppe Eurasia)*. Kemerovo, 101-103 (in Russian).
- 11 Ivanov, G. E. 1993. In: Kiryushin, Yu. F., Shamshin, A. B. (ed.). *Kultura narodov yevraziyskikh stepey v drevnosti (Culture of the peoples of the Eurasian steppes in antiquity)*. Barnaul: Altay State University, 132-146 (in Russian).
- 12 Ivanov, G. E. 2000. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Mamontovskogo rayona (k 220-letiyu s. Mamontovo) (Code of monuments of history and culture of the Mamontovsky district (to the 220th anniversary of the village of Mamontovo))*. Barnaul: Publishing House of JSC “Altai Printing Plant” (in Russian).

- 13 Ivanov, G. E. 2016. *Altayskaya derevnya na perekrestkakh istorii: letopis Mamontovskogo rayona (Altai village at the crossroads of history: chronicle of the Mamontovsky district)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
- 14 Kiryushin, Yu. F., Ivanov, G. E., Udodov, V. S. 1990. In: Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Problemy arkheologii i etnografii Yuzhnoy Sibiri (Problems of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia)*. Barnaul, 104-128 (in Russian).
- 15 Kiryushin, Yu. F., Ivanov, G. E., Shamshin, A. B., Papin, D. V., Fedoruk, A. S., Rednikov, A. A. 2007. In: *Polevyye issledovaniya v Verkhnem Priobiye i na Altaye. 2006: Arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya (Field research in the Upper Ob river region and Altai. 2006: Archaeology, ethnography, oral history)*, 3, 26-33 (in Russian).
- 16 Kiryushin, Yu. F., Papin, D. V., Fedoruk, A. S. 2009. In: *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy (Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories)*, XV, 275-280 (in Russian).
- 17 Kiryushin, Yu. F., Fedoruk, A. S., Papin, D. V. 2008. In: *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy (Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories)*, XIV, 169-174 (in Russian).
- 18 Loman, V. G. 1987. In: Evdokimov, V. V. (ed.). *Voprosy periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Tsentralnogo i Severnogo Kazakhstana (Issues of periodization of archaeological sites of Central and Northern Kazakhstan)*. Karaganda, 115-129 (in Russian).
- 19 Loman, V. G. 1989. In: Derevyanko, A. P. (ed.). *Aktualnyye problemy metodiki zapadnosibirskoy arkheologii (Actual problems of methodology of West Siberian archaeology)*. Novosibirsk, 78-80 (in Russian).
- 20 Loman, V. G. 1991. In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 203, 47-53 (in Russian).
- 21 Loman, V. G. 2003b. In: Melnychuk, A. F. (ed.). *Mezhdunarodnoye (XVI Uralskoye) arkheologicheskoye soveshchaniye (International (16th Ural) archaeological meeting)*. Perm, 82-84 (in Russian).
- 22 Papin, D. V., Loman, V. G., Stepanova, N. F., Fedoruk, A. S. 2015. In: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 2 (12), 115-143 (in Russian).
- 23 Papin, D. V., Stepanova, N. F., Fedoruk, A. S. 2018. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography)*, 3 (42), 19-31 (in Russian).
- 24 Papin, D. V., Fedoruk, A. S. 2007. In: *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv (Ecology of ancient and traditional societies)*, 3, 121-124 (in Russian).
- 25 Papin, D. V., Fedoruk, A. S., Loman, V. G., Stepanova, N. F. 2016. In: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 3 (15), 102-125 (in Russian).
- 26 Papin, D. V., Fedoruk, A. S., Loman, V. G., Stepanova, N. F. 2021. In: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 2 (33), 175-192 (in Russian).
- 27 Sitnikov, S. M. 2015. *Kultura sargarinsko-alekseyevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya (Culture of the Sargarin-Alekseevsky population of the forest-steppe and steppe Altai)*. Barnaul: Altay State Pedagogical University (in Russian).
- 28 Stepanova, N. F. 2010. In: Tsetlin, Yu. B., Salugina, N. P., Vasilieva, I. N. (eds.). *Drevneye goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya (Ancient pottery: results and perspectives of the study)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 117-125 (in Russian).
- 29 Stepanova, N. F. 2015. In: *Samarskiy nauchnyy vestnik (Samara Scientific Bulletin)*, 4 (13), 90-95 (in Russian).
- 30 Stepanova, N. F. 2017. In: *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy (Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories)*, XXIII, 401-404 (in Russian).
- 31 Fedoruk, A. S., Ivanov, G. E., Stepanova, N. F. 2022. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy (Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories)*, XXVIII, 778-786 (in Russian).
- 32 Frolov, Ya. V., Vedyanin, S. D., Izotkin, S. L. 1999. In: Shamshin, A. B. (ed.). *Mikhaylovskiy rayon: ocherki istorii i kultury (Mikhailovsky district: essays on history and culture)*. Barnaul, 66-69 (in Russian).

- 33 Frolov, Ya. V., Papin, D. V., Shamshin, A. B. 2002. In: Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Severnaya Yevraziya v epokhu bronzy: prostranstvo, vremya, kultura* (Northern Eurasia in the Bronze Age: space, time, culture). Barnaul: Altay University, 135-139 (in Russian).
- 34 Frolov, Ya. V., Papin, D. V. 2004. In: Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Kompleksnye issledovaniya drevnih i sovremennyh obshchestv Evrazii* (Comprehensive Studies of Ancient and Modern Societies of Eurasia). Barnaul: Altay University, 31-42 (in Russian).
- 35 Shamshin, A. B., Duda, Ya. V., Izotkin, S. L., Sitnikov, S. M., Tsivtsina, O. A., Chenskikh, O. A. 1999. In: Shamshin, A. B. (ed.). *Mikhailovskiy rayon: ocherki istorii i kultury* (Mikhailovsky district: essays on history and culture). Barnaul, 29-41.
- 36 Shamshin, A. B., Papin, D. V., Merts, V. K. 2000. In: Moiseev, V. A. (ed.). *Vostokovednyye issledovaniya na Altaye* (Oriental Studies in Altai), II, 5-20 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 02.03.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 27.03.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.03.2023.

XIX–XX ғғ. Сырдарияның төменгі ағысындағы археологиялық зерттеулер

© 2023 ж. Утубаев Ж.Р., Суюндикова М.Қ.

Keywords: archaeology, Syrdarya, Khorezm archaeological ethnographic expedition, Chirik Rabat archaeological expedition, site, settlement, city, fortress, necropolis, mausoleum

Түйін сөздер: археология, Сырдария, Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы, Шірік-Рабат археологиялық экспедициясы, тұрақ, қоныс, қала, бекініс, қорым, кесене

Ключевые слова: археология, Сырдарья, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, Чирик-Рабатская археологическая экспедиция, стоянка, поселение, город, крепость, некрополь, мавзолей

Zhanbolat Utubaev¹ and Makpal Suyundikova^{1*}

¹Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD), Head of the Department of Archaeology of the Early Iron Age, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: utubaev_z@mail.ru

^{1*}Corresponding-author, researcher, doctoral student (PhD), Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: makpal1226@mail.ru

Archaeological research of the 19th–20th centuries in the lower reaches of the Syr Darya

The article presents the results of archaeological excavations and research conducted in the lower reaches of the Syrdarya River in the 19th–20th centuries. The primary purpose of this undertaken work is a comprehensive study, systematization and analysis of scientific works related to archaeological research conducted in this area during the specified period. The authors performed a comparative analysis of the results of the research of scientists of the 19th and 20th centuries. As a result, it was determined that in the 19th century, due to the implementation of the colonial policy of the tsarist regime, special expeditions were arranged, overseen by military figures such as P. Rychkov, M. Meyer, A.I. Levshin, A.I. Maksheev, V.V. Grigoriev, P.I. Lerkh, and V.V. Vereshchagin. The results of the expeditions reflect data on geographical features, the location of archaeological sites and their characteristics. Later, this information was supplemented by members of the Turkestan circle of archaeology enthusiasts. Among the researchers of the lower reaches of the Syrdarya River, the activity of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition made a special contribution. The members of the expedition, which included archaeologists, topographers, soil scientists, geomorphologists, etc., in the period from 1946 to 1991, identified and conducted research on more than two hundred archaeological sites. These sites encompassed cities, settlements, fortresses, separate premises, towns, burial sites. Thus, comprehensive insights into the culture, lifestyle, and economy of the peoples inhabiting the designated area were examined, along with assessments regarding the dating of these monuments.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2021–2023, project IRN AP09260367.

For citation: Utubaev, Zh., Suyundikova, M. 2023. Archaeological research of the 19th–20th centuries in the lower reaches of the Syr Darya. *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 48–67 (in Kazakh). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.48.67](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.48.67)

**Жанболат Райымқұлұлы Утубаев¹,
Мақпал Қожахметқызы Суюндикова^{1*}**

¹тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD), ерте темір дәуірі археологиясы бөлімінің меңгерушісі, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы, Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер, докторант (PhD),
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы, Қазақстан

XIX–XX ғғ. Сырдарияның төменгі ағысындағы археологиялық зерттеулер

Мақалада XIX–XX ғғ. Сырдария өзенінің төменгі ағысында жүргізілген археологиялық қазба және зерттеу жұмыстарының нәтижелері баяндалады. Ғылыми жұмыстың негізгі мақсаты аталмыш кезеңде осы ауданда жүргізілген археологиялық зерттеулерге байланысты ғылыми еңбектерді жан-жақты жүйелеу және талдау болып табылады. Авторлар XIX және XX ғғ. зерттеу жүргізген ғалымдардың тұжырымдарына салыстырмалы талдаулар жасады. Нәтижесінде, XIX ғ. патша үкіметінің отаршылдық саясатын жүзеге асыру үшін П. Рычков, М. Мейер, А.И. Левшин, А.И. Макшеев, В.В. Григорьев, П.И. Лерх, В.В. Верещагин секілді әскери шенділер басқарған арнайы экспедициялар ұйымдастырылды. Экспедиция жұмыстарының қорытындысында археологиялық нысандардың орналасуы, географиялық ерекшеліктері және олардың сипаттамалары туралы мәліметтер берілді. Кейін, бұл мәліметтер Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесінің жұмыстарымен толықтырылды. Сырдарияның төменгі ағысын зерттеуде маңызды үлес қосқан Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясының алар орны ерекше. Құрамында археолог, топограф, топырақтанушы, геоморфолог және т. б. мамандары бар экспедиция мүшелері 1946–1991 жылдар аралығында аталмыш өңірден екі жүзден астам археологиялық ескерткіштерді анықтап, зерттеу жүргізді. Олардың ішінде: қалалар, бекініс қоныстар, үй-жай, тұрақ және жерлеу орындары бар. Осылайша, аталмыш өңірді мекендеген тұрғындардың мәдениеті, тұрмысы мен шаруашылығы жөніндегі мәліметтер зерделеніп, ескерткіштердің мерзімделуіне қатысты қорытындылар көрсетіледі.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің гранттық қаржыландыру аясында орындалды, 2021–2023 жж., жобаның ЖТН АР09260367.

Сілтеме жасау үшін: Утубаев Ж.Р., Суюндикова М.К. XIX–XX ғғ. Сырдарияның төменгі ағысындағы археологиялық зерттеулер. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 48–67-бб. DOI: 10.52967/akz2023.3.21.48.67

**Жанболат Раймқұлович Утубаев¹,
Макпал Қожахметовна Суюндикова^{1*}**

¹кандидат исторических наук, доктор философии (PhD), заведующий отделом археологии раннего железного века, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, научный сотрудник, докторант (PhD), Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

Археологические исследования XIX–XX вв. в нижнем течении Сырдарьи

В статье представлены результаты археологических раскопок и исследований, проведенных в нижнем течении реки Сырдарьи в XIX–XX вв. Основная цель проведенной работы – всестороннее изучение, систематизация и анализ научных работ, связанных с археологическими исследованиями района в этот период. Авторами выполнен сравнительный анализ результатов исследований ученых XIX и XX вв. В результате было установлено, что в XIX в. вследствие реализации колониальной политики царского режима были организованы специальные экспедиции, которые возглавлялись военными чиновниками П. Рычковым, М. Мейером, А.И. Левшиным, А.И. Макшеевым, В.В. Григорьевым, П.И. Лерхом, В.В. Верещагиным. Результаты работ экспедиций отражают данные о географических особенностях, местоположении археологических памятников и их характеристику. Позднее эти сведения были дополнены членами Туркестанского кружка любителей археологии. Среди исследователей нижнего течения реки Сырдарьи особый вклад внесла деятельность Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Члены экспедиции, в составе которой были археологи, топографы, почвоведы, геоморфологи и др., в период с 1946 по 1991 годы выявили и провели исследования более двухсот археологических памятников. Среди них: города, поселения, крепости, отдельные помещения, стоянки, места захоронения. Таким образом, были изучены данные о культуре, быте и хозяйстве народов, населявших обозначенный регион; представлены выводы о датировке памятников.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2021–2023 гг., ИРН проекта АР09260367.

Для цитирования: Утубаев Ж.Р., Суюндикова М.К. Археологические исследования XIX–XX вв. в нижнем течении Сырдарьи. *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 48–67 (на каз. яз.). DOI: 10.52967/akz2023.3.21.48.67

1 Кіріспе (Утубаев Ж.Р., Суюндикова М.Қ.)

Сырдария өзенінің төменгі ағысы Каспий территориясынан, Орталық Қазақстан, шығысы далалық жазық, солтүстіктен оңтүстікке дейінгі ірі азиялық шөл дала Қызылқұм мен Қарақұм аймақтарын қамтыған Тұран ойпатының бір бөлігі болып табылады [Энциклопедия 1973: 675]. Академик В.В. Бартольд: «Тұран – бұл Арал бассейні» деп тұжырымдайды [Бартольд 1971: 231].

Аймақтың физикалық-географиялық ерекшелігі әр түрлі шаруашылық пен мәдениетті қалыптастырушы тұрғындардың экономикалық, саяси және мәдени тығыз қарым-қатынаста болуына мүмкіндік жасады. Сырдарияның төменгі ағысы Арал бассейнінің шығыс бөлігін құрағандықтан біршама ғылыми еңбектерде Сырдария өзенінің төменгі ағысы және Шығыс Арал маңы деп кездеседі. Аталмыш өлкенің шығысы көшпелі өркениеттің гүлденуін қамтамасыз еткен Орталық Қазақстан жазығымен, батыс шекарасы сауда-экономикалық және Хорезм оазисіндегі ғасырлар бойы жоғары деңгейдегі егіншілік мәдениетті қалыптастырушы Арал теңізімен жанасып жатыр. Ал, оңтүстік бөлігі ортағасырда қала мәдениеті дамыған Оңтүстік Қазақстан территориясымен, солтүстігі шығыс Европа мен Орталық Азия мемлекеттеріндегі саяси және экономикалық қарым-қатынаста маңызды рөл атқарған Батыс Қазақстан аңғарларымен шектеседі [Сыдыкова 2008: 43].

Сырдарияның төменгі ағысының тарихы терең бірнеше мыңжылдықты қамтиды. Бұл өңірді мекен еткен ежелгі тұрғындар үлкен территорияны игеріп, әрі батыс пен шығысты байланыстырып, ерекше шаруашылық пен мәдениеттерді қалыптастырады. Оған Сырдарияның ежелгі арналарында орналасқан бірегей археологиялық ескерткіштер мен шығыс Аралдан Хорезм территориясына дейін тартылған күрделі суландыру жүйелері дәлел бола алады.

Сырдарияның төменгі ағысы территориясында орналасқан біршама археологиялық ескерткіштер жайлы деректер ал-Якуби (IX ғ.), ал-Масуди (X ғ.), ибн Хаукал (X ғ.), ибн Русте (X ғ.), ал-Идриси (XI ғ.) секілді ортағасырлық араб және парсы жазбаларында кездеседі [Материалы 1939]. Кейін, орта ғасырда Ұлы Жібек жолы бойымен жүрген парсы, араб, еуропа елдерінің ғалым, саяхатшы, елшілері және әскери шенділердің еңбектері бұл мәліметтерді толықтыра түседі.

Сыр өңірінде орналасқан тарихи-мәдени ескерткіштердегі алғашқы зерттеулер Кіші жүз қазақтарының билеушісі Әбілқайыр ханның 1731 ж. Ресей бодандығын қабылдағаннан кейін, Оңтүстік Қазақстан өңірі мен оған іргелес аудандарда жүргізілген зерттеулерімен тікелей байланысты болды. Аймақтың тарихи-географиялық жағдайын зерттеу XVIII ғ. ортасында басталады. 1740–1741 жж. Орынбордың Драгунск полкінің кіші офицері Д. Гладышев және геодезист И. Муравин Орсктен Хиуаға барар жолда Сырдария өзенінің төменгі ағысындағы Жанкент қаласында болады. Олардың жазбаларында осы қалаға жақын орналасқан ескерткіштердің ара қашықтығы жөнінде мәліметтер көрсетіледі [Ханыков 1851: 31–32].

Мақаламызға арқау болған Сырдарияның төменгі ағысындағы XIX ғ. зерттеулер патша өкіметі отарлау саясатын жүзеге асыру мақсатында әскери шенділер басқарған арнайы экспедициялар жүргізген жұмыстары, Ташкент қаласында құрылған алғашқы ғылыми бірлестік Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесі (АӨТУ) зерттеулерімен жалғасады.

Ал, XX ғ. зерттеу жұмыстары С.П. Толстов жетекшілік еткен Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясымен (ХАЭЭ) тікелей байланысты. Жұмыста ХАЭЭ жүргізген зерттеу жұмыстарының нәтижелері мен қорытындылары, ғылыми еңбектер, экспедиция мүшелері М.А. Итина, О.А. Вишневская, Е.А. Виноградов, Б.А. Андрианов, Н.Н. Вактурская, Л.М. Левина және т. б. ғалымдар басқарған отрядтар есебі мен жарық көрген мақалаларында толық қамтылды.

Зерттеу жұмысының жаңашылдығы XIX және XX ғғ. Сырдарияның төменгі ағысында жүргізілген зерттеу жұмыстарына қатысты ғылыми айналымға енген еңбектерді жан-жақты жүйелеу және талдау.

2 Материал және зерттеу әдістемесі (Утубаев Ж.Р., Суюндигова М.К.)

2.1 Зерттеу әдістемесі

Зерттеу жұмысының әдістемесі тақырыптың өзі айқындап тұрғандай Сырдарияның төменгі ағысындағы XIX және XX ғғ. жүргізілген ізденіс жұмыстарына жекелеген зерттеушілердің қосқан үлесін көрсету; XIX және XX ғғ. зерттеу нәтижелерін салыстыру. Сонымен қатар, жұмыс барысында тарихи-археологиялық зерттеулердің дәстүрлі әдістері қолданылды.

2.2 Материал сипаттамасы

XIX ғ. зерттеулер. XIX ғ. ортасына қарай Сырдарияның төменгі ағысындағы археологиялық ескерткіштерде жүргізілген зерттеулер туралы біршама мәліметтер П. Рычков, М. Мейер, А.И. Левшин, А.И. Макшеев, В.В. Григорьев, П.И. Лерх, В.В. Верещагин және т. б. әскери шенділердің еңбектерінде айтылып, қысқаша сипатталады [Мейер 1865: 284–288; Левшин 1832: 212; 1996; Макшеев 1856: 448–527; Ремезов 1882: 316–319].

П. Рычковтың «Топография Оренбургской губернии» атты еңбегінде Жанкент (1-сур.) қаласы туралы «Арал теңізіне құятын, Сырдария өзенінің сағасына жақын жерде орналасқан үлкен қала. Сонымен қатар, қалада кімдер өмір сүргендігі жайлы еш дерек жоқ. Қырғыз-қайсақтар арасында ежелгі кезеңде бұл қаланы жыландар басып, тұрғындары қаланы тастап, көшіп кеткен деген аңыз бар. Дегенмен, қазір мұнда жыландар өте аз, сондай-ақ, бүгінгі күні бұл жерде қарақалпақтар мекен етсе, кейде қырғыздар көшіп-қонып жүреді» деп баяндайды [Рычков 1762: 5–434; 1999: 133].

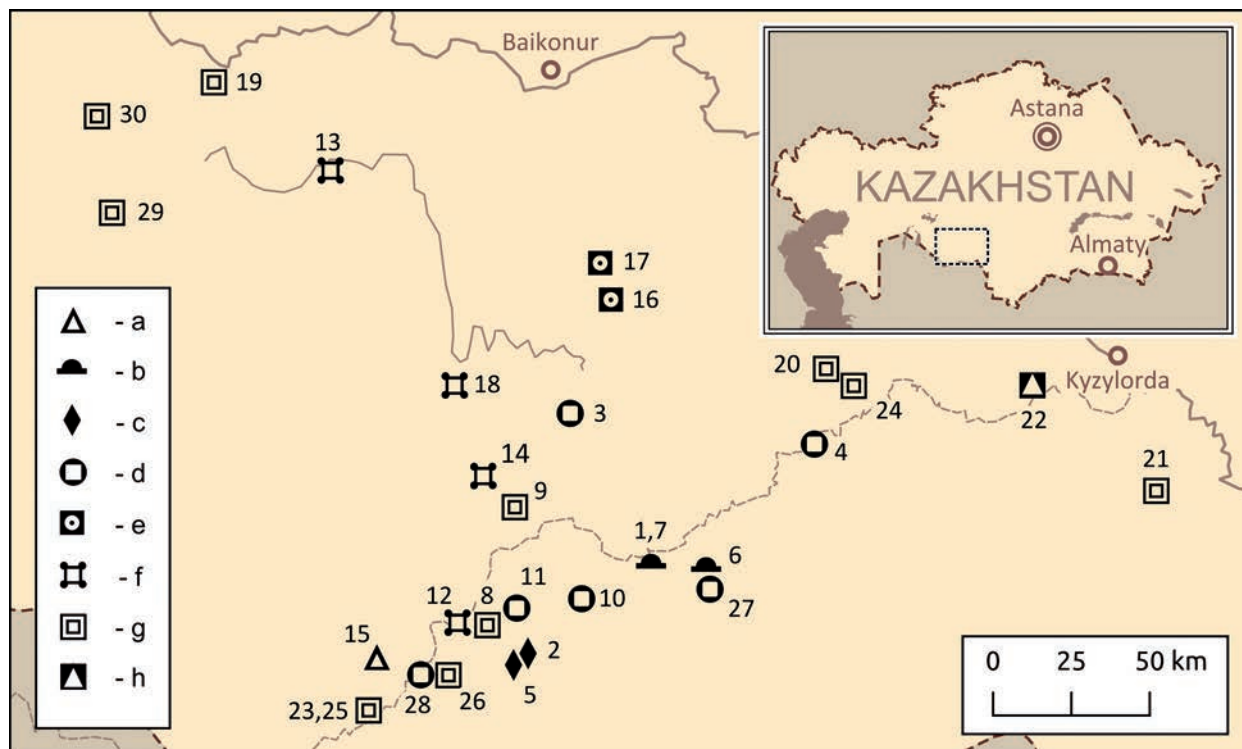
А.И. Левшин 1832 ж. жарық көрген «Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей» еңбегінде бірнеше қала орындарына сипаттама берген.

Жанкент қаласы «Сырдың сол жағасында орналасқан. Жанкент немесе Янги-кент (жаңа бекініс) қашан және кімдермен тұрғызылғаны белгісіз. XIV ғ. өмір сүрген белгілі араб географы Абудфеде өз жазбаларында Янги-кент деп көрсетеді. Өткен жүз жылдықта ол қарақалпақтарға тиесілі болған. 1742 ж. кіші офицер Гладышев тас мұнаралары бар Жанкент қаласының орнын таптым және мұнда қарақалпақ ханы өмір сүрген деп баяндайды. Сонымен қатар, осында тұратын қарақалпақ, қырғыз-қазақтардың айтуынша Жанкенттің алғашқы тұрғындарын жыландар қуып шыққан».

«Жеті қала Қуандарияның оң жағалауында орналасқан. Атауы жеті болсада, мұнда бір бекініс немесе қала, бұл да бұрынғы жүз жылдықта қарақалпақтарға тиесілі. Қаланың қақпасы, тартылған канал орындары анық байқалады».

«Жіңгіт қала Сырдария мен Қуандария аралығындағы Жіңгіт қырында орналасқан. Бекіністің биіктігі 5 саженге дейін жетеді. Өткен жүз жылдықта мықты мұнаралары болған». «Құм-қала, Ковен-қала, Көлшік-там, Сырлы-там және Күйік-там Жаңадарияның кепкен арнасында немесе Қуандариядағы Беш-ұзақ тармағына жақын жердегі Бұзын-гисар ескерткішіне жақын орналасқан» деп сипаттап көрсетеді [Левшин 1832: 212; 1996: 212].

А.И. Макшеевтің 1856 ж. «Морской сборник, «Санкт-Петербургские ведомости» газетінің № 60 және 1867 ж. «Русский инвалид» газетінің № 87 нөмірлерінде Сырдарияның төменгі ағысындағы археологиялық ескерткіштер мен өңірдің табиғи және географиялық жағдайы туралы сипатталады. Аталмыш мақалаларда автор Жанкент қаласын сипаттап, кездейсоқ табылған бүтін

1-сур. XIX–XX ғғ. деректер бойынша ескерткіштердің орналасу карта–схемасы. Шартты белгілер: а – кесене; б – қорым; с – тұрақ; d – қоныс; е – бекіністі қоныс; f – қорған; g – қала; h – қала және некрополь. Қола дәуірі ескерткіштері: 1 – Түгіскен қорымы; 2 – Баян-1–6, тұрақтары; 3 – Ерімбет қонысы; 4 – Тас-1–3 қоныстары. Ерте темір дәуірі ескерткіштері: 5 –Суықбет тұрағы; 6 – Уйғарақ қорымы; 7 – Оңт. Түгіскен қорымы; 8 – Шірік рабат қаласы; 9 – Бабиш мола қаласы; 10 – Бұланды қонысы; 11 – Сеңгір қала қонысы; 12 – Шірік 3 бекінісі; 13 – Алып бекінісі; 14 – Қабыл қала бекінісі (Шағырлы 1); 15 – Белтам кесенесі. Ерте ортағасыр ескерткіштері: 16 – Жетіасар бекіністі қонысы; 17 – Бидайық асар бекіністі қонысы; 18 – Жаман асар бекінісі. Ортағасыр ескерткіштері: 19 – Жанкент қаласы; 20 – Жент қаласы; 21 – Асанас қаласы; 22 – Қыш қала қаласы және некрополи; 23 – Бестам қаласы; 24 – Құм қала қаласы; 25 – Орынбай қала қаласы; 26 – Сырлы там қаласы; 27 – Ұйғарақ қонысы; 28 – Сырлы там қонысы; 29 – Кескен күйік қаласы; 30 – Күйік-қала қаласы. Орындаған: Михаил Антонов

Fig. 1. Map-scheme of the location of monuments according to sources of the 19th–20th centuries. Symbols: a – mausoleum; b – burial ground; c – site; d – settlement; e – fortified settlement; f – fortress; g – settlement; h – settlement and necropolis. Monuments of the Bronze Age: 1 – b.g. Tagisken; 2 – sites Bayan-1–6; 3 – village Yerimbet; 4 – village Tas-1–3. Monuments of the Early Iron Age: 5 – Suykbet site; 6 – b.g. Uygarak; 7 – b.g. South Tagisken; 8 – site Chirik Rabat; 9 – site Babish mola; 10 – village Balandas; 11 – village Sengir kala; 12 – Chirik 3 fortress; 13 – Ayp fortress; 14 – Kabyl kala fortress (Shagyrly 1); 15 – Beltam mausoleum. Monuments of the early Middle Ages: 16 – fortified settlement Zhetiasar; 17 – fortified settlement Bidayik asar; 18 – Zhaman Asar fortress. Monuments of the Middle Ages: 19 – site Zhankent; 20 – site Zhent; 21 – site Asanas; 22 – site and necropolis of Kysh Kala; 23 – site Bestam; 24 – site Kum kala; 25 – site Orynbay kala; 26 – site Syrly tam; 27 – village Uygarak; 28 – village Syrly tam; 29 – site Kesken kuyuk; 30 – site Kuyuk-kala. Executive: Mikhail Antonov

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников по источникам XIX–XX вв. Условные обозначения: а – мавзолей; б – могильник; с – стоянка; d – поселение; е – укрепленное поселение; f – крепость; g – городище; h – городище и некрополь. Памятники эпохи бронзы: 1 – мог. Тагискен; 2 – стоянки Баян-1–6; 3 – пос. Ерімбет; 4 – пос. Тас-1–3. Памятники раннего железного века: 5 – стоянка Суыкбет; 6 – мог. Уйғарақ; 7 – мог. Южн.

бұйымдар мен қару-жарақ секілді археологиялық материалдар жайында баяндайды. Сондай-ақ, А.И. Макшеев «Жанкент қаласын Тұранның байырғы тұрғындары мекен етті және қала табиғи төңкеріс салдарынан емес, отырықшылар орнын көшпелілер басуынан өмір сүруін тоқтатады деген алғашқы ғылыми тұжырым жасайды [Макшеев 1867]. А.И. Макшеевтің қаланы «Жаңа қала» деп атауына қатысты Санкт-Петербург археологиялық қоғамының Шығыс археология бөлімінің жетекшісі В.В. Григорьев мүмкін ол ескі қаланың орнына салынған болар. Дегенмен, бұл атау Жанкент қаласынан ерте Сырдария маңындағы өзге қалаларға қатысты болуы мүмкін» деген болжамдарды қарастыру қажеттігін айтады [Григорьев 1867].

Бас штаб подполковнигі М. Мейер 1865 ж. мақаласында дала ескерткіштерін үш кезеңге бөліп көрсетеді. Төртбұрыш пішінді күйдірілген кірпіштен салынған ежелгі құрылыс орындарының санатына Сырдария бойындағы кейбір ескерткіштерді жатқызады. Ол Жанкент туралы: «Левшиннің осы қала туралы сипаттамасы мен XIV ғ. өмір сүрген араб географы Абулфеда жазбаларында көрсеткен құлаған қала орны сақталмаған. Мүмкін, Жанкент атауы – Жаңа қала түркі тайпалары қоныстанған жерде өте кең тараған басқа жерге немесе сол жерге қатысты болуы мүмкін, бірақ қазіргі кездегі бекініс пен қала орындары кейінгі кезеңге жатады. Себебі күйдірілген саз қабырғалар ғасырлар бойы мықты сақталуы мүмкін емес», – дейді. Ал, М. Мейер Жанкент қаласы мен оның айналасында орналасқан біршама төбелердің ішкі беті күйдірілген кірпіштен тұрса, сыртынан табиғи биік қырларға ұқсайды деп сипаттайды [Мейер 1865: 285–286].

1867 ж. П.И. Лерх Сырдарияның төменгі ағысындағы кейбір ескерткіштерді аралап, Жанкент қаласына алғашқы археологиялық қазба жұмыстарын жүргізді. Оның Түркістан өлкесіндегі археологиялық сапары туралы есебі 1870 ж. «Ресей Императорлық археология қоғамының хабаршысында» жарық көрді. Ол Жанкент қаласын «төрт шаршы верст жерді алып жатыр, қала ортасында қорғанмен қоршалған цитаделі бар. Қала тұрғындары каналдар арқылы Сырдария өзені суын пайдаланған, ондағы құрылыстар күйдірілген кірпіштен тұрғызылған» деп сипаттайды. Сондай-ақ қала тұрғындары шабуыл нәтижесінде емес, бәлкім басқа жерлерге көшіп кетулеріне байланысты және уақыт өте атмосфераның әсерінен бұзылған болса керек деген тұжырым жасайды. П.И. Лерх қала халқының кешенді шаруашылық түрлері жер өңдеу, мал шаруашылығы және балық аулаумен айналысқандығын алға тартады. Қаланың оғыздарға тиесілі екендігін және Хорезммен мәдени шаруашылық тығыз байланыста болғандығы жайында құнды деректер қалдырады. Сонымен қатар, П.И. Лерх ортағасырлық авторлардың Жендтің Жанкентке жақын екендігі туралы мәліметтерін салыстыра отырып, ортағасырлық жазбаша дереккөздерде Жанкентпен бірге айтылған Женд қаласын табуға тырысады. Ол Қорқыт бекетінің жанында орналасқан ортағасырлық қала орнын Женд деп санайды. Сырдарияның төменгі ағысындағы бірнеше ірі ескерткіштерді зерттей келе, П.И. Лерх Плато Карпинидің моңғолдар жеріне сапары уақытысында жазған Орнас қаласы, Рашид ад-Дин мен Джувейнидің баяндаған Эшнас қаласы бұл Асанас қалашығы болуы мүмкін деп көрсетеді [Лерх 1870: 7].

Тагискен; 8 – гор. Чирик рабат; 9 – гор. Бабиш мола; 10 – пос. Баланды; 11 – пос. Сенгир кала; 12 – крепость Чирик 3; 13 – крепость Алып; 14 – крепость Кабыл қала (Шагырлы 1); 15 – мавзолей Белтам. Памятники раннего средневековья: 16 – укрепл. пос. Жетиасар; 17 – укрепл. пос. Бидайык асар; 18 – крепость Жаман асар. Памятники средневековья: 19 – гор. Жанкент; 20 – гор. Жент; 21 – гор. Асанас; 22 – гор. и некрополь Кыш кала; 23 – гор. Бестам; 24 – гор. Кум кала; 25 – гор. Орынбай кала; 26 – гор. Сырлы там; 27 – пос. Уйгарак; 28 – пос. Сырлы там; 29 – гор. Кескен куюк; 30 – гор. Куюк-кала. Исполнитель: Михаил Антонов

Осы 1867 ж. күзінде суретші В.В. Верещагин П.И. Лерхтың бастаған археологиялық қазбасын жалғастырды. Қазба барысында қыш пен сүйектен жасалған көптеген археологиялық материалдарды жинап, 1869 ж. Петербург қаласында ашылған арнайы көрмеге қояды. Жанкенттен жиналған қыш ыдыстардың түрлері сол уақытта Орталық Азияның отырықшы тұрғындарында әлі де қолданылады деп баяндайды [Верещагин 1868].

Сырдарияның төменгі ағысындағы келесі зерттеулер 1895 ж. Ташкент қаласында құрылған Орталық Азия тарихын зерттейтін алғашқы ғылыми бірлестік Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесі қызметімен байланысты болды. Аталмыш үйірме гуманитарлық ғылымдар саласында мамандандырылған ғылыми-өлкетану бағытындағы жалғыз қоғамдық ұйым ретінде жиырма жылдан астам уақыт бойы (1895–1917 жж.) Орта Азия мен Қазақстанның археологиясы мен материалдық мәдениетінің тарихын зерттеді [Лунин 1958: 5]. Үйірме мүшелері Орта Азия мен Қазақстанға жасаған өз сапарларында анықтаған ескерткіштерді сипаттап, зерттеумен қатар оларды ортағасырлық авторлар баяндап, көрсеткен қалалармен байланыстыруға тырысады. АӨТҮ жүргізген зерттеу жұмыстарының нәтижесінде Сырдарияның төменгі ағысында орналасқан біршама жаңадан ескерткіштер ашылып, ескерткіштердің тарихи топографиясы сипатталып, есепке алу, қорғау және зерттеу жұмыстары жүргізілді [Бартольд 1965; Смирнов 1897: 11–12; Каллаур 1904]. Үйірме жұмыстары В.В. Бартольд, В.В. Радлов, И.Ю. Крачковский, В.Г. Тизенгаузен, В. Каллаур, А. Кастанье, Е.Т. Смирнов және т. б. көптеген көрнекті орыс шығыстанушы ғалымдардың есімдерімен тығыз байланысты болды.

В.В. Бартольд АӨТҮ тұрақты, әрі белсенді мүшесі және қамқор тәлімгері болды. Ғалымның сан қырлы ғылыми қызметі көптеген зерттеулерді қамтып, түркі, моңғол және Азия елдері мен Кавказ халықтарының тарихы, археология, география, филология мен этногенез мәселелерін терең зерттеді. Сырдарияның төменгі ағысының ежелгі және ортағасырлық тарихын зерттеуде В.В. Бартольдтың «Түркістанның суландыру тарихы» атты еңбегінің алар орны ерекше, әрі маңызды. Еңбекте тарихи-этникалық үрдістер мен өлкенің суландыру тарихы мәселелері қарастырылады. Сондай-ақ, ғалымның оғыз, қыпшақ және өзге тайпалар мен халықтардың этногенезі туралы мақалалары Арал өңірінің этникалық тарихын зерттеуде өзекті болып табылады [Бартольд 1897; 1965; 2002].

Өңірдің археологиялық ескерткіштерін зерттеген үйірме мүшелерінің бірі В.А. Каллаур 1899 ж. Асанас қаласында болып, ескерткіштің топографиялық сипаттамасын жасайды. Ол 1219 ж. Жошының Жендке жорығы кезінде моңғолдар жаулап алған қалалардың бірі және Джувейни мен Рашид ад-Диннің жазбаша дереккөздеріндегі қала атауларының ұқсастықтарын дәлелдей отырып, ортағасырлық Асанас (Эшнас) қаласы екендігін айтады. Сондай-ақ, ол Женд қаласын Қызылордадан 25–30 км жерде, Сырдарияның сол жағасында орналасқан Қышқала орны деп санайды [Каллаур 1904: 14–15].

Ежелгі ескерткіштерді зерттеушілердің бірі И. Беляев 1904 ж. алғаш рет Шірік рабат қаласында болып, ескерткіштің топографиялық сипаттамасын жасайды. Кейін Түркістан ведомостарының 10 және 31-нөмірлерінде жарияланған «Поперек Кызыл-Кумской пустыни» атты мақаласында қала орнын: «Шірік рабат ойпатында құнды археологиялық ескерткіш және үлкен қамал бар. Оның пішіні төртбұрыш тәрізді, қабырғаларының биіктігі екі құлаш, ені бір құлашқа дейін, көлемі 10–12 ондық жерді алып жатыр. Қаланың қабырғалары едәуір жақсы сақталған, тек біршама мұнаралар толығымен құлаған. Бекіністің жалғыз қақпасын қоршап тұрған үлкен екі мұнара оңтүстігінде болса, жартылай бұзылған қабырғалармен қоршалған цитадель орта бөлігінде орналасқан» деп сипаттайды [Каллаур 1904: 56–59].

1911 ж. А. Кастаньенің XIX ғ. екінші жартысы мен XX ғ. басында жүргізілген археологиялық зерттеулердің қорытындылары мен кең ауқымды библиография қамтылған «Древности киргизских степей и Оренбургского края» атты жалпылама еңбегі жарық көреді [Кастанье 1911; 2007: 318–319].

XIX ғ. аяғында Жанкент қаласының жойылып кетуден қорғауға байланысты ұйымдастырылған шараны белгілі өнертанушы В.Б. Стасов: «Әдетте ежелгі дәуірден мүлдем хабары жоқ әскери адамдар қазір ежелгі қалалар орындарына қызығушылық танытуда, бұл жерлердің ғылым үшін маңызы бар екенін ойлайды, барлық зиян келтіретін шаралардан құтқаруға тырысады... Бұл керемет емес пе, бұл біздегі жағымды жаңалық емес пе?» деп баға береді [Стасов 1894: 192].

АӘТУ мүшелерінің жүргізген ғылыми ізденістері сол уақытта қоғамның Қазақстан мен Орта Азия аумағындағы көне ескерткіштерге деген қызығушылығын арттырады.

XX ғ. зерттеулер. XX ғ. ең маңызды жаңалықтарының бірі С.П. Толстовтың жетекшілігімен 1937 ж. құрылған ХАЭЭ Сырдарияның төменгі ағысында, Әмудария мен Сырдария арналарының төменгі бөліктерінде кешенді ғылыми археологиялық қазба-зерттеу жұмыстарының жүргізілуі болды. Нәтижесінде б.д.д. I мыңж. бастап, кейінгі ортағасырлармен мерзімделетін екі жүзден астам жаңа ескерткіштер анықталады. Жүргізілген бұл жұмыстардың нәтижесінде өңірдің тарихы мен мәдениетіне қатысты тың, әрі құнды мағлұматтар жиналады.

1946 ж. Сырдарияның төменгі ағысындағы археологиялық ескерткіштің алғашқы әуе барлау жұмыстары ХАЭЭ тарапынан Қызылқұм шөлі аумағында Жент–Жетіасар–Жосалы–Қазалы–Қуандария–Жосалы–Жетіасар–Жент бағыттарында жүргізілді. Барлау жұмыстары барысында Сырдарияның ежелгі арналарының аумағында ерте темір дәуірінің Шірік рабат, Бәбіш мола қалалары, Бестам, Шағырлы қамалдары, орта ғасырмен мерзімделетін Құм-қала, Жент, Жанкент қалалары, Жетіасар шатқалындағы он жеті асар және Жаңадария мен Қуандария арналарындағы қарақалпақ қоныстары Орынбай қала, Іркібай, Сырлы там, Шотбай секілді біршама жаңа археологиялық ескерткіштері ашылды [Толстов 1948: 62; 1962: 276; Тәжекеев, Сұлтанжанов 2022:92; Аржанцева и др. 2018].

1948 ж. ХАЭЭ алғашқы кең ауқымды археологиялық қазба-зерттеу жұмыстарының негізгі нысаны трапедия тәрізді пішіні дұрыс емес, көлемі 16 га жерді алып жатқан Жетіасар шатқалындағы Жетіасар 3 (Алтын асар) ескерткіші болды. Зерттеу жұмыстары М.А. Орлов пен Ю.А. Рапопорттың тікелей жетекшілігімен 1951 ж. дейін жүргізілді. Бірнеше далалық маусымда Алтын асар «Үлкен үй» құрылысының бір бөлігі ашылады. Қазба нәтижесінде алынған керамика және басқада материалдарды негізге ала отырып бұл мәдениетті б.д.д. I мыңж. ортасы – б.д. III–VII ғғ. мерзімдейді. Сондай-ақ, Сырдарияның төменгі ағысындағы ескерткіштерге жүргізілген алғашқы барлау, қазба-зерттеу жұмыстарының нәтижелері туралы мәліметер 1948 ж. жарық көрген С.П. Толстовтың «По следам древне-хорезмийской цивилизации» монографиясында және Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы еңбектерінің бірінші және екінші томдарына енгізілген мақалаларда жарияланды [Толстов 1948: 137–139; 1952: 16–31; Андрианов 1956: 189–190].

Оңтүстік шығыс Арал маңындағы мыңдаған шақырымға созылған жерді зерттеуде археолог, топограф, топырақтанушы, геоморфолог және т. б. әр саланың білікті мамандары атсалысып, өз үлестерін қосты. Қазба-зерттеумен қатар археология-топографиялық барлау жұмыстары 1954, 1956–1960, 1962, 1966, 1968, 1971–1973 жылдар аралығында үздіксіз жүргізілді.

1954 ж. зерттеу жұмыстары Сырдарияның ежелгі арнасының оңтүстік-батыс және батыс бөлігінде солтүстік Ақшадария мен Жаңадария арналарының тоғысқан бөлігінде, сондай-ақ Жаңадария, Іңкәрдария, Қуандария және Ескідариялық арналарында да жүргізілді. Жаңадарияның

төменгі ағысынан табылған барлық ескерткіштердің төрттен бір бөлігін қоныстар құрады. Сондай-ақ, Сырдария арнасының оңтүстік бөлігінен ашылған ең ірі ескерткіштер Шірік рабат, Бәбіш мола қалалары, Бұланды қонысы, Сенгір қала, Қабыл қала (Шағырлы 1), Шірік 3 бекіністері болды.

Осы жылы Сырдария арнасының аумағында Хорезм экспедициясымен қатар КСРО ҒА География институтының Сырдария жасағының жетекшісі А.С. Кесс және КСРО ҒА Этнография институтының ғылыми қызметкері А.В. Виноградов жұмыс жасады. Зерттеулер Сырдарияның сол жағалаудағы Қуандария, Жаңадария және Іңкәрдарияның көне арналарында негізгі төрт: 1) оң жағалау (Сырдария); 2) сол жағалау (Сырдария); 3) Жаңадария; 4) Іңкәрдария бағыттары бойынша жүргізілді. Барлау жұмыстарын жүргізудегі мақсат ежелгі ескерткіштерді анықтау, зерттеу және барлық археологиялық нысандардың беткі қабатынан табылған материалды есепке алу және жинау болды. Барлау жұмыстарының нәтижесінде Алып, Асанас 1, 2 және Мүлқалан ескерткіштері анықталады [Виноградов 1954].

1956 ж. Б.В. Андрианов жетекшілік еткен Жаңадария бассейніндегі археологиялық-топографиялық зерттеулері Жаңадария арнасының бойында орналасқан кейінгі ортағасырлық Қарақалпақ суландыру жүйелерін зерттеумен жалғастырылды. Барлау шаралары Барақ тамнан (Ақшадария) Шобан-қазған шатқалына дейінгі және одан әрі Жаңадарияның орта ағысындағы Қылы шатқалына дейінгі аумақта жүргізіліп, нәтижесінде Аралбай қала бекінісі ашылды [Андрианов 1956].

1957 ж. барлау жұмыстары Жаңадарияның жоғарғы бөлігі Қылы шатқалынан Орынбай қала, Сырлы там және Шірік рабат қаласына дейінгі аралықта жүргізілді. Жүргізілген барлау жұмыстарының барысында Л.М. Левинаның жетекшілік етуімен Шірік 2 жерлеу орны мен В.А. Лоховицтың қазба салуымен Шірік 3 бекінісінде зерттеу жұмыстары жүргізіліп, нысандардың ішкі құрылыс іздері айқындалады. Сондай-ақ, Бәбіш мола қаласының солтүстік-батысында орналасқан Қабыл қала бекінісі (Шағырлы 1) мен, Шағырлы 2 жерлеу орны ашылып, зерттеледі. Зерттеушілер жерлеу орындарының шағын шеңбер тәрізді камералары өзара перпендикуляр қабырғалармен төртке бөлінгендіктен «крестовина» деп атайды. Осындай түрдегі жерлеу орындарын Жаңадария арнасында кең тараған деп тұжырымдайды [Толстов и др. 1960: 16]. Қазба барысында алынған археологиялық материалдар негізінде бұл ескерткіштер б.д.д. IV–II ғғ. мерзімделді [Вайнберг, Левина 1993: 22–23]. 1957 ж. жүргізілген барлау нәтижесі Жаңадария арнасы ежелгі дәуір, ерте және кейінгі ортағасыр кезеңдерінде суға толған деген С.П. Толстов жасаған қорытындысын растай түседі [Андрианов 1957; 1960: 172–190].

1957–1960 жж. төрт жылға созылған далалық маусымда ХАЭЭ кешенді археологиялық қазба-зерттеу жұмыстары Шірік рабат, Бәбіш мола қалалары мен Бұланды қонысында жүргізілді.

Шірік рабат қаласындағы зерттеу жұмыстары Ю.А. Рапопорт пен С.А. Трудновскаяның жетекшілігімен екі жерлеу кесенесі мен топырақ үйіндісі бар оба және қаланың жебе тәрізді атыс ойығы мен мұнаралары бар бекініс қабырғаларында жүргізілді. Қазба жұмыстарының нәтижелері ескерткіштің мерзімін нақтылауға мүмкіндік беріп, кешеннің өмір сүру уақыты б.д.д. V–II ғғ. мерзімделеді. Шірік рабат қаласының алғашқы өмір сүру кезеңіне нысанның орталық бөлігінде орналасқан үлкен топырақ үйіндісі бар обаларды жатқызуға болады. Біршама уақыттан кейін орталық бөлігіндегі төбе тікбұрышты мұнаралары бар бекініс қабырғаларымен қоршалып, жерлеу құрылыстары тұрғызылған. Кейін XII–XIII ғғ. басында қала қайта игеріліп, халық қоныстанады [Толстов и др. 1960: 15–62; 1963: 53–67; Толстов 1962: 139; Трудновская 1963: 200–213; Лоховиц 1963: 213–220].

1958 ж. археологиялық-топографиялық барлау жасағының зерттеу жұмыстары Жаңадария және Қуандария арналарының солтүстік бөлігінде жүргізілді. Барлау жұмыстарының бұл жылғы негізгі мақсаты Жаңадария арнасындағы Бәбіш мола оазисі мен Қуандария бойындағы ежелгі егіншілік ескерткіштерін зерттеу болды. Нәтижесінде Жеті асар шатқалындағы асар типіндегі Бидайық асар I және II ескерткіштері, Жаман асар қарақалпақ бекінісі және жиырмаға жуық қала, тұрақ, қоныс, жерлеу орындары мен мазар секілді жаңа нысандар анықталды. Атқарылған бұл жұмыстар жаңадан анықталған ескерткіштерде мекен еткен тайпалардың қоныстану аумағын анықтауға мүмкіндік жасады [Андрианов 1958; Толстов и др. 1963: 32–90].

1958–1960 жж. жүргізілген кең ауқымды археологиялық қазба жұмыстары Бәбіш мола қаласында болды. Мұндағы зерттеу жұмыстары С.П. Толстов пен М.Г. Воробьеваның жетекшілігімен қаланың орталық бөлігіндегі пішіні төртбұрышты келген «Үлкен үй» ғимараты мен «Донжон» деп аталатын мықты бекіністі кешенінде жүргізілді. Стратиграфиялық дерек бойынша Үлкен үй негізгі үш құрылыс кезеңінен тұратындығы анықталып, осы кезеңдерде монументалды сәулет-құрылыс кешені қалыптасқандығын көрсетеді. Сондай-ақ, қазба барысында Үлкен үйдің шығыс бөлігі толығымен ашылады.

Сонымен қатар, Б.И. Вайнбергтің жетекшілік етуімен «Донжонға» жүргізілген қазба барысында жоғарыда көрсетілгендей құрылыс және жөндеу іздері бар үш құрылыс кезеңі анықталады. Бірінші құрылыс кезеңінде донжон орнында цитадельдің алғашқы құрылысы болған. Кейін екінші кезеңде оның орнында жақсы нығайтылған ғимарат пайда болып, үшінші құрылыс кезеңінде екінші кезеңдегі құрылыстар бұзылып, тегістеліп олардың үстіне кейінгі донжон тұрғызылғандығын көрсетеді және бұл кезең б.д.д. II ғ. мерзімделеді.

Осы уақытта М.Г. Воробьеваның жетекшілік етуімен пішіні шаршы тәрізді Бәбіш мола 2 жерлеу құрылысына археологиялық қазба жұмыстары жүргізіледі. Қазба барысы жерлеу құрылысында қам кесек пайдаланғандығын және нысанның жоспары крест тәрізді екендігін көрсетеді. Зерттеушілер жерлеу құрылысын салуда Хорезм ықпалы болмаған, жергілікті жердің құрылыс салу дәстүрі арқылы салынған деп тұжырымдайды. Сонымен қатар, Асар, Бұланды 5, 6 жерлеу орындары зерттеліп, Тышқан тепе және Қызыл тепе кесенелеріне шағын барлау қазбалары салынады. Нәтижесінде кесенелердің жоспары дөңгелек және шағын күмбезі болғандығын және Тышқан тепе Қызыл тепе кесенесінен бұрын салынғандығын көрсетеді. Осылайша, жерлеу нысандарын б.д.д. IV–III ғғ. мерзімдейді [Толстов и др. 1960: 40–62; 1963: 60–64; Толстов 1962: 158–170; Вайнберг, Левина 1993: 44–46].

1959 ж. ХАЭЭ Іңкәрдария отрядының барлау және қазба жұмыстары Іңкәрдария арнасының оңтүстік-шығыс бөлігінде, Ақ шұқыр құдығымен Суықбет төбесі аралығында жүргізілді. Барлау жұмыстарының нәтижесінде Суықбет құмдағының солтүстік-батыс бөлігінен б.д.д. IV–II ғғ. мерзімделетін Суықбет-1–6 тұрақтары, Іңкәрдария арнасына жақын орналасқан қола дәуірінің Баян-1–6 тұрақтары, Іңкәрдария арнасының солтүстік-шығыс бөлігінде Баян құдығының маңында VI–V ғғ. мерзімделетін 1–6 шлакты оба, Іңкәрдария арнасының оңтүстік-батыс бөлігінде Түгіскен-1–3 қорымдары, Тектұрмас құмдағында орналасқан Тектұрмас-1, 2 тұрақтары, Бұланды кешеніндегі Бұланды-3 жерлеу орны, Бұланды-2 кесенесі, Бұланды-1 бекінісі мен ортағасырлық Ұйғарақ-1 қонысы анықталды. Сондай-ақ, барлау барысында 4-шлакты оба, Түгіскен қорымы мен Бұланды кешендеріне алғашқы барлау қазбалары жүргізіледі. 1959 ж. барлау барысында жаңа жерлеу ескерткіші шлакты обалардың ішіндегі көлемі үлкен Сенгір там қорымы анықталады. Жүргізілген барлау қазбасының нәтижесі ескерткішті б.д.д. I мыңж. ортасымен мерзімдеуге мүмкіндік береді.

Осылайша, Іңкәрдария арнасының бойында жүргізілген барлау, қазба жұмыстары аталмыш арнаның Жаңадария арнасымен салыстырғанда едәуір ерте екендігін көрсетеді [Андрианов 1959; Толстов и др. 1963: 32–53].

1959–1961 жж. Бұланды, Бұланды-1 бекіністі қоныстарына барлау қазба жұмыстары жүргізіп, нәтижесінде солтүстік-батыс бөлігінде орналасқан ғимараттың бірнеше бөлмелері ашылды. Қазба барысында табылған материалдар, соның ішінде керамика, қоладан жасалған жебе ұштарымен ерекше сүйектен жасалған бұйымдар, фантастикалық бейнедегі тастан дайындалған жануар мүсіндерін атап өткен жөн. Үй-жайлардың бірінің қабырғаларынан полихромды өрнегі бар сылақ іздері тіркелді. Алынған мәліметтер негізінде Бұланды-1 ескерткіші бұл бірнеше салтанатты бөлмелері бар үлкен бекіністі үй-жай деген қорытынды жасалады. Қазба барысында тіркелген барлық археологиялық материалдарды негізге ала отырып ескерткіш б.д.д. III–II ғғ. мерзімделеді. Бұланды-1 ескерткішінен өзге үй-жай маңындағы Бұланды-2 монументалды кесенесі толық қазылып, Бұланды-3, 4 жерлеу орындарына зерттеу жұмыстары жүргізіледі. Зерттеу нәтижелері Бұланды-2 ескерткіші ерекше күмбезді архитектуралық кесене екендігін, Бұланды-3, 4 нысандарының жоспары 1957 ж. зерттеу жүргізілген Шірік 2, Шағырлы 2, Белтам 1 жерлеу орындарына ұқсайтындығын көрсетеді. Бұланды оазисінде орналасқан жерлеу орындарындағы қазба зерттеу жұмыстары С.П. Толстов, Л.М. Левина, Р.Л. Садаков, Е.Е. Неразик және архитектор Ю.В. Стеблюктың жетекшілігімен жүрді [Андрианов 1959; Толстов 1962: 172–174; Толстов и др. 1963: 32–53].

Жаңадария бассейніндегі археологиялық ескерткіштерді зерттеу нәтижелері олардың өмір сүру уақытын б.д.д. V–II ғғ. мерзімдейді. Бірқатар маңызды белгілерге сәйкес (қоныстану, керамикалық материалдар, жерлеу рәсімі, қалалар мен бекіністер) бұл ескерткіштердің барлығы С.П. Толстов бастапқыда көкше-теңіз деп атаған біртұтас археологиялық мәдениетке біріктіріледі. Кейін, Жаңадария аумағындағы ескерткіштердің ішіндегі көлемі үлкен Шірік рабат қалашығымен байланыстырып жеке археологиялық «Шірікрабат» мәдениетіне бөлінеді. ХАЭЭ 1950-жылдардың аяғы мен 1960-жылдардың басындағы археологиялық зерттеулерінің нәтижелері Б.И. Вайнберг пен Л.М. Левинаның 1991 ж. жарық көрген «Шірікрабат мәдениеті» монографиясына арқау болып, ғылыми айналымға енеді [Вайнберг, Левина 1993: 5–7].

1960–1963 жж. ХАЭЭ зерттеу жұмыстары жүрген негізгі нысан Түгіскен қорымы болды. Түгіскен төбесінде орналасқан қорымдардағы қазба жұмыстары М.А. Итинаның жетекшілігімен жүргізілді [Толстов и др. 1963: 36–47; Итина, Яблонский 1997]. Жүргізілген зерттеулердің нәтижесінде Сырдарияның төменгі ағысында кейінгі қола б.д.д. IX–VIII ғасырларда тікбұрышты қам кесектен тұрғызылған шағын кесенелерде мәйітті өртеу (кремация) рәсімі бойынша жерленген бірегей Солтүстік Түгіскен қорымы ашылады [Итина, Яблонский 2001].

1961 ж. О.А. Вишневскаяның басшылығымен басталған Ұйғарақ қорымындағы қазба жұмыстары 1962, 1963 және 1965 жылдарға дейін жалғасады. 1961 ж. М.А. Итинаның жетекшілік етуімен Оңтүстік Түгіскен қорымындағы зерттеулер 1963 ж. дейін жүргізіледі. Қазба барысында Ұйғарақ қорымынан 70 оба, Оңтүстік Түгіскен қорымынан 38 обаға қазба салынып, құрылымдары әр түрлі жерлеу орындары тіркеледі. Осылайша, Сырдария арнасында алғашқы темір дәуірінің ескерткіштері сақ қорымдары ашылады. Зерттеушілер өңірдің ерте темір дәуіріндегі мәдени және этникалық тарихын түсіндіруде бұл ескерткіштердің орны ерекше әрі маңызды деп түсіндіреді [Вишневская 1973; Итина, Яблонский 2001].

1968 ж. Н.Н. Вактурская Іңкәрдария бойындағы ірі ескерткіштердің бірі Асанас қалашығына шағын қазба жұмыстарын жүргізеді. Қазба нәтижесі XV ғ. Сырдария маңындағы су режимдерінің өзгеруіне байланысты қалада тіршілік тоқтағандығын көрсетеді [Вактурская 1979: 132].

1973 ж. Сырдария арнасының аумағындағы археологиялық зерттеулер Қуандария арнасында орналасқан Жетіасар мәдениетінің ескерткіштері Бидайық асар және Томпақ асар қоныстары мен жақын маңдағы обаларда Л.М. Левинаның басқаруымен жүргізіледі [Левина 1974: 471; 1975: 42–46; 1976: 83–134]. Аталмыш ескерткіштердегі қазба жұмыстары 1984 ж. дейін он жылды қамтыған үлкен үзілістермен атқарылады [Левина 1977: 517–518; 1979: 537; 1980: 434–435; 1981: 438–439; 1986].

1986–1991 жж. Жаңақала–Ленин су құбырын жүргізуде тарихи-мәдени ескерткіштерді қорғау, сақтау мақсатында Жетіасар-3 (Алтын асар), Жетіасар-12 (Томпақ асар), Жетіасар-11 және 13 (Үлкен Қос асар және кіші Қос асар) кешендеріндегі обаларға қазба-зерттеу жұмыстары жүргізілді. Нәтижесінде 700-ден астам оба, 1000-нан астам жерлеу орындары зерттеледі. Сондай-ақ Томпақ асар қаласын зерттеу жалғастырылып, Алтын асар қаласындағы жеке орналасқан жоспары бесбұрышты бекіністі ғимараты толығымен ашылады [Левина 1993: 47]. Жетіасар ескерткіштеріне жүргізілген жан-жақты зерттеулер барысында мұндағы жерлеу орындарының түрлері ондағы жүргізілген рәсімдерді ашып көрсетеді. Нәтижесінде Л.М. Левина Сырдарияның төменгі ағысында ежелгі және ерте орта ғасырларда өте күрделі этникалық үдеріс жүргендігі туралы қорытынды жасайды. Осылайша, ғалым мың жылдан астам уақытқа созылған жетіасар мәдениетін дамуына қарай негізгі үш кезеңге Жетіасар-I (б.д.д. VII–VI ғғ. – б.д. III–IV ғғ.), Жетіасар-II (б.д. IV – VI, V ғғ.) және Жетіасар-III (б.д. VII–IX ғғ.) кезеңдерге бөліп көрсетеді. Сондай-ақ, ол екінші және үшінші кезеңдерде материалдық мәдениет, ескерткіштердің жоспарымен олардың фортификацияларында айтарлықтай өзгерістермен айырмашылықтың бар екенін атап өтеді [Левина 1996: 10]. Зерттеуші әрбір ескерткіштің стратиграфиясы мен материалдық мәдениетін талдай келе Жетіасар-I мәдениетінің өзін: б.д.д. VII–VI ғғ. – б.д.д. I ғ. (1а); б.д.д. I ғ. – б.д. I ғ. (1б); б.д. II–IV ғғ. (1в) деп үш хронологиялық кезеңдерге бөледі [Вайнберг, Левина 1992: 62].

1971–1972 жж. ХАЭЭ Сырдария отряды (жетекшілері Б.В. Андрианов және Н.Н. Вактурская) Сырдарияның ежелгі арнасында кешенді зерттеу жұмыстарын жүргізеді. Атқарылған бұл жұмыстардың негізгі мақсаты жоспарланған жобаға сәйкес Сібір өзендеріндегі су ағысының бір бөлігін Арал теңізінің бассейніне жіберу мақсатында Сырдарияның төменгі ағысындағы ежелгі суармалы жерлерді қайта игеру үшін картаға түсіру болды.

1971 ж. Сырдария отрядының кешенді археологиялық-геоморфологиялық зерттеулері Сырдария арнасының оңтүстік-батыс бөлігінде Инкардария және Жаңадария арналарының орта және төменгі бөліктерінде жүрді. Сонымен қатар, Арал маңындағы Ащысай және Дайрабай арналары мен XVIII ғ. жататын канал маңына жүргізілген зерттеу барысында Арсыбай-1–2, Тулақ, Сарлытам, Майнарқан-1–2 қоныстары анықталды [Итина и др. 1971; Левина 1971].

1972 ж. зерттеулер Сырдарияның оңтүстік-шығыс бөлігінде Инкардария бастауы Жаңадарияның орта ағысы мен Мырзалы шатқалына дейінгі аймақты қамтыды. Мұнда Н.Н. Вактурскаяның жетекшілігімен Мырзалы қонысына қазба жұмыстары жүргізілді. Аталмыш аймақтың шығыс бөлігінде жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында әртүрлі кезеңдердегі Тас-1–3 қонысы, Сеңгір қала, Тас-асар, Қоян қала, Қақ қала, Ерімбет қонысы, Қызылғыр қорымы және т. б. жаңа археологиялық ескерткіштер анықталды [Левина 1972; Итина, Андрианов 1972]. Жоғарыда көрсетілген ескерткіштерде жүргізілген зерттеу жұмыстарына археолог ғалымдармен бірге КСРО ҒА Этнография институты қызметкерлері, КСРО ҒА География институтының географ, геоморфолог мамандары мен Қазақ КСРО ҒА Топырақтану институтының ғылыми қызметкерлері бірлесе жұмыс жасады.

Осылайша, Хорезм археологиялық этнографиялық экспедициясының Сырдарияның төменгі ағысындағы елу жылға жуық жүргізілген зерттеулері аяқталады. Біршама үзілістен соң Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының тарапынан құрылған Шірік Рабат археологиялық экспедициясының ХХІ ғ. жүргізген зерттеулері негізінде өңір тарихы жаңа деректермен толықтырылды.

3 Талқылау (Утубаев Ж.Р., Суюндиқова М.Қ.)

Зерттеу жұмысының басты нәтижелері ХІХ және ХХ ғғ. Сырдарияның төменгі ағысында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарына қатысты жарық көрген ғылыми еңбектерді жан-жақты талдау мен жүйелеуге қатысты мәліметтерге қол жеткізу болып табылады.

Жоғарыда атап өткеніміздей ХІХ ғ. зерттеулер патша өкіметі отарлау саясатын жүзеге асыру мақсатында әскери шенділердің аталмыш аймаққа келіп, көрген ескі қалалардың орналасу жері мен сипаттамасы жөнінде мәліметтер келтіреді. Әскери шенділер жазбаларынан археологиялық ескерткіштердің ішінде Жанкент қаласын жиі кездестіреміз.

Кейін, 1895–1917 жж. аралығында Орта Азия мен Қазақстанның археологиясы мен материалдық мәдениет тарихын зерттеуде Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесінің мүшелері жоғарыда көрсетілген әскери шенділер зерттеулерін жаңа мәліметтермен толықтырады. Үйірме мүшелері өңірдегі Перовск және Қазалы уездерінде жаңадан анықталған археологиялық ескерткіштерді анықтау, есепке алу, қорғау және сақтау сондай-ақ ескерткіштерге топографиялық сипаттама беру бағытында жұмыстар атқарғандығын байқаймыз.

Зерттеу жұмысының басым бөлігі ХХ ғ. С.П. Толстов жетекшілік еткен ХАЭЭ қазба-зерттеу жұмыстарына тиесілі. Экспедиция мүшелері мақалаға арқау болған территориядан тас дәуірінен бастап кейінгі орта ғасыр кезеңіне тиесілі екі жүзден астам қала, бекініс, қоныс, тұрақ, үй-жай, жерлеу орындары секілді археологиялық ескерткіштерді анықтап, тиесілі зерттеу жұмыстарын жүргізеді.

ХАЭЭ зерттеулері Сырдарияның төменгі ағысында тас дәуірінің қырықтан аса ескерткіштері белгілі екендігін анықтады. Олардың басым бөлігі Сырдария арнасының солтүстігінде шоғырланған, белгілісі Қосмола 1–6, Талас 1 ескерткіштері болды. Ал, Іңкәрдария арнасының батыс бөлігінде Жалпақ 1–6 нысандары мен келтеменарлық тұрақтарды анықтайды [Толстов 1962: 79; Виноградов 1963: 96]. Сонымен қатар, кейінгі келтеменарлық тұрақтардың шоғыры Арал теңізінің солтүстік-шығыс жағалауында, Сексеуіл станциясында кездесетіндігін айтады [Формозов 1949].

ХАЭЭ тарапынан қола дәуірінің біршама ескерткіштеріне зерттеу жұмыстарын жүргізеді. Бұл дәуірмен мерзімделетін Бұрлы 1–3, Баян 2, 3, Ерімбет, Көк-Сеңгір, Марджан 1, 2, Зиякет, Тас 1–3 және т. б. қоныс, тұрақтар мен жерлеу орындардың басым бөлігі Іңкәрдария арнасының ортаңғы және төменгі бөлігінде, солтүстік Қызылқұмда орналасқан. Зерттеушілер Сырдария арнасын қола дәуірде қоныстануды Хорезм, Ақшадария арнасының оңтүстігіндегі амирабад мәдениетіндегі бақташылықпен айналысатын тұрғындардың көшуімен байланыстырады [Итина 1998: 88]. Қола дәуірімен мерзімделетін ескерткіштердің ішіндегі белгілісі Іңкәрдарияның орта ағысында орналасқан солтүстік Түгіскен қорымы болды. Аталмыш ескерткішке ХАЭЭ жүргізген зерттеу жұмыстарының нәтижесі жерлеу орындарының б.д.д. ІХ–VIII ғғ. мерзімделетіндігін көрсетеді [Итина, Яблонский 2001: 93].

Зерттеушілер б.д.д. I мыңж. екінші жартысында Сырдария арнасының аумағына сақ тайпаларының қоныстануын, Іңкәрдария арнасының суы тартылып, оның орнына Жаңадарияның

қалыптасуымен түсіндіреді. ХАЭЭ бұл аймақтан жетпіске жуық ерте темір дәуірінің ескерткіштерін анықтап, археологиялық қазба-зерттеу жұмыстарын жүргізеді. С.П. Толстов осы ескерткіштердің барлығын батысы – солтүстік Ақшадария арнасы мен шығысы – Жаңадария және Іңкәрдария арналарының төменгі аймақтарын қамтитын «көкше-теңіз» археологиялық мәдениетіне жатқызады. Біршама уақыттан соң, Л.В. Левина Жаңадария арнасының бойында орналасқан ірі ескерткіш Шірік Рабат қаласымен байланыстырып жеке шірікрабат мәдениеті деп бөліп шығарады [Вайнберг, Левина 1993: 47].

ХАЭЭ зерттеушілері Жаңадария арнасындағы XII–XIV ғғ. мерзімделетін ескерткіштердің орналасуын, арнада ерте ортағасырларда су болмағандығымен түсіндіреді. Ал, Іңкәрдария арнасы IX–XII ғғ. суға толғандығын, мұнда ерте және кейінгі ортағасырда мекен еткен тайпалардың көптеген қоныс, бекініс, жерлеу орындары секілді археологиялық ескерткіштердің шоғырлануынан анық байқауға болады. Сондай-ақ, Жаңадария арнасы кеуіп кеткеннен соң XV ғ. қазіргі Сырдария арнасы қалыптасты деп тұжырымдайды. Осылайша, ХАЭЭ Іңкәрдария мен Жаңадария арналарының бойында орналасқан ерте және кейінгі ортағасырлармен мерзімделетін ескерткіштерді ашып, зерттеу шараларын жүргізеді [Толстов 1962: 273–294; Толстов и др. 1963: 73–90].

Жалпы, ХАЭЭ тарапынан жүргізілген зерттеу жұмыстары Сырдария өзенінің төменгі ағысы көшпелі және егіншілік өркениеттерін байланыстырған ерекше көпір болғандығын дәлелдейді.

4 Қорытынды (Утубаев Ж.Р., Суюндикова М.К.)

Сырдарияның төменгі ағысы ежелден өркениеттер ошағы болғандығын дәлелдейтін бірегей археологиялық ескерткіштерге бай аймақ. Мұны XIX ғ. патша өкіметінің әскери шенділерінен құралған арнайы экспедициялары мен алғашқы ғылыми бірлестік Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесі және XX ғ. С.П. Толстов басқарған Хорезм археология этнографиялық экспедициясының жүргізген зерттеу жұмыстарының қорытындыларынан анық байқауға болады.

XIX ғ. зерттеулер негізінен патша өкіметі отарлау саясатын жүзеге асыру мақсатында әскери шенділер П. Рычков, М. Мейер, А.И. Левшин, А.И. Макшеев, В.В. Григорьев, П.И. Лерх, В.В. Верещагин және т. б. жазбаларында көрініс тапты. Әскери шенділер Сырдарияның төменгі ағысында орналасқан ескерткіштердің географиялық орналасуы мен сипаттамасына қатысты деректер көрсетеді. Кейін бұл мәліметтер Ташкент қаласында құрылған алғашқы ғылыми бірлестік Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесі мүшелерінің зерттеулерінде баламалану мәселелерімен жалғасып, жаңа мәліметтермен толықтырылады. Нәтижесінде сол уақыттағы қоғамның Орта Азия мен Қазақстанға деген қызығушылығы арта түседі. Жалпы, XIX ғ. жүргізілген зерттеулер аталмыш аймақтағы ескерткіштер жайлы алғашқы ғылыми гипотезалардың пайда болуымен, сондай-ақ алынған деректерді ортағасырлық авторлардың мәліметтері арқылы салыстыруымен ерекшеленеді.

Ал, XX ғ. зерттеулері Хорезм археологиялық этнографиялық экспедициясының жұмыстарымен тікелей байланысты болды. ХАЭЭ зерттеу нәтижелері Сырдария өзенінің төменгі ағысын мекен еткен тайпалар мен халықтардың тарихы және осы территорияда орналасқан ескерткіштердің өмір сүру кезеңін тікелей Сырдария арнасымен байланыстырады. Себебі Сырдария арналарының суға толуы, өңірдегі қолайлы табиғат мұнда мекен еткен тұрғындардың түрлі шаруашылық пен мәдениеттер қалыптастыруына, өзге халықтармен экономикалық, саяси және мәдени тығыз қарым-қатынас жасауына жағдай жасады. Сонымен қатар, зерттеу барысы аталмыш аймақты игеру мен қоныстану қола дәуірінен бастау алып, б.д.д. I мыңж. ортасы мен екінші жартысында

отырықшы-егіншілік шірікрабат мәдениетінің гүлденген кезеңі болғандығын көрсетеді. Сондай-ақ, жүргізілген зерттеу нәтижесінде аталмыш өңірді мекендеген халықтардың мәдениеті, тұрмысы мен шаруашылығы жөніндегі мәліметтер зерделеніп, ескерткіштердің мерзімделуіне қатысты кәсіби мамандар тарапынан қорытындылар мен тұжырымдар жасалады. Осы тұжырымдар мен қорытындылар бүгінгі күнде біршама зерттеушілердің ғылыми жұмыстары мен ізденістеріне арқау болды.

Еліміз тәуелсіздік алғаннан кейін, құнды қазыналарымыз бен ұлттық мұраларымызды зерделеу, зерттеу және еліміз бен халықаралық деңгейде таныту мен насихаттау бағытында біршама шаралар атқарылды. Осы орайда 2004 ж. «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы аясында ҚР БҒМ Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты тарапынан құрылған Шірік Рабат археологиялық экспедициясы (ШРАЭ) Сырдарияның төменгі ағысындағы XX ғ. бастау алған ХАЭЭ зерттеулерін бүгінгі күнге дейін кешенді, әрі үздіксіз жалғастырып келеді. Жаңа зерттеу нәтижелері шірікрабат археологиялық мәдениеті ерте темір дәуіріндегі сақ тайпаларының мәдениеті негізінде қалыптасып, әрі қарай отырықшы-егіншілік мәдениет ретінде дамығандығын көрсетеді. Зерттеушілер Сырдарияның төменгі ағысында мамандандырылған колонер өндірісі бар үлкен қоныстар, ірі бекіністі құрылыстар, кесенелер (пантеон), жерлеу орындары, көптеген ұсақ ауылдық қоныстар мен жекелеген үй-жайлардың анықталуын, бұл өңірде ерте мемлекеттік құрылым болғандығымен түсіндіреді [Болелов, Утубаев 2020: 69–88; Utubayev 2022: 43–56].

Қорыта келгенде, Сырдарияның төменгі ағысы өзінің ерекше мәдениеті, бірегей тарихи-мәдени және археологиялық ескерткіштерімен Еуразияның тарихи дамуына үлес қосқан ауқымды зерттелген бірден-бір ерекше аймақ екендігін дәлелдейді.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Андрианов Б.В. Археолого-топографические изыскания в бассейне Жанадарьи в 1956 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 142, оп. 2, ед. хр. 27.
- 2 Андрианов Б.В. Отчет о работе археолого-топографического отряда в 1957 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 142, оп. 2, ед. хр. 31.
- 3 Андрианов Б.В. Изучение каракалпакской ирригации в бассейне Жанадарьи в 1956–1957 гг. // Материалы ХАЭЭ. М., 1960. Вып. 4. С. 172–190.
- 4 Андрианов Б.В. Отчет о работе археолого-топографического отряда в бассейне Жанадарьи в 1958 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 142, оп. 2, ед. хр. 37.
- 5 Андрианов Б.В. Отчет о работах Хорезмской археолого-этнографического экспедиции АН СССР на территории Казахской ССР в 1959 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 142, оп. 2, ед. хр. 42.
- 6 Аржанцева И.А., Болелов С.Б., Тажекеев А.А. История исследований Хорезмской экспедиции на землях Сыра. М.: Олеабук, 2018. 312 с.
- 7 Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана. Сочинения / Отв. ред. И.П. Петрушевский. М.: Наука, 1971. Т. VII. 658 с.
- 8 Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Сочинения / Отв. ред. А.М. Беленицкий. М.: Наука, 1965. Т. III. 232 с.
- 9 Бартольд В.В. Работы по исторической географии / Отв. ред. А.М. Беленицкий. М.: Вост. лит., 2002. 706 с. (перепеч. с изд. 1965 г.).
- 10 Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Гончарное производство на территории древней дельты Сырдарьи в эпоху античности: новые данные // Археология Казахстана. 2020. № 1 (7). С. 69–88.
- 11 Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 47–60.

- 12 Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М.: ИЭА РАН, 1993. 130 с.
- 13 Вактурская Н.Н. Новые данные о городище Асанас // Археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 127-133.
- 14 Верещагин В.В. Джанкент // Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1868. № 2.
- 15 Виноградов А.В. Археологические разведки в Кызылординской области Казахской ССР в 1954 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 142, оп. 2, ед. хр. 21.
- 16 Виноградов А.В. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры // Материалы ХАЭЭ. М., 1963. Вып. 6. С. 91-102.
- 17 Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. / Отв. ред. М.Г. Воробьева. Труды ХАЭЭ. М.: Наука, 1973. Т. VIII. 159 с.
- 18 Григорьев В.В. Кабулистан и Кафиристан. СПб.: Рус. геогр. о-во, 1867. 1010 с.
- 19 Итина М.А. К истории изучения бронзового века Южного Приаралья // Приаралье в древности и средневековья / Отв. ред. Е.Е. Неразик. М.: Вост. лит., 1998. С. 78-91.
- 20 Итина М.А., Андрианов Б.В. Отчет о работах Сырдарьинского отряда Хорезмской археологической экспедиции в 1972 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 142, оп. 2, ед. хр. 97.
- 21 Итина М.А., Вактурская Н.Н., Левина Л.М. Работа Хорезмской экспедиции в низовьях Сырдарьи. 1971 // Архив ИЭА РАН. Ф. 142, оп. 2, ед. хр. 88.
- 22 Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи. М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.
- 23 Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Вост. лит., 2001. 294 с.
- 24 Каллаур В.А. Древние города и селения (развалины) в Перовском уезде в доменах рек Сырдарьи и Яны-Дарьи // ПТКЛА. 1904. IX. С. 14-59.
- 25 Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края / ТОУАК. 1911. Т. XXII. Вып. 22. 332 с.
- 26 Кастанье А.И. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2-е изд. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.
- 27 Левина Л.М. Отчет о работе Сырдарьинского отряда Хорезмской экспедиции в 1971 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 142, оп. 2, ед. хр. 88.
- 28 Левина Л.М. Отчет о работе Сырдарьинского маршрутного отряда в 1972 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 142, оп. 2, ед. хр. 97.
- 29 Левина Л.М. Работы в Джетыясарском урочище // Археологические открытия 1973 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 471.
- 30 Левина Л.М. Новые исследования памятников Джетыясарской культуры в Восточном Приаралье // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: тез. докл. конф. (г. Ленинград, ноябрь 1975 г.) / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: [б./и.], 1975. С. 42-46.
- 31 Левина Л.М. Отчет о работах Джетыясарского отряда ХАЭЭ Института этнографии АН СССР в 1976 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 142, оп. 2, ед. хр. 118.
- 32 Левина Л.М. Исследования в Джетыясарском урочище // Археологические открытия 1976 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 537.
- 33 Левина Л.М. Поселения VII–V вв. до н.э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты / Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ. М., 1979. Т. XI. 192 с.
- 34 Левина Л.М. Раскопки городищ Джетыясарского оазиса // Археологические открытия 1979 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 434-435.
- 35 Левина Л.М. Среднеазиатские связи Джетыясарской культуры в первом тысячелетии н.э. // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 170-177.
- 36 Левина Л.М. Отчет о работах Джетыясарского отряда ХАЭЭ Института этнографии АН СССР в 1986 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 142, оп. 2, ед. хр. 178.
- 37 Левина Л.М. Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2: Джетыясарская культура. Ч. 1: Склепы. М.: Ин-т этнол. и антроп. РАН, 1993. С. 33-199.

- 38 Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- 39 Левишин А.И. Описание киргиз-кайсацких орд и степей // Известия географические. Ч. 1. СПб., 1832. Т. 12. 212 с.
- 40 Левишин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- 41 Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. // Отчет ИАК. СПб.: Типография императорской академии наук, 1870. С. 7-40.
- 42 Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. ТКЛА (1895–1917) / Отв. ред. Р.Н. Набиев. Ташкент: АН УзССР, 1958. 319 с.
- 43 Лоховиц В.А. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирикрат // Материалы ХАЭЭ / Под ред. С.П. Толстова. М.: АН СССР, 1963. Вып. 6. С. 214-220.
- 44 Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. I. 612 с.
- 45 Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 386 с.
- 46 Макишеев А.И. Описание низовьев Сырдарьи // Морской сборник. 1856. Т. XXIII. № 9. С. 448-527.
- 47 Макишеев А.И. Остатки старинного города на Сыр-Дарье // Санкт-Петербургские Ведомости. 1867. № 60.
- 48 Ремезов С. Чертежная книга Сибири, составленная в 1701 г. СПб., 1882.
- 49 Рычков П. Топография Оренбургской губернии. СПб.: при Императорской Академии наук, 1762. С. 5-434.
- 50 Рычков П. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 309 с.
- 51 Смирнов Е.Т. Древности на среднем и нижнем течении р. Сырдарьи / ПТКЛА, 2, протокол от 17.II-1897 г.
- 52 Стасов В.В. Собрание Сочинений Стасова. СПб., 1894. Т. III. Музыка и театр.
- 53 Сыдыкова Ж.Т. Археологические памятники низовьев Сырдарьи (по материалам Хорезмской археолого-этнографической экспедиции) // Российская археология. 2008. № 4. С. 43-51.
- 54 Тәжекеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.Қ. 2019 және 2022 жж. ортағасырлық Жанкент қала-жұрты маңына жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары жайлы // Қазақстан археологиясы. 2022. № 3 (17). 91-102-бб.
- 55 Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: АН СССР, 1948. 328 с.
- 56 Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1945–1948 гг. // Труды ХАЭЭ. М., 1952. Т. I. С. 7-46.
- 57 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Вост. лит., 1962. 324 с.
- 58 Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // Материалы ХАЭЭ. М., 1960. Вып. 4. С. 15-62.
- 59 Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. // Материалы ХАЭЭ. М., 1963. Вып. 6. С. 3-81.
- 60 Трудновская С.А. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-рабат // Материалы ХАЭЭ. М., 1963. Вып. 6. С. 201-213.
- 61 Формозов А.А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. 1949. Вып. 25. С. 49-54.
- 62 Ханьков Я.В. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851. 88 с.
- 63 Энциклопедический словарь географических названий / Гл. ред. С.В. Калесник. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 806 с.
- 64 Utubayev Zh. An essay on the ethnocultural history of the lower reaches of the Syr Darya in the second half of the I millennium BC: settlements of the Chirikrabat culture // Kazakhstan Archeology. 2022. № 1 (15). Pp. 43-56.

REFERENCES

- 1 Andrianov, B. V. 1956. In: *Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS*. Fund 142, inventory 2, item. ridge 27 (in Russian).
- 2 Andrianov, B. V. 1957 In: *Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS*. Fund 142, inventory 2, unit chr. 31 (in Russian).
- 3 Andrianov, B. V. 1956–1957. In: *Materialy KhAEE (Materials of Khorezm Archaeological and ethnography expedition)*, 4, 172-190 (in Russian).

- 4 Andrianov, B. V. 1958. In: *Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS*. Fund 142, inventory 2, item. ridge 37 (in Russian).
- 5 Andrianov, B. V. 1959. In: *Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS*. Fund 142, inventory 2, item. ridge 42 (in Russian).
- 6 Arzhantseva, I. A., Bolelov, S. B., Tajekceev, A. A. 2018. *Istoriya issledovaniy Khorezmskoy ekspeditsii na zemlyah Syra (History of research of the Khorezm expedition on the lands of the Syr)*. Moscow: "Oleabuk" Publ. (in Russian).
- 7 Bartold, V. V. 1965. *Sochineniya (Essays)*. Vol. III. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 8 Bartold, V. V. 1979. *Sochineniya (Essays)*. Vol. VII. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 9 Bartold, V. V. 2002. *Raboty po istoricheskoy geografii (Works on historical geography)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
- 10 Bolelov, S. B., Utubayev, Zh. R. 2020. In: *Kazakstan arheologiasy (Kazakhstan Archeology)*, 1 (7), 69-88 (in Russian).
- 11 Vaynberg, B. I., Levina, L. M. 1992. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: "Nauka" Publ., 47-60 (in Russian).
- 12 Vaynberg, B. I., Levina, L. M. 1993 *Nizovaya Syrdari v drevnosti (The lower reaches of the Syr Darya in antiquity)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (in Russian).
- 13 Vakturskaya, N. N. 1979. In: *Arkheologiya i etnografiya Sredney Azii (Archaeology and Ethnography of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 127-133 (in Russian).
- 14 Vereshchagin, V. V. 1868. In: *Sankt-Peterburgskiy vedomosti*, 2 (in Russian).
- 15 Vinogradov, A. V. 1954. In: *Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS*. Fund 142, inventory 2, unit hr. 21 (in Russian).
- 16 Vinogradov, A. V. 1963. *Materialy KhAEE (Materials of the Khorezm Archaeological and ethnography expedition)* (in Russian).
- 17 Vishnevskaya, O. A. 1973. *Trudy KhAEE (Proceedings of the Khorezm Archaeological and ethnography expedition)*, VIII. Moscow (in Russian).
- 18 Grigoriev, V. V. 1867. *Kabulistan i Kafiristan (Kabulistan and Kafiristan)*. Saint Petersburg: Russian Geographical Society (in Russian).
- 19 Itina, M. A. 1998. In: Nerazik, E. E. (ed.). *Priaralie v drevnosti i srednevekovie (The Aral Sea region in antiquity and the Middle Ages)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ., 78-91 (in Russian).
- 20 Itina, M. A., Andrianov, B. V. 1972. In: *Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS*. Fund 142, inventory 2, items. 97 (in Russian).
- 21 Itina, M. A., Vakturskaya, N. N., Levina, L. M. 1971. In: *Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS*. Fund 142, inventory 2, item. ridge 88 (in Russian).
- 22 Itina, M. A., Yablonskiy, L. T. 1997. *Saki Nizhney Syrdarii (Sakas of the Lower Syr Darya)* (in Russian).
- 23 Itina, M. A., Yablonskiy, L. T. 2001. *Mavzolei Severnogo Tagiskena. Pozdny bronzovyy vek Nizhney Syrdarii. (Mausoleums of Northern Tagisken. Late Bronze Age of the Lower Syr Darya)* (in Russian).
- 24 Kallaur, V. A. 1904. In: *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubitelei arheologii (Protocols of the Turkestan Circle of Amateur Archaeologists)*, IX (in Russian).
- 25 Castagne, I. A. 1911 In: *Trudy Orenburgskoy uchenoy Arhivnoy komissii (Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission)*, XXII (in Russian).
- 26 Castagne, A. I. 2007. *Drevnosti Kirgizskoy stepi i Orenburgskogo kraya (Antiquities of the Kirghiz steppe and the Orenburg region)*. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).
- 27 Levina, L. M. 1971. In: *Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS*. Fund 142, inventory 2, unit. ridge 88 (in Russian).
- 28 Levina, L. M. 1972. In: *Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS*. Fund 142, inventory 2, unit. ridge 97 (in Russian).
- 29 Levina, L. M. 1973. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arheologicheskiye otkrytiya (Archaeological discoveries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 471 (in Russian).

- 30 Levina, L. M. 1975. In: Masson, V. M. (ed.). *Ranniye kochevniki Sredney Azii i Kazakhstana (Early nomads of Central Asia and Kazakhstan)*. Leningrad, 42-46 (in Russian).
- 31 Levina, L. M. 1976. In: *Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS*. Fund 142, inventory 2, item. ridge 118 (in Russian).
- 32 Levina, L. M. 1977. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskiye otkrytiya (Archaeological discoveries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 537 (in Russian).
- 33 Levina, L. M. 1979. *Kochevniki na granitsah Horezma (Nomads on the borders of Khorezm)*. Moscow (in Russian).
- 34 Levina, L. M. 1979. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskiye otkrytiya (Archaeological discoveries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 434-435 (in Russian).
- 35 Levina, L. M. 1981. In: *Kultura i iskusstvo drevnego Khorezma (Culture and art of ancient Khorezm)*. Moscow: "Nauka" Publ., 170-177 (in Russian).
- 36 Levina, L. M. 1986. In: *Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS*. Fund 142, inventory 2, item. ridge 178 (in Russian).
- 37 Levina, L. M. 1993. In: *Nizovyya Syrdari v drevnosti (The lower reaches of the Syr Darya in antiquity)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 33-199 (in Russian).
- 38 Levina, L.M. 1996. *Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaralya (Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region)*. Moscow: "Vostochnaya literature" Publ. (in Russian).
- 39 Levshin, A. I. 1832 In: *Izvestiya geograficheskoye (Geographical News)* (in Russian).
- 40 Levshin, A. I. 1996. In: *Opisanie kirgiz-kazatshikh, ili kirgiz-kaysatsikh, ord i stepey (Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes)*. Almaty: "Sanat" Publ. (in Russian).
- 41 Lerkh, P. I. 1870. In: *Otchet IAK (Report of the Imperial Archaeological Commission)* (in Russian).
- 42 Lunin, B. V. 1958. *Iz istorii russkogo vostokovedeniya i arkhologii v Turkestane (From the history of Russian oriental studies and archaeology in Turkestan)*. Tashkent: Academy of sciences of the UzSSR (in Russian).
- 43 Lokhovits, V. A. 1963. In: *Materialy KhAEE (Materials of the Khorezm Archaeological and ethnography expedition)*. Moscow: "Nauka" Publ., 214–220 (in Russian).
- 44 *Materialy po istorii turkmen i Turkmeni (Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan)*. 1939. Moscow; Leningrad (in Russian).
- 45 Meyer, L. 1865. In: *Kirgizskaya step Orenburgskogo vedomstva (The Kyrgyz steppe of the Orenburg department)*. St. Petersburg: type. E. Weimar and F. Person (in Russian).
- 46 Maksheev, A. I. 1867. In: *St. Petersburg Vedomosti*, 60 (in Russian).
- 47 Maksheev, A. I. 1856. In: *Morskoy sbornik (Marine collection)*, 448-457 (in Russian).
- 48 Remezov, S. 1701. *Chertezhnaya kniga Sibiri (Drawing book of Siberia)* (in Russian).
- 49 Rychkov, P. 1762. *Topografiya Orenburgskoy gubernii (Topography of the Orenburg province)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- 50 Rychkov, P. 1999. *Topografiya Orenburgskoy gubernii (Topography of the Orenburg province)*. Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).
- 51 Smirnov, E. T. 1897. In: *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubitelei arheologii (Protocols of the Turkestan Circle of Amateur Archaeologists)* (in Russian).
- 52 Stasov, V. V. 1894. *Sobraniye Sochineniy Stasova (Collected Works of Stasov)*. Vol. III. Music and theater. St. Petersburg (in Russian).
- 53 Sydykova, Zh. T. 2008. In: *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)*, 4, 43-51 (in Russian).
- 54 Tazhekeyev, A., Sultanzhanov, Zh. 2022. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 3 (17), 91–102 (in Kazakh).
- 55 Tolstov, S. P. 1948. *Po sledam drevnekhorezmiyskoy tsivilizatsii (In the footsteps of the ancient Khorezmian civilization)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 56 Tolstov, S. P. 1952. In: *Trudy KhAEE (Proceedings of the Khorezm Archaeological and ethnography expedition)*. Moscow, 7-46 (in Russian).
- 57 Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim delтам Oksa i Yaksarta (Along the ancient deltas of the Oxus and Jaksart)*. Moscow: "Vostochnaya literature" Publ. (in Russian).

- 58 Tolstov, S. P., Vorobieva, M. G., Rapoport, Yu. A. 1960. In: *Materialy HAEЕ (Materials of the Khorezm Archaeological and ethnography expedition)*, 4. Moscow, 15-62 (in Russian).
- 59 Tolstov, S. P., Zhdanko, T. A., Itina, M. A. 1963. In: *Materialy HAEЕ (Materials of the Khorezm Archaeological and ethnography expedition)*, 6. Moscow, 3-81 (in Russian).
- 60 Trudnovskaya, S. A. 1963 In: *Materialy KhAEЕ (Materials of the Khorezm Archaeological and ethnography expedition)*, 6. Moscow, 201-213 (in Russian).
- 61 Formozov, A. A. 1949. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladah i polevyh issledovaniyakh Instituta istorii materialnoy kultury (Brief reports on reports and field studies of the Institute for the History of Material Culture)*, 25, 49-54 (in Russian).
- 62 Khanykov, Ya. V. 1851. *Poyezdka iz Orska v Khivu i obratno, sovershennaya v 1740–1741 godakh Gladyshevym i Muravinyam (The trip from Orsk to Khiva and back, made in 1740-1741 by Gladyshev and Muravin)*. St. Petersburg (in Russian).
- 63 *Entsiklopedicheskiy slovar geograficheskikh nazvaniy (Encyclopedic Dictionary of Geographical Names)*. 1973. Moscow: “Soviet Encyclopedia” Publ. (in Russian).
- 64 Utubayev, Zh. 2022. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1 (15), 4356 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.07.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 17.08.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.09.2023.

УДК 902.904 (470.6)
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.68.81>

Об апотропеическом смысле фигуративных составляющих декора конского начельника из могильника Андреевская щель (Северный Кавказ)

© 2023 г. Ермоленко Л.Н., Советова О.С.

Keywords: archaeology, Eurasia, the North Caucasus, the Middle Ages, horse equipment, artistic metalwork objects, glazed ceramics, apotropaic

Түйін сөздер: археология, Еуразия, Солтүстік Кавказ, Ортағасырлар, ат әбзелдері, торевтика, сырланған керамика, апотропей

Ключевые слова: археология, Евразия, Северный Кавказ, Средневековье, конское убранство, торевтика, глазуванная керамика, апотропей

Lyubov Ermolenko^{1*} and Olga Sovetova¹

^{1*}Corresponding author, Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University. Kemerovo, Russia. E-mail: lyubov.ermolenko@mail.ru

¹Doctor of History, Director of Institute of History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. E-mail: olgasovetova@yandex.ru

The apotropaic function of the figurative components in the decoration of horse headdress from the Andreevskaya Shchel cemetery (North Caucasus)

The paper analyzes the apotropaic aspect of the human figures in medallions engraved on the sleeve of the horse headdress from burial 5 of the Andreevskaya Shchel cemetery, and that of the scene the figures compose. In interpreting gestures, postures, and attributes of the male and female characters of the scene the authors compare them with similar features of anthropomorphic amulets, in particular, harness pendants with “a dancing man”. The unclothed human figures shown in the headdress decoration and artistic metalwork items used for comparison prompted the authors to consider the apotropaic aspect of nudity. It was found that some features of the depiction of human figures on the headdress correspond to those in early Islamic art – Nishapur ceramics, whose figurative compositions include characters in tight-fitting clothes. It is concluded that such details of horse gear as a headdress and harness pendants did not only possess amulet features that warded off evil with its light (gilding) and noise (ringing of bells) effects, but also featured the decoration showing its apotropaic function.

Source of funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00974, <https://rscf.ru/project/23-28-00974/>

For citation: Ermolenko, L., Sovetova, O. 2023. The apotropaic function of the figurative components in the decoration of horse headdress from the Andreevskaya Shchel cemetery (North Caucasus). *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 68–81 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.68.81](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.68.81)

**Любовь Николаевна Ермоленко^{1*},
Ольга Сергеевна Советова¹**

^{1*} корреспондент-автор, тарих ғылымдарының докторы, археология кафедрасының профессоры, Кемеров мемлекеттік университеті, Кемеров қ., Ресей

¹тарих ғылымдарының докторы, Тарих және халықаралық қатынастар институтының директоры, Кемеров мемлекеттік университеті, Кемеров қ., Ресей

**Любовь Николаевна Ермоленко^{1*},
Ольга Сергеевна Советова¹**

^{1*}автор-корреспондент, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
¹доктор исторических наук, директор института истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Андреев шатқалы (Солтүстік Кавказ) қорымынан алынған жылқы шекелігі декорының фигуративтік құрамасының апотропиялық мағынасы туралы

Авторлар Андреев шатқалы қорымының 5 жерлеу орнынан алынған жылқы шекелігінің түтікшесін әшекейлеп тұрған медальеонындағы адам пішіні және осы пішіндерден құралған көріністі апотропиялық аспектіде сараптады. Көріністегі ер және әйел кейіпкерлерінің төлсипаты, дене тұрысы, ымды жеткізуі үшін ұқсас антропоморфтық бойтұмардың белгілерімен, көбінесе «билеп жүрген адам» пішіні бар әбзел салпыншағымен салыстыру пайдаланылды. Шекелікке салынған бейнелердің киімінің бөлшектерінің толық салынбауына байланысты және торевтика затын салыстыру үшін жалаңаштықтың апотропиялық маңызы жайындағы мәселе қарастырылды. Шекеліктегі адам пішіні суретінің кейбір ерекшеліктерінен ерте исламдық өнер – нишапур керамикасында, денеге жабысып тұрған киімдегі бейнелер берілген фигуративтік қойылымдармен сәйкестік анықталды. Осындай шекелік және әбзел салпыншағы секілді ат әбзелінің бөлшегі сәулелі (алтындалған) және дауысты (қоңырау сылдыры) болуы зұлымдықты қуатын бойтұмардың сипаттамасымен ғана емес, апотропиялық мәнге ие декор болды деген қорытынды жасалды.

Қаржыландыру көзі: Зерттеу Ресей ғылыми қорының қаржыландыруымен орындалды, жоба № 23-28-00974, <https://rscf.ru/project/23-28-00974/>

Сілтеме жасау үшін: Ермоленко Л.Н., Советова О.С. Андреев шатқалы (Солтүстік Кавказ) қорымынан алынған жылқы шекелігі декорының фигуративтік құрамасының апотропиялық мағынасы туралы. Қазақстан археологиясы. 2023. № 3 (21). С. 68–81. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.68.81](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.68.81)

Об апотропеическом смысле фигуративных составляющих декора конского начельника из могильника Андреевская щель (Северный Кавказ)

Авторами проанализированы в апотропеическом аспекте человеческие фигуры в медальонах, украшающих трубку конского начельника из погребения 5 могильника Андреевская щель, и образованная этими фигурами сцена. При интерпретации жестов, поз, атрибутов мужского и женского персонажей сцены использовано сопоставление их с аналогичными признаками антропоморфных амулетов, в частности сбруйных подвесок с фигурами «пляшущих человечков». В связи с непрорисованностью деталей одежды персонажей декора начельника и привлеченных для сравнения изделий торевтики рассмотрен вопрос об апотропеическом значении наготы. Некоторым особенностям изображения человеческих фигур на начельнике выявлены соответствия в раннеисламском искусстве – нишапурской керамике, в фигуративных композициях которой представлены персонажи в облегающей тело одежде. Сделан вывод о том, что такие детали конского убранства, как начельник и сбруйные подвески, обладали не только отвращающими зло световыми (позолота) и шумовыми (звон бубенчиков) характеристиками амулета, но и декором, имеющим апотропеический смысл.

Источник финансирования: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00974, <https://rscf.ru/project/23-28-00974/>

Для цитирования: Ермоленко Л.Н., Советова О.С. Об апотропеическом смысле фигуративных составляющих декора конского начельника из могильника Андреевская щель (Северный Кавказ). *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 68–81. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.68.81](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.68.81)

1 Введение (Ермоленко Л.Н., Советова О.С.)

Гравированное оригинальное изображение на трубке конского начельника из погребения 5 могильника Андреевская щель (Северный Кавказ), датирующегося XI–первой половиной XII в. [Новичихин 2008], детально описано и специально изучено Г.Г. Король. Исследовательницей тщательно проанализированы художественные особенности, предложены варианты толкования композиции и сюжета, приведены убедительные аналогии – изобразительные и фольклорные [Король 2008: 39–64]. Между тем, к настоящему времени накоплены данные, позволяющие рассмотреть проблему в несколько ином аспекте, что и побудило авторов данной статьи вновь обратиться к декору начельника.

2 Материал и методы исследования (Ермоленко Л.Н., Советова О.С.)

2.1 Методы исследования

В статье использована совокупность методов, применяемых для изучения изобразительных археологических памятников. Это такие методы, как *иконографический*, позволивший выявить инвариантные элементы изображений; *сравнительно-типологический*, употребленный при сопостав-

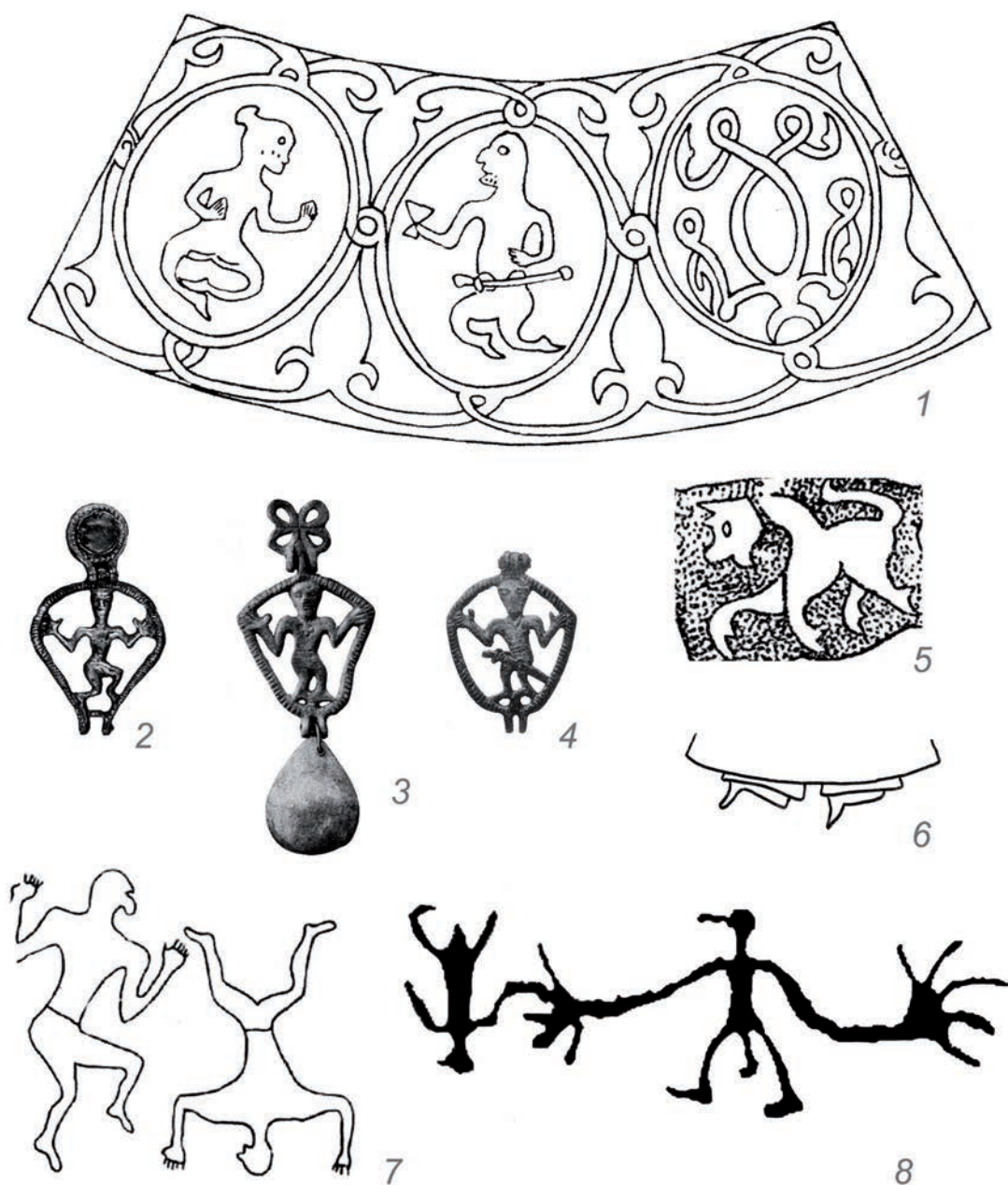

Рис. 1. Антропоморфные фигуры в декоре конского начельника из погребения 5 могильника Андреевская щель и аналогии некоторым их деталям: 1 – гравировка на трубке начельника из могильника Андреевская щель (развертка) (по: [Король 2008]); 2–4 – сбруйные подвески с фигурой «пляшущего человечка»; 5 – фигура хищника (деталь декора наконечника сабли), могильник Колосовка 1 (по: [Дитлер 1961]); 6 – ноги человеческой фигуры (деталь росписи сосуда из Нишапура) (по: [Путешествие ... 2016]); 7 – сцена на каменном блоке из стены цитадели Хумаринского городища (по: [Флёрова 2001]); 8 – сцена на писанице Бояры ИГ (по: [Русакова 2013]). 2 – могильник Колосовка 1 (по: [Король 2008]); 3 – станица Змейская (по: [Уварова 1900]), 4 – Рутха (по: [Уварова 1900])

лении произведений разных видов искусства, происходящих с разных территорий; метод *семантической реконструкции*, привлеченный для установления смысла изображений.

2.2 Описание материала

Авторы считают, что нет необходимости подробно характеризовать неоднократно опубликованные начельник и его декор [Король 2004; 2005; 2008: 39–64; Новичихин 2008: 27–29, рис. 2]. Важно остановиться на композиции и элементах изображения, допускающих новую интерпретацию.

3 Результаты и обсуждение (Ермоленко Л.Н., Советова О.С.)

Композиция. Следует согласиться с предположением Г.Г. Король о том, что фигуративные изображения на трубке начельника из Андреевской щели композиционно связаны: в двух медальонах *дискретно* воспроизведена интеракция мужского и женского персонажей, заключающаяся в передаче сосуда (кубка) [Король 2008: рис. 5] (рис. 1, 1).

Факт изображения женщины *слева* (с позиции зрителя) от мужчины и ее «*леворукость*» Г.Г. Король считает признаками, указывающими на главенство женского персонажа, отдавая при этом предпочтение одному из толкований смысла «левого» [Король 2008: 54]. В действительности женская фигура размещена *справа* от мужской, поскольку мужчина находится *по левую руку женщины*. Следует заметить, что при обратном расположении мужской персонаж не мог бы протягивать женщине сосуд *правой рукой*, которая во многих культурных традициях считается благодатной. Именно протягивать, а не принимать, поскольку изолированные в медальонах фигуры самостоятельны, и каждая из них демонстрирует собственную функцию. Очевидно, что актором предстает мужской персонаж, а не лишенный атрибутов женский. Леворукость женского персонажа, в свою очередь, обусловлена *изобразительным приемом зеркального подобия поз* [Ермоленко 2010: 59, 61]. В данном случае речь идет о сочетании таких элементов, как повернутые в профиль головы, развернутые анфас торсы, положение рук.

Позиция ног мужского персонажа. Если позы женской и мужской фигур до пояса почти тождественны (симметричны), на что обратила внимание Г.Г. Король [Король 2008: 46], то иденти-

Fig. 1. Anthropomorphic figures in the decoration of the horse headdress from burial 5 of the Andreevskaya Shchel cemetery and analogies for some of their elements: 1 – engraved design on the sleeve of the horse headdress from the Andreevskaya Shchel cemetery, after – Korol 2008; 2–4 – harness pendants with “a dancing man”; 5 – an image of predator (a detail of design on the end of scabbard from the Kolosovka-1 cemetery), after – Ditlev 1961; 6 – the human feet (a detail of painting on a bowl from Nishapur) after – Journey ... 2016; 7 – the carving from Khumarinskoye gorodishche, after – Flyorova 2001; 8 – the scene from the Boyary IG rock art site, after – Rusakova 2013. 2 – from the Kolosovka-1 cemetery, after – Korol 2008; 3 – from Zmeiskaya village, after – Uvarova 1900; 4 – from Rutkha, after – Uvarova 1900

1-сур. Андреев шатқалы қорымындағы 5 жерлеу орнынан алынған жылқы әбзеліндегі антропоморфты пішіндер және оның кейбір бөлшектерінің баламалары: 1 Андреев шатқалы қорымынан алынған шекеліктің түтікшесіндегі оймыш (ашу) ([Король 2008] бойынша); 2–4 – «билеп тұрған адам» пішініндегі әбзел салпыншағы; 5 – жыртқыш пішіні (қылыш ұшы декорының бөлшегі), Колосовка 1 қорымы ([Дитлер 1961] бойынша); 6 – адам пішінінің аяқтары (Нишапурдан алынған ыдыс жазуларының бөлшегі) ([Путешествие ... 2016] бойынша); 7 – Хумарин қаласы цителінің қабырғасынан алынған тас блоктағы көрініс ([Флёрова 2001] бойынша); 8 – Бояры ІГ жазбасындағы көрініс ([Русакова 2013] бойынша). 2 – Колосовка 1 қорымы ([Король 2008] бойынша); 3 – Змейская станицасы ([Уварова 1900] бойынша), 4 – Рутха ([Уварова 1900] бойынша)

фицируемая без затруднений позиция ног женщины отлична от допускающего разные толкования расположения ног мужчины.

Так, Г.Г. Король характеризует позу мужчины в медальоне с начельника как «коленипреклоненную», но не исключает, что это могла быть «поза сидящего на задней поверхности голени человека со смещенным в сторону центром тяжести» [Король 2008: 44]. Что касается коленипреклонения, в древнем и средневековом искусстве такая поза означает подчинение, покорность. Демонстрирующие этим способом «приниженность» фигуры обычно уменьшены по сравнению с доминирующими. Как, например, на бляшке из Верхнесалтовского могильника, рисунок которой приведен в публикации Г.Г. Король [Король 2004: рис. 4], на Кудыргинском валуне [Гаврилова 1965: табл. VI, 2], на роговом «реликварии Кристи» [Флёрова, Флёров 2005: 58], на поясной накладке из погребения 268 Баяновского могильника [Данич, Крыласова 2014: рис. 2, 3] и т. д. Фигура же мужчины из медальона соразмерна женской, да и положение ног мужского персонажа, строго говоря, не соответствует позе коленипреклонения. Разве что торец хотел передать движение мужчины на коленях в направлении женщины. Именно благодаря позиции ног, мужская фигура создает впечатление большего динамизма, чем сидящая женская. Торс и ноги женской фигуры показаны анфас, голова – в профильном повороте, тогда как у мужской фигуры, плечи которой развернуты анфас, в профиль переданы не только голова, но и ноги.

Следует отметить, что в круге привлечённых для сравнения произведений средневекового искусства анфас-профильный приём достаточно распространен. Так, у статичных коленипреклоненных и стоящих фигур «антропoidов» (согласно авторской терминологии) в сцене на «реликварии Кристи» голова и верхняя часть тела переданы анфас, а нижняя – строго в профиль, отчего те и другие выглядят одноногими. Между тем представленные в иных позах центральная и располагающаяся над ней фигуры показаны двуногими. При этом относительно профильных изображений коленипреклонённых фигур на Кудыргинском валуне, у которых детализирована только одна нога, В.Е. Флёрова и В.С. Флёров утверждают, что нет «никаких оснований считать их одноногими» [Флёрова, Флёров 2005: 63]. Авторы называют персонажей сцены на валуне «обычными людьми», а саму сцену характеризуют как «чрезвычайно реалистичную», несмотря на то, что облик верхней коленипреклонённой фигуры не полностью человеческий, и у всех персонажей не прорисованы кисти рук, т. е. их тоже можно признать «беспальными», подобно стоящим фигурам в декоре реликвария.

Нереалистичность фигур, выгравированных на «реликварии Кристи», могла быть обусловлена недостаточной искусностью резчика. Хотя ввиду отмеченных В.Е. Флёровой и В.С. Флёровым одинаковых приемов изображения голов, лиц, стоп, штрихового декора, анфас-профильной компоновки фигур, можно предположить что тот, кто выполнил гравировку на реликварии, подражал стилизованным приемам какого-то художественного образца. Кроме того, несколько геометризованные очертания фигур и их деталей вызывают ассоциацию с тканым орнаментом.

В связи с упоминанием о стилизации уместно сказать о стилизованном элементе мужской фигуры в декоре начельника из Андреевской щели, который отметила Г.Г. Король. Она указала, что ступни мужчины (и женщины тоже – Авт.) воспроизведены аналогично мотиву полупальметты, которым переданы окончания плетёной орнаментальной фигуры в третьем медальоне [Король 2008: 44].

Предположение Г.Г. Король о том, что мужской персонаж в медальоне начельника из Андреевской щели изображен сидящим на полу с согнутыми ногами и смещёнными в одну сторону от бедер голени, не является единственным объяснением. Иное толкование позы ног данного персонажа предложено В.А. Новичихиным, который описывает эту фигуру как «...изображение мужчины, идущего влево на полусогнутых ногах, ступни “на пуантах”» [Новичихин 2008: 28].

Добавим, что с учетом стилизации ступней мужского персонажа в декоре начальника, позиция его ног может быть сопоставима с расположением ног фигур, показанных в движении. Речь идет о «пляшущих человечках» на сбруйных подвесках X–XI вв., найденных в разрушенном погребении могильника Колосовка 1 [Ловпаче 2008: табл. XLIV, 2] (рис. 1, 2), и одной из двух фигур (не перевернутой), изображенных на каменном блоке из кладки стены цитадели Хумаринского городища – крепости Хазарского каганата [Флёрва 2001: рис. 27, 1] (рис. 1, 7).

Характерно, что сравниваемые с персонажем декора начальника фигуры анфасно-профильные. Верхняя часть фигур на подвесках из могильника Колосовка 1 воспроизведена анфас (вместе с головой), а нижняя – в профиль. Голова сопоставляемой фигуры из Хумаринского городища передана в профиль, торс с руками – анфас, ноги – в профиль. В целом позы фигур, изображенных на подвесках и на блоке, сходны.

В одежде или обнаженный? Сравнение мужской фигуры с начальника из Андреевской щели с фигурами на подвесках из могильника Колосовка 1 и на блоке из Хумаринского городища оправдано также тем, что одежда у всех этих персонажей не детализована. У фигур в сцене на блоке из Хумаринского городища намечена линия пояса. У «человечков» на подвесках из Колосовки 1 изображены «трехлепестковые» шейные украшения и, по выражению П.А. Дитлера, «на бедрах поясные повязки» [Дитлер 1961: 150]. Не совсем понятно, что имел в виду исследователь под повязками на бедрах. Сравнивая фигурки в подвесках со статуэтками из культовых мест Дагестана, он включил в число их сходных черт также «оголенность» и «фаллические признаки» [Дитлер 1961: 152].

В сцене пира на металлическом сосуде из городища Бурана [Путешествие ... 2016: 87], которая образована отдельными персонажами, изображёнными в восьми обрамленных секторах, одежда не обозначена у четырёх сидящих со скрещенными ногами фигур, показанных анфас, и у фигуры виночерпия, очевидно, сидящего на корточках (фигура виночерпия анфас-профильная). При этом у трех сидящих персонажей, включая виночерпия, имеются головные уборы. Сидящие фигуры, предположительно, мужские, а три стоящих персонажа, очевидно, женские. Фигуры женщин показаны анфас, кроме ног, переданных в профиль. Стоящие (женские) персонажи отличаются от сидящих (мужских) стилизованными деталями – волосами и «платьем», заканчивающимися завитками. Единственная профильная фигура без атрибутов, вероятно, тоже сидящая на корточках, может быть определена как мужская из-за отсутствия платья и завитка волос. Согласно А.И. Торгоеву, буранинский сосуд формой и размерами подобен кубку XI–XII вв. из Фонда Марджани, происходящему из Семиречья или Восточного Мавераннахра [Путешествие ... 2016: 86].

Вопрос об обнаженности персонажей в декоре перечисленных предметов оказался затруднительным. Г.Г. Король предположила, что мужчина в медальоне рассматриваемого начальника одет в облегающую одежду, элементы которой не показаны, также как пояс и крепящиеся к нему ремни для подвески клинкового оружия [Король 2008: 44, 46], тогда как на наготу, по мнению исследовательницы, указывало бы изображение фаллоса. Что касается сидящих фигур из сцены пира на сосуде из Бураны, то вряд ли они обнажены, поскольку признаки пола у них не показаны, и кроме того они соседствуют с явно одетыми персонажами.

Позы, жесты и атрибуты персонажей амулетов. Характеризуя «пляшущих человечков» со сбруйных подвесок из могильника Колосовка 1, П.А. Дитлер перечислил не только признаки их сходства с образцами бронзовой пластики из святилищ Дагестана, но и отличия, в частности, позицию ног, представленных в движении [Дитлер 1961: 152].

Отмеченный П.А. Дитлером такой общий изобразительный элемент, как «широко растопыренные пальцы» согнутых в локтях и простертых в стороны рук, встречается в иконографии антропоморфной пластики постсарматского и раннесредневекового периодов с территории современного Дагестана. Причем у некоторых фигурок, воспроизведенных анфас в положении стоя со слегка разведенными ногами, кисти рук, как и у «пляшущих человечков», располагаются примерно на уровне шеи [Брилева 2012: 288, кат. 177–179; 289, кат. 182, 183; 301, кат. 269, 271].

Исследователи определяют подобное положение рук, наравне с позицией согнутых и поднятых к голове (на уровень головы) рук с растопыренными пальцами, как «позу адоранта» или «позу адорации» [Брилева 2012: 219]. Поскольку наряду с «позой адоранта» в иконографическом материале из Дагестана распространена «поза ферта» и, кроме того, встречаются фаллические фигурки, представленные в обеих позах, данная интерпретация кажется небесспорной.

Фертообразное положение рук и фаллос, по данным этологии (Human Ethology), выражают на языке человеческого тела агрессию, угрозу, о чем также писали, обращаясь к изобразительным памятникам, авторы данной статьи [Ермоленко, Советова 2009]. Наряду с перечисленными признаками угрожающую (отвращающую) функцию выполнял также жест растопыренных пальцев рук [Альбедиль 2013].

Эти и другие телесные выражения угрозы воспроизводились в антропоморфных амулетах (апотропеях) для обеспечения их действенности. Способностью защищать от опасностей обладала и нагота, особенно в культурах, где нормой было ношение одежды – рукотворной оболочки, придающей человеческому телу социальные и культурные качества; ритуальное обнажение приводило к их временной утрате и обретению свойств, приписываемых существам запредельного мира. Т.А. Агапкина и А.Л. Топорков так характеризуют смысл ритуальной наготы: «Обнажение выводит человека за рамки социального порядка, стирает социальные различия; оно возвращает и мужчину, и женщину в природное, естественное состояние ..., выводя за рамки культурного и человеческого. Признак нагой – одетый соотносится с оппозициями природа – культура, человек – не-человек» [Агапкина, Топорков 2001: 12]. Апотропеическая функция ритуальной наготы отчетливо проявляется, например, в восточнославянских обрядах, проводимых с целью преодоления грозящей людям (а также домашним животным, урожаю) опасности – мора, засухи, пожара и пр.

Если исходить из того, что жест рук «пляшущих человечков» имеет угрожающее значение, то и поза их ног должна соответствовать этому жесту в смысловом отношении. На существование такой ассоциации указывает изображение «пляшущего человечка» в медальоне на бронзовой накладке с задней луки седла из Фонда Марджани. Руки этого персонажа согнуты в локтях и разведены в стороны. В его правой руке, очевидно, показано оружие с изогнутым клинком (сабля), в левой – круглый щит [Путешествие ... 2016: 306].

В данной связи упомянем, что бегущей (летащей, по мнению некоторых исследователей), в том числе в позе «коленипреклоненного бега», нередко изображалась горгона Медуза – популярный в древнегреческом искусстве апотропеический образ. Особенно широко были распространены обереги-горгонейоны в виде (отрубленной) головы Медузы. Тот факт, что голова горгоны иногда помещалась в центр трискелиона – свастической фигуры из бегущих ног [Classical Numismatic Group, LLC]* (*Авторы благодарят С.А. Зинченко за предоставленную ссылку), свидетельствует также о том, что и самому трискелиону, и ногам в позе «коленипреклоненного бега» придавался апотропеический смысл.

Вряд ли есть основания сомневаться, что сбруйные подвески имели апотропеическое назначение, и исследователи, пожалуй, в этом единодушны. Кроме подвесок из могильника Колосовка 1 с «пляшущим человечком» или, как нам представляется, антропоморфным существом, *спешащим защитить от опасности, отвращая ее посредством демонстрации угрозы*, известны подобные подвески, одна из которых найдена около станицы Змейской [Уварова 1900: табл. СXXX, 8] (рис. 1, 3), другая – в Рутхе [Уварова 1900: табл. CIV, 13] (рис. 1, 4).

Антропоморфные фигуры на этих подвесках несколько отличаются положением ног, хотя и показанных в профиль, но лишь слегка расставленных и немного согнутых в коленях. Между тем персонаж на подвеске из Рутхи вооружен мечом (здесь нет необходимости обосновывать апотропеический смысл оружия). Еще один вооруженный антропоморфный персонаж – всадник с боевым топором воспроизведен на сбруйных подвесках XI–XII вв. из катакомбы 15 Змейского катакомбного могильника [Кузнецов 2003: рис. 32; Путешествие... 2016: кат. 223]. Следует подчеркнуть, что магические защитные свойства рассматриваемых подвесок «усиливались» тем, что к ним прикреплялись бубенчики. Как известно, звон и шум, производимые амулетами, равно как их блеск (в данном случае позолота), предназначались для отпугивания вредоносных существ или сил.

Г.Г. Король указала на идентичность образа вооруженного топором всадника на сбруйных подвесках из катакомбы 15 Змейского катакомбного могильника (а также подвесках, найденных в могильниках Кужорский, Псекупс, Колосовка 1 [Ловпаче 2008: табл. XLIV, 1, 3, 6]) и в декоре конского начельника из могильника Колосовка 1 [Король 2008: 124]. Заметим, что подвески с обрамлёнными фигурами, последовательно прикрепленные к сбруйному ремню, составляют ряд подобно фризу всадников в медальонах на начельнике из Колосовки 1. Круговой фриз из напаянных на основу начельника медальонов, заключающих в себе фигуру всадника с топором [Король 2008: 124, ил. 1, 2], как бы воспроизводит их движение по кругу в одном направлении – слева направо. К верхнему краю трубки начельника прикреплены бубенчики, которые имеются также в составе подвесок с вооруженным всадником; сравниваемые предметы позолочены. Перечисленные признаки сходства обсуждаемых сбруйных подвесок и начельника могут свидетельствовать о том, что те и другие предназначались служить оберегами.

Отдельно следует сказать об изображении на каменном блоке из Хумаринского городища. Согласно предположению В.Е. Флёровой, «... основная часть графических изображений ... на камнях и кирпичах хазарских крепостей, представляла собой ... обрядовые рисунки и рисунки-обереги» [Флёрова 2001: 20]. Исследовательница предложила сравнивать такие изображения «с данными знакового языка амулетов» [Флёрова 2001: 20]. Выше мы попытались провести подобное сопоставление. Для интерпретации сцены, высеченной на песчаниковом блоке из стены цитадели Хумаринского городища, уместно будет также привести аналогию, хотя и удаленную в территориальном и, вероятно, во временном отношении.

Примечательно, что изображение, зафиксированное в Хумаринском городище, обнаруживает композиционное и в определённой мере иконографическое сходство со сценой, выбитой на скальной плоскости писаницы Бояры II на Среднем Енисее [Русакова 2013: рис. 6, 5] (рис. 1, 8). Основной персонаж сцены, главенство которого подчеркнуто внушительным размером его фигуры, показан широко шагающим влево (с позиции зрителя). Распростертые руки этого антропоморфного существа заканчиваются огромными кистями, акцентированы также чрезмерно длинный нос (?) и фаллос. Пальцем правой руки, по всей видимости, указательным, чудовищный персонаж касается правой руки меньшей фигуры, изображенной вниз головой. Кисти рук у перевернутой фигуры не

детализированы, хотя обозначены фаллос и «нос». Характерно, что голова и ноги персонажа с гипертрофированными кистями показаны в профиль, а торс и руки – анфас. Его фигура явно демонстрирует агрессию, направленную на противника. Согласно высказанному в конце XIX в. Н.С. Щукиным мнению, разделяемому многими современными исследователями наскального искусства, перевернутое изображение человека символизирует смерть. Н.С. Щукин понимал смысл этого образа буквально: «ушел в землю» [Щукин 1882: 234].

Ввиду отмеченного сходства, возможно, обусловленного существованием некой изобразительной «формулы», сцену на блоке из стены цитадели Хумаринского городища можно толковать как акт победы над неприятелем (здесь напрашивается сравнение с распространенным эпическим мотивом бросания противника оземь). Такой смысл изображения вполне соответствовал его назначению, которое, вероятно, заключалось в том, чтобы охранять/усиливать защищающую функцию крепостной стены.

Декор на начальнике из Андреевской щели в аспекте апотропейной символики. Если рассматривать композицию на трубке начальника из Андреевской щели с точки зрения апотропейческого смысла, следует обратить внимание на оружие мужского персонажа и позицию его ног. Представляется, что выразительное движение мужской фигуры в направлении женской могло восприниматься как перманентное действие (спешного) поднесения жертвенного напитка сверхъестественному женскому существу, способному уберечь от зла. Позолота начальника и прикрепленные к нему бубенцы должны были усилить функцию магической защиты.

Представлен ли был обладатель амулета в качестве донатора или оба персонажа подразумевались нереальными существами, вряд ли можно выяснить. Как показала Г.Г. Король, могут быть разные варианты идентификации образов и прочтений смысла сцены, исходя из нартского эпоса, обрядового фольклора и верований северокавказских народов [Король 2008: 52–56].

Продолжая рассуждение о начальнике из могильника Андреевская щель, остановимся на характеристике ближайшей аналогии мужскому персонажу. После публикации в каталоге выставки «Путешествие Ибн-Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара» фотографий бронзовых позолоченных накладок на луки седла, датированных XI – первой половиной XII в. [Путешествие ... 2016: кат. 228], выяснилось, что и мужской фигуре с начальника из Андреевской щели, и сочетанию изображений в медальонах имеется близкая аналогия. Этот факт верно отметила Е.В. Степанова [Путешествие ... 2016: 308]. Орнаментальная фигура, женщина и мужчина последовательно воспроизведены в медальонах на накладке задней луки седла. В отличие от начальника, женский и мужской персонажи здесь не взаимодействуют, и их позы не зеркально-симметричны.

Возможно, Е.В. Степанова права в том, что «... декор накладок, скорее всего, не связан общим сюжетом» [Путешествие ... 2016: 309]. Хотя следует признать наличие определенной компоновки образов, которые могли связно толковаться заказчиками (потребителями) изделия. По поводу возможной обособленности образа мужчины с сосудом на накладке, отметим, что, как известно, трубку начальника могла заменять скульптурка «жертвователя», протягивающего перед собой сосуд – мужская на начальнике из Колосовки, который находится в частной коллекции, или женская на начальнике из катакомбы 14 Змейского могильника [Король 2008: 39, 50]. Относительно женской фигурки змейского начальника В.А. Кузнецов отметил любопытную деталь: ее руки, держащие сосуд с напитком, имитированным стеклянкой вставкой, были закреплены на шарнирах и двигались вместе с чашей [Кузнецов 2003: 90], очевидно, в такт движению коня.

Что касается женского персонажа на накладке, то он отличается от такового на начельнике. Е.В. Степанова описала этот образ как «сидящую обнаженную женщину» [Путешествие ... 2016: 308]. Левая рука женщины не направлена в сторону мужчины с сосудом, а «уперта в бок», ноги широко расставлены. Воспроизведены очертания нагого тела; хотя признаки пола не детализированы, они подразумеваются. В этой связи заметим, что демонстрация детородных органов, не только мужских, но и женских, в сочетании с другими агрессивными признаками означала на языке человеческого тела угрозу, в соответствии с чем имела апотропеический смысл [Ермоленко 2005: 149–150]. М.М. Бахтин, исследуя феномен «материально-телесной жизни» в средневековой карнавальной культуре, писал: «Земное страшное – это детородный орган, телесная могила (чрево, утроба – Авт.) ...» [Бахтин 1990: 105]. Ноги сидящей по-восточному женщины, изображенной на начельнике из Андреевской щели, тоже разведены, но ступни их соединены, образуя позу «калачиком». При этом, как полагает Г.Г. Король, стилизованно передан признак пола [Король 2008: 45]. Тем самым женский персонаж тоже оказывается наделенным апотропеическим знаком.

Следует указать на то, что в средневековой тюркитике известны изображения «любовных пар» – мужчины и женщины, сидящих по-восточному со сложенными «калачиком» ногами. Детали одежды у них не воспроизведены. Мужской персонаж располагается справа от женского, причем у мужской фигуры стилизовано передан признак пола – фаллос; у женской половые признаки не обозначены. Речь идет о декоре наконечника ремня и пряжки – серебряных (с позолотой) деталей пояса, найденного в погребении 268 Баяновского могильника [Данич, Крыласова 2014: рис. 2, 1, 2; 3; 4]. Авторы публикации находки датируют пояс временем «не позднее середины VIII в.», а погребение – началом X – началом XI в. [Данич, Крыласова 2014: 91, 93].

Возвращаясь к начельнику из Андреевской щели, можно допустить, что в связи с апотропеическим смыслом декора этого предмета, имевшего функцию оберега, оба персонажа – и женский, и мужской, могли представляться обнаженными. Однако не исключено, что прототипами фигур декора начельника послужили изображения одетых в облегающую одежду людей, подобных тем, которые запечатлены на глазурованной керамике из Хорасана (Иран), в частности на сосудах X в. из Нишапура, хранящихся в Музее исламского искусства в Дохе (Катар) [Museum of Islamic Art], в коллекции исламского искусства из коллекций Халили [The Khalili Collections], в Музее искусств Кливленда [The Cleveland Museum of Art]. На нишапурской чаше X в. из электронного каталога аукционного дома Сотбис (Sotheby's) представлена пара сидящих по-восточному музыкантов – женщины и мужчины, оба они в облегающих фигуру одеждах [Sotheby's]. В треугольнике, образованном внутренними очертаниями бедер и голеней ног женщины, изображён знак в виде кольца с точкой в центре; от кольца в направлении углов треугольника отходят три узких лепестка. Мужчина так же, как в декоре начельника из Андреевской щели (и накладки на луку седла из Фонда Марджани), располагается по левую руку женщины.

Сравнение с керамическим искусством мусульманского Востока допустимо ввиду того, что орнаментальная фигура в медальоне начельника из Андреевской щели, по мнению Г.Г. Короля, является пиктографическим орнаментом – реминисценцией куфической надписи [Король 2008: 42]. В композиции наконечника сабли из Колосовки 1 имеется изображение птицы, стилизованное на основе пиктографического орнамента [Дитлер 1961: табл. XVI, 8]. Куфические надписи и плетеный орнамент бывают включены в декор нишапурской керамики, в том числе украшенной фигуративными сценами.

В.А. Кузнецов обнаружил в росписи керамического сосуда IX–X вв. из Ирана аналогию ленточно-плетёному орнаменту на одежде из богатых погребений Змейского катакомбного могильника [Кузнецов 2003: 86]. На распространенность главным образом «в декоре торевтики и фаянса Ирана XI–XIV вв.» женской позы сидения «по-восточному» указала Г.Г. Король [Король 2008: 45].

Можно дальше продолжить сравнение декора раннеисламской керамики и рассматриваемых образцов торевтики. Так, композиция из рядом расположенных медальонов с «фигуративным» и «орнаментальным» содержанием зафиксирована на внешней поверхности чаши XII в. из Кашана (Иран) [Watson 2004: 349, cat. O.3].

Обращает на себя внимание устойчивый жест одиночных фигур в нишапурской керамике X в.: стоящий (или сидящий) персонаж держит сосуд (или другой предмет) в правой, согнутой в локте руке, как бы предлагая кому-то, находящемуся справа от него; кисть его согнутой в локте левой руки касается бедра [Wilkinson 1973: 44, cat. 59; Путешествия ... 2016: 92, кат. 28]. Есть определённое сходство между этим жестом и позицией рук мужского персонажа на начельнике из Андреевской щели, а также аналогичной фигуры на седельной накладке из Фонда Марджани.

Стилизованные стопы ног мужской фигуры с начельника, сравнимые со стилизацией окончаний ног кошачьего хищника на наконечнике сабли из могильника Колосовка 1 [Дитлер 1961: табл. XVI, 8] (рис. 1, 5), подобны стопам обутых ног персонажа, изображенного на дне кружки X в. из Нишапура [Путешествия ... 2016: 92, кат. 28] (рис. 1, 6). Носки обуви этого персонажа загнуты вниз, как, к слову, и у «антропоидов» на «реликварии Кристи». Наряду с этим форма голов «антропоидов» и «заштрихованная» полоска, завершающая их плоские головы, сопоставима с оформлением головы фигуры в декоре упомянутой кружки.

В иконографии нишапурской керамики, традициям которой следовали также мастерские в Афрасиабе и Мерве [Watson 2004: 247], можно обнаружить соответствия изображениям на других рассмотренных в данной статье изделиях торевтики. И это не случайно. В.А. Кузнецов, например, связывает проявления инокультурных влияний (в том числе, иранских) в декоре вещей из катакомб X–XII вв. Змейского могильника с бытованием на огромных пространствах Евразии совокупности образов и мотивов, популярных в декоративно-прикладном искусстве [Кузнецов 2003: 71].

4 Выводы (Ермоленко Л.Н., Советова О.С.)

Авторы пришли к заключению, что декор на предметах (сбруйных подвесках, начельниках), выполнявших функции оберегов – охранителей коня, без которого было немыслимо существование всадника (воина-всадника), также имел апотропеический смысл. В этой связи образ «пляшущих человечков» со сбруйных подвесок может быть истолкован исходя из данных человеческой этологии как агрессивно-угрожающий, близкий по смыслу к популярному в античности апотропеическому образу бегущей горгоны.

К апотропеическим признакам фигуративных изображений в декоре конского начельника из погребения № 5 могильника Андреевская щель относятся положение ног мужского персонажа, напоминающее (со скидкой на стилизацию стоп) позу ног «пляшущих» человечков; оружие, апотропеическая символика которого не подлежит сомнению; «неодетость» обоих персонажей и поза ног женской фигуры, делающая видимым (едва намеченный) признак пола. В этом контексте сосуд в руке мужского персонажа, протягивающего его женщине, может толковаться как акт предложения / жертвования (сакрального) напитка, имеющий магико-охранительный смысл.

В декоре рассматриваемого начальника обнаруживается отмечаемое исследователями также и на некоторых других художественных предметах рубежа – начала I тыс. н.э. влияние искусства мусульманского Востока, особенно заметное при сравнении с росписью нишапурской глазурованной керамики X в. Однако это влияние в значительной мере было «скорректировано» местным (?) торевтом, «украсившим» предмет апотропейного назначения с целью усилить оберегающие свойства самого этого предмета.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Агапкина Т.А., Топорков А.Л. Ритуальное обнажение в народной культуре славян // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. М-лы науч. конф. 19–21 февр., 2001 г. / Сост. К.А. Богданов, А.А. Панченко. СПб.: Алетей, 2001. С. 11–25.
- 2 Альбедиль М. «Ты держишь мир в простертой длани»: символика руки // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2013. № 27. С. 155–172 [Электронный ресурс]. URL: <http://intelros.ru/readroom/teoriya-mody/t27-2013/18976-ty-derzhish-mir-v-prostertoy-dlani-simvolika-ruki.html> (дата обращения: 01.03.2023).
- 3 Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Изд-е 2-е. М.: Худ. л-ра, 1990. 543 с.
- 4 Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). М.: ТАУС, 2012. 424 с.
- 5 Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 110 с.
- 6 Данич А.В., Крыласова Н.Б. Новый пояс «византийского круга» из средневекового Баяновского могильника в Пермском крае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3 (59). С. 87–94.
- 7 Дитлер П.А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Том II / Ред. Н. Анфимов Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1961. С. 127–189.
- 8 Ермоленко Л.Н. Фаллические образы и изображение признаков агрессии (гнева) в древнем искусстве // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия / Отв. ред. Г.Г. Король. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 149–151.
- 9 Ермоленко Л.Н. О смысле 'левого' и 'правого' в композиции некоторых памятников изобразительного искусства древности // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 53–61.
- 10 Ермоленко Л.Н., Советова О.С. О «фертообразных» воинских изображениях релкинской культуры // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. Сб., посвящ. юбилею Л.А. Чиндиной / Отв. ред. М.П. Черная Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2009. С. 82–88.
- 11 Король Г.Г. Два предмета-украшения конского убора XI–XIII вв. из Северо-Восточного Причерноморья (особенности декора) // Российская археология. 2004. № 2. С. 157–167.
- 12 Король Г.Г. Семантика уникального декора предметов конской упряжи XI–XIII вв. из Северо-Восточного Причерноморья // Этнографическое обозрение. 2005. № 6. С. 140–156.
- 13 Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.
- 14 Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X–XV вв. Владикавказ: Ир, 2003. 191 с.
- 15 Ловпаче Н.Г. Древний Майкоп. Майкоп: Изд-во «Аякс», 2008. 248 с.
- 16 Новичихин А.М. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель // Военная археология: Сб. м-лов семинара при Государственном историческом музее / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М.: Квадрига, 2008. С. 26–41.
- 17 Путешествие Ибн Фадлана: волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки / Сост. А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов М.: Издательский дом Марджани, 2016. 560 с.
- 18 Русакова И.Д. Петроглифы западной части Боярского хребта в Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 120–124.
- 19 Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа / Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1900. 381 с.
- 20 Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2001. 158 с.

- 21 Флёрова В.Е., Флёров В.С. Роговой реликварий с территории Хазарского каганата (уникальный сюжет с одноногими духами) // Российская археология. 2005. № 2. С. 56-65.
- 22 Щукин Н.С. Народные памятники в Восточной Сибири // Известия Императорского Русского Географического общества. СПб., 1882. Т. XVIII. Вып. 4. С. 229-244.
- 23 Classical Numismatic Group, LLC (GNG). URL: <https://www.cngcoins.com/Coin.aspx?CoinID=163516> (дата обращения: 01.03.2023).
- 24 Khalili Collections. URL: <https://www.khalilicollections.org/collections/islamic-art/khalili-collection-islamic-art-shallow-bowl-pot389/> (дата обращения: 14.03.2023).
- 25 Museum of Islamic Art. Qatar. URL: <https://artsandculture.google.com/asset/nishapur-bowl-unknown-iran-10th-century/6gFNKX9OltuNcQ> (дата обращения: 14.03.2023).
- 26 The Cleveland Museum of Art. URL: <https://www.clevelandart.org/art/1959.249> (дата обращения: 14.03.2023).
- 27 Sotheby's. URL: <http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2012/arts-of-the-islamic-world/lot.517.html> (дата обращения: 14.03.2023).
- 28 Watson O. Ceramics from Islamic Lands. London: Thames & Hudson, 2004. 512 p.
- 29 Wilkinson C. Nishapur: Pottery of Early Islamic Period. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1973. 374 p.

REFERENCES

- 1 Agapkina, T. A., Toporkov, A. L. 2001. In: Bogdanov, K. A., Panshchenko, A. A. (comps.). *Mifologiya i povsednevnost: Gendernyy podkhod v antropologicheskikh distsiplinakh (Mythology and everyday life: Gender approach in anthropological disciplines)*. Saint Petersburg: "Aleteyya" Publ., 11-25 (in Russian).
- 2 Albedil, M. 2013. In: *Teoriya mody: Odezhda. Telo. Kultura (Theory of fashion: Clothes. Body. Culture)*, 27, 155-172. URL: <http://intelros.ru/readroom/teoriya-mody/t27-2013/18976-ty-derzhish-mir-v-prostertoy-dlani-simvolika-ruki.html> (accessed 01.03.2023) (in Russian).
- 3 Bakhtin, M. M. 1990. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekoviya i Renessansa (Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance)*. Moscow: "Khudozhesvennaya Literatura" Publ. (in Russian).
- 4 Brileva, O. A. 2012. *Drevnaya bronzovaya antropomorfная plastika Kavkaza (XV v. do n.e. – X v. n.e.). (Ancient bronze anthropomorphic sculpture of the Caucasus (15th century BC – 10th century AD))*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).
- 5 Gavrilova, A. A., 1965. *Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (The Kudyrge cemetery as a source on the history of the Altai tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 6 Danich, A. V., Krylasova, N. B. 2014. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)*, 3 (59), 87-94 (in Russian).
7. Ditler, P. A. 1961. In: Anfimov, N (ed.) *Sbornik materialov po arkheologii Adygei (Collection of materials on the archaeology of Adygea)*. Maikop: Adyge publishing house, II, 127-189 (in Russian).
- 8 Ermolenko, L. N. 2005. In: Korol, G. G. (ed.) *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri: idei, metody, otkrytiya (Archaeology of South Siberia: ideas, methods, discoveries)*. Krasnoyarsk: V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 149-151 (in Russian).
- 9 Ermolenko, L. N. 2010. In: *Uralskiy istoricheskiy vestnik (Ural historical journal)*, 1 (26), 53-61 (in Russian).
- 10 Ermolenko, L. N., Sovetova, O. S. 2009. In: Chernaya, M. P. (ed.) *Problemy arkheologii i istorii Severnoy Evrazii. Sbornik, posvyashchennyiy yubileyu L. A. Chindinoi (Issues of archaeology and history of Northern Eurasia. Collected papers to the anniversary of L. A. Chindina)*. Tomsk: "Agraf-Press" Publ., 82-88 (in Russian).
- 11 Korol, G. G. 2004. In: *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)*, 2, 157-167 (in Russian).
- 12 Korol, G. G. 2005. In: *Etnograficheskoye obozrenie (Ethnographic review)*, 6, 140-156 (in Russian).
- 13 Korol, G. G. 2008. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki (Art of medieval nomads of Eurasia. Studies)*. Moscow; Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).
- 14 Kuznetsov V. A. 2003. *Elkhotovskie vorota v X–XV vv. (Elkhotovo gate in the 10th–15th centuries)*. Vladikavkaz: "Ir" Publ. (in Russian).
- 15 Lovpache, N. G. 2008. *Drevniy Maikop (Ancient Maykop)*. Maykop: "Ayaks" Publ. (in Russian).

- 16 Novichikhin, A. M. 2008. In: Dvurechenskiy, O. V. (ed.) *Voennaya arkheologiya. Sbornik materialov seminar pri Gosudarstvennom istoricheskom muzee (Military archeology: Proceedings of the seminar at the State Historical Museum)*. Moscow: "Kvadriga" Publ., 26-41 (in Russian).
- 17 Torgoev, A. I., Akhmetov, I. R. (comps.). 2016. *Puteshestvie Ibn Fadlana: volzhskiy put ot Bagdada do Bulgara (Journey of Ibn Fadlan: the Volga way from Baghdad to Bulgar: Exhibition catalogue)*. Moscow: "Marjani" Publ. (in Russian).
- 18 Rusakova, I. D. 2013. In: *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya (Scientific review of the Sayano-Altai)*, 1(5), 120-124 (in Russian).
- 19 Uvarova, P. S. 1900. *Materialy po arkheologii Kavkaza (Materials on the archaeology of the Caucasus)*. Moscow: A. I. Mamontov Printing House Partnership, VIII (in Russian).
- 20 Flerova, V. E. 2001. *Obrazy I syuzhety mifologii Khazarii (Images and plots of Khazar mythology)*. Moscow: "Mosty kultury"; "Gesharim" Publ. (in Russian).
- 21 Flerova, V. E., Flerov, V. S. 2005. In: *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)*, 2, 56-65 (in Russian).
- 22 Shchukin, N. S. 1882. In: *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society)*. Saint Petersburg, XVIII, 4, 229-244 (in Russian).
- 23 Classical Numismatic Group, LLC (CNG). URL: <https://www.cngcoins.com/Coin.aspx?CoinID=163516> (accessed: 01.03.2023).
- 24 Museum of Islamic Art. URL: <https://artsandculture.google.com/asset/nishapur-bowl-unknown-iran-10th-century/6gFNKX9OltuNcQ> (accessed: 14.03.2023).
- 25 Khalili Collections. URL: <https://www.khalilicollections.org/collections/islamic-art/khalili-collection-islamic-art-shallow-bowl-pot389/> (accessed: 14.03.2023).
- 26 The Cleveland Museum of Art. URL: <https://www.clevelandart.org/art/1959.249> (accessed: 14.03.2023).
- 27 Sotheby's. URL: <http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2012/arts-of-the-islamic-world/lot.517.html> (accessed: 14.03.2023).
- 28 Watson, O. 2004. *Ceramics from Islamic Lands*. London: Thames & Hudson Ltd. (in English).
- 29 Wilkinson, C. 1973. *Nishapur: Pottery of Early Islamic Period*. New York: The Metropolitan Museum of Art Ltd. (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 11.04.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 17.04.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 21.04.2023.

ӘӨЖ 902.904 (574)
ҒТАМР 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.82.94>

Investigation of the burial mounds of early nomads of the Irtysh river region of Semey

© 2023 Aitkali A., Zhuniskhanov A., Rakhmankulov E.

Keywords: Irtysh region of Semey, archaeological research, early Iron Age, burial ground, funeral rite, radiocarbon dating

Түйін сөздер: Семейдің Ертіс маңы, археологиялық зерттеу, ерте темір дәуірі, қорым, жерлеу рәсімі, радиокөміртектік мерзімдеу

Ключевые слова: Семейское Прииртышье, археологические исследования, ранний железный век, могильник, погребальный обряд, радиоуглеродное датирование

Azat Aitkali¹, Aidyn Zhuniskhanov^{2*} and Erbolat Rakhmankulov³

¹Doctor of philosophy (PhD), Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana, Astana, Kazakhstan, E-mail: azza_semsk@mail.ru

^{2*}Corresponding author, Nazarbayev University, School of Sciences and Humanities, Astana, Kazakhstan, E-mail: aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz

³State Historical and Cultural Museum Reserve “Bozok”, Astana, Kazakhstan, E-mail: mr.doublecherry@mail.ru

The article introduces materials of monuments studied in the Semeytau and Kokentau mountain ranges. During the period 2014–2018, the research team has unearthed 13 burial mounds, distributed across six burial grounds and groups of burial mounds. The accompanying artifacts comprise iron rods (pins?) and the tail vertebrae of a ram. In three cases (Karatobe burial ground, mounds no. 2 and 3; Karasu-Usttobe burial ground, mound 1), necklaces crafted from semiprecious stones have been discovered. Armament items are represented by a set of bone and one bronze arrowheads. In general, the ground and inside burial mounds find analogies in the materials of the Kulzhorga type (3rd century BC – 1st century AD) within the Upper Irtysh region, as well as in burial mounds from the early stage (3rd–2nd centuries BC) of the Wusun archaeological culture in the Ile River valley. It is worth noting the proximity of the design features of the burial structures and the subject complex of most of the described mounds with the monuments of Saryarka, first of all, the greatest parallels can be traced among the materials of the monuments of the Karamola type. According to the results of radiocarbon analysis, the objects studied date back to the 5th–3rd centuries BC.

Source of funding: The article was prepared within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2025, IRN AR19678440.

For citation: Aitkali, A., Zhuniskhanov, A., Rakhmankulov, E. Investigation of the burial mounds of early nomads of the Irtysh river region of Semey. *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 82–94. DOI: [10.52967/akz2023.3.21.82.94](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.82.94)

Азат Айтқали¹, Айдын Жүнісханов^{2*},
Ерболат Рахманқұлов³

¹философия докторы (PhD), Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институтының Астана қаласындағы
филиалы, Астана қ., Қазақстан,

^{2*}корреспондент авторы, Назарбаев Университет,
Жаратылыстану әлеуметтік және гуманитарлық
ғылымдар мектебі, Астана қ., Қазақстан,

Азат Айтқали¹, Айдын Жүнісханов^{2*},
Ерболат Рахманқұлов³

¹доктор философии (PhD), Филиал Института
археологии им. А.Х. Марғұлана в г. Астана,
г. Астана, Казахстан,

^{2*}автор корреспондент, Назарбаев Университет,
Школа естественных, гуманитарных
и социальных наук, г. Астана, Казахстан

³«Бозоқ» Мемлекеттік тарихи-мәдени қорық музейі,
Астана қ., Қазақстан.

Семейдің Ертіс маңы ерте көшпелілерінің обаларын зерттеу

Мақалада Семейтау және Көкентаудың жотала-рында зерттелген ескерткіштердің материалдары берілген. 2014–2018 жж. аралығында алты қорым мен обалар тобынан 13 оба зерттелді. Ілеспе материалдары темір түтікшелер (түйреуіш?) және қойдың құйымшағынан тұрады. Үш жағдайда (Қаратөбе қорымы, № 2 және 3 оба; Қарасу-Үштөбе қорымы № 1 оба) жартылай бағалы тастардан жасалған әшекей бұйымдар табылды. Қару-жарақтары сүйектен жасалған жиынтық және бір қола жебенің ұшы. Жалпы, обалардың жер үсті және қабірішілік құрылыстарының ұқсастықтары Іле өзені бойындағы ежелгі үйсін мәдениетінің ерте кезеңі (б.д.д. III–II ғғ.) обаларынан және Жоғарғы Ертіс бойының құлажорға типті ескерткіштер (б.д.д. III ғ. – б.д. I ғ.) материалдарынан табылады. Сипатталып отырған обалардың көпшілігінің заттай кешені мен жерлеу құрылысының конструкциялық ерекшеліктерінің Сарыарқа ескерткіштерімен жақындығын, әсіресе қарамола типіндегі кешендер материалдары ішінде көбірек кездесетінін атап өту керек. Радиокөмір тектік талдау нәтижесі бойынша зерттелген нысандар б.д.д. V–III ғғ. мерзімделеді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН АР19678440 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Айтқали А., Жүнісханов А., Рахманқұлов Е. Семейдің Ертіс маңы ерте көшпелілерінің обаларын зерттеу. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 82–94-бб. (Ағылшынша). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.82.94](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.82.94)

³Государственный историко-культурный музей-заповедник “Бозок”, г. Астана, Казахстан.

Исследование курганов ранних кочевников Семейского Прииртышья

В статье представлены материалы памятников, исследованных в горных массивах Семейтау и Кокентау. За период 2014–2018 гг. на шести могильниках и курганных группах было исследовано 13 курганов. Материалы сопроводительного инвентаря представляют собой железные стержни (булавки?) и хвостовые позвонки барана. В трёх случаях (мог. Каратобе, кург. № 2, 3; мог. Карасу-Уштобе, кург. № 1) обнаружены ожерелья из полудрагоценных камней. Предметы вооружения представлены набором костяных и одним бронзовым наконечниками стрел. В целом, аналогии наземным и внутримогильным сооружениям курганов находят аналогии в материалах памятников кулажоргинского типа (III в. до н.э. – I в. н.э.) Верхнего Прииртышья и в курганах раннего этапа (III–II вв. до н.э.) культуры древних усуней долины р. Иле. Стоит отметить близость конструктивных особенностей погребальных сооружений и предметного комплекса большинства описываемых курганов с памятниками Сарыарки, прежде всего, наибольшие параллели прослеживаются среди материалов комплексов карамолинского типа. По результатам радиоуглеродного анализа исследованные объекты датируются V–III вв. до н.э.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта АР19678440.

Для цитирования: Айтқали А., Жүнісханов А., Рахманқұлов Е. Исследование курганов ранних кочевников Семейского Прииртышья. *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 82–94 (на англ. яз.). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.82.94](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.82.94)

1 Introduction (Aitkali A., Zhuniskhanov A., Rakhmankulov E.)

From an archaeological perspective, the designated region represents an unexplored area, making it a compelling focal point for concentrated archaeological investigations. In 2014–2015, we conducted a comprehensive exploration of archaeological sites within the administrative district of Semey. The primary objective of this research endeavor was to identify and conduct preliminary analyses of archaeological sites spanning various historical periods, with the intention of defining their principal characteristics. The selection of the Semeytau and Kokentau mountain ranges as the designated exploration route was based on their close proximity and the common cultural elements exhibited by early nomadic civilizations, thereby forming a cohesive historical and cultural entity.

The first written evidence concerning these areas was obtained in 1903, as a result of data collection by the Semipalatinsk Regional Statistical Committee [Konshin 1903: 3–32]. In N. Konshin's article

“On the monuments of antiquity of the Semipalatinsk region”, which is a summary of the information received by the Committee, there are only a few meager lines about these places [Коншин 1903: 5]. It was pointed out that there are many mounds and circles of stones in the Semeytau tracts, and in the Kokentau mountains, there are some inscriptions on the rocks. The same information is duplicated in the book “Archaeological Map of Kazakhstan”, published in 1960 [АКК 1960: 361].

Without a doubt, comprehensive archaeological investigations in these regions have showcased a wealth of historical monuments spanning from the Bronze Age to the More recent historical periods. Prior publications hold valuable insights regarding the findings from research on the ancient burial site and settlement of Koken, which dates back to the Bronze Age [Айткали және т. б. 2017; Doumani and Rahmankulov 2018; Доумани и др. 2020; Doumani and etc. 2021]. In addition, the areas under consideration include large settlements and burial grounds of the Bronze Age, the early Iron Age, production workshops and about a dozen caves with rock carvings [Илиуф 2012: 29–35]. Currently, around the Semeytau and Kokentau mountain ranges, seven mounds with “moustache” have been recorded, but this number can be increased, since only two thirds of the territory around the mountain ranges has been studied by exploration. All of them, with the exception of two, were found around the Semeytau mountain range [Айткали и др. 2019]. In structure, all of them, with the exception of one (Semeytau burial ground), are of the same type, the complexes consist of two small mounds in diameter not exceeding 15 m, located along the east-west line, their arc-shaped short paths branched off from the eastern embankments. The structure was different from the others, it had one large embankment with a diameter of up to 30 m, with a deep funnel in the center, about 2 m high, with long stone ridges and ends in the form of small fences.

Among the monuments of the early Middle Ages, the sanctuary from the ancient Turkic period stands out, which includes a rectangular mound, a moat, a shaft and stone statues dug in on the eastern side. Despite centuries of weathering by winds and blizzards, the facial features of the statues, which presumably represent the ancient inhabitants, remain clearly visible

Thus, the archaeological work conducted has revealed unique material evidence characterizing the culture of the ancient population in this area for the first time.

2 Materials and methods of research

2.1 Methods of research

The construction features of the burial structures, as well as the subject complex of the studied monuments were analyzed using traditional methods of archaeological research. Definitions of anthropological material were made in the research laboratory of Paleoanthropological study of the Margulan Institute of Archaeology by the Candidate of Historical Sciences E. Kitov. Radiocarbon dating of the samples was carried out at the Vilnius Radiocarbon Mass spectrometry Laboratory (Vilnius, Lithuania) (Table 1). The results of the analysis of seeds from mound no. 2 of the Karatobe burial ground were carried out at the National Center of Biotechnology (Astana). Zh. Kalieva, a researcher at the Margulan Institute of Archaeology, conducted a technical analysis of a vessel found in the aforementioned mound.

2.2 Characteristics of sources

To date, a total of 13 burial mounds from a coeval period across six different burial sites and mound groups have been excavated. Burial mounds have been excavated on the burial grounds area: Karatobe – 4, Kotyrkora – 2, Semeytau – 1, Kotyrbulak – 1, Suykbulak – 3, Karasu-Ushtobe – 2 (fig. 1). We will briefly describe the most significant details of the funeral rite and the architecture of burial structures.

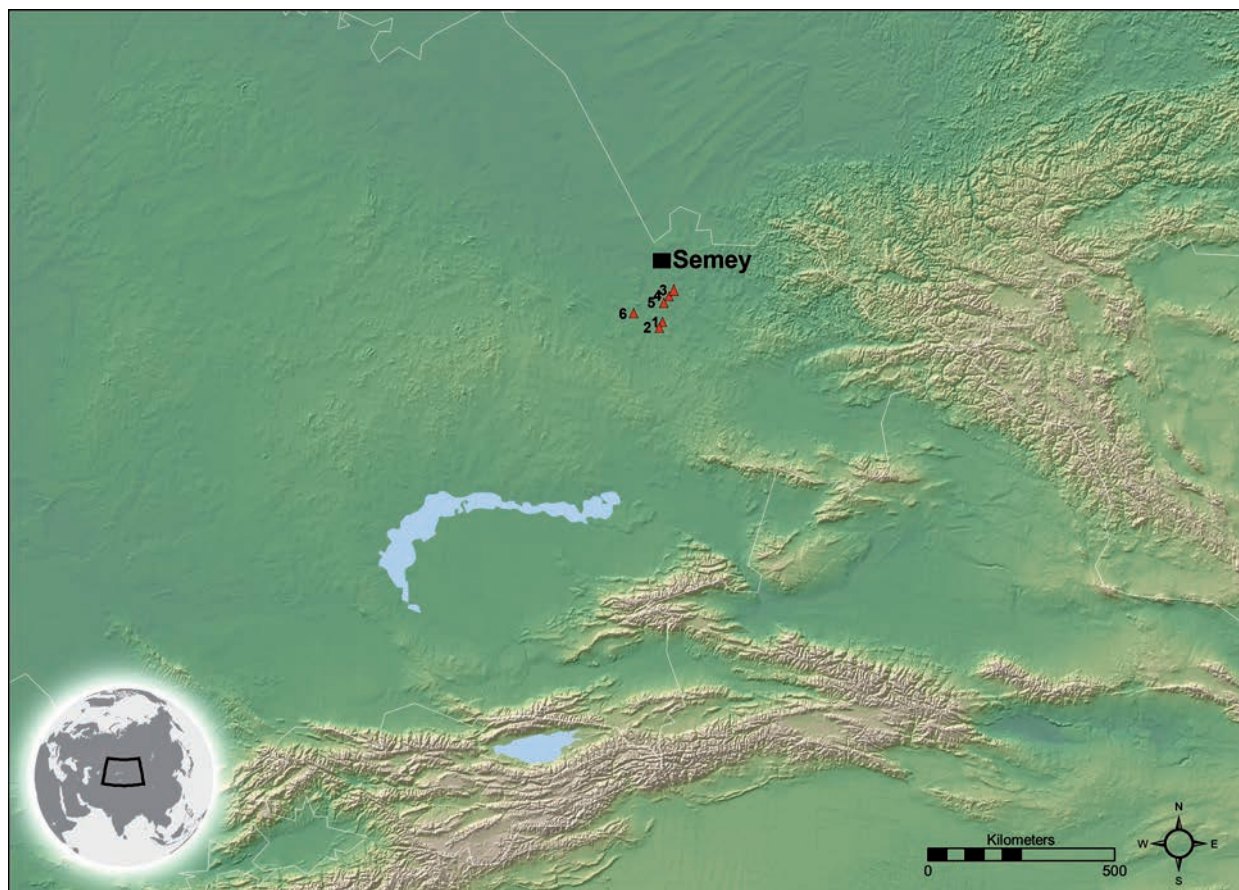

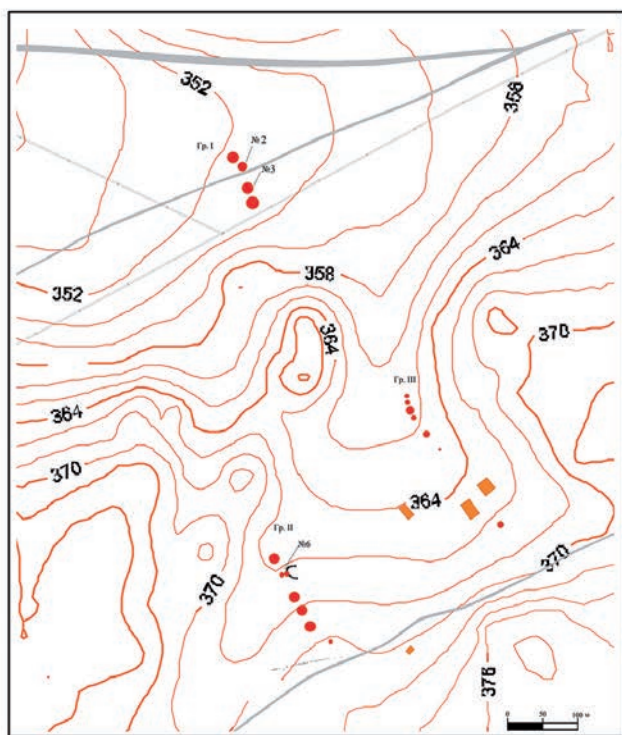
Fig. 1. Location of the sites mentioned in the text: 1 – Karatobe; 2 – Kotyrkora;
3 – Semeytau; 4 – Kotyrbulak; 5 – Suykbulak; 6 – Karasu-Ushtobe

1-сур. Мақалада айтылған ескерткіштердің орналасуы: 1 – Қаратөбе; 2 – Қотырқора;
3 – Семейтау; 4 – Қотырбұлақ; 5 – Суықбұлақ; 6 – Қарасу-Үштөбе

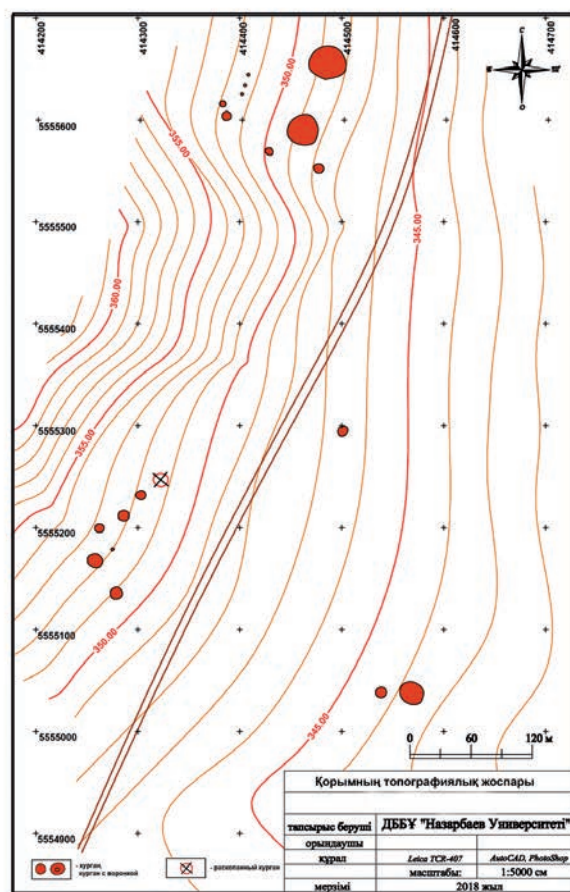
Рис. 1. Локализация памятников, упоминаемых в статье: 1 – Каратөбе; 2 – Котырқора;
3 – Семейтау; 4 – Котырбұлақ; 5 – Суықбұлақ; 6 – Карасу-Уштөбе

The Karatobe burial ground (fig. 2, 1). It is localized at the foot of the northwestern tip of Mount Kokentau. Archaeological work on the burial ground was carried out in 2014–2015 and 2018. In total, there are 17 burial mounds elongated in the meridional direction in three groups of the burial ground. Four burial structures were uncovered, including one mound with “mustache”. Of these, three mounds (k. no. 2, 3, 6), with undisturbed burials, gave a very peculiar material [Айтқали және т. б. 2014].

A distinctive feature of the burial mounds of the Karatobe burial ground is that all of them had two-row stone rings with entrances on the eastern side at some distance from the embankment. The mounds, composed of soil mixed with stones, appear square when viewed from above and have a flattened shape in cross-section. Ground structures in the form of stone fences are located under the embankments. In the center of the fences, grave pits have been cleared, oriented with a long axis in the east-west direction. In one case, the inter-grave structures are represented by a stone box, while in others they are represented

1

2

3

Fig. 2. Topographic plans of the burial grounds: 1 – Karatobe; 2 – Karasu-Ushtobe; 3 – Suykbulak
2-сур. Қорымдардың топографиялық жоспарлары: 1 – Қаратөбе; 2 – Қарасу-Үштөбе; 3 – Суықбұлақ
Рис. 2. Топографические планы могильников: 1 – Каратөбе; 2 – Карасу-Уштөбе; 3 – Суыкбулак

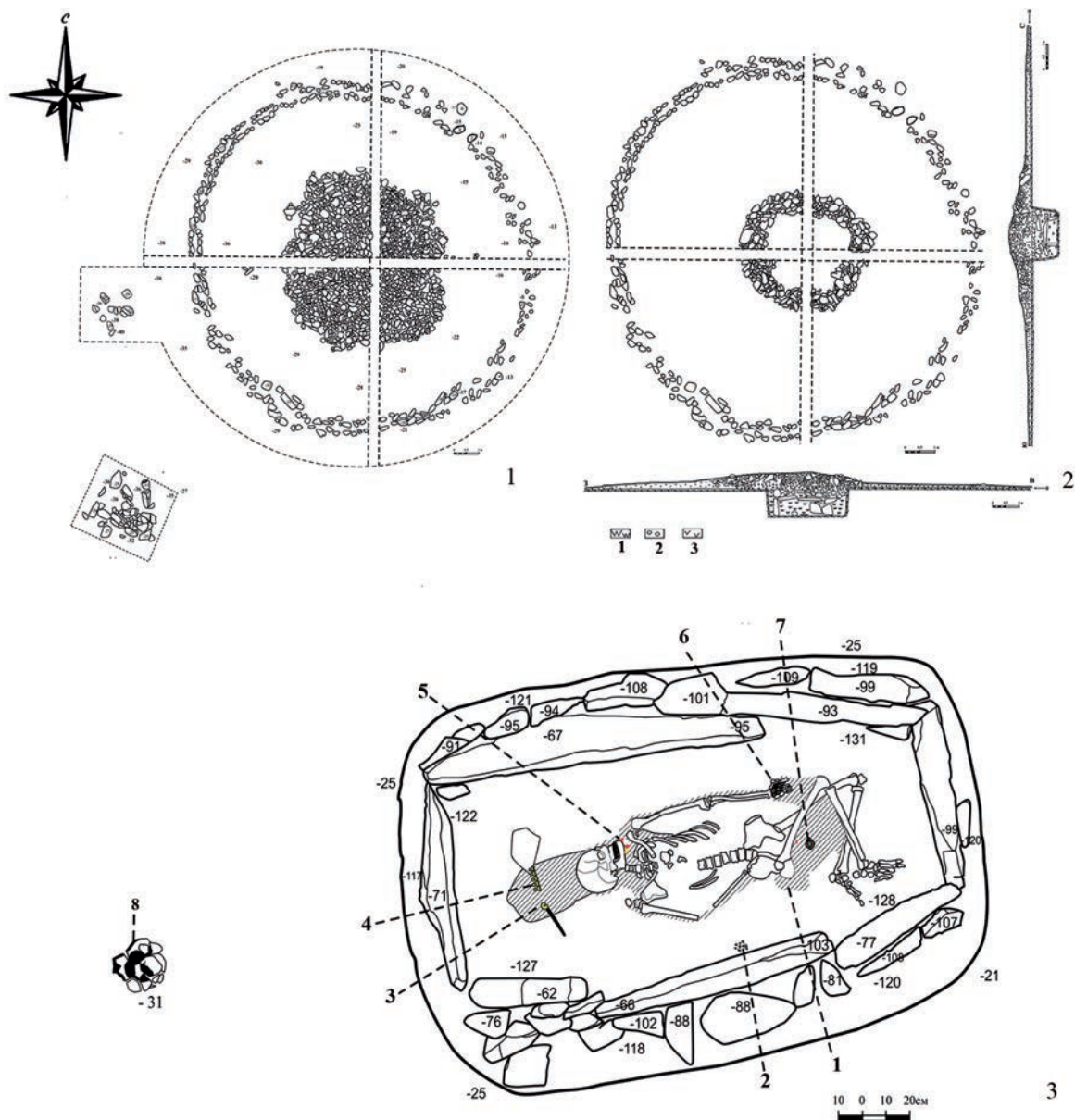

Fig. 3. The Karatobe burial ground, burial mound no. 2: 1 – plan of the grave structure after removing the turf; 2 – plan of the grave structure after clearing and sections; 3 – plan of the grave pit after clearing (1 – tissue fragments (?); 2 – seeds; 3 – pin (iron); 4 – headdress patch (gold); 5 – necklace; 6 – bronze ring; 7 – bead and craft made of bronze). Performed by Galymzhan Kiyasbek

3-сур. Қаратөбе қорымы, № 2 оба: 1 – шым қабатынынан тазаланғаннан кейінгі қабір үсті құрылысының жоспары; 2 – тазаланғаннан кейінгі қабір үсті құрылысының жоспары және қималары; 3 – тазаланғаннан кейінгі қабір шұңқырының жоспары (1 – мата қалдығы (?); 2 – дән; 3 – түйреуіш (темір); 4 – бас киімнің жапсырмасы (алтын); 5 – алқа; 6 – қоладан жасалған сақина; 7 – қоладан жасалған ұсақ моншақ). Орындаған: Ғалымжан Қиясбек

Рис. 3. Могильник Каратобе, курган № 2: 1 – план надмогильного сооружения после снятия дерна; 2 – план надмогильного сооружения после расчистки и разреза; 3 – план могильной ямы после расчистки (1 – фрагменты ткани (?); 2 – семена; 3 – булавка (железо); 4 – нашивка головного убора (золото); 5 – ожерелье; 6 – бронзовое кольцо; 7 – бусинка и поделка из бронзы). Исполнитель: Галымжан Киясбек

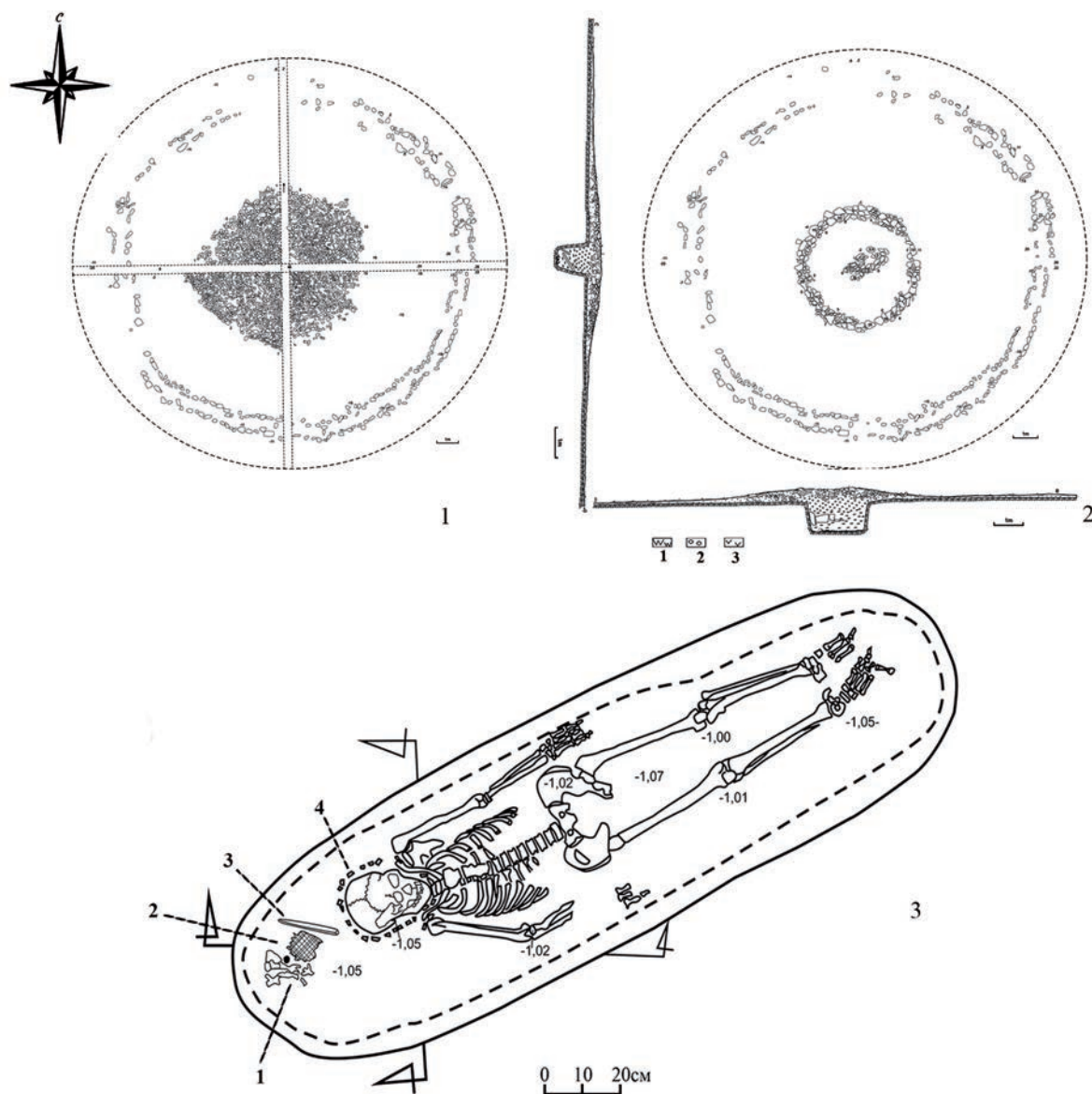

Fig. 4. The Karatobe burial ground, burial mound no. 3: 1 – plan of the burial structure after removing the turf; 2 – plan of the grave structure after clearing and sections; 3 – plan of the grave pit after clearing (1 – caudal vertebrae (small cattle); 2 – ash; 3 – pin (iron); 4 – beads made of semi-precious stones).

Performed by Galymzhan Kiyasbek

4-сур. Қаратөбе қорымы, № 3 оба: 1 – шым қабатынан тазаланғаннан кейінгі қабір үсті құрылысының жоспары; 2 – тазаланғаннан кейінгі қабір үсті құрылысының жоспары және қималары; 3 – тазаланғаннан кейінгі қабір шұңқырының жоспары (1 – құйымшақ (ұсақ мал); 2 – күл; 3 – түйреуіш (темір); 4 – жартылай бағалы тастардан жасалған моншақ). Орындаған Ғалымжан Қиясбек

Рис. 4. Могильник Каратобе, курган № 3: 1 – план надмогильного сооружения после снятия дерна; 2 – план надмогильного сооружения после расчистки и разрезы; 3 – план могильной ямы после расчистки (1 – хвостовые позвонки (МРС); 2 – зола; 3 – булавка (железо); 4 – бусинки из полудрагоценных камней).

Исполнитель Галымжан Киясбек

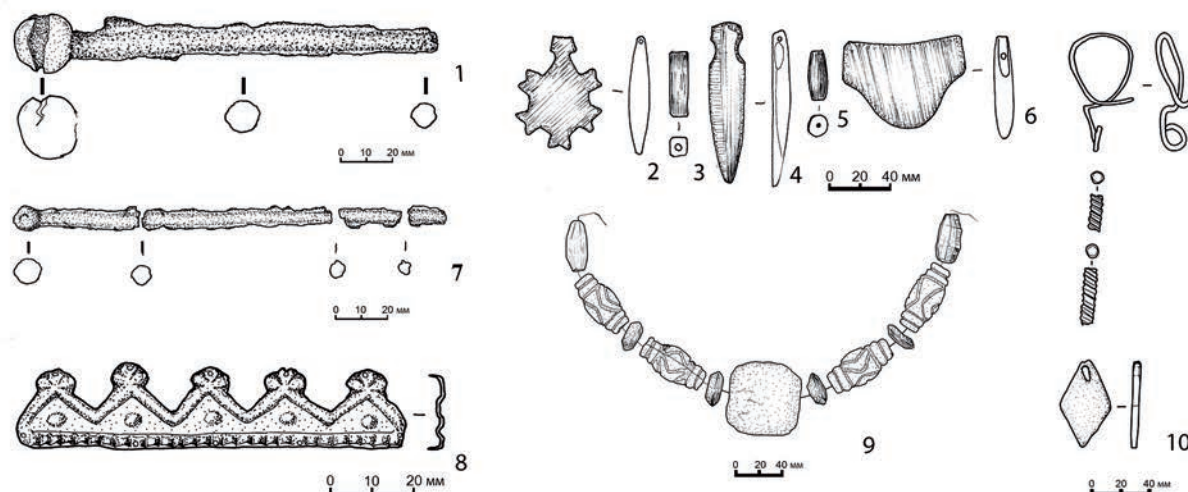

Fig. 5. The Karatobe burial ground. Utensils set: 1, 8–10 – burial mound no. 2; 2–7 – burial mound no. 3.
Performed by Erbolat Rahmankulov

5-сур. Қаратөбе қорымы. Заттар кешені: 1, 8–10 – № 2 оба; 2–7 – № 3 оба. Орындаған: Ерболат Рахманқұлов

Рис. 5. Могильник Каратөбе. Вещевой комплекс: 1, 8–10 – курган № 2; 2–7 – курган № 3.
Исполнитель: Ерболат Рахманкулов

by a dirt pit with a fence of vertically placed slabs. The deceased were laid on their backs with their heads facing west or southwest.

In the burial mound no. 2, in a rich burial (fig. 3), in a stone box, a fragment of a headdress in the form of a gold plate with a combined geometric and floral ornament, a gold earring complete with two gold threads with corrugations and a rhombic shape with a turquoise pendant, an iron pin with a golden spherical top, and a necklace was cleared on the cervical vertebrae of the vertebral column made of stones (4 carnelian, 2 paste, 1 chalk (?) and gilding (4 pieces) with a diamond-shaped ornament (fig. 5, 1, 8-10).

The eight-shaped gold earring from mound no. 2, apparently, belongs to the category of late earrings (fig. 5, 10) – not earlier than the second half of the 1st millennium BC (Table 1, 1). The patch of the headdress (fig. 7.2). Decorative style distinct from the animal motifs commonly found in the Saka period.

A ceramic vessel was found just below the modern surface of the earth, in the western part of the grave pit. The vessel was burned presumably in a fire, as evidenced by the mottled color of the surface. The color in the fracture is light brown, dark gray in some places. The vessel is spherical in shape (?) the upper part is missing; the bottom is wide flattened. Hollow body construction: the bottom is made of one a single flat piece, The rim are built up from the outside.

The outer surface is smoothed with a hard wooden tool, while the inner surface is hand-smoothed. The results of the technological analysis of ceramics showed that the vessel was not intended for everyday use and was made for a funeral rite.

In addition, the seeds of the plant were found in a stone box. The results of the conducted studies show that the seeds of unknown origin that were obtained belong to the Knotgrass (*Polygonum aviculare* L.). However, the results of the radiocarbon analysis of the seeds showed a later date (Table 1, 2).

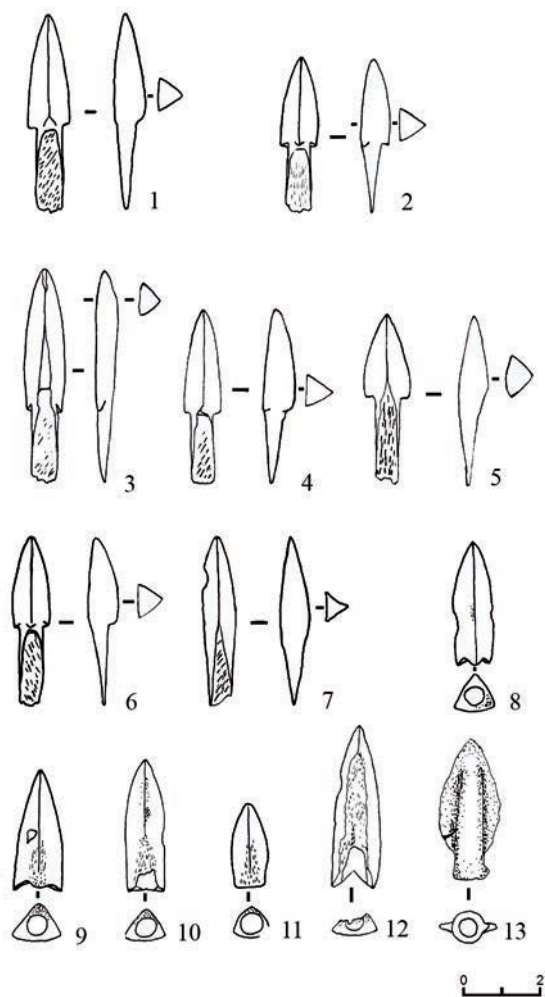

Fig. 6. The Suykbulak burial ground. Burial mound no. 8.
Arrowheads: 1–12 – bone; 13 – bronze.
Performed by Erbolat Rahmankulov

6-сур. Суықбұлақ қорымы, № 8 оба. Жебе ұштары:
1–12 – сүйек; 13 – қола.
Орындаған: Ерболат Рахманқұлов

Рис. 6. Могильник Суыкбулак, курган № 8.
Наконечники стрел: 1–12 – кость; 13 – бронза.
Исполнитель: Ерболат Рахманкулов

In mound no. 3 (fig. 4), a large number of beads (32 pieces) (fig. 7, 1) made of multicolored semi-precious stones (agate, carnelian), as well as an iron pin were found around the head of the buried individual (fig. 4; 5, 2-9).

The Kotyrkora burial ground. Archaeological work on the burial ground was carried out in 2014. The burial ground encompasses more than 30 objects of different times aligned in a north-south direction. The mounds of the examined burial mounds no. 1 and 2 are initially sub-circular in shape, however, after clearing the upper layer, they are sub-square in plan view. The mounds of both burial mounds are composed of soil, only the upper layer, the shell, consists of stones. A ground structure in the form of a stone fence is fixed under the embankments [Айтқали 2015]. In the center of the fence, grave pits were excavated, oriented with a long axis in the east-west direction. The tombstone structures are represented by a stone box and a dirt pit with a fence of vertically placed slabs, the buried individuals are placed on their backs with their heads on the east and southeast. The accompanying inventory is limited, consisting of an iron knife and an iron rod (pin).

The Kotyrbulak burial mound group. Archaeological work on the burial ground was carried out in 2015 [Айтқали и др. 2016: 27]. The mounds of the burial mound no. 1 are composed of soil mixed with stones, subquadrate in plan view. At some distance from the embankment, a two-row stone ring was traced and on the eastern side with an entrance of designated large stones. Unfortunately, the burial structure of the mound was destroyed, the accompanying inventory was missing due to the actions of looters. Judging by the remains, the buried individual was laid on his back with his head on the west.

The Suykbulak burial ground (fig. 2, 3). Archaeological work on the burial ground was carried out in 2015. There are 15 burial structures on the burial ground area, forming three separate groups, elongated in the meridional direction. There were opened three burial mounds (no. 3, 8, 14), but only one gave the material – mound no. 8. The embankment of the latter was demolished by heavy machinery, as a result, it was not possible to fix all the details of the ground structure. The burial mound is built of stone with

an equal proportion of soil. The diameter of the mound is 8 m, height – 0.5 m. Outside the embankment, at some distance, a double ring arrangement of larger stones with a designated entrance on the eastern side was traced. In the center of the burial mound, a grave pit, oriented in the north-west-southeast direction, was identified in the center of the burial mound. The burial structure of the mound was destroyed. Bone triangular and petiolate arrowheads with a hidden bolster were found in the filling (fig. 6). Additionally, a bronze tip with a bolster-shaped, two-bladed, and oblong feather shape was also discovered [Айткали и др. 2016: 32].

The Karasu-Ushtobe burial ground (fig. 2, 2). Archaeological work on the burial ground was carried out in 2015. In total, there are 5 burial mounds on the area of the burial field, elongated in the meridional direction. Two burial mounds (no. 1, 2) were excavated [Айткали и др. 2018: 124; 2021: 124–129]. The mounds of both burial mounds are rounded in plan, in section they are of a flattened shape. In the profile of the mounds, closer to the foot, a stone belt was traced. The tombstone structures consist of ring fences with a domed upper ceiling. In the center of the fence there are grave pits oriented in the direction of east-west with small deviations. Judging by the remains, the deceased individuals were placed on their backs, arms along the body and oriented with their heads to west with slight deviations. A bead, identical to a larger one found in mound no. 3 of the Karatobe burial ground, was discovered in one of the burial mounds.

The anthropological material of the tombs of Kotyrbulak, Kotyrkora and Karatobe is characterized. The skulls from different burial grounds have poor preservation, it was not possible to make a comparative analysis of them. However, it is noted that the skulls are not homogeneous, but at the same time they exhibit some degree of variation within the anthropological features typical of the early Iron Age region.

3 Discussion and results

Despite the fact that most of the mounds were looted, the extracted materials complement our ideas about the architecture of the mounds, as well as the funeral rites of the ancient population of the territory under consideration.

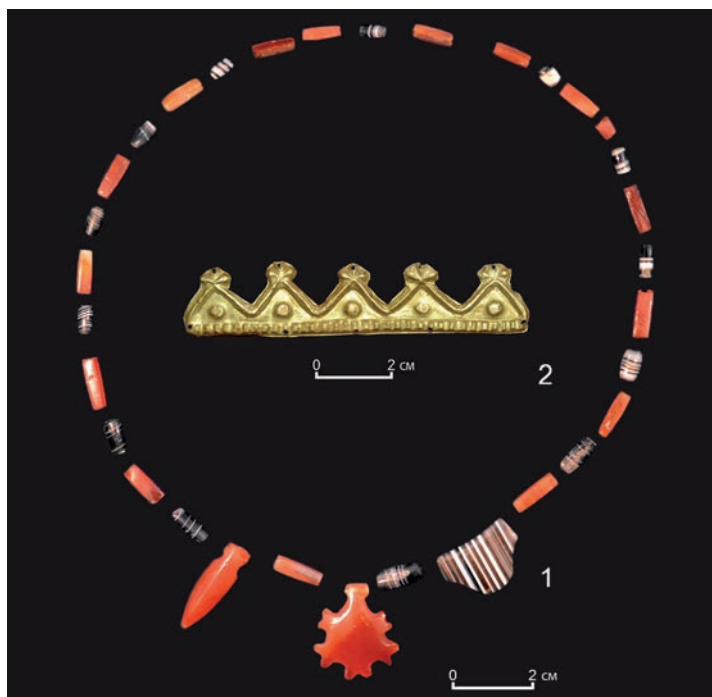

Fig. 7. The Karatobe burial ground. Accessory:

- 1 – a necklace from burial mound no. 2;
 - 2 – a gold plate of a headdress from burial mound no. 1.
- Performed by Erbolat Rahmankulov

- 7-сур. Қаратөбе қорымы. Әшекейлер:
- 1 – № 2 обадан шыққан алқа;
 - 2 – № 1 обадан табылған бас киімнің алтын жапсырмасы.
- Орындаған: Ерболат Рахманқұлов

Рис. 7. Могильник Каратобе. Украшения:

- 1 – ожерелье из кургана № 2;
 - 2 – золотая пластина головного убора из кургана № 1.
- Исполнитель Ерболат Рахманкулов

Some minor differences between the burial structures of individual burial grounds have been recorded. The features were expressed in the size and burial structures within the mounds. Despite this, most likely, the evidence suggests that these burial structures were likely built by a single ancient ethnic group that lived in this territory. In favor of this, at the level of the ancient horizon, the burial mounds had stone fences, in the center of which there were pits with the same latitudinal direction and a similar arrangement of inter-grave structures with fences of oblong slabs placed across the grave pits. Among the items of the accompanying inventory, iron rods (pins) and tail vertebrae of a ram were often found together with the deceased. In addition, in three cases (burial ground Karatobe, burial mounds no. 2, 3; burial ground Karasu-Ushtobe, burial mound no. 1) necklaces adorned with colored stones were discovered. Weapons are represented by a set of bones and one bronze arrowhead.

In general, analogies to terrestrial and inter-grave structures of mounds can be found in geographically closely located monuments of the Kulazhorga type (3rd century BC – 1st century AD) of the Upper Irtysh region and in the mounds of the early stage (3rd–2nd centuries BC) of the Wusun archaeological culture of the Ili River valley. [Черников 1975: 135–148; Акишев, Кушаев 1963: 194–202]. It is worth noting the proximity of the construction features of the burial structures and the subject complex of most of the described mounds with the monuments of Saryarka, first of all, the greatest parallels are observed with the so-called monuments of the Karamola type [Бейсенов 2014].

4 Conclusion

Given the limited and fragmented availability of materials at our disposal, it would be premature to draw definitive conclusions regarding ethnic and cultural affiliations of the examined monuments. However, in light of recent findings in Central Kazakhstan, the chronology of mound construction, as determined during the first half of the first millennium BC, has been established. The obtained radiocarbon dates from the 4th to 3rd centuries BC corroborate this deduction. To fully comprehend the dynamics that transpired in the eastern region of Saryarka, additional comprehensive investigations are imperative for the archaeological sites situated within the Kokentau and Semeytau mountain ranges.

The analysis of burial items found in the studied mounds indicates their close proximity to the previously mentioned monuments of Saryarka, the Upper Irtysh region and the Ile River valley.

The presented anthropological material within the tombs of Kotyrbulak, Kotyrkor and Karatobe reveal that the skulls originating from the burials are not homogeneous, however they do not go beyond the scale of the region represented by the groups of the Early Iron Age.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 АКК – Археологическая карта Казахстана: реестр / сост.: Е.И. Агеева, К.А. Акишев (отв. ред.), Г.А. Кушаев [и др.]. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 450 с.
- 2 Айткали А.К., Жунисханов А.С., Каримов М.К., Исин А.И., Рахманкулов Е.Ж. Новые памятники эпохи бронзы горного массива Кокентау. Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. научн. тр. XVI Междунар. научн.-практ. конф. (г. Усть-Каменогорск, 28–29 сентября 2017 г.) / Под ред. Э.Т. Толеубекова. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2017. С. 18–23.
- 3 Айткали А.К. Предварительные результаты исследования курганов гунно-сарматского времени могильника Котыркора в микрорайоне Кокентау // VII Оразбаевские чтения: м-лы междунар. научн.-практ. конф. «Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее», приуроченной к 550-летию образования казахского ханства, 20-летию ассамблеи народа Казахстана (г. Алматы, 28–29 апреля 2015 г.) / Отв. ред. А.Б. Калыш. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 348–350.

- 4 Айткали А.К., Жуниسخанов А., Бесетаев Б. Курганы второй половины I тысячелетия до нашей эры горного массива Семейтау // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. Сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога Бекена Нурмуханбетова / Отв. ред. А. Онгарулы. Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 26-33.
- 5 Айткали А.К., Жуниسخанов А.С., Доумани Дупью П., Исин А.И., Рахманкулов Е. Новые данные о курганах с «усами» Восточного Казахстана. Маргулановские чтения – 2019: // Материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева / Отв. ред. Хабдулина М.К. Нур-Султан, НИИ археологии им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 208-222.
- 6 Айткали А.К., Жуниسخанов А.С., Каирмагамбетов А.М., Ахметов М.Г., Рахманкулов Е.Ж. Предварительные результаты исследования могильника Каратобе в микроархеологическом районе Кокентау в 2014 г. // Кадырбаевские чтения–2014: м-лы IV Междунар. научн. конф. (г. Актобе, 9–10 октября 2014 г.) / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Астана: Актюбинский областной историко-краеведческий музей; типогр. «Мега принт», 2014. С. 151-160.
- 7 Айткали А.К., Жуниسخанов А.С., Исин А.И., Рахманкулов Е.Ж. Курганы Карасу-Уштобе // XIII Оразбаевские чтения: м-лы междунар. научн.-метод. конф. «Историко-культурное наследие древних и традиционных обществ Центральной Азии: новые открытия и междисциплинарные исследования» / Отв. ред. Р.С. Жуматаев. Алматы: Қазақ университеті, 2021. С. 124-129.
- 8 Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 214 с.
- 9 Бейсенов А.З. О памятниках карамолинского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина I тыс. до н. э.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 7: Археология и этнография. С. 68–79.
- 10 Доумани Дюпю П.Н., Жуниسخанов А.С., Буллион Э., Рахманкулов Е.Ж., Киясбек Г.К., Ташманбетова Ж.Х., Исин А.И., Меркл Э., Гумирова О. Археологические исследования памятника Кокен (Восточный Казахстан): Предварительные результаты // Маргулановские чтения–2020: м-лы междунар. научн.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.) / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. В 2-х т. Т. 2. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 68-81.
- 11 Илиуф Х.Ш. Древности Кокентау // Роль музеев на современном этапе и перспективы развития: м-лы междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 70-летию музея. Павлодар, 2012. С. 29-35.
- 12 Коншин Н.Я. О памятниках старины в Семипалатинской области // Записки Семипалатинского подотдела Зап-Сиб. отдела ИРГО. 1903. Вып. I. С. 1-32.
- 13 Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. / Отв. ред. А.М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 132-148.
- 14 Doumani Dupuy P.N., Rahmankulov E. Bronze age ceramics of the Koken Cemetery (Sary-Arka Region, Kazakhstan) // Алтай – Золотая колыбель тюркского мира. / Гл. ред. Д.К. Ахметов. Усть-Каменогорск: Акимат ВКО, 2018. С. 123-126.
- 15 Doumani Dupuy P.N., Zhuniskhanov A.S., Bullion Elissa, Kiyasbek G.K., Tashmanbetova Zh.Kh., Rakhmankulov E.Z., Isin A.I. The newly discovered bronze age site of Koken: Merging micro-regions with major study zones in the high steppes of Kazakhstan // Archaeological Research in Asia. 2021. Vol. 27. September.

REFERENCES

- 1 Ageeva, E. I. Akishev, K. A. Kushaev, G. A. et al. (compl.). 1960. *Arheologicheskaya karta Kazakhstana* (*Archaeological map of Kazakhstan*). Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR (in Russian).
- 2 Aitkali, A., Zhuniskhanov, A., Karimov, M., Isin, A. Rakhmankulov, E. 2017. In: Toleubekova, E. T. (ed.). *Etnodemograficheskie protsessy v Kazakhstane i sopredelnykh territoriyah* (*Ethnodemographic processes in Kazakhstan and adjacent territories*). Ust-Kamenogorsk: “Media Alliance” Publ., 18-23 (in Russian).
- 3 Aitkali, A. 2015. In: Kalysh, A. B. (ed.). *VII Orazbayevskie chteniya* (*7th Orazbayev readings*). Almaty: “Kazakh University” Publ., 348-350 (in Russian).

- 4 Aitkali, A., Zhuniskhanov, A., Besetaev, B. 2016. In: Onggaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty Kazahskikh stepey: kontakt kultur (Saka and Sauromats of the Kazakh steppes: contact of cultures)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 26-33 (in Russian).
- 5 Aitkali, A., Zhuniskhanov, A., Doumani Dupuy, P., Isin, A., Rakhmankulov, E. 2019. In: Khabdullina, M. K. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2019 (Margulan readings–2019)*. Nur-Sultan: Akishev research Institute at the Gumilyov Eurasian National University, 208-222 (in Russian).
- 6 Aitkali, A., Zhuniskhanov, A., Kairmagambetov, A., Akhmetov, M., Rakhmankulov, E. 2014. In: Bisembaev, A. A. (ed.). *Kadyrbaevskie chteniya–2014 (“Kadyrbaev readings–2014”)*. Astana: Aktobe regional museum of local history, 151-160 (in Russian).
- 7 Aitkali, A., Zhuniskhanov, A., Isin, A., Rakhmankulov, E. In: Zhumataev, R. S. (ed.). *XIII Orazbayevskie chteniya (13th Orazbayev readings)*. Almaty: “Kazakh University” Publ., 124-129 (in Russian).
- 8 Akishev, K., Kushaev, G. 1963. *Drevnyaya kultura sakov i usunei doliny reki Ili (Ancient culture of the Saka and Wusun of the Ili River valley)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR (in Russian).
- 9 Beisenov, A. 2014. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. T. 13, vyp. 7: Arheologiya i etnografiya (Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. Vol. 13, issue 7: Archaeology and Ethnography)*, 68-79 (in Russian).
- 10 Doumani Dupuy, P., Zhuniskhanov, A., Bullion, E., Rakhmankulov, E., Kiyasbek, G., Tashmanbetova, Zh., Isin, A., Merkle, E., Gumirova, O. 2020. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2020 (Margulan readings–2020)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 68-81 (in Russian).
- 11 Iliuf, H. 2012. In: *Rol muzeev na sovremennom etape i perspektivy razvitiya (The role of museums at the present stage and prospects for development)*. Pavlodar, 29-35 (in Russian).
- 12 Konshin, N. 1903. In: *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva (Notes of the Semipalatinsk Sub-department of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society)*, 1, 1-32 (in Russian).
- 13 Chernikov, S. 1975. In: Mandelstam, A. M. (ed.). *Pervobytnaya arheologiya Sibiri (Primitive Archaeology of Siberia)*. Leningrad: “Nauka” Publ., 132-148 (in Russian).
- 14 Doumani Dupuy, P. N., Rakhmakulov, E. 2018. In: Akhmetov, D. K. (ed.). *Altay – zolotaya kolybel tyurkskogo mira (Altai is the Golden Cradle of the Turkic world)*. Ust-Kamenogorsk, 123-126.
- 15 Doumani Dupuy, P. N., Zhuniskhanov, A., Bullion, E., Kiyasbek, G., Tashmanbetova, Zh., Rakhmankulov, E., Isin, A. 2021. In: *Archaeological Research in Asia*, 27, September, 1-6 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 25.07.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 22.09.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.09.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.95.109>

Позднесарматские погребения могильника Мамай (Западный Казахстан)

© 2023 г. Кушаев Г.А., Жамбулатов К.А.

Keywords: archaeology, West Kazakhstan, Mamay burial ground, late Sarmatian culture, funeral rite, fibula

Түйін сөздер: археология, Батыс Қазақстан, Мамай қорымы, кейінгі сармат мәдениеті, жерлеу салты, фибула

Ключевые слова: археология, Западный Казахстан, могильник Мамай, позднесарматская культура, погребальный обряд, фибула

Gayaz Kushaev¹ and Kairat Zhambulatov^{1*}

¹Candidate of Historical Sciences, archaeologist

^{1*}Corresponding author, Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: kairo_88@inbox.ru

Late Sarmatian burials of the Mamay burial ground (West Kazakhstan)

The article presents the materials of Late Sarmatian burials studied in the Mamay burial ground of different times. In total, nine burial mounds containing 19 burials were examined at the site, the material of which is represented by a wide chronological range from the Bronze Age to the early Middle Ages. Of this number, five burials belong to the Late Sarmatian period. They are united by the fixed uniform norms of the funeral rite and a set of accompanying artifacts and utensils. Thus, the burials were carried out in a rectangular grave pit with a padded recess under the western wall, the head oriented to the northern sector, in an elongated position. The finds are typologically identical vessels of North Caucasian production, weapons, jewelry and fibulae. The latter are a stable chronological indicator that allows dating the complex to the middle – second half of the 3rd century AD. In general, the burial ground material reflects the influence of two centers of development of Late Sarmatian culture – the Southern Urals and the Lower Volga region. Trade and economic ties gravitated most towards the North Caucasus.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574175.

For citation: Kushaev, G., Zhambulatov, K. 2023. Late Sarmatian burials of the Mamay burial ground (West Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 95–109 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.95.109](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.95.109)

Гаяз Абдувалиевич Кушаев¹,
Қайрат Абайұлы Жамбулатов^{1*}

¹тарих ғылымдарының кандидаты, археолог
^{1*}корреспондент авторы, аға ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

Мамай қорымындағы
кейінгі сарматтық жерлеу орны
(Батыс Қазақстан)

Мақалада Мамай қорымында зерттелген кейінгі сармат жерлеу орнының материалдары берілген.

Гаяз Абдувалиевич Кушаев¹,
Қайрат Абаевич Жамбулатов^{1*}

¹кандидат исторических наук, археолог
^{1*}автор-корреспондент, старший
научный сотрудник, Институт археологии
имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Позднесарматские погребения
могильника Мамай
(Западный Казахстан)

В статье представлены материалы позднесарматских погребений, исследованных в разновременном

Ескерткіште қола дәуірінен ортағасырларға дейінгі кең хронологиялық диапазонды қамтитын барлығы 19 жерлеу орнынан тоғыз оба зерттелді. Осының ішінде бес жерлеу орны кейінгі сармат уақытына жатады. Оларды жерлеу ғұрпының бекітілген бірегей талабы мен ілеспелі заттық кешені біріктіреді. Сонымен, жерлеу батыс қабырға астындағы ақым шұңқыры бар тікбұрышты пішінді қабір шұңқырында басы солтүстік секторға қаратылып, ұзынынан жүргізілді. Табылымдар солтүстік кавказдық өндірістің біркелкі типтегі ыдыстары, қару жарақ, әшекейлер және фибулалардан тұрады. Соңғысы кешенді б.д. III ғ. ортасы – екінші жартысымен мерзімдеуге болатын нақты хронологиялық индикатор болып табылады. Жалпы, қорым материалдары кейінгі сармат мәдениетінің дамуының екі орталығы – Оңтүстік Орал бойы және Төменгі Еділ бойының әсерін көрсетеді. Сауда-экономикалық байланыстар көбіне Солтүстік Кавказға тартады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Кушаев Г.А., Жамбулатов Қ.А. Мамай қорымындағы кейінгі сарматтық жерлеу орны. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 95–109-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.95.109](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.95.109)

могильнике Мамай. Всего на памятнике было исследовано девять курганов, содержащих 19 погребений, материал которых представлен широким хронологическим диапазоном от эпохи бронзы до раннего средневековья. Из этого числа пять погребений относятся к позднесарматскому времени. Их объединяют зафиксированные единые нормы погребального обряда и набор сопроводительного предметного комплекса. Так, погребения были совершены в могильной яме прямоугольной формы с подбойной нишей под западной стенкой, головой ориентированы в северный сектор, в вытянутом положении. Находки представлены типологически одинаковыми сосудами северокавказского производства, предметами вооружения, украшениями и фибулами. Последние являются устойчивым хронологическим индикатором, позволяющим датировать комплекс серединой – второй половиной III в. н.э. В целом, материал могильника отражает влияние двух центров развития позднесарматской культуры – Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Торгово-экономические связи тяготели больше всего к Северному Кавказу.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574175.

Для цитирования: Кушаев Г.А., Жамбулатов К.А. Позднесарматские погребения могильника Мамай (Западный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 95–109. DOI: [10.52967/akz2023.3.21.95.109](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.95.109)

1 Введение

В 1978–1979 гг. были проведены аварийно-спасательные работы на мог. Мамай. Памятнику угрожало уничтожение при строительстве крупного гидротехнического узла. Выполнение охранных надзорных мероприятий было осуществлено сотрудниками Уральского педагогического института под руководством Г.А. Кушаева [Кушаев, Кокебаева 1978а; 1978б; 1979а; 1979б]. В результате осмотра местности было выявлено два крупных могильных поля, закрепившихся у местного населения под названиями Кособа [Железчиков 1998: 10–26] и Мамай.

Могильник Мамай расположен между современными посёлками Жулдыз и Коктерек, на левом берегу р. Сарыозен, в месте, где по этнографическим данным существовал брод через реку и одноименная летовка (рис. 1) (Казталовский р-н, Западно-Казахстанская обл.).

Могильник, состоящий из 10-ти земляных курганов, раскинулся в меридиональном направлении более чем на 800 м, повторяя направление склона увалистой возвышенности, на котором он расположен. Основу могильника формируют два самых крупных кургана № 10 и 11, имеющие насыпь диаметром 40 и 50 м, высотой более 2 м, а также сооружение № 9, примыкающее к ним, расположенные в западной части могильного поля. Восточную половину могильника занимают курганы диаметром от 10 до 20 м, высотой от 0,5 до 1,5 м. Сооружение № 9 расположено в 80 м восточнее центрального кургана № 10. Оно представляет собой земляную обваловку подпрямоугольной в плане формы со сторонами 60×40 м. Стены сооружения шириной 10–15 м, высотой 0,3 м, в южной – зафиксирован разрыв (рис. 2).

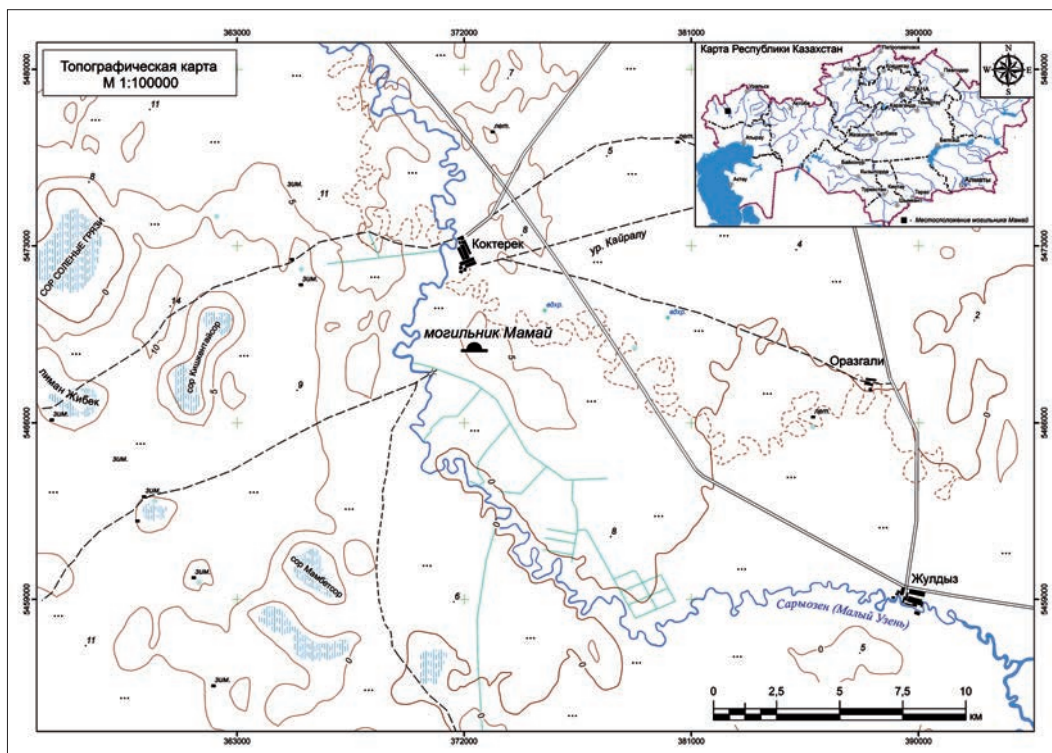

Рис. 1. Карта расположения могильника Мамай
1-сур. Мамай қорымының орналасу картасы
Fig. 1. Map of the location of the Mamay burial ground

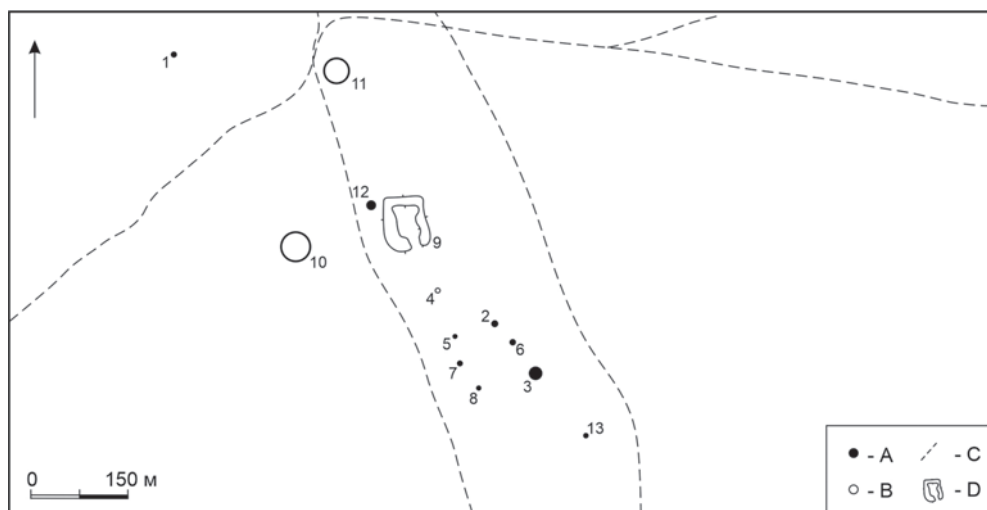

Рис. 2. План могильника Мамай: А – раскопанный курган; В – не раскопанный курган;
С – грунтовая дорога; D – земляное сооружение
2-сур. Мамай қорымының жоспары: А – қазылған оба; В – қазылмаған оба; С – топырақ жол;
D – топырақтан салынған құрылыс
Fig. 2. Plan of the Mamay burial ground: A – excavated mound; B – non-excavated mound;
C – dirt road; D – earthen structure

Всего на памятнике раскопано девять курганов, возведённых в разное время. В эпоху бронзы были сооружены курганы № 1, 3, 7, 8 и 13. На эту датировку указывает характерный для того исторического периода обряд захоронения – погребённые были уложены в скорченном положении на боку, а также сопроводительный инвентарь: керамические сосуды баночных форм с ребром, украшенные геометрическим орнаментом; бронзовый нож с намечающимся уступом; каменная булава и т. д. В раннем железном веке (раннесарматское время) были возведены курганы № 6 и 12. В погребениях этих курганов были найдены лепные сосуды горшковидной формы, бронзовое зеркало с боковой ручкой-штырём, пряслица, бусы и др. К средневековью относятся только впускные погребения, которые были обнаружены в курганах № 3, 6 и 8. В погребениях был найден типичный для того времени сопроводительный инвентарь. Это железные наконечники стрел, пряжки, стремена, берестяной колчан, деревянный гребень, зеркало с зооморфным сюжетом и прочее.

Также активно могильное поле использовалось и поздними сарматами. В это время ими для совершения захоронения своих соплеменников были возведены отдельные курганы № 2 и 5. Помимо этого, были осуществлены впускные погребения в насыпи курганов более раннего периода № 1, 7 и 8.

Таким образом, материал позднесарматского времени могильника Мамай был получен в курганах № 1, 2¹, 5, 7 и 8.

2 Методы исследования и характеристика материала

2.1 Методика исследований

В ходе подготовки данной публикации, на первом этапе была проведена работа в фондах архива Института археологии имени А.Х. Маргулана, где были просмотрены и отобраны материалы касательно исследуемого могильника Мамай. Это дела № 1675 и 1676 за 1978 г., а также № 1762 и 1763 за 1979 г. Составлен полный список исследованных курганов с их характеристиками, из которого вычленены памятники позднесарматского времени. После чего описание раскопов и чертежно-графическая документация была приведена в соответствии с современными требованиями.

На втором этапе, по предварительно составленному перечню находок, в хранилище вспомогательного фонда Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (г. Уральск) были отобраны находки, сопровождавшие только позднесарматские погребения. Далее для фотографирования и отрисовки артефакты были очищены от окислов, пыли и налёта, а также частично отреставрированы.

2.2 Описание курганов

Курган № 1, погребение 1 (рис. 3). Погребение располагалось в южной половине насыпи, рядом с погребением эпохи бронзы.

Могильная яма прямоугольной формы со слегка скруглёнными углами, была ориентирована по линии северо-запад–юго-восток. Длина – 2,3 м, ширина – 0,65 м, глубина – 1,1 м. В её заполнении встречались фрагменты истлевшего дерева.

Под западной стенкой входной ямы была устроена подбойная ниша шириной 0,8–0,9 м, отделённая от входной ямы ступенькой высотой 0,2 м. На дне подбойной ниши было расчищено

¹ В книге Г.А. Кушаева «Этюды древней истории Степного Приуралья» приводится описание кургана № 12 мог. Мамай. Возможно, здесь имеется опечатка. Так как текст описания кургана соответствует кургану № 2 Отчета за 1978 г.

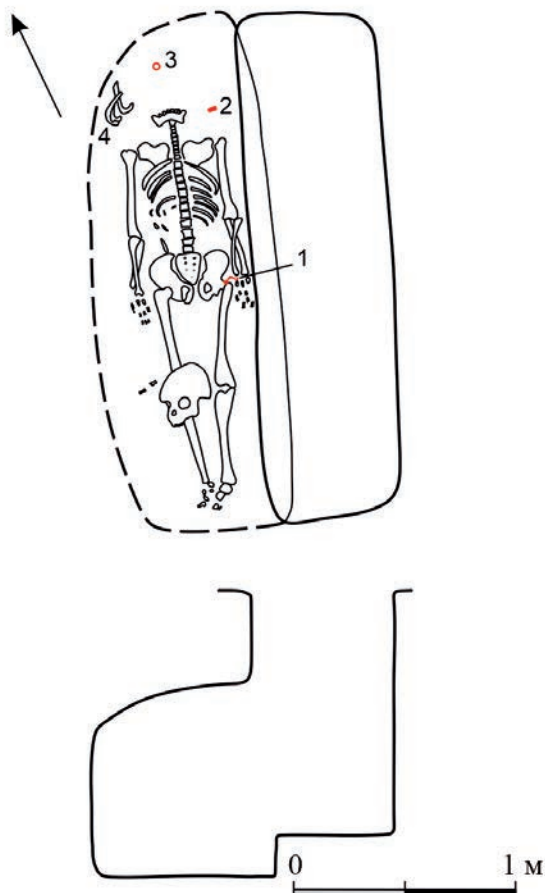

Рис. 3. Могильник Мамай, курган № 1.
План и разрез погребения 1: 1 – фибула;
2 – обойма; 3 – кольцо; 4 – кости мрс

3-сур. Мамай қорымы, № 1 оба. Жерлеу орнының жоспары мен қимасы: 1 – фибула; 2 – қысқыш; 3 – сақина; 4 – ұсақ мал сүйектері

Fig. 3. Mamay burial ground, mound no. 1.
Plan and section of the burial 1: 1 – fibula;
2 – clip; 3 – ring; 4 – bones of small cattle

ная яма располагалась в юго-западном секторе кургана, имела прямоугольную форму с сильно закруглёнными углами, длиной 2,2 м, шириной 1 м, глубиной 0,7 м. Длинной осью ориентирована с северо-востока на юго-запад. Под западной стенкой входной ямы

погребение взрослого индивида на спине, голова ориентирована на северо-запад, конечности вытянуты вдоль туловища. Череп с признаками деформации был перемещен в южную половину ямы под свод подбоя. Справа от изголовья погребённого лежали рёбра овцы.

Между левым бедром и кистью руки находилась бронзовая фибула с ромбовидным, изогнутым под тупым углом щитком с приёмником на одном конце и пружины-спиралью на другом. По краю щитка нанесён двойной ряд фасетированных линий (рис. 4, 1). Слева от черепа найдена бронзовая обойма нагайки с выступающим неподвижным стержнем (рис. 4, 2). Длина обоймы – 2,5 см, ширина – 1,8 см, длина стержня – 1,5 см. Внутри этой обоймы сохранился кусочек истлевшего дерева. Между северо-западным концом ямы и черепом была обнаружена одна костяная поделка в виде колечка диаметром 1,2 см, шириной 0,8 см (рис. 4, 3).

Курган № 2 (диаметр – 12 м, высота – 0,2 м) (рис. 5, 1–2). Насыпь уплотнённая, земляная. В центре насыпи обнаружены три ребра и обломок трубчатой кости животного. Могиль-

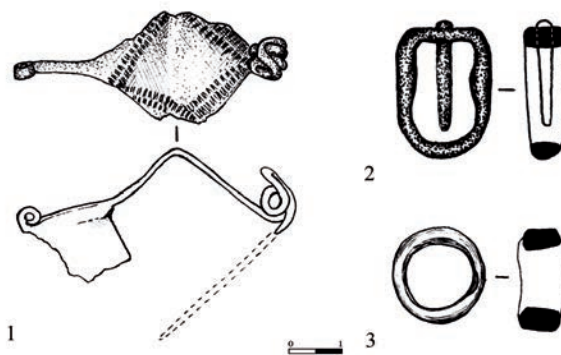

Рис. 4. Могильник Мамай, курган № 1, погребение 1.
Находки: 1 – фибула; 2 – обойма; 3 – кольцо.
1-2 – бронза, 3 – кость

4-сур. Мамай қорымы, № 1 оба. 1 жерлеу орны. Табылымдар: 1 – фибула; 2 – қысқыш; 3 – сақина.
1-2 – қола, 3 – сүйек

Fig. 4. Mamay burial ground, mound no. 1, burial 1.
Finds: 1 – fibula; 2 – clip; 3 – ring. 1, 2 – bronze, 3 – bone

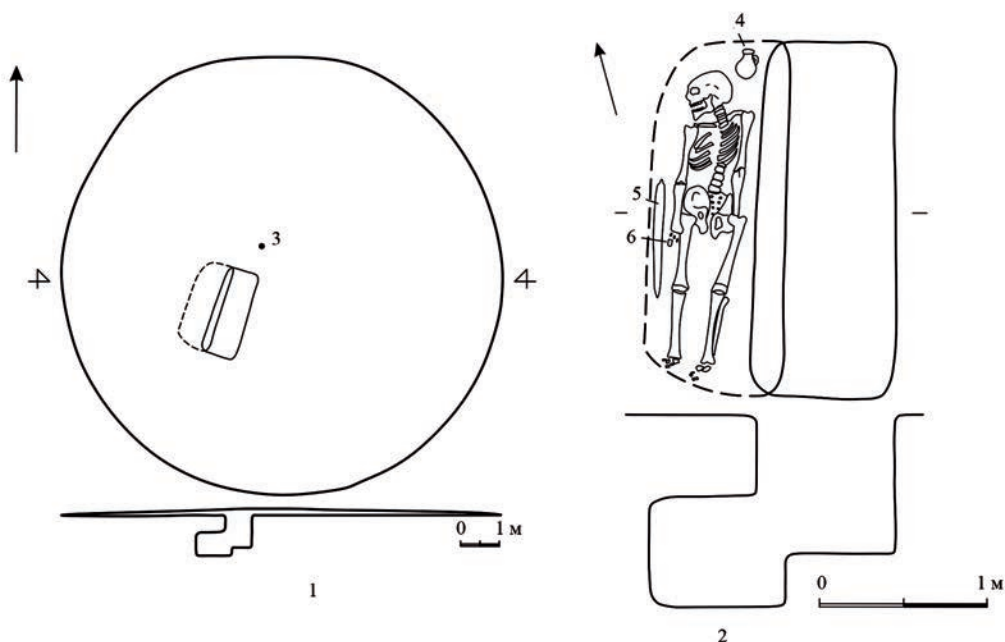

Рис. 5. Могильник Мамай, курган № 2: 1 – план и разрез кургана; 2 – план и разрез погребения; 3 – кости животных; 4 – сосуд; 5 – меч; 6 – обойма

5-сур. Мамай қорымы, № 2 оба: 1 – обаның жоспары мен қимасы; 2 – жерлеу орнының жоспары мен қимасы; 3 – жануар сүйектері; 4 – ыдыс; 5 – қылыш; 6 – қысқыш

Fig. 5. Mamay burial ground, mound no. 2: 1 – plan and section of the mound; 2 – plan and section of burial; 3 – animal bones; 4 – vessel; 5 – sword; 6 – clip

была устроена подбойная ниша длиной 2,2 м, шириной 0,8 м, высотой 0,8 м. Подбой находился на 0,3 м ниже дна входной ямы.

Погребённый был уложен на спину, головой на северо-восток. Конечности вытянуты вдоль туловища. Череп имел следы искусственной деформации.

За черепом, в северном конце ямы, обнаружен кувшин со слегка раздутым туловом, высокой прямой горловиной со следами старого излома в верхней части и сверлениями-дырочками для реставрации, венчик отсутствует (рис. 6, 1). В верхней части тулова и средней части горловины посажена петлевидная ручка с зооморфным оформлением. В верхней части ручки имеются небольшие подтреугольные выступы, по-видимому, имитирующие уши волка или собаки. При переходе горловины в тулово, вдоль её основания, прочерчена одна каннелюра, три такие же каннелюры прочерчены в средней части тулова. Дно сосуда уплощённое, ручка в разрезе овальной формы. Сосуд ручной лепки, обжиг костровой, тесто плотное, серого цвета, стенки тонкие; внешняя поверхность тщательно заглажена. Высота сосуда 19 см, диаметр венчика 8,2 см, диаметр тулова 14,5 см, диаметр дна 7 см.

Справа от скелета найден железный меч длиной 65 см, ширина обоюдоострого лезвия 4 см, в разрезе – линзовидное. На верхнем конце лезвия сохранилась ручка в виде утончённого черешка длиной 7 см, перекрестие отсутствует (рис. 6, 3). Рядом с мечом, у кисти правой руки, обнаружена бронзовая обойма нагайки, без стержня, с кусочком дерева внутри (рис. 6, 2).

Курган № 5 (диаметр – 16 м, высота – 0,1 м) (рис. 7, 1–2). Насыпь уплощённая, земляная. В юго-восточном секторе насыпи было найдено три фрагмента лепного керамического сосуда серо-чёрного цвета.

В центральной части кургана находились трубчатая кость человека и раковина (вероятней всего, *Turbinella pyrum*) длиной 5 см (рис. 8, 5). Здесь же зафиксирована могильная яма прямоугольной формы с закруглёнными углами, ориентированная по линии северо-запад–юго-восток. Размеры ямы: длина – 1,85 м, ширина – 0,65 м, глубина – 1,7 м. В её заполнении встречались остатки истлевшего дерева.

На дне могильной ямы находился потревоженный скелет женщины, на спине, головой ориентированной на северо-запад, лицо обращено вверх, череп деформирован. Конечности вытянуты вдоль туловища.

На левой половине грудной клетки лежала бронзовая фибула (рис. 8, 2). Спинка щитка имеет удлинённо-ромбовидную форму, длина которой вместе с крючком равна 5 см, ширина самой широкой центральной части щитка – 2,2 см. На закрытом конце стержня фибулы имеются остатки шнура из белой ткани. Щиток фибулы украшен фасетированным зигзагом, состоящим из двойной линии.

На запястьях обеих рук обнаружены бусины, круглые и цилиндрические, из стекловидной массы серо-чёрного и серо-белого цвета. Некоторые из них имеют неправильную округлую форму (рис. 8, 4).

В северо-западном углу ямы найден лепной кувшин (рис. 8, 1). Высота сосуда 20,5 см, диаметр венчика – 9,5 см, высота шейки – 4 см, диаметр тулова – 17,5 см, диаметр дна – 7 см. Венчик сосуда скруглен, отогнут наружу. Шейка невысокая, плавно расширяется и переходит в сильно раздутое тулово. Донце плоское, неустойчивое. Сосуд имеет петлеобразную ручку, прикреплённую к шейке и тулову. На ручке нанесён орнамент в виде двух рельефных вертикальных углублений. Поверхность стенок залощена, имеет красноватый оттенок. Следы нагара фиксируются на донце и на боковой стороне кувшина, противоположной ручке.

Между сосудом и черепом найдено пряслице биконической формы, нижний конец которого слегка уплощённый, верхний конец отогнут наружу (рис. 8, 3). Высота – 3,8 см. Диаметр центральной, самой широкой части 4 см. Диаметр отверстия – 0,7 см.

Курган № 7, погребение 2 (рис. 9).

Впускное погребение, находилось на глубине 0,8 м в прямоугольной, со слегка скруглёнными углами, яме. Длинной стороной ориентировано по линии северо-запад–юго-восток. Длина

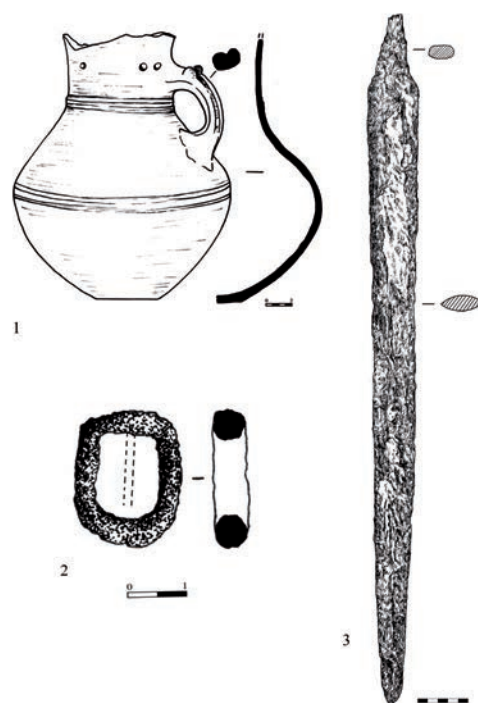

Рис. 6. Могильник Мамай, курган № 2.
Находки: 1 – сосуд; 2 – обойма; 3 – меч.
1 – керамика, 2 – бронза, 3 – железо

6-сур. Мамай қорымы, № 2 оба.
Табылымдар: 1 – ыдыс; 2 – қысқыш;
3 – қылыш. 1 – керамика, 2 – қола, 3 – темір

Fig. 6. Mamay burial ground, mound no. 2.
Finds: 1 – vessel; 2 – clip; 3 – sword.
1 – ceramics, 2 – bronze, 3 – iron

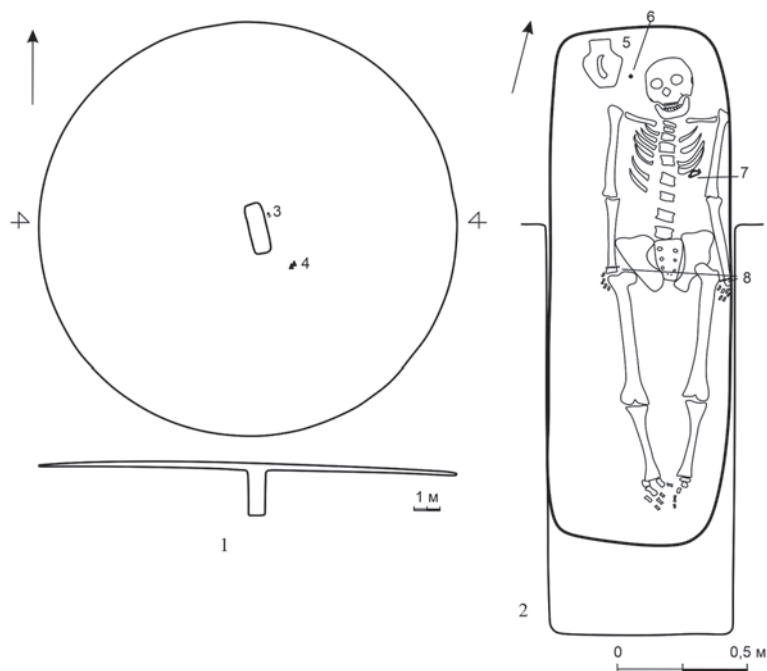

Рис. 7. Могильник Мамай, курган № 5: 1 – план и разрез кургана; 2 – план и разрез погребения; 3 – раковина и кость человека; 4 – керамика; 5 – сосуд; 6 – пряслице; 7 – фибула; 8 – бусы

7-сур. Мамай қорымы, № 5 оба: 1 – обаның жоспары мен қимасы; 2 – жерлеу орнының жоспары мен қимасы; 3 – адам сүйегі мен қабыршақ; 4 – керамика; 5 – ыдыс; 6 – ұршық; 7 – фибула; 8 – моншақ

Fig. 7. Mamay burial ground, mound no. 5: 1 – plan and section of the mound; 2 – plan and section of the burial; 3 – shell and human bone; 4 – ceramics; 5 – vessel; 6 – spinning wheel; 7 – fibula; 8 – beads

ямы – 1,8 м, ширина – 0,7 м, глубина 0,6 м. Погребённый лежал на правом боку, головой ориентирован на северо-запад, череп имел следы искусственной деформации.

В южном конце ямы, у западной стенки, обнаружен глиняный сосуд, лежавший на боку (рис. 10, 1). Кувшин имел шаровидное тулово, прямую высокую горловину и плоское дно. На горловине и тулове имелась петлевидная ручка с зооморфным изображением. Внешняя поверхность тщательно заглажена. Высота сосуда – 18 см, диаметр венчика – 9 см, горловины – 8 см, тулова – 16 см, дна – 8 см.

У северного конца ямы возле черепа найдена одна бронзовая подвеска-бубенчик, состоящая из петельки в верхней части шара, высота подвески – 1,5 см, диаметр шара – 1,2 см. Нижняя часть подвески ornamentирована рельефными линиями (рис. 10, 2).

Курган № 8, погребение 1 (рис. 11). Погребение было впущено в западную часть насыпи. Могильная яма узкой прямоугольной формы с закруглёнными углами, ориентирована по линии север–юг. Длина – 2 м, ширина – 0,7 м, глубина – 1,2 м. Под западной стенкой находилась подбойная ниша длиной 2 м, шириной 0,6 м, высотой 0,6 м. Дно подбоя было отделено от дна входной ямы ступенькой высотой 0,2 м. На дне подбойной ниши находилось погребение женщины с деформированным черепом. Костяк лежал вытянуто на спине головой на север.

На висках найдены две серьги из благородного металла (рис. 12, 4) в форме замкнутых колец с перекрывающей стык обоймой, диаметр серёжек 3 см, толщина стержня 3 мм. Между костями правой руки и грудной клеткой обнаружены две бронзовые подвески с петелькой, в форме колокольчика, диаметром 1,5 см, высотой 1,5 см (рис. 12, 2–3). Между левой рукой и грудной клеткой скелета находилась бронзовая фибула с фигурным щитком в виде двух плоских кругов с обозначенными центрами, соединёнными ромбовидной частью щитка фибулы (рис. 12, 1). Щиток плавно изогнут, на ромбовидной части щитка нанесён орнамент в виде сетки, а на круглых пластинах у их внешнего края имеются насечки, длина фибулы 6 см, диаметр круглых частей 1,8 мм.

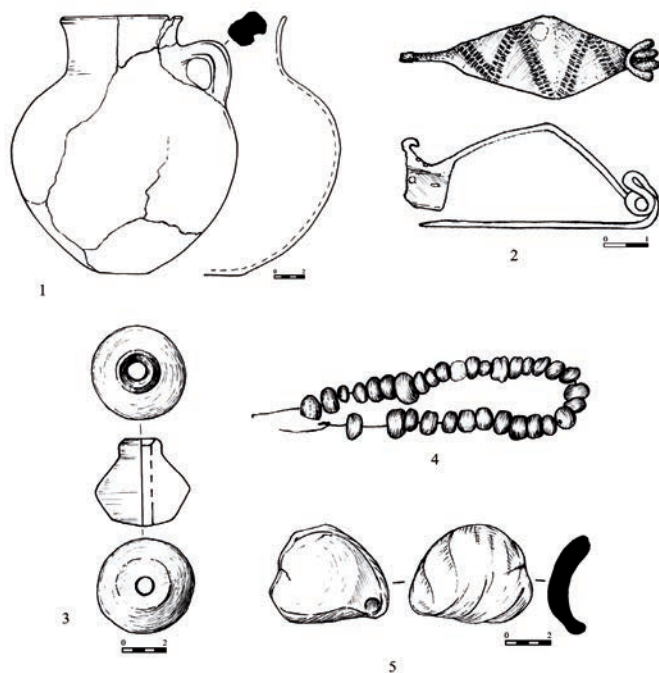

Рис. 8. Могильник Мамай, курган № 5. Находки: 1 – сосуд;
2 – фибула; 3 – пряслице; 4 – бусы; 5 – раковина. 1, 3 – глина,
2 – бронза, 4 – стекло, 5 – кость

8-сур. Мамай қорымы, № 5 оба. Табылымдар: 1 – ыдыс;
2 – фибула; 3 – ұршық; 4 – моншақтар; 5 – қабыршақ.
1, 3 – саз, 2 – қола, 4 – әйнек, 5 – сүйек

Fig. 8. Mamay burial ground, mound no. 5. Finds: 1 – vessel;
2 – fibula; 3 – spinning wheel; 4 – beads; 5 – shell. 1, 3 – clay,
2 – bronze, 4 – glass, 5 – bone

Справа от черепа, найдено керамическое пряслице биконической формы диаметром 3 см, высотой 2,5 см (рис. 12, 10).

На запястьях рук и на шейных позвонках найдены мелкие бусины из малахита (рис. 12, 24, 27), 14-тигранные бусины из стекла (рис. 12, 16–20), бусины в форме шара и цилиндра сделаны из кровавика (рис. 12, 28), две бусины прямоугольной формы (рис. 12, 21). Здесь же найдена бронзовая пронизка (рис. 12, 11) и подвеска-бубенчик (рис. 12, 7), остальные бусины - из пасты и лазурита (рис. 12, 12–16, 22–23, 29). В южном конце ямы найдена одна каменная тёрка (рис. 12, 9) и пест (рис. 12, 8) подквадратной формы с округлой рабочей частью. Размеры тёрки 7,5×5,5 см, песта 6,6×5 см. Рабочая поверхность отшлифована.

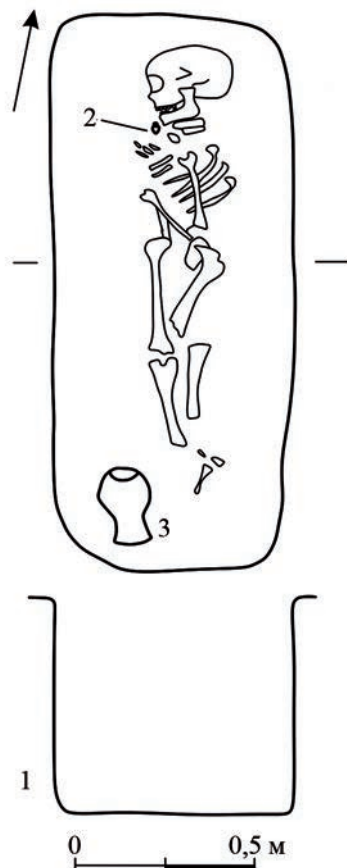

Рис. 9. Могильник Мамай, курган № 7:
1 – план и разрез погребения 2;
2 – подвеска; 3 –сосуд

9-сур. Мамай қорымы, № 7 оба:
1 – 2 жерлеу орнының жоспары
мен қимасы; 2 – салпыншақ; 3 – ыдыс

Fig. 9. Mamay burial ground, mound no. 7:
1 – plan and section of burial 2;
2 – pendant; 3 – vessel

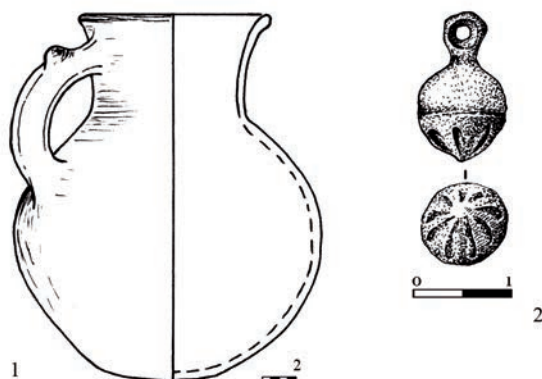

Рис. 10. Могильник Мамай, курган № 7. Находки:
1 – сосуд; 2 – подвеска. 1 – керамика, 2 – бронза

10-сур. Мамай қорымы, № 7 оба: Табылымдар:
1 – ыдыс; 2 – салпыншақ. 1 – керамика, 2 – қола

Fig. 10. Mamay burial ground, mound no. 7. Finds:
1 – vessel; 2 – pendant. 1 – ceramics, 2 – bronze

3 Обсуждение результатов исследования

Памятники позднесарматского времени Западного Казахстана выделяются своей однородностью и унифицированностью в совершении погребального обряда и наборе сопроводительного инвентаря. Существует ряд устойчивых диагностирующих признаков позднесарматских погребений для указанной территории, которые практически не менялись на всем протяжении существования культуры. К ним относятся: индивидуальные погребения под насыпью, могильные ямы прямоугольной формы (узкие и средней ширины) и в подбойной нише, северная ориентировка погребённых, деформация черепной коробки, мечи и кинжалы без навершия и перекрестия, пряжки, конская упряжь, керамические сосуды, определённые типы фибул и зеркал, курьницы, меловые пирамидки, ножницы и т. д. [Граков 1947: 120–121; Скрипкин 1984: 59–80; Боталов, Гуцалов 2000: 122–128; Мошкова 2009: 86–100; Малашев 2013: 25–36].

Отличительной особенностью памятника является то, что большинство погребений оказались впускными в более ранние насыпи, что не характерно для южно-приуральского региона, в

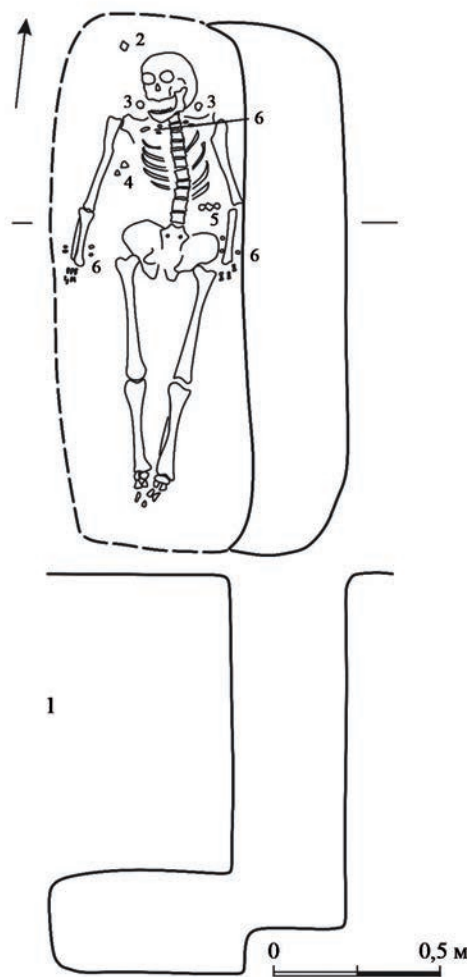

Рис. 11. Могильник Мамай курган № 8:
1 – план и разрез погребения 1; 2 – пряслице;
3 – серьги; 4 – колокольчики, 5 – фибула; 6 – бусы

11-сур. Мамай қорымы, № 8 оба:
1 – 1 жерлеу орнының жоспары мен қимасы;
2 – ұршық; 3 – сырғалар; 4 – қоңыраулар,
5 – фибула; 6 – моншақтар

Fig. 11. Mamay burial ground kurgan no. 8:
1 – plan and section of the burial 1; 2 – spinning wheel;
3 – earrings; 4 – bells; 5 – fibula; 6 – beads

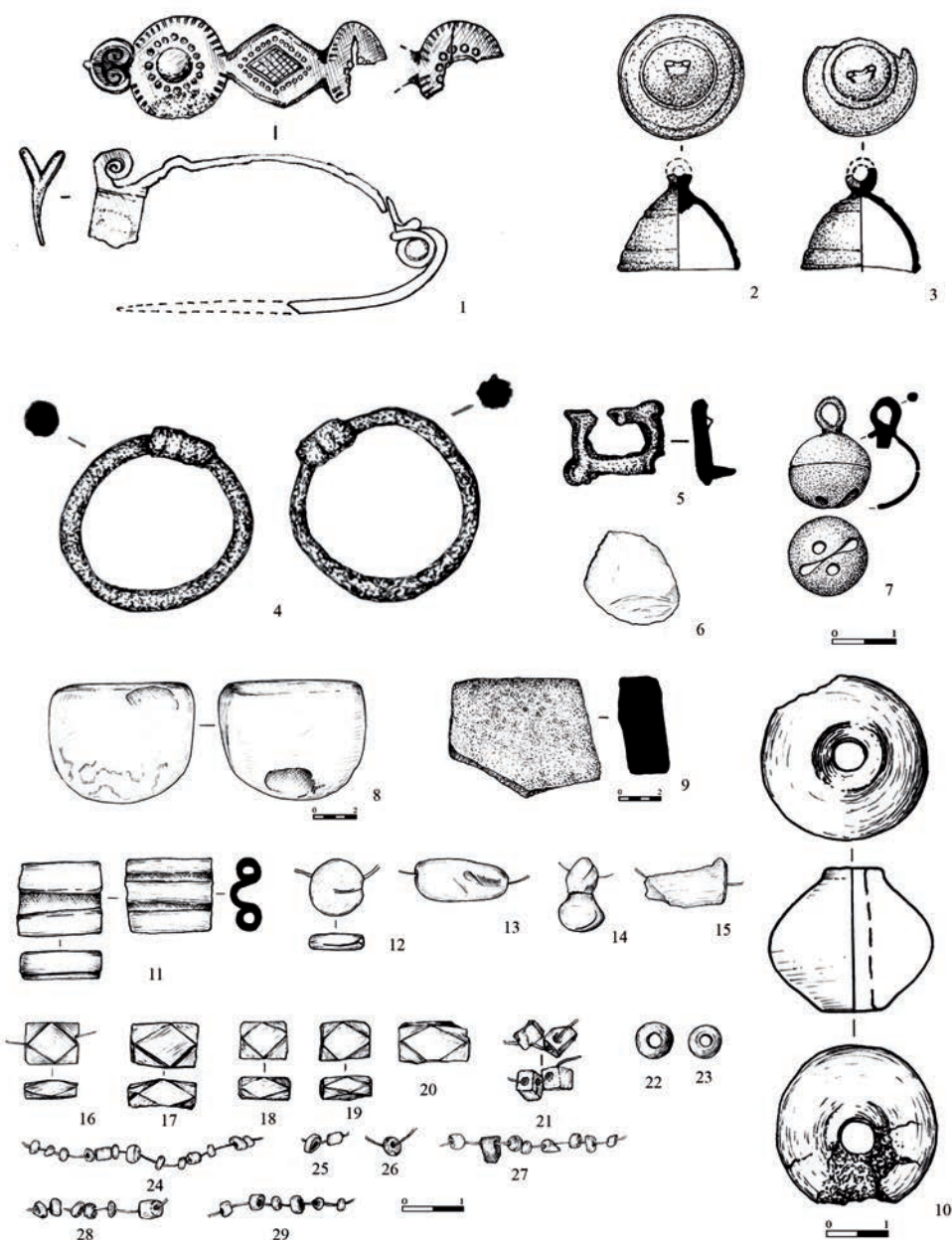

Рис. 12. Могильник Мамай, курган № 8. Находки: 1 – фибула; 2-3 – колокольчики; 4 – серьги; 5 – бляшка; 6 – раковина; 7 – подвеска; 8 – пест; 9 – терочный камень; 10 – пряслице; 11-15 – подвеска; 16-29 – бусины. 1-3, 5, 7, 11 – бронза, 4 – серебро, 6 – кость, 8-9, 12-15 – камень, 10 – глина, 16-20 – стекло, 21 – пирит, 22-29 – паста

12-сур. Мамай қорымы, № 8 оба: Табылымдар: 1 – фибула; 2-3 – қоңыраулар; 4 – сырғалар; 5 – қапсырма; 6 – қабыршақ; 7 – салпыншақ; 8 – келсап; 9 – үккіш тас; 10 – ұршық; 11-15 – салпыншақ; 16-29 – моншақтар. 1-3, 5, 7, 11 – қола, 4 – күміс, 6 – сүйек, 8-9, 12-15 – тас, 10 – саз, 16-20 – әйнек, 21 – пирит, 22-29 – паста

Fig. 12. Mamay burial ground, mound no. 8. Finds: 1 – fibula; 2, 3 – bells; 4 – earrings; 5 – plaque; 6 – shell; 7 – pendant; 8 – pestle; 9 – grinding stone; 10 – spinning wheel; 11, 15 – pendant; 16, 29 – beads. 1, 3, 5, 7, 11 – bronze, 4 – silver, 6 – bone, 8-9 – stone, 10 – clay, 12, 15 – stone, 16-20 – glass, 21 – pyrite, 22-29 – paste

котором практически все погребения совершены под индивидуальными насыпями. Распространение впускных погребений более всего характерно для территории Волго-Донского междуречья [Мошкова 2009: 86]. Интересное по этому поводу наблюдение приводит А.С. Скрипкин. По его мнению, увеличение числа впускных погребений характерная черта для третьего этапа позднесарматской культуры Нижнего Поволжья (середина III – IV в. н.э.) и связано это явление с тем, что в это время сарматы начинают испытывать нестабильность и неустойчивость [Скрипкин 1984: 109]. Также эту особенность мог. Мамай можно увязать с отдалённостью от центра формирования позднесарматской культуры – Южного Приуралья, где комплексы образуют самостоятельные крупные могильные поля и все погребения совершены под индивидуальной насыпью.

В мог. Мамай встречено только два типа могильных ям. Это среднеширокие прямоугольной формы и с подбойной нишей под западной стенкой. Причём оба типа могильных ям одинаково происходят как из погребений под индивидуальной насыпью (курганы № 2, 5), так и среди впускных (курганы № 1, 7, 8). Ведущими типами могильных ям во всем ареале позднесарматской культуры являются узкие прямоугольные и подбойные [Мошкова 2009: 92]. Ширина могильных ям исследуемого памятника относится к средним значениям (0,7 м), что, вероятно, является особенностью данного памятника.

Погребённые были уложены по длинной оси могильной ямы в вытянутом положении на спине, за исключением погребения 2 в кургане № 7, где зафиксировано положение на правом боку. Головой ориентированы в северный сектор с небольшими отклонениями к востоку или западу. Автор раскопок отмечает искусственную деформацию черепной коробки у погребённых [Кушаев, Кокебаева 1978а: 17–36].

Категории погребального инвентаря

Керамика. По одному керамическому сосуду было найдено в курганах № 2, 5 и 7. В двух случаях сосуды стояли у изголовья погребённого (курганы № 2, 5) и в одном случае сосуд был поставлен у ног (курган № 7). В курганах № 5 и 7 находились импортные сосуды производства северокавказских мастерских (рис. 6, 1; 10, 1) [Абрамова 1979: 31–50; 1984: 15–20; 1997]. Типологически эти сосуды близки между собой. Это кувшинчики с одной боковой ручкой, поверхность чёрная, залощена, выполнены на гончарном круге. Оба имеют шаровидное или биконическое тулово, узкое горло вогнутое в центральной части, расширяющееся, с отогнутым наружу венчиком, устойчивое широкое дно. Ручки выполнены в распространённой на Северном Кавказе манере того времени с оформлением их в схематичном зооморфном стиле. Дополнительно на сосуде из кургана № 2 нанесён геометрический орнамент в виде вдавленных линий, расположенных двумя группами у основания горла и по центру тулова. Третий сосуд, происходящий из кургана № 5, по всей видимости, является подражанием двум предыдущим (рис. 8, 1). Их объединяет схожесть форм: шаровидное тулово, высокая шейка с расширяющимся горлом и прилепленная с боку ручка с выемкой под палец. Однако кувшин из кургана № 5 сделан из некачественного сырья, грубой лепки, кострового обжига.

Импортная посуда часто встречается в позднесарматских памятниках южно-уральского региона [Боталов, Гуцалов 2000: 28–121, 137–138; Малашев 2013: 37–51]. В основном, это керамика среднеазиатского и северокавказского производственных центров и, по всей видимости, их распространение в кочевой среде является отражением близости к тому или иному региону. Среднеазиатский импорт больше всего распространен в памятниках Актюбинской области и, как по-

казывает практика последних исследований, чем южнее расположен позднесарматский комплекс (мог. Акбулак–I, II Ойылский район), тем чаще в нём встречается керамика Хорезма. В случае с мог. Мамай мы видим, что хозяйственно-экономическое и торговое взаимодействие правобережного Урала тяготело к ближайшему северокавказскому промышленному центру.

Из предметов вооружения мог. Мамай можно отметить только железный меч [Жамбулатов и др. 2019: 268] (рис. 6, 3), который был найден в погребении кургана № 2. Навершие и перекрестие на мече отсутствуют. По типологии, разработанной А.М. Хазановым, данный меч следует относить ко 2-му типу, который характеризуется плавным переходом от лезвия к ручке-штырю подтреугольной формы. Этот тип мечей был широко распространен со II в. н.э. [Хазанов 1971: 17, 20].

Вместе с мечом из кургана № 2 была найдена бронзовая обойма нагайки с утерянным штырём по центру (рис. 6, 2), скрепляющим деревянную рукоять и основание кожаной плети. Аналогичная обойма нагайки была найдена и в погребении 1 кургана № 1 (рис. 4, 2), где в комплекте также присутствует фибула и кольцо, что является нехарактерным набором ни для женских, ни для мужских погребений. Данное сочетание предметов не встречено ни в одном из захоронений поздних сармат Западного Казахстана, что позволяет считать погребение 1 неординарным. В целом, появление традиции класть в погребение такой предмет, как нагайка, была привнесена поздними сарматами.

Определённый интерес вызывают находки трёх фибул в погребениях 1, 5 и 8, позволяющие более точно определить хронологическую позицию памятника. В курганах № 1, 5 встречены однотипные фибулы с ромбической спинкой и завитком на конце пластинчатого приёмника (рис. 4, 1; 8, 2), отнесённые в классификации А.К. Амброза к 13 группе варианту 8. Датировку этих фибул исследователь предложил рассматривать в рамках конца III – начала IV в. н.э. [Амброз 1966: 46]. Корректировка предложенной датировки была сделана В.Ю. Малашевым в сторону её удревления на полстолетие. По его мнению, фибулы с ромбической спинкой характеризуют позднюю стадию в эволюции застёжек с завитком на конце пластинчатого приёмника и существуют в рамках сер. – 2-й пол. III в. н.э. [Малашев 2013: 106].

Третья фибула, из погребения 1 кургана № 8 отличается своей фигурной спинкой и завитком, выполненным в виде рогов барана (рис. 12, 1). Фибула частично повреждена, однако, по, всей видимости, её можно отнести к группе 13 варианту 7 – это застёжки с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника с плавным изгибом спинки. Время их существования первоначально было определено 2-й пол. II (?) – III в. н.э. [Амброз 1966: 46]. В.Ю. Малашев определил хронологию этих фибул в рамках 2-й пол. II – 1-й пол. III в. н.э. [Малашев 2013: 106].

Характерными для периода существования позднесарматской культуры Южного Приуралья также являются кольчатые серьги с навивкой для крепления (рис. 12, 4), колокольчики (рис. 12, 2–3), 14-тигранные бусины (рис. 12, 16–20), бубенчики (рис. 10, 2; 12, 7) и пряслица (рис. 8, 3; 12, 10). Время существования этих предметов определяется широкими хронологическими рамками 2-й пол. II – III в. н.э. [Мошкова 1989: 201–202].

4 Заключение

Вводимый в научный оборот материал мог. Мамай вызывает определённый интерес. Памятник является пока самым западным исследованным могильником поздних сармат, давшим столь значительный вещевой комплекс. Анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря позднесарматских погребений мог. Мамай показывает, что комплекс имеет своеобразие. Отраже-

нием этого является, в первую очередь, его географическое расположение между двумя центрами распространения культуры – Нижнее Поволжье и Южное Приуралье. Первый указанный регион отражает наличие в могильнике Мамай высокого числа впускных погребений, а вот второй регион – высокое преобладание в могильнике деформированных черепов. Материал мог. Мамай показывает перспективность дальнейшего изучения позднесарматских памятников правого берега р. Жайык. Датировка позднесарматских погребений мог. Мамай, учитывая узкие хронологические позиции фибул, укладывается в рамки сер. – 2-й пол. III в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Абрамова М.П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // Советская археология. 1979. № 2. С. 31–50.
- 2 *Абрамова М.П.* О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 15–20.
- 3 *Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М.: ИА РАН, 1997. 165 с.
- 4 *Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. / Свод археологических источников / Отв. ред. Ю.В. Кухаренко. Вып. Д1–30. М.: Наука, 1966. 112 с.
- 5 *Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: изд-во «Рифей», 2000. 267 с.
- 6 *Граков Б.Н.* Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 100–121.
- 7 *Жамбулатов К.А., Ягодин В.Н., Китов Е.П., Ягодин В.В., Мусаева Р.С.* Комплекс вооружения позднесарматского времени территории Западного Казахстана и Устюрта // Stratum plus. 2019. № 4. С. 265–285.
- 8 *Железчиков Б.Ф.* Археологические памятники Уральской области. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 1998. 136 с.
- 9 *Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К.* Научный отчет об археологических раскопках в Уральской области в 1978 г. (1978а) // Архив ИА КН МНВО РК. Ф. 11, д. 1675, оп. 2, 39 л.
- 10 *Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К.* Альбом фотографий раскопок и археологических находок 1978 г. (1978б) // Архив ИА КН МНВО РК. Ф. 11, д. 1676, оп. 2, 41 л.
- 11 *Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К.* Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1979 г. (1979а) // Архив ИА КН МНВО РК. Ф. 11, д. 1762, оп. 2, 58 л.
- 12 *Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К.* Фотоальбом № 1 к Отчету об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1979 г. (1979б) // Архив ИА КН МНВО РК. Ф. 11, д. 1763, оп. 2, 20 л.
- 13 *Малашев В.Ю.* Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.
- 14 *Мошкова М.Г.* Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 191–202.
- 15 *Мошкова М.Г.* Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М.: Восточная литература, 2009. С. 21–162.
- 16 *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во СГУ, 1984. 149 с.
- 17 *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сармат. М.: Наука, 1971. 172 с.

REFERENCES

- 1 Abramova, M. P. 1979. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)*, 2, 31–50 (in Russian).
- 2 Abramova, M. P. 1984. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G., Petrenko, V. G. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya (Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: “Nauka” Publ., 15–20 (in Russian).

- 3 Abramova, M. P. 1997. *Rannie alany Severnogo Kavkaza III–V vv. n.e. (Early Alans of the North Caucasus of the 3rd–5th centuries AD)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 15-20 (in Russian).
- 4 Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e. (Fibulae of the south of the European part of the USSR 2nd century BC – 4th century AD)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 5 Botalov, S. G., Gutsalov, S. Yu. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepey (The Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes)*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ. (in Russian).
- 6 Grakov, B. N. 1947. In: *Vestnik drevney istorii (Bulletin of Ancient History)*, 3, 100-121 (in Russian).
- 7 Zhambulatov, K. A., Yagodin, V. N., Kitov, E. P., Yagodin, V. V., Musaeva, R. S. 2019. In: *Stratum plus*, 4, 265-285 (in Russian).
- 8 Zhelezchikov, B. F. 1998. *Arkheologicheskie pamyatniki Uralskoy oblasti (Archaeological sites of the Ural region)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
- 9 Kushaev, G. A., Kokebaeva, G. K. 1978a. In: Archive of the Margulan Institute of Archaeology. F. 11, op. 2, d. 1675, 39 s. (in Russian).
- 10 Kushaev, G. A., Kokebaeva, G. K. 1978b. In: Archive of the Margulan Institute of Archaeology. F. 11, op. 2, d. 1676, 41 s. (in Russian).
- 11 Kushaev, G. A., Kokebaeva, G. K. 1979a. In: Archive of the Margulan Institute of Archaeology. F. 11, op. 2, d. 1762, 58 s. (in Russian).
- 12 Kushaev, G. A., Kokebaeva, G. K. 1979b. In: Archive of the Margulan Institute of Archaeology. F. 11, op. 2, d. 1763, 20 s. (in Russian).
- 13 Malashev, V. Yu. 2013. *Pozdnesarmatskaya kultura Yuzhnogo Priuraliya vo II–III vv. n.e. (Late Sarmatian culture of the Southern Urals in the 2nd–3rd centuries AD)*. Moscow (in Russian).
- 14 Moshkova, M. G. 1989. In: Melyukova, A. I. (ed.). *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: “Nauka” Publ., 191-202 (in Russian).
- 15 Moshkova, M. G. 2009. In: *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. IV. Pozdnesarmatskaya kultura (Statistical processing of funerary monuments of Asian Sarmatia. Issue IV. Late Sarmatian culture)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ., 21-162 (in Russian).
- 16 Skripkin, A. S. 1984. *Nizhnee Povolzhie v pervye veka nashey ery (The Lower Volga river region in the first centuries of our era)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
- 17 Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmat (Essays on military affairs of Sarmatians)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 28.08.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 28.09.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 28.09.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.110.124>

Археологические раскопки на комплексе Каратал в Улытау

© 2023 г. Касенова А.Д., Амиров Е.Ш., Ермоленко Л.Н., Утубаев Ж.Р.

Keywords: archaeology, early Iron Age, burial mound, stone statue, stele, arrowheads, memorial and ritual structures

Түйін сөздер: археология, ерте темір дәуірі, оба, тас мүсіндер, стела, жебе ұштары, ғұрыптық-еске алу құрылыстары

Ключевые слова: археология, ранний железный век, курган, каменные изваяния, стела, наконечники стрел, поминально-ритуальные сооружения

Asemgul Kasenova¹, Yerlan Amirov^{2,3}, Lyubov Ermolenko⁴ and Zhanbolat Utubayev^{1*}

¹Candidate of Historical Sciences, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: asema_94@mail.ru

²Doctoral student, Karaganda Buketov University;

³Archaeological researches LLP, Karagandy, Kazakhstan. E-mail: e.amirov82@gmail.com

⁴Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University. Kemerovo, Russia.

E-mail: lyubov.ermolenko@mail.ru

^{1*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: utubaev_z@mail.ru

Archaeological excavations at the Karatal complex in Ulytau

The article introduces the results of research of the Karatal complex, located in the Ulytau district of the Ulytau region, in the valley between the Karatal and Zhetkyz rivers. The complex consists of two mounds, as well as an anthropomorphic statue located next to mound no. 1 and a stele, characterized by a figurative design linked to a zoomorphic representation. Mound no. 1 contained the remains of a burial destroyed by robbers. Dating artifacts (such as arrowheads) give a spread of dates within the second half of the 1st millennium BC. The found statue shares certain features with sculptures from the Saka era. Like the stele, it could be connected with the burial mound of the Saka time. Mound no. 2, which contained no traces of burial, is attributed as a ritual structure. The historical and cultural landscape surrounding the investigated complex includes a significant number of funerary monuments – single burial mounds and burial groups of the early Iron Age. These monuments, unlike the Karatal complex, are represented only by mounds.

Funding of source: The article was prepared within the framework of grant funding of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2025, IRN AP19579221.

For citation: Kasenova, A., Amirov, Ye., Ermolenko, L., Utubayev, Z. 2023. Archaeological excavations at the Karatal complex in Ulytau. *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 110–124 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.110.124](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.110.124)

Әсемгүл Дәуренқызы Қасенова¹,
Ерлан Шәріпұлы Амиров^{2,3},
Любовь Николаевна Ермоленко⁴,
Жанболат Райымқұлұлы Утубаев^{1*}

¹тарих ғылымдарының кандидаты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

²докторант, Е.А. Бөкетов атындағы
Қарағанды университеті,

Асемгуль Дауреновна Касенова¹,
Ерлан Шарефович Амиров^{2,3},
Любовь Николаевна Ермоленко⁴,
Жанболат Раймқұлович Утубаев^{1*}

¹кандидат исторических наук, Институт археологии
имени А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

²докторант, Карагандинский университет
имени академика Е.А. Букетова

³«Археологиялық зерттеулер» ЖШС
Қарағанды, Қазақстан

³тарих ғылымдарының докторы, доцент,
Кемеров мемлекеттік университеті,
археология кафедрасының профессоры,
Кемерово, Ресей

^{1*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының
кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Алматы, Қазақстан

Ұлытаудағы Қаратал кешеніндегі археологиялық қазба жұмыстары

Мақалада Ұлытау облысының Ұлытау ауданында Қаратал мен Жетікыз өзендерінің аралығында орналасқан – Қаратал кешенін зерттеу нәтижелері ғылыми айналымға енгізіледі. Кешен екі обадан, сондай-ақ, № 1 обаның жанында орналасқан антропоморфты тас мүсін мен формасы зооморфты болып келген стеладан тұрады. № 1 обادا тонаушылар қиратқан жерлеу қалдықтары болды. Мерзімделген табылымдар (жебе ұштары) әрқалай мерзім береді, шамамен б.д.д. I мыңж. екінші жартысы. Анықталған мүсіннің сақ дәуіріне жататын мүсіндермен ұқсастықтары бар. Мүсін де, стела да сақ обасымен байланысты болуы мүмкін. Жерлеу белгілері жоқ № 2 оба ғұрыптық құрылысқа жатқызылды. Зерттелген кешенді қоршап тұрған тарихи-мәдени ландшафт жерлеу ескерткіштерінің едәуір бөлігін – ерте темір дәуірінің жалғыз обалары мен оба топтарын құрайды. Бұл ескерткіштердің Қаратал кешеніндегі ескерткіштерден айырмашылығы тек оба үйінділерімен берілген.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН АР19579221 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Касенова Ә.Д., Амиров Е.Ш., Ермоленко Л.Н., Утубаев Ж.Р. Ұлытаудағы Қаратал кешеніндегі археологиялық қазба жұмыстары. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 110–124-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.110.124](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.110.124)

³ТОО «Археологические исследования»,
Қарағанды, Казахстан

⁴доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры археологии,
Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия

^{1*}автор-корреспондент, кандидат исторических наук,
Институт археологии имени А.Х. Марғұлана,
Алматы, Казахстан

Археологические раскопки на комплексе Каратал в Улытау

В статье вводятся в научный оборот результаты исследований комплекса Каратал, расположенного в Улытауском районе области Улытау, в долине между реками Каратал и Жетыкыз. Комплекс состоит из двух курганов, а также находящихся рядом с курганом № 1 антропоморфного изваяния и стелы, фигурная форма которой ассоциируется с зооморфной. Курган № 1 содержал остатки разрушенного грабителями погребения. Датированные находки (наконечники стрел) дают разброс дат в пределах второй половины I тыс. до н.э. Найденное изваяние имеет признаки сходства с изваяниями сакской эпохи. Как и стела, оно могло быть связано с курганом сакского времени. Курган № 2, не содержащий следов погребения, атрибутирован как ритуальное сооружение. Историко-культурный ландшафт, окружающий исследованный комплекс, включает значительное количество погребальных памятников – одиночных курганов и курганных групп раннего железного века. Эти памятники, в отличие от комплекса Каратал, представлены только курганными насыпями.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта АР19579221.

Для цитирования: Касенова А.Д., Амиров Е.Ш., Ермоленко Л.Н., Утубаев Ж.Р. Археологические раскопки на комплексе Каратал в Улытау. *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 110–124. DOI: [10.52967/akz2023.3.21.110.124](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.110.124)

1 Введение (Касенова А.Д., Амиров Е.Ш., Ермоленко Л.Н., Утубаев Ж.Р.)

В полевом сезоне 2023 г. Центрально-Казахстанской археологической экспедицией Института археологии имени А.Х. Марғұлана были проведены научно-исследовательские работы на комплексе Каратал (Улытауский р-н, область Ұлытау). Исследование включало археологические раскопки сооружений комплекса Каратал, документацию изваяния и стелы, а также разведку памятников на прилегающих территориях. Комплекс расположен в 20 км к северо-западу от горного массива Ұлытау на ровной местности, ограниченной руслами рек Каратал, Жетыкыз и невысокими горами,

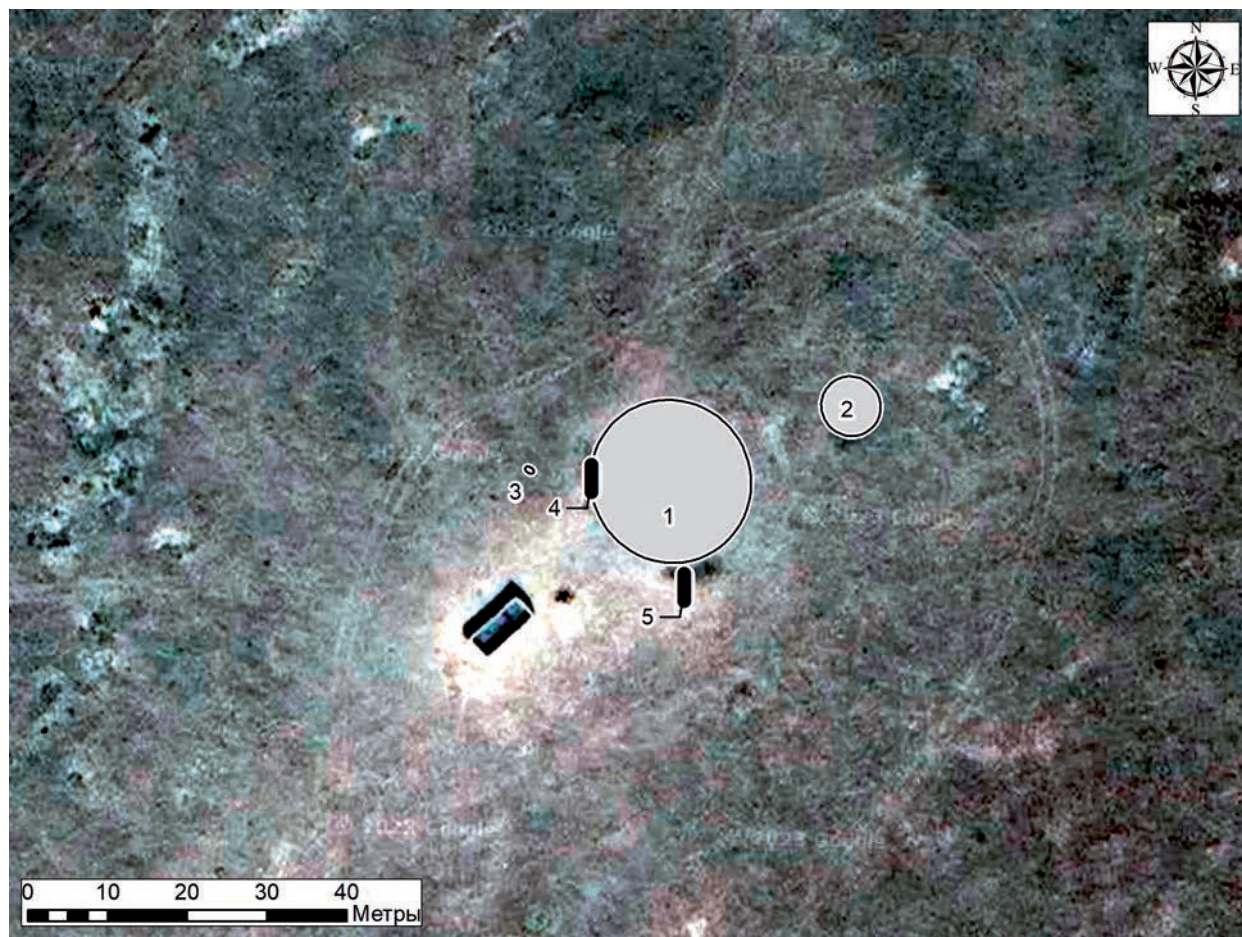

Рис. 1. Комплекс Каратал: 1 – курган № 1; 2 – курган № 2; 3 – выкладка; 4 – стела; 5 – изваяние
1-сур. Қаратал кешені: 1 – № 1 оба; 2 – № 2 оба; 3 – құрылыс; 4 – стела; 5 – тас мүсін
Fig. 1. Karatal complex: 1 – mound no. 1; 2 – mound no. 2; 3 – stone layout; 4 – stele; 5 – statue

в 2 км от места слияния рек (рис. 1)* (*Иллюстрации к статье подготовлены Е.Ш. Амировым и Ж.Р. Утубаевым; фото выполнены Ж.Р. Утубаевым).

Большое количество действующих и заброшенных зимовок в этой местности свидетельствует о благоприятных условиях для ведения скотоводческого хозяйства. Об освоенности исследованного участка долины реки Жетыкыз в древности говорит сосредоточение погребальных памятников. Здесь выявлены три одиночных кургана – Каратал-2–4, а также две группы курганов – Каратал-5, 6 (рис. 2). Метрические характеристики курганов коррелируют с их ландшафтной привязкой. Крупные насыпи (Каратал-1–2) находятся на равнине, тогда как насыпи меньшего размера поодиночке или группами располагаются на вершинах близлежащих сопок. Крупные курганы, сооруженные на равнине, сопровождаются погребальными сооружениями, соотносимыми с местным казахским населением Нового и Новейшего времени. Данный факт указывает на восприятие казахским населением древних курганов как части сакрального ландшафта. Включение казахами древних курганов в сферу собственной традиционной культуры, кроме того, выражалось в использовании

насыпей, расположенных на вершинах сопок, в качестве оснований для туров – сложенных из камня столбиков, также называемых «обо», «итмүсін», «қарақшы».

Комплекс Каратал, точнее, находящееся возле кургана изваяние, попали в поле зрения археологов еще в XX в. Однако история открытия и предшествующего изучения памятника во

Рис. 2. Каратал. Локализация памятников
2-сур. Қаратал. Ескерткіштер орналасуы
Fig. 2. Karatal. Localization of monuments

многим остаётся неясной. Известно, что фотографии изваяния и кургана (без описания) были впервые опубликованы в альбоме 4-го тома посмертно изданных «Сочинений» А.Х. Маргулана. Фотографические изображения помещены в раздел альбома «Прототюркские изваяния», при этом курган определён в подписи как «гуннский» [Маргулан 2003: ил. 1.1.2, 2]. В архиве Института археологии имени А.Х. Маргулана среди материалов Центрально-Казахстанской археологической экспедиции времён руководства ею А.Х. Маргуланом хранятся рисунки фронтальной и тыльной сторон караталского изваяния, датированные 1972 г. Не исключено, что одновременно были сделаны упомянутые фотографии. Так или иначе, в вышедшей в 1966 г. обобщающей работе А.Х. Маргулана, посвящённой изваяниям Улытау, нет иллюстраций этого изваяния [Марғұлан 1966]. Спустя полвека после фиксации изваяния, в 2022 г., Центрально-Казахстанской археологической экспедицией Института археологии имени А.Х. Маргулана было проведено обследование комплекса в долине р. Каратал, предшествующее раскопкам 2023 г.

Публикация результатов полевых работ на комплексе Каратал представляется актуальной ввиду значимости проблемы изучения досредневековых изваяний на территории Казахстана, особенно найденных вблизи или в составе сооружений.

2 Материал и методы исследования (Касенова А.Д., Амиров Е.Ш., Ермоленко Л.Н., Утубаев Ж.Р.)

2.1 Методика исследований

В основу предпринятого авторами исследования были положены общенаучные и специальные археологические методы. Подготовка к полевому изучению памятника включала анализ библиографии, архивных материалов, карт и спутниковых снимков. Археологические раскопки проводились по классической методике исследования памятников курганного типа с фиксацией планиграфической и стратиграфической ситуации, в соответствии с установленными Правилами и условиями проведения археологических работ. Выявление новых памятников было осуществлено методами археологической разведки с определением наиболее перспективных участков и их визуальным обследованием. Документирование производилось с применением высокоточного геодезического оборудования и беспилотного летательного аппарата, оснащённого модулем GNSS, работающим в режиме RTK. При атрибуции археологического материала были применены сравнительно-типологический метод и метод аналогий.

2.2 Характеристика материала

Исследуемый памятник состоит из двух курганов – большого (№ 1) и малого (№ 2), выкладки и двух каменных объектов – изваяния и стелы (рис. 1). Курган № 1 представляет собой каменно-земляную насыпь усечённо-конической формы. В плане насыпь эллипсовидная. Длинная ось ориентирована по линии северо-запад–юго-восток, длина этой оси составляет 21,3 м, длина поперечной оси – 19,3 м. В центральной части кургана фиксируется грабительская воронка диаметром 8,1 м и глубиной 0,8 м; очевидно, что этот участок насыпи подвергся серьёзным разрушениям в ходе ограбления кургана (рис. 3). По периметру кургана прослеживается ровик.

Анализ стратиграфии показывает, что насыпь кургана была возведена на небольшой возвышенности, из-за чего уровень древней дневной поверхности в центральной части кургана

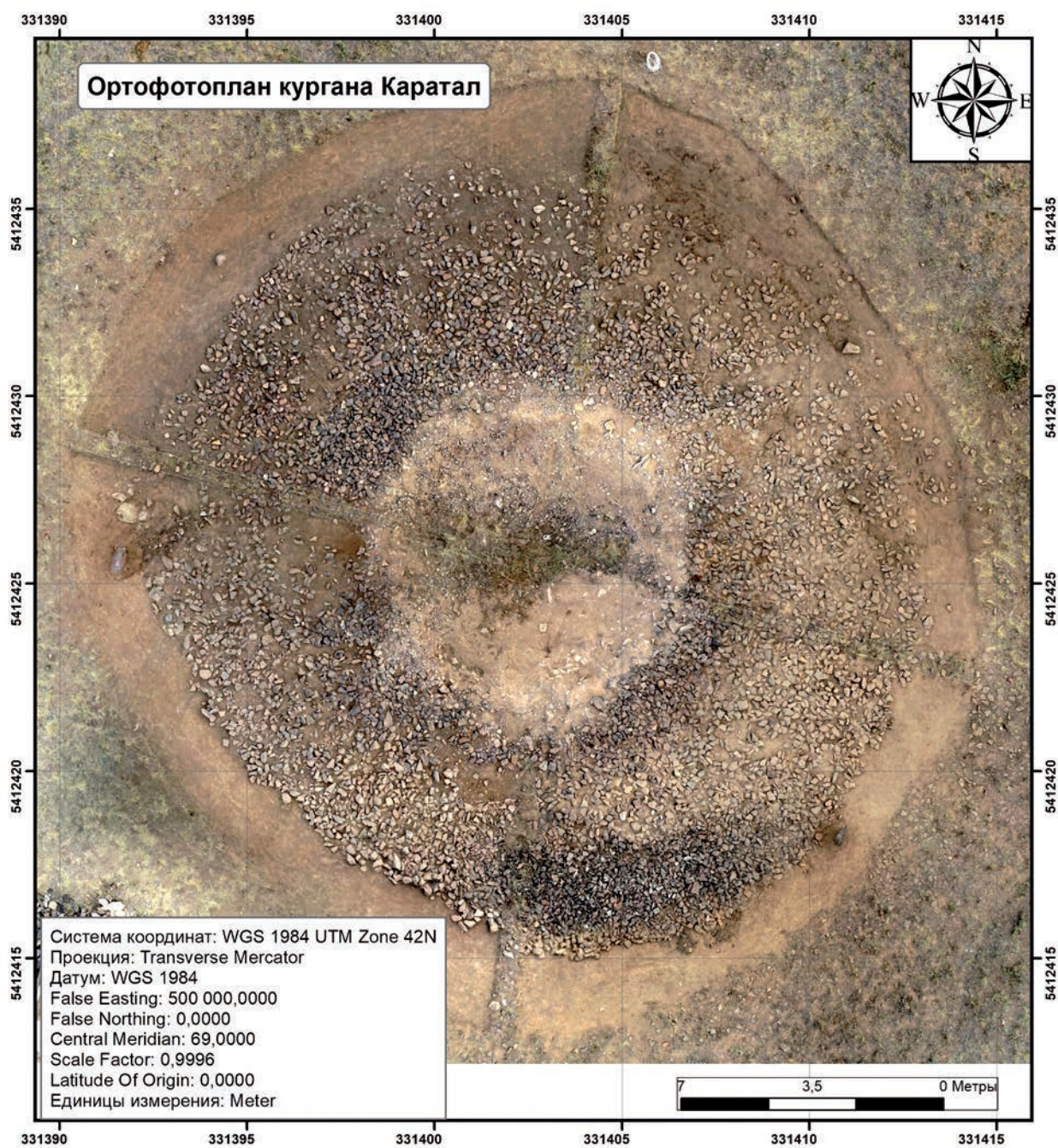

Рис. 3. Комплекс Каратал, курган № 1. Ортофотоплан раскопа
3-сур. Қаратал кешені, № 1 оба. Қазбаның ортофотожоспары
Fig. 3. Karatal complex, mound no. 1. Excavation orthophotomap

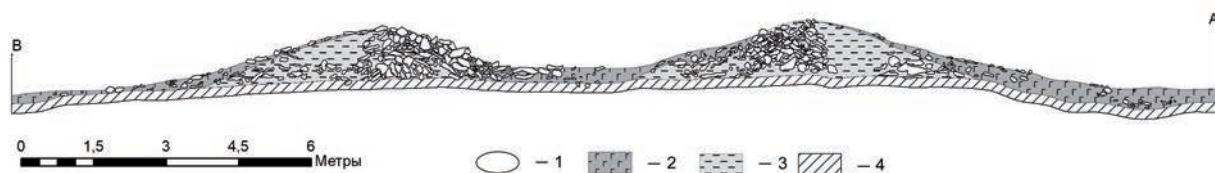

Рис. 4. Комплекс Каратал, курган № 1. Стратиграфия: 1 – камни; 2 – гумусированная супесь; 3 – серая супесь; 4 – материк

4-сұр. Қаратал кешені, № 1 оба. Стратиграфия: 1 – тастар; 2 – гумусталған құмайт; 3 – сұр құмайт; 4 – материк

Fig. 4. Karatal complex, burial mound no. 1. Stratigraphy: 1 – stones; 2 – humous sand clay; 3 – gray sand clay; 4 – subsoil

оказался выше, чем у его подошвы. Данный строительный приём позволил достичь визуального эффекта, при котором насыпь кажется выше, чем на самом деле (рис. 4).

В центральной части кургана под насыпью зафиксировано углубление длиной 1,2 м, шириной 0,8 м, глубиной 0,2 м, ориентированное по линии запад–восток. Эта яма выдолблена в скальной породе и не содержала находок. Её назначение не выяснено. Между тем при расчистке грабительской воронки был обнаружен проксимальный фрагмент бедренной кости взрослого человека и другие возможные свидетельства существования погребения: кости животных (см. Приложение) и предметы – бронзовый наконечник стрелы (рис. 5, 1), два железных наконечника стрел (рис. 5, 2, 3), обломок куранта (рис. 5, 5). В ровике найдены несколько неорнаментированных фрагментов керамики и сердоликовая бусина (рис. 5, 4).

В 6 м к западу от кургана № 1 расчищена овальная в плане выкладка из плоских камней. Размеры выкладки 1,15×0,7 м (рис. 6). Находок в сооружении не было.

Курган № 2, расположенный в 11 м к северо-востоку от большого кургана, представляет собой каменную уплотнённую насыпь округлой в плане формы (диаметр – 6,9 м; высота – 0,15 м) (рис. 7). В процессе расчистки камней насыпи был обнаружен обломок лезвия железного ножа. Зачистка

Рис. 5. Комплекс Каратал, курган № 1. Находки: 1 – бронзовый наконечник стрелы; 2, 3 – железные наконечники стрел; 4 – сердоликовая бусина; 5 – обломок куранта

5-сұр. Қаратал кешені, № 1 оба. Олжалар: 1 – қола жебенің ұшы; 2, 3 – темір жебе ұштары; 4 – сердолик моншақ; 5 – тас дәнүккіш

Fig. 5. Karatal complex, burial mound no. 1. Finds: 1 – bronze arrowhead; 2, 3 – iron arrowheads; 4 – carnelian bead; 5 – fragment of stone grain grinder

на уровне материка показала отсутствие могильной ямы.

Антропоморфное изваяние – поясное изображение человека (рис. 8), лежало в 6 м к юго-востоку от большого кургана на современной поверхности. Размеры изваяния: длина – 178 см, ширина передней/задней грани у основания головы – 25 см, на уровне плеч и ниже пояса – 48 см, ширина боковой грани – 22 см. Абрис фигуры анфас характеризуется широкими прямыми плечами, «втянутой в плечи» головой, некоторым сужением поясничной области. Детали изваяния просматриваются с трудом из-за его плохой сохранности. Лицевая часть головы повреждена идущим наискосок крупным сколом, однако различимы глаза, нос и рот, намеченные углублениями. Руки показаны полусогнутыми в локтях, их кисти не прослеживаются. Предположительно, они могли располагаться напротив друг друга на животе выше пояса. Из других элементов изображения распознаются воспроизведённые желобками пояс (на передней и задней гранях) и нижняя граница головы, головного убора или шейное украшение (на задней грани). На груди параллельно очертаниям правой стороны лица проходит рельефная полоса.

Плитовидная стела лежала на поверхности земли у края насыпи кургана, с запада–юго-запада. Размеры стелы: 214 см (высота), 68–77 см (ширина), 37 см (толщина). Один из её концов заострён косо направленным сколом. Очертания широкой стороны стелы слабоизогнутые S-овидные, незаострённый конец несколько напоминает профиль головы животного с короткой мордой (рис. 9*) (*Иллюстрация подготовлена Д.А. Байтилеу). Возле этого конца стелы выявлена яма, в которой она когда-то была установлена заострённым концом вверх.

3 Результаты и обсуждение (Касенова А.Д., Амиров Е.Ш., Ермоленко Л.Н., Утубаев Ж.Р.)

Проведённые исследования позволили изучить контекст, в котором найдено антропоморфное изваяние, иконографически не принадлежащее к средневековой скульптуре, известной на территории Сарыарки и, в частности, Улытау [Құрманқұлов және т. б. 2021].

Рис. 6. Комплекс Каратал, каменная выкладка
6-сур. Қаратал кешені, тас құрылыс
Fig. 5. Karatal complex, stone layout

Рис. 7. Комплекс Каратал, курган № 2
7-сур. Қаратал кешені, № 2 оба
Fig. 7. Karatal complex, mound no. 2

Изваяние из комплекса Каратал обнаруживает некоторое сходство с отдельными изваяниями сакской эпохи, в целом относимыми А.З. Бейсеновым к тасмолинской культуре [Бейсенов 2021: 261, 274]. Например, положение рук караталского изваяния (без учёта неясной позиции кистей) близко к одной из зафиксированных на изваяниях сакской эпохи разновидностей [Ермоленко и др. 2016: 130, рис. 1, 3, 4]. Выразительный фронтальный абрис изваяния из комплекса Каратал сходен с таковым изваяния сакской эпохи из Шетского районного археолого-этнографического музея [Ермоленко, Курманкулов 2013: 33, рис. 1]. Кроме того, шетское изваяние так же, как караталское, высечено на плоском (плитовидном) камне. Изваяние из Шетского музея, подобно части других изваяний сакской эпохи, обнаруживает черты сходства со скифской скульптурой восточно-европейского региона [Ермоленко, Курманкулов 2013: 32]. Среди скифских изваяний тоже встречаются экземпляры с широкими прямыми плечами, широкой фронтальной и узкой боковой сторонами [Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 3, 4, 8, 12, 20, 44 и др.].

Рис. 8. Комплекс Каратал, антропоморфное изваяние
8-сур. Қаратал кешені, антропоморфты тас мүсін
Fig. 8. Karatal complex, anthropomorphic statue

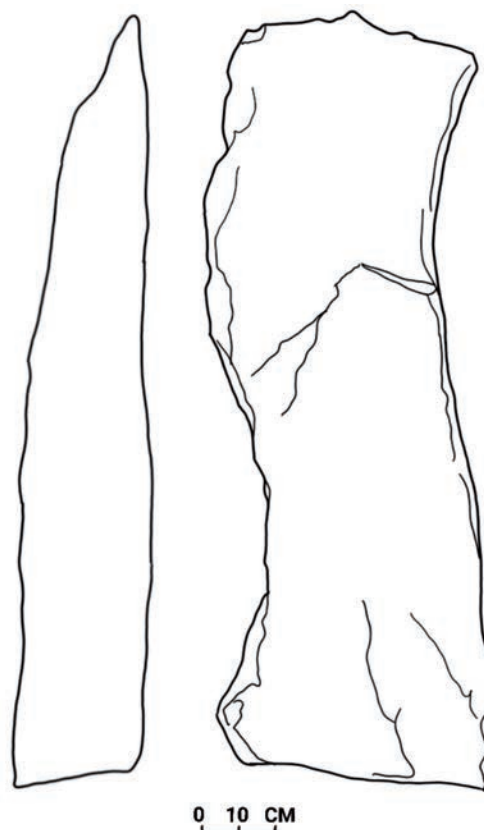

Рис. 9. Комплекс Каратал, каменная стела
9-сур. Қаратал кешені, тас стела
Fig. 9. Karatal complex, stone stele

Следует, однако, отметить, что нет полной ясности о месте и условиях первоначальной установки караталского изваяния. На фотографии из «Сочинений» А.Х. Маргулана изваяние стоит вертикально, но его основание укреплено камнями, находящимися на поверхности. Эта поддерживающая конструкция выглядит современной. Изваяние вполне могло происходить из разрушенной грабителями центральной части кургана. К настоящему времени исследовано несколько памятников курганного типа, в конструкции которых были найдены изваяния сакской эпохи [Бейсенов, Ермоленко 2014; Бейсенов 2021; Амиров, Уміткалиев 2022].

Что касается стелы, как будто обнаруживающей признаки зооморфности, то А.Х. Маргулан считал подобные монументальные объекты, которые он относил к памятникам бегазы-дандыбаевской культуры, изваяниями баранов (койтас), медведей (аютас), лошадей [Маргулан 1979: 18]. В этой связи заметим, что А.З. Бейсенов предположил существование преемственности традиций сооружения вертикальных каменных объектов сакской эпохи и эпохи бронзы (андронов-

ская и бегазы-дандыбаевская культуры) [Бейсенов 2021: 273]. В решении вопроса о связи стелы из комплекса Каратал с курганом № 1 значимо также мнение исследователей о соотношении стел и курганов сакского времени. Так, Г.С. Джумабекова и Г.А. Базарбаева утверждают: «Стелы в конструкции курганов – один из характерных признаков раннесакских курганов» [Джумабекова, Базарбаева 2017: 129].

Между тем, «узкая» датировка кургана № 1 комплекса Каратал, к которому с большой вероятностью принадлежали изваяние и стела, по вещественным находкам затруднительна. Среди обнаруженных предметов хронодиагностирующими свойствами обладают наконечники стрел.

Бронзовый наконечник двухлопастной, втульчатый, концы лопастей переходят в шипы (рис. 5, 1). На одной из лопастей шип обломан, втулка частично скрыта. Вдоль боевой головки проходит нервюра, обуславливающая четырёхгранное сечение. С одной стороны втулки имеется небольшая продольная щель. Рассматриваемый наконечник – специфичный, наиболее близкие ему формы датируются VI–V вв. до н.э. [Смирнов 1961: 43; Хабдулина 1994: 49].

Железные наконечники стрел трехлопастные черешковые (рис. 5, 2–3). Имеют массивную боевую головку длиной 5,5 и 5 см. Лопастни обломаны. Головка отделена от черешка чётко выраженным основанием (упором). Данные наконечники близки типу I отдела III классификации М.Г. Мошковой, датируемому исследовательницей IV в. до н.э. [Мошкова 1963: 32]. Отличие заключается в бóльших размерах караталских наконечников. По этому признаку они тяготеют к типу 2 группы 1 железных черешковых наконечников IV–II вв. до н.э. согласно классификации М.К. Хабдулиной. Тенденция к максимальному увеличению наконечников данного типа, по мнению М.К. Хабдулиной, прослеживается во II–I вв. до н.э. [Хабдулина 1994: 51].

Отсутствие признаков погребения позволяет определить каменную выкладку и курган № 2 комплекса Каратал как ритуальные сооружения. Датировать их не представляется возможным, но обе эти конструкции, также как стела и изваяние, могли быть сооружены в связи с курганом № 1. Согласно А.З. Бейсенову, в тасмолинской культуре, наряду с традицией установки менгиров (стел) и каменных изваяний, существовал обычай сооружения околочурганых жертвенников – преимущественно в виде кольцевидных конструкций из крупных камней, не содержащих погребений, а иногда и находок [Бейсенов 2015: 102].

5 Выводы (Касенова А.Д., Амиров Е.Ш., Ермоленко Л.Н., Утубаев Ж.Р.)

Совокупности сооружений и объектов, обозначенной исследователями как комплекс Каратал, могла быть действительно присуща целостность. Образующим ансамбль элементом являлся курган № 1, который, по-видимому, был погребальным сооружением, хотя могильной ямы в нём не удалось выявить. О погребальном назначении кургана свидетельствует уцелевший обломок человеческой кости. Может быть, погребение располагалось непосредственно под насыпью, которая оказалась разрушенной почти до скального основания. В грабительской воронке среди прочего были найдены остатки странного «колчанного набора»: редкий бронзовый двухлопастной наконечник с нервюрой и массивные железные трёхлопастные наконечники, которые выделяются бóльшими размерами в близком им типологическом ряду предметов. Обнаруженные наконечники стрел показывают существенный хронологический разброс, поскольку находят аналогии в материалах второй половины I тыс. до н.э. Если предполагать их принадлежность к инвентарю одного погребения, то

нужно исходить из того, что временем сосуществования бронзовых и железных наконечников стрел мог быть, например, IV в. до н.э. Однако в качестве альтернативы можно допустить, что железные наконечники оказались в кургане позднее бронзового. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что у всех трёх наконечников обломаны лопасти. Это могло случиться при ограблении кургана, но нельзя исключать и преднамеренную порчу погребального инвентаря.

Курган № 1 комплекса Каратал выделяется на фоне «обычных» курганов также тем, что близ него находятся каменные монументальные объекты: антропоморфное изваяние и стела необычной конфигурации. Изваяние проявляет определённое сходство с подобными памятниками сакского времени, стела – с «зооморфными изваяниями» поздней бронзы, преимущественно созданными природой. О вторичном использовании стелы в контексте кургана № 1 может свидетельствовать её установка в перевёрнутом виде. Данный ансамбль дополняла ритуальная выкладка и, возможно, ещё одно ритуальное сооружение (курган № 2). Хотя известно, что соседние сооружения не всегда оказываются синхронными, равно как околочурганские объекты – одновременными кургану. Они могут появиться здесь раньше или позднее, как, например, старая казахская могила, которая находится к юго-западу от кургана № 1 и над которой сравнительно недавно была возведена каменная ограда (рис. 1). Кстати, интересно, что эта могила находится примерно на таком же расстоянии от кургана № 1, как и курган № 2, расположенный к северо-востоку.

Разведочные работы в окрестностях комплекса Каратал позволили обнаружить значительное количество сооружений курганного типа. Вообще, Улытауский регион характеризуется богатством и разнообразием памятников историко-культурного наследия. Благоприятные природно-климатические условия для населения разных эпох обусловили большую концентрацию объектов археологии, в том числе сооружений, связанных с погребально-поминальной практикой (курганов, каменных изваяний и др.). Это обстоятельство делает Улытау одним из наиболее перспективных регионов для изучения погребально-поминальной обрядности древнего и средневекового населения Казахстана.

Приложение

Шагирбаев М.С. Зооархеологический анализ материалов из кургана № 1 комплекса Каратал

Овца – *Ovis aries*

В ходе раскопок кургана № 1 комплекса Каратал были выявлены части скелета четырёх особей овец (табл. 1).

Особь 1. Кости левой части скелета: нижняя челюсть, шейные позвонки, рёбра, начиная с первого (3 экз.), лопатка, плечевая, лучевая с локтевой костью, бедренная и пястная кость. Кости правой части скелета: берцовая, пяточная, таранная, центральная кость заплюсны, плюсневая, фаланги 1–2. У трубчатых костей и фаланг эпифизы приросли. Овца была забита в возрасте 3 лет. Высота животного в холке колеблется от 64 см (по длине плечевой кости) до 66 см (по длине плюсны).

Особь 2. Кости левой части скелета: локтевая, бедренная, берцовая, таранная, пястная, плюсневая и фаланги 1–2. Кости правой части скелета: берцовая, таранная, плюсневая и фаланги. Нижние части бедренной и плюсневой костей из левой части скелета и нижняя часть берцовой кости из правой части скелета разрушены. Также полностью разрушена надкостница берцовой кости из левой части скелета. У бедренной кости верхний эпифиз отпал, у берцовой кости дистальный эпифиз прирос. Овцу забили в возрасте 2,5–3 лет.

Особь 3. Кости левой части скелета: берцовая и таранная. У бедренной кости дистальный эпифиз прирос. Животное было забито в возрасте 1,5 лет.

Особь 4. Кости правой части скелета: берцовая, таранная, пястная и плюсневая. Костные ткани трубчатых костей сильно разрушены вследствие выветривания. Эпифизы не приросли. Овцу забил в возрасте 1 года.

Реконструкция. По всей вероятности, в кургане № 1 комплекса Каратал обнаружены части туш четырёх особей овец разного возраста (от 1 до 3 лет). Состав частей туш двух особей (особи 1 и 2) относительно полный. Возраст особей 1 и 2 старше двух других. Костные элементы особей 3 и 4 сильно повреждены солнечным светом и выветриванием. Возраст особей 3 и 4 колеблется от 1 до 1,5 лет. По нашему мнению, в ходе погребального обряда в качестве жертвы были забиты две взрослые овцы. Перед возведением насыпи кургана здесь были размещены части туш этих двух овец. После сооружения насыпи были принесены в жертву еще две особи – молодая и полувзрослая, а некоторые части их туш были помещены на поверхность кургана (возможно, спустя некоторое время).

Таблица 1 – Количественный и анатомический состав элементов скелета овец
1-кесте – Қой қаңқасы бөліктерінің сандық және анатомиялық құрамы
Table 1 – Quantitative and anatomical composition of the elements of the sheep skeleton

Элементы скелета	Особь 1		Особь 2		Особь 3		Особь 4		Всего костей	
	Левая	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая	Левая	Правая	Л	П
Ниж. челюсть	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Эпистрофей	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Позвонок	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Ребро	3	0	0	0	0	0	0	0	3	0
Лопатка	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Плечевая	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Лучевая	1	0	1	0	0	0	0	0	2	0
Локтевая	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Бедренная	1	0	1	0	0	0	0	0	2	0
Берцовая	0	1	1	1	0	1	0	1	1	4
Пяточная	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1
Таранная	0	1	1	1	0	1	0	1	1	4
Тарзальная	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1
Пястная	1	0	1	0	0	0	0	1	2	1
Плюсневая	0	1	1	1	0	0	0	1	1	3
Фаланга 1	0	2	4	2	0	0	0	0	4	4
Фаланга 2	0	2	2	0	0	0	0	0	2	2
Всегокостей	12	9	12	5	0	2	0	4	24	20
	21		17		2		4		44	

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Амиров Е.Ш., Үмітқалиев Д.Б. Антропоморфное изваяние из кургана Аралкол // Маргулановские чтения – 2022: м-лы междунар. научн.-практ. конф. (г. Алматы, 12–13 апреля 2022 г.) / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Маиров. Алматы: ИА КН МНВО РК, 2022. С. 348-352.
- 2 Бейсенов А.З. Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2015. № 4 (36). С. 96-103.

- 3 Бейсенов А.З. Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартас // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. статей, посвящ. 80-летию проф. Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2021. С. 261-277.
- 4 Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2014. № 3 (59). Т. 3. С. 34-40.
- 5 Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Традиции установки стел в культуре населения сакского времени казахских степей // История и археология Семиречья. 2017. № 5. С. 127-142.
- 6 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. К вопросу об атрибуции непаспортизованного изваяния из Шетского музея // Труды ФИА / Научн. ред. А. Онгар. Астана: Изд. гр. ФИА, 2013. С. 30-34.
- 7 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): м-лы междунар. конф. / Ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 129-135.
- 8 Құрманқұлов Ж., Ермоленко Л.Н., Қасенова Ә.Д. Орталық Қазақстанның тас мүсіндері (зерттелу тарихы). Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының еңбектері. II-том. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2021. 128 б.
- 9 Марғұлан Ә.Х. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет куәлары / Под ред. А.Х. Маргулана. Алматы: Қазақстан баспасы, 1966. 8-22-бб.
- 10 Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. 360 с. с ил.
- 11 Маргулан А.Х. Каменные изваяния Улытау // Сочинения. В 14-ти т. / Сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 4. С. 20-46.
- 12 Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 56 с.
- 13 Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.: ИА РАН, 1994. 188 с.
- 14 Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 172 с.
- 15 Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

REFERENCES

- 1 Amirov, E. Sh., Umitkaliyev, D. B. 2022. In: Onggar, A., Mamirov, T. B. (eds.) *Margulanovskiye chteniya–2022 (Margulan readings–2022)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 348-352 (in Russian).
- 2 Beisenov, A. Z. 2015. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya (Bulletin of the Tomsk State University. History)*, 4 (36), 96-104 (in Russian).
- 3 Beisenov, A. Z. 2021. In: Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvorets kultury. Materialnaya kultura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii (Creator of culture. Material culture and human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography)*. Saint Petersburg: Institute for the History of material culture RAS, 261-277 (in Russian).
- 4 Beisenov, A. Z., Ermolenko, L. N. 2014. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Kemerovo State University)*, 3 (59), vol. 3, 34-40 (in Russian).
- 5 Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In: *Istoriya i arkheologiya Semirechiya (History and archaeology of Semirechye)*, 5, 127-142 (in Russian).
- 6 Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K. 2013. In: Onggar, A. (ed.) *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana (Proceedings of the Branch of Margulan Institute of Archaeology in Astana)*. Astana: Branch of Margulan Institute of Archaeology in Astana, 30-34 (in Russian).
- 7 Kurmankulov, Zh., Ermolenko, L. N., Kasenova, A. D. 2016. In: Bobrov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskoe naslediy Sibiri i Tsentralnoi Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya) (Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation))*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 129-135 (in Russian).
- 8 Kurmankulov, Zh., Ermolenko, L. N., Kasenova, A. D. 2021. *Ortalyk Kazakhstannyn tas musinderi (zerttelu tarihy). A.Kh. Margulan atyndagy Archeologiya institutynyn enbekteri. II tom (Stone statues of Central Kazakhstan)*

- (history of research). *Works of the Margulan Institute of Archeology. Volume II.* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Kazakh).
- 9 Margulan, A. Kh. 1966. In: Margulan, A. Kh. (ed.). *Ezhelgi madeniet kualary (Witnesses of ancient culture)*. Almaty: “Kazakhstan” Publ., 8-22 (in Kazakh).
- 10 Margulan, A. Kh. 1979. *Begazy-dandybaevskaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” KazSSR Publ. (in Russian).
- 11 Margulan, A. Kh. 2003. In: Margulan, D. A., Margulan, D. (comps.). *Sochineniya (Written works)*. Almaty. “Dike-Press” Publ. Vol. 4, 20-46 (in Russian).
- 12 Moshkova, M. G. 1963. *Pamyatniki prokhorovskoy kultury (Monuments of Prokhorovka culture)*. Moscow: Academy of sciences of USSR (in Russian).
- 13 Olkhovskiy, V. S., Evdokimov, G. L. 1994. *Skifskie izvayaniya VII–III vv. do n.e. (Scythian statues of the 7th–3rd centuries BC)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 14 Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzheniye savromatov (Armament of the Sauromatians)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- 15 Khabdulina, M. K. 1994. *Stepnoye Priishimye v epokhu rannego zheleza (Steppe Priishimye in the Early Iron Age)*. Almaty: “Rakurs” Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 06.08.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 17.08.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 12.09.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.125.135>

Тюркский кенотаф из Центрального Казахстана (по материалам могильника Кетабан)

©2023 г. Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.

Keywords: archaeology, Central Kazakhstan, Ketaban, early Middle Ages, Turkic culture, Items of armaments and horse harness

Түйін сөздер: археология, Орталық Қазақстан, Кетабан, ерте орта ғасырлар, түркі мәдениеті, ат әбзелдері мен қару-жарық заттары

Ключевые слова: археология, Центральный Казахстан, Кетабан, раннее средневековье, тюркская культура, предметы вооружения и конской упряжи

Yevgeniy Dmitriev¹ and Alexey Kukushkin^{1*}

¹Master of Humanities, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan. E-mail: yevgenii1992@mail.ru

^{1*}Corresponding author, PhD, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan. E-mail: tatarlandia@mail.ru

Turkic cenotaph from Central Kazakhstan (based on the materials of the Ketaban burial ground)

Early Middle Ages in Central Kazakhstan are marked by the spread of fundamentally new cultural stereotypes, connected with the Turks. These are as follows: characteristic quadrangular fences, the statuary tradition of a new iconographic appearance, changes in funeral rites, spread of new types of products, mainly stirrups. The structure no. 2 of the Ketaban burial ground was an octagonal complex of two stone barrows. It contained two fences with burials of horses accompanied by weapons and horse harness. According to the totality of the features presented in the ritual practice (presence of an intra-grave structure connected with the decoration of a human burial; items not related to the equestrian equipment, etc.), this object is interpreted as a cenotaph. Radiocarbon dating was carried out on a sample of horse bone at the Mass Spectrometry Laboratory of the Centre for Physical Sciences and Technology (Vilnius, Lithuania), using accelerated mass spectrometry. It has established the age of the structure within 1 half of 7th century (calibrated interval – 595–657). This agrees with typological analogues of iron stirrups and udis and allows to consider the structure no. 2 of Ketaban burial ground as one of the most ancient monuments of Turkic culture in Central Kazakhstan.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2021–2023, project IRN AP09259147.

For citation: Dmitriev, Ye., Kukushkin, A. 2023. Turkic cenotaph from Central Kazakhstan (based on the materials of the Ketaban burial ground). *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 125–135 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.125.135](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.125.135)

Евгений Анатольевич Дмитриев¹,
Кукушкин Алексей Игоревич^{1*}

¹гуманитарлық ғылым магистрі, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, PhD, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан

Орталық Қазақстандағы түркілік кенотаф
(Кетабан қорымының материалдары бойынша)

Евгений Анатольевич Дмитриев¹,
Кукушкин Алексей Игоревич^{1*}

¹магистр гуманитарных наук, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Карағанды, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, PhD, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Карағанды, Казахстан

Тюркский кенотаф из Центрального Казахстана
(по материалам могильника Кетабан)

Ерте ортағасырлар Орталық Қазақстанда түбегейлі түркілермен байланысты жаңа мәдени стереотиптердің таралуымен танымал. Төртбұрышты қоршаулар пайда болып, жаңа иконографиялық бейненің мүсіндік дәстүрі жанданды, жерлеу салтында өзгерістер орын ала бастады, өнімнің жаңа түрлері – бастысы үзеңгі таралды. Зерттелген Кетабан қорымының № 2 құрылысы ат әбзелдері мен қару-жарағы бірге көмілген жылқыларымен екі қоршаудан тұратын кешен формалы жоспардағы сегіз пішінді «біріктірілген» екі тас обалардан тұрады. Салттық тәжірибеде ұсынылған белгілердің жиынтығы бойынша (адамның жерлеу рәсіміне байланысты қабір ішілік құрылымның болуы; мініс аттың жабдықтарына жатпайтын заттар және т. б.) бұл объект кенотаф ретінде түсіндіріледі. Жылқы сүйегінің үлгісі бойынша Технологіялар және физика ғылымдары орталығының (Вильнюс қ., Литва) масс-спектрометрия зертханасында үдеткіш масс-спектрометрияны қолдана отырып, VII ғ. бірінші жартысы шеңберіндегі нысанның жасын белгілеген радиоқөміртекті мерзімдеу жүргізілді (калибрлік аралық – 595–657 жж.), темір үзеңгілер мен ауыздықтың типологиялық баламаларына сәйкес келуі, бұл қазіргі уақытта талданып отырған құрылыстың Орталық Қазақстандағы түркі мәдениетінің ежелгі ескерткіштерінің бірі деп санауға мүмкіндік береді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2021–2023 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН АР09259147 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Орталық Қазақстандағы түркілік кенотаф (Кетабан қорымының материалдары бойынша). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 125–135-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.125.135](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.125.135)

Раннее средневековье знаменуется распространением в Центральном Казахстане принципиально новых культурных стереотипов, связанных с тюрками. Появляются характерные четырехугольные ограды, расцветает статуйная традиция нового иконографического облика, происходят изменения в погребальной обрядности, распространяются новые типы изделий – главным образом стремена. Изученное сооружение № 2 могильника Кетабан представляло собой «слитый» из двух каменных курганов восьмеркообразный в плане формы комплекс, содержащий две ограды с захоронениями лошадей в сопровождении предметов вооружения и конской упряжи. По совокупности признаков, представленных в обрядовой практике (наличие внутримогильной конструкции, связанной с оформлением погребения человека; наличие предметов, не относящихся к снаряжению верхового коня и т. д.), данный объект интерпретирован как кенотаф. По образцу кости лошади проведено радиоуглеродное датирование в Лаборатории масс-спектрометрии Центра физических наук и технологии (г. Вильнюс, Литва) с применением ускорительной масс-спектрометрии, установившее возраст объекта в рамках 1-й пол. VII в. (калиброванный интервал – 595–657 гг.), что согласуется с типологическими аналогами железных стремян и удила, позволяя считать анализируемое сооружение на данный момент одним из древнейших памятников тюркской культуры в Центральном Казахстане.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2021–2023, ИРН проекта АР09259147.

Для цитирования: Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Тюркский кенотаф из Центрального Казахстана (по материалам могильника Кетабан). *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 125–135. DOI: [10.52967/akz2023.1.21.125.135](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.21.125.135)

1 Введение (Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.)

Изучение тюркских комплексов в Центральном Казахстане представляет особый интерес в ракурсе заполнения информационной «лакуны» о культуре населения в раннем средневековье. В рамках данной статьи предлагается обратиться к итогам археологического изучения двух захоронений могильника Кетабан. Предварительная публикация материалов данного памятника [Кукушкин и др. 2019] была несколько схематичной, игнорируя ряд важных с нашей точки зрения вопросов, в особенности интерпретационного поля этого объекта. Другим важным дополнением являются результаты радиоуглеродного датирования, позволяющие провести корреляцию между абсолютным возрастом комплекса и обнаруженных предметов, т. е. рассматривать их как реперные при последующих исследованиях.

2 Материалы и методы (Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.)

2.1 Методика исследований

Радиоуглеродное датирование. Принцип радиоуглеродного датирования заключается в измерении количества радиоактивного изотопа ^{14}C в образце, уменьшающегося по закону радиоактивного распада (период полураспада составляет 5730 ± 40 лет [Godwin 1962]). Однако, его содержание зависит не только от возраста образца, но и от эффекта фракционирования – процесса, изменяющего массу изотопов углерода и их относительного содержания. При этом, было установлено, что соотношение между ^{12}C и ^{13}C , а также ^{12}C и ^{14}C является стабильным в процессе их поглощения живым организмом, а на стабильные изотопы ^{12}C и ^{13}C влияет только фракционирование. В результате воздействия этого фактора радиоуглеродный возраст образцов с идентичным календарным возрастом, но с различным значением $\delta^{13}\text{C}$ будет отличаться (за стандарт $\delta^{13}\text{C}$ принято -25‰ , а разница в каждую промилле составляет 16 радиоуглеродных лет). Применение ускорительной масс-спектрометрии (AMS), способной одновременно измерять массу ^{12}C , ^{13}C и ^{14}C в образце, позволяет преодолевать влияние эффекта фракционирования [Зазовская 2016].

Ещё одним фактором, влияющим на возраст образца, являются вариации содержания ^{14}C в обменном резервуаре Земли в различных временных промежутках, а также регионах [Reimer et al. 2020]. Анализ древесины позволил разработать процедуру калибровки [Reimer et al. 2013] – перевода радиоуглеродного возраста в календарный.

В данной статье вводится в научный оборот радиоуглеродное определение, выполненное по образцу кости лошади в Лаборатории масс-спектрометрии Центра физических наук и технологии (г. Вильнюс, Литва) с применением ускорительной масс-спектрометрии. Калибровка осуществлена авторами статьи в программе OxCal v4.4.2, калибровочная кривая Intcal20 [Reimer et al. 2020].

2.2 Описание полученных материалов

Могильник Кетабан находится в 286 км восточнее г. Караганды (рис. 1), в 30 км к ВСВ от пос. Аркалык, в 4,49 км юго-западнее зим. Намазбай, в 4 км южнее горы Кетабан, в 5 км западнее гор Ащекен Сораны, в 2,7 км северо-восточнее зим. Айнакай и занимает вершину относительно высокой сопки (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл., Республика Казахстан). На погребальном поле, вытянутом с севера на юг, визуальное зафиксировано шесть сооружений, представляющих собой непокрытые грунтом каменные курганы и выкладку. Работы на памятнике проводились в течение двух полевых сезонов (2018; 2022) и охватили сооружения № 1–2.

До начала работ сооружение № 2 представляло собой восьмёркообразный в плане формы комплекс размерами $10,4 \times 6$ м, высотой до 0,5 м, ориентированный длинной осью по линии «север–юг», состоящий из двух «слитых» каменных курганов. Северный объект получил название 2а, а южный – 2б (рис. 2)* (*Все иллюстрации к статье подготовлены Е.А. Дмитриевым). Насыпи сложены преимущественно из крупных камней. На комплексе был разбит прямоугольный раскоп размерами $10,5 \times 7$ м, ориентированный сообразно его конфигурации.

Сооружение 2а – каменный курган овальной в плане формы, размерами $6 \times 5,4$ м, высотой до 0,7 м, ориентированный по линии «запад–восток». В процессе разбора насыпи была выявлена кольцевая ограда, овальной формы, размерами $3,1 \times 2,5$ м, ориентированная длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ, сооруженная из плит высотой до 0,7 м, установленных вертикально в материковый слой. В центральной части внутриоградного пространства, на уровне материка были выявлены границы грунтовой ямы, вырубленной в скальной породе. Она имела овальную в плане форму,

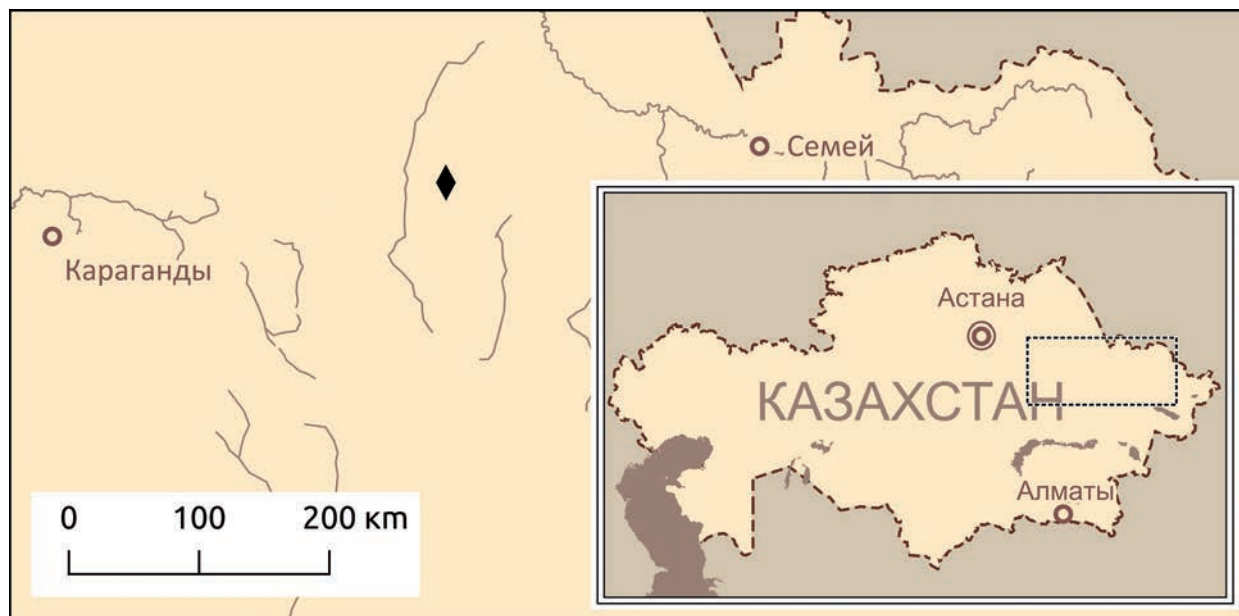

Fig. 1. Location of the monument
1-сур. Ескерткіштің орналасқан жері
Рис. 1. Местонахождение памятника

размерами 1,7×0,6 м, глубиной 0,6 м, в которой был расчищен частично потревоженный скелет лошади, уложенной на животе с подогнутыми под туловище ногами, с изогнутой вправо шеей. Костяк ориентирован на запад (рис. 3, 1). На тазовых костях лошади обнаружены половина таза и длинная кость ноги МРС. В заполнении ямы, на разных уровнях обнаружены железные наконечник стрелы, подпружная пряжка и кольцо от конского упряжного набора. У северной стенки могилы расчищено железное стремя.

Железный наконечник стрелы – трехлопастной, с ромбический в абрисе проникающей частью длиной 2,75 см. Ширина лопастей – 1,1 см, толщина до 0,15 см. Имеет выделенный черешок длиной 1,2 см, округлый в сечении (диаметр 0,25 см) (рис. 4, 7).

Железная подпружная пряжка представляет собой подтрапециевидную рамку с максимальными размерами 3,4×3,4 см. Сечение рамки подпрямоугольное, размерами 0,4×0,3 см. Изделие имеет подвижный язычок, длиной 4 см (рис. 4, 5).

Железное кольцо диаметром 2,6 см, прямоугольное в сечении, размерами до 0,4×0,2 см. Имеет обломленную подвижную планку прямоугольной формы, размерами 1,5×1,2×0,15 см (рис. 4, 4).

Железное стремя округлой формы, имеет в верхней части несомкнутое выступающее овальное в плане крепление для путлища размерами 3,5×2,4 см. Подножка плоская, длиной 8,5 см, шириной 2,8 см, с загнутыми вниз краями. Максимальные размеры изделия составляют – 12,7×12,1 см (рис. 4, 6).

Сооружение 2б – каменный курган округлой в плане формы, диаметром 5 м, высотой до 0,6 м. В процессе разбора насыпи была выявлена кольцевая ограда овальной формы, размерами 3,3×2,5 м, ориентированная длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. Сооружена из плит высотой до 0,6 м, установленных вертикально в материковый слой, с некоторым наклоном внутрь. В центральной части вну-

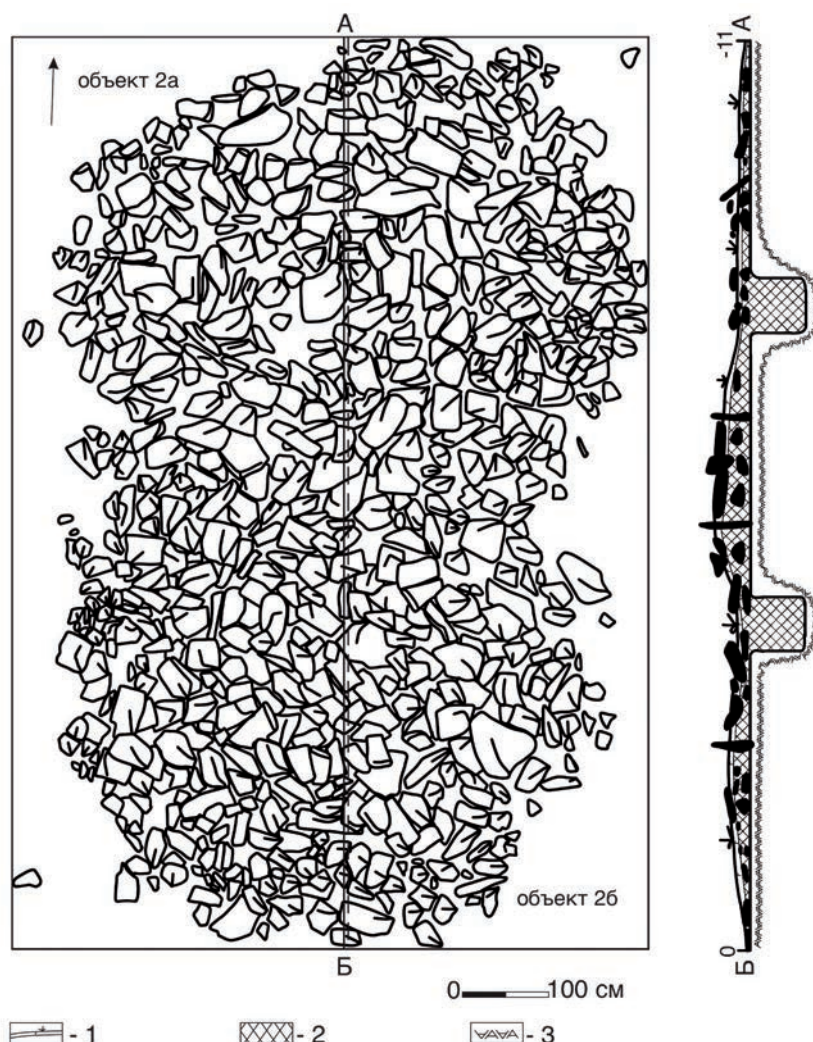

Рис. 2. Кетабан. План и профиль сооружения 2:
1 – дёрн; 2 – коричневый слой; 3 – материк

2-сур. Кетабан. 2-құрылыстың сызбасы мен профілі:
1 – қара топырақ; 2 – қоңыр топырақ; 3 – материк

Fig. 2. Ketaban. Plan and profile of structure 2:
1 – turf layer; 2 – brown layer; 3 – mainland

триоградного пространства, на уровне материка были зафиксированы границы грунтовой ямы, вырубленной в скальных породах и железный колчанный крюк. Яма имела овальную в плане форму, размерами 1,4×0,6 м, глубиной 0,6 м. В ней был расчищен потревоженный скелет лошади, уложенный с подогнутыми под туловище ногами, с изогнутой вправо шеей и направленным вниз черепом. Костяк ориентирован на запад. В челюстях находилась часть удила. Под рёбрами, с правой стороны, обнаружено железное стремя. На тазовых костях лошади располагались половина таза и длинная кость ноги МРС. С северной стороны яма была обложена тремя поставленными на ребро плитами (рис. 3, 2).

Железные удила – двухчастные, подвижные, однако у лошади была вложена в челюсти только одна их половина. Длина изделия 6,2 см. Оно имеет на обоих концах кольца. Первое, использовавшееся для соединения удила, размерами

1,35×1 см, второе, для крепления псалия – диаметром 1,5 см. Максимальная толщина фрагмента удила 0,6 см (рис. 4, 2).

Железное стремя – округлой формы, имеет в верхней части несомкнутое выступающее прямоугольное в плане крепление для путлища, размерами 3,3×2,3 см. Подножка плоская, длиной 10 см, шириной 2,3 см, с ребром жёсткости. Максимальные размеры изделия составляют – 11,4×12,7 см (рис. 4, 1).

Железный колчанный крюк – изготовлен из прута, округлого в сечении, с максимальным диаметром до 0,5 см. Имеет обломленную прямоугольную в плане формы рамку и овальное утолщение

на рабочем конце, размерами $0,7 \times 0,5 \times 0,4$ см. Общая длина изделия составила 3,9 см (рис. 4, 3).

3 Обсуждение (Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.)

Исследованное сооружение имеет довольно своеобразную архитектуру, представляя собой восьмёркообразный в плане формы объект, состоящий из двух «слитых» каменных курганных насыпей, и вытянут по линии «север–юг».

Подобные объекты были раскопаны в Центральном Казахстане на памятнике Ащекен-Сораны, который расположен неподалеку от некрополя Кетабан, в межгорной долине, и в функциональном плане представляет собой культово-ритуальный комплекс, состоящий из трёх цепочек сооружений, вытянутых параллельными рядами: жертвенные круги – оградки – курганы [Кукушкин и др. 2019].

После разбора каменной насыпи в обоих случаях были выявлены ограды, состоящие из вертикально врытых в материковый слой плит с некоторым наклоном внутрь. Ближайшие в территориальном плане параллели имеются в материалах Ащекен-Сораны, с той лишь разницей, что в культово-ритуальных комплексах они возведены методом строительной кладки [Кукушкин и др. 2019].

В этом аспекте представляется интересной архитектура некоторых курганных насыпей у тюрок Алтая – округлой или овальной форм с подогнанными друг к другу по внешнему краю крупными валунами или плитами [Кубарев 2005: 14], которые выполняют в определенной мере функцию ограждения. Согласно статистическим данным ограды выявлены в 7,53% комплексов Алтая и 18,33% Тувы [Серегин, Матренин 2016: 95].

Оба захоронения совершены в обычных ямах, вырубленных в скальной породе, ориентированных по линии «запад–восток». На дне ям зафиксированы костяки лошадей (в одном случае,

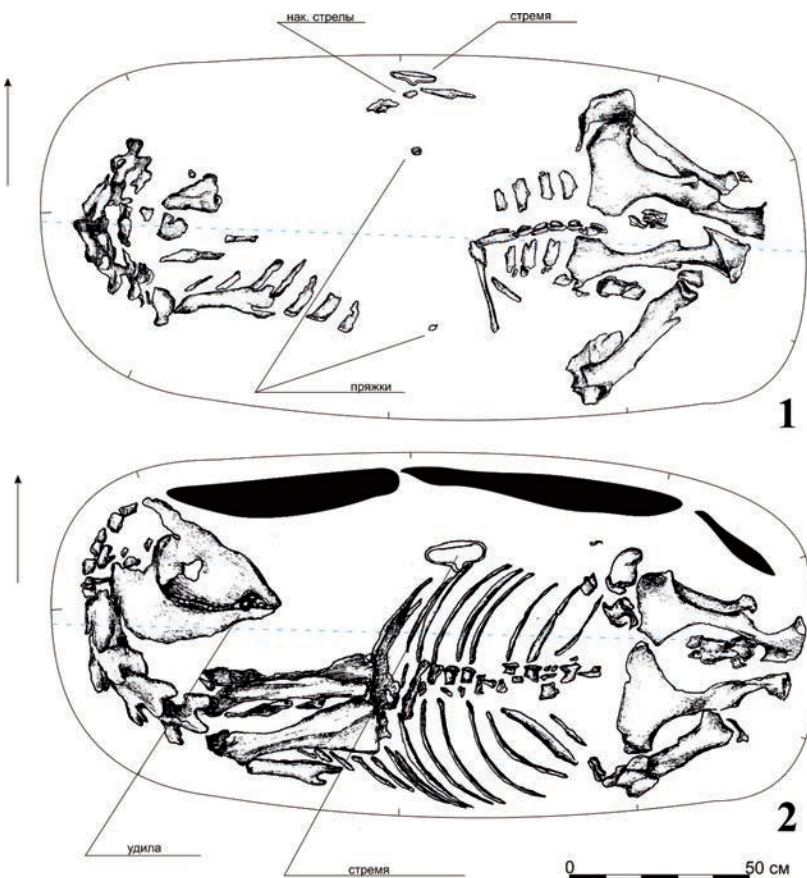

Рис. 3. Кетабан. Планы захоронений: 1 – объект 2а; 2 – объект 2б
3-сур. Кетабан. Жерлеу орны сызбалары: 1 – 2а нысаны; 2 – 2б нысаны
Fig. 3. Ketaban. Plans of burials: 1 – site 2a; 2 – site 2b

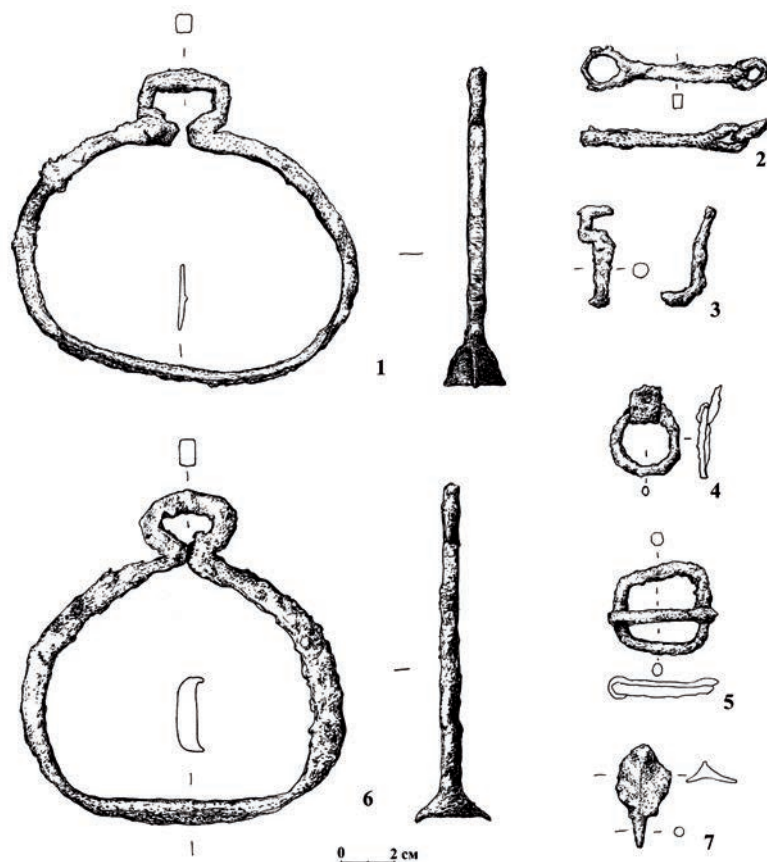

Рис. 4. Кетабан. Предметный комплекс
4-суп. Кетабан. Заттық кешен
Fig. 4. Ketaban. The subject complex

останки потревожены грабителями), направленными черепами в западном направлении. Поза животных довольно характерна для тюркской культуры – на брюхе с подогнутыми под тушу конечностями и изгибом шеи вправо. В обоих случаях животных сопровождали отдельные кости МРС. Такое положение лошадей является едва ли не «визитной карточкой» тюрков и имеет многочисленные аналоги во всем ареале данной культуры. Показательно, что в сооружении 26, северный край ямы был дополнительно обложен тремя плитами, являющимися перегородкой, отделяющей в случаях с совместными погребениями человеческие останки [Кубарев 2005: 20]. Такой элемент погребальной конструкции имеет довольно широкое распространение составляя, например, в комплексах Алтая 26,02% [Серегин, Матренин 2016: 97].

Набор предметов представлен железными наконечником стрелы, подпружной пряжкой, кольцом, колчанным крюком, удилами и двумя

стременами. К сожалению, большинство изделий не является датирующими, имея широкий временной диапазон использования.

Аналогии железной подпружной пряжке, являющейся необходимой принадлежностью ремня, предназначавшегося для стягивания подпруги, известны как в комплексах тюркского [Серегин, Матренин 2016: рис. 66, 13–17; 57, 25], так и монгольского времени [Тишкин 2009: рис. 124, 9; 125, 9–10; 118, 5; 96, 7]. Трехлопастные черешковые наконечники стрел бытовали также на протяжении длительного времени. К примеру, близкие по форме изделия обнаружены как на памятниках булан-кобинской, так и тюркской культуры [Серегин, Матренин 2016: рис. 24, 4, 5; 55, 6; 57, 25].

Определённый интерес имеют железные однокольчатые удила, преобладающие в комплексах VI–VIII вв., хотя не исключается их существование и в более позднее время, но это единичные экземпляры. Несколько позже, в VIII–IX вв., получают распространение двухкольчатые удила, их наибольшее употребление достигается в IX–X вв. [Овчинникова 1990: 94]. Б.Б. Овчинниковой была отмечена любопытная взаимосвязь между внутренними размерами железного кольца и материалом, из которого изготовлены псалии. Так, диаметр роговых псалий в сечении составляет от 1,5 до

2,0 см и более в диаметре, а кольца, следовательно, должны иметь внутренний диаметр более 2,5 см [Овчинникова 1990: 98]. В нашем случае диаметр отверстия составляет 1,1 см, что, вероятно, исключает использование любых иных псалиев кроме металлических.

Крюки использовались для подвешивания к саадачному поясу собственно колчанов и довольно но однотипны, имея щиток со шпеньками или кольцо для крепления. В нашем случае это четырёх-угольной формы рамка. Наиболее близкие аналоги известны в материалах кенотафа Калбак-Таш [Кубарев 2005: табл. 119, 3].

Традиционно большое значение для датировки имеют стремена. Их массовый характер естественным образом акцентирует внимание исследователей на разработке типологических схем и хронологии [Серегин 2017а; Кубарев 2005: 131–133; Неверов 1988]. Оба кетабанских изделия относятся к типу петельчатых или восьмёрковидных и имеют довольно близкое типологическое сходство. По мнению Г.В. Кубарева, изделия с горизонтально вытянутой, приплюснутой петлёй-ушком широко распространены в саяно-алтайских памятниках VIII–IX вв. [Кубарев 2005: 131].

Согласно С.В. Неверову, петельчатые стремена встречаются по всей территории Евразии во 2-й пол. I тыс. [Неверов 1988: 143], а аналогичные кетабанским стремена относятся к 10 и 13 типам [Неверов 1988: рис. 5, 2, 5], бытовавшим в VI–VIII вв. [Неверов 1988: 145].

Проведенное радиоуглеродное датирование позволило установить возраст данного комплекса, калиброванный интервал которого по 1σ приходится на 1-ю пол. VII в. (табл. 1), что согласуется в общих чертах с хронологией типов стремян по С.В. Неверову, и бытованием кольчатых удиц, подтверждая ценность формально-типологических схем.

Таблица 1 – Результаты радиоуглеродного датирования
1-кесте – Радиокөміртетік сараптама нәтижелері
Table 1 – Results of radiocarbon dating

Лабораторный номер	Радиоуглеродный возраст, BP	pMC	calAD (1σ, 68.3%)	calAD (2σ, 95.4%)	Легенда
FTMC-HL47-3	1426 ± 26	83.73 ± 0.27	605–649	595–657	Сооружение 26

Самостоятельные захоронения лошадей, как проиллюстрировано в монографии С.П. Нестерова, известны на протяжении VI–XIV вв. [Нестеров 1990] и представляют собой устойчивое явление в обрядовой практике средневекового населения [Илюшин 2003]. В вопросе интерпретации одиночных захоронений лошадей в настоящее время консенсуса не имеется. В разные годы исследователями предлагались различные версии. Так, по мнению С.П. Нестерова, они могут быть связаны с преждевременной гибелью животного или объясняются невозможностью его погребения вместе с человеком [Нестеров 1990: 79–80]. В целом признавая резонность предложенных С.П. Нестеровым вариантов, Г.В. Кубарев отметил, что нельзя исключать возможный культовый характер части из них [Кубарев 2005: 20].

Главный вопрос в области интерпретации сооружения № 2 могильника Кетабан заключается в том, является ли данный объект захоронением лошадей или кенотафом. Обобщая критерии выделения «самостоятельных» захоронений лошадей Н.Н. Серегин считает наиболее важными следующие признаки: отсутствие человеческих останков; отсутствие предметов сопроводительного

инвентаря, предназначенного для человека и внутримогильных конструкций, связанных с оформлением погребения человека или отделением его от лошади [Серегин 2017б: 37–38]. По нашему мнению, исследованный комплекс достаточно конкретно указывает на кенотаф ввиду совокупности следующих аргументов:

1) погребение в объекте 2а имеет внутримогильную конструкцию в виде перегородки из плит, отделяющей в случаях с совместными погребениями человеческие останки [Кубарев 2005: 20]. Показательно, что она расположена по правую сторону от лошади. Согласно статистическому анализу материалов Алтая, проведенному Н.Н. Серегиным и С.С. Матрениным, в абсолютном большинстве объектов лошадь (овца) находилась слева от человека – 87 (89,7%) случаев [Серегин, Матренин 2016: 118].

2) непотревоженная грабителями лошадь была взнуздана, т. е. предполагается готовность животного для транспортной функции при переходе в иной мир [Нестеров 1990: 51–85]. В данном случае мы солидарны с Б.Б. Овчинниковой в том, что в погребальной практике носителей тюркского культурного комплекса получил отражение не только культ восходящего солнца, но и представление о нахождении страны мёртвых на западе. Этим обстоятельством объясняется противоположная направленность человеческих останков головой на восток, т. е. лицом в иной мир [Овчинникова 1983: 62–63; 1984: 217–218]. Если предположить вероятность символического захоронения на могильнике Кетабан, то это обстоятельство может объяснить как взнузданный её характер, так и объяснить умышленную порчу удила, т. к. поломанные изделия станут целыми в загробном мире [Кубарев 2005: 24].

3) Присутствие в материалах памятника предметов, не связанных со снаряжением верхового коня – наконечник стрелы, колчаный крючок.

4) Наличие при каждой лошади лишь одного стремени, также может являться результатом умышленного разделения набора, хотя может быть интерпретировано и в качестве сохранения первоначальной практики использования одного изделия в качестве подножки при посадке на лошадь, что преимущественно фиксируется в ранних комплексах тюркской культуры [Тишкин, Серегин 2011: 21].

К сожалению, погребение в объекте 2а было потревожено грабителями, и мы не имеем представление о том, была ли вторая лошадь также взнуздана другой половиной удила и каков был изначальный набор вещей; представлял ли он собой один комплект конской упряжи.

Заключение (Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.)

Суммируя вышеизложенное, можно утверждать, что исследованный комплекс могильника Кетабан представляет собой кенотаф, содержащий два захоронения лошадей в сопровождении железных наконечника стрелы, подпружной пряжки, кольца, колчанного крючка, удила и двух стремян. Проведенное радиоуглеродное датирование позволило установить возраст данного комплекса в рамках 1-й пол. VII в., что согласуется с типологическими аналогами изделий и позволяет считать одним из ранних памятников Западнотюркского каганата в Центральном Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Зазовская Э.П. Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 151-164.

- 2 Илюшин А.М. Об ритуале захоронения коней как этнографо-археологическом источнике // Древности Алтая / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. Вып. 10. С. 132-137.
- 3 Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- 4 Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Предварительные результаты исследований памятников тюркского времени Центрального Казахстана в 2018 году // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2019. Кн. 1. С. 135-137.
- 5 Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VI–XII в. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129-151.
- 6 Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.
- 7 Овчинникова Б.Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток. История, филология / Отв. ред. Д.Д. Васильев, Э.А. Кормышева. М.: Наука, 1984. С. 215-223.
- 8 Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. И.В. Захарова, Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ, 1983. С. 60-68.
- 9 Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: УрГУ. 1990. 223 с.
- 10 Серегин Н.Н. Стремена из погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Монголии // Народы и религии Евразии. 2017а. № 3–4 (12–13). С. 9-23.
- 11 Серегин Н.Н. Отдельные захоронения лошадей в обрядовой практике раннесредневековых тюрков Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2017б. № 1 (17). С. 36-47.
- 12 Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.
- 13 Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
- 14 Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. 2011. Вып. 6. С. 14-32.
- 15 Reimer P.J., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A., ..., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62. Pp. 725-757.
- 16 Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., ..., van der Plicht J. Intcal13 and Marine13 Radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years calBP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55, no. 3. Pp. 1869-1887.

REFERENCES

- 1 Zazovskaya, Je. P. 2016. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 1 (32), 151-164 (in Russian).
- 2 Ilyushin, A. M. 2003. In: Soyonov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaja (Antiquities of Altai)*, 10. Gorno-Altai State University, 132-137 (in Russian).
- 3 Kubarev, G. V. 2005. *Kultura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebalnyh pamyatnikov) (The culture of the ancient Turks of the Altai (based on funerary monuments))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS (in Russian).
- 4 Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2019. In: Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovaniy (Nomadic empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary research)*, 1. Ulan-Ude: Buryat scientific center SB RAS, 135-137 (in Russian).
- 5 Neverov, S. V. 1998. In: Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Snaryazhenie verhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekovie (Riding horse equipment in the Altai in the early Iron Age and Middle Ages)*. Barnaul: Altai University, 129-151 (in Russian).

- 6 Nesterov, S. P. 1990. *Kon v kultah tyurkoyazychnykh plemen Tsentralnoy Azii v epohu srednevekoviya (The Horse in the Cults of the Turkic-speaking Tribes of Central Asia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 7 Ovchinnikova, B. B. 1984. In: Vasiliev, D. D., Kormysheva, E. A. (eds.). *Drevniy i srednevekovyi Vostok. Istoriya, filologiya (Ancient and Medieval Orient. History, Philology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 215-223 (in Russian).
- 8 Ovchinnikova, B. B. 1983. In: Zaharova, I. V., Tomilov, N. A. (eds.). *Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i sopredelnykh territoriy (Ethnogenesis and ethnic history of the Turkic peoples of Siberia and adjacent territories)*. Omsk: Omsk State University, 60-68 (in Russian).
- 9 Ovchinnikova, B. B. 1990. *Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekah (Turkic Antiquities of Sayan-Altai in the 6th–10th centuries)*. Sverdlovsk: Uralsk State University (in Russian).
- 10 Seregin, N. N. 2017a. In: *Narody i religii Evrazii (The peoples and religions of Eurasia)*, 3–4 (12–13), 9-23 (in Russian).
- 11 Seregin, N. N. 2017b. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 1 (17), 36-47 (in Russian).
- 12 Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2016. *Pogrebalnyi obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e (The funeral rites of Altai nomads in the 2nd century BC – 11th century AD)*. Barnaul: Altai University (in Russian).
- 13 Tishkin, A. A. 2009. *Altai v mongolskoe vremya (po materialam arheologicheskikh pamyatnikov) (Altai in Mongolian times (based on archaeological sites))*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
- 14 Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2011. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 6, 14-32 (in Russian).
- 15 Reimer, P. J., Austin, W. E. N., Bard, E., Bayliss, A., ..., Talamo, S. 2020. In: *Radiocarbon*, 62, 725-757.
- 16 Reimer, P. J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J. W., ..., van der Plicht, J. 2013. In: *Radiocarbon*, 55, 3, 1869-1887.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 26.05.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 17.06.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 17.06.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.136.150>

Ритуальный воинский комплекс VII–VIII вв. из могильника Бестамак (Северный Казахстан)

© 2023 г. Логвин А.В., Хасенова Б.М., Шевнина И.В.

Keywords: archaeology, Bestamak, Middle Ages, ritual activity, military complex, horse equipment

Түйін сөздер: археология, Бестамак, орта ғасырлар, ғұрыптық әрекет, әскери кешен, ат әбзелдері

Ключевые слова: археология, Бестамак, средневековье, ритуальная деятельность, воинский комплекс, конское снаряжение

Andrey Logvin^{1,2}, Bakyt Khassenova^{2*} and Irina Shevnina^{1,2}

¹PhD, Candidate of Historical Sciences, Kostanay Regional University named after A. Baitursynov, Kostanay, Kazakhstan;

²Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: logvin1@yandex.ru

^{2*}Corresponding author, PhD, Branch of the Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan. E-mail: alicar@inbox.ru

¹PhD, Candidate of Historical Sciences, Kostanay Regional University named after A. Baitursynov, Kostanay, Kazakhstan;

²Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: shevnina_i@mail.ru

Ritual military complex of the 7th–8th centuries from the Bestamak burial ground (Northern Kazakhstan)

In 2002, a collection of weaponry and horse equipment was unearthed at the Bestamak burial ground. In our opinion, the archaeological site should be designated as a ritual military complex. Investigating ancient ceremonial activities presents one of the most challenging tasks in archaeology. However, the consistent composition and circumstances surrounding the discovery of these ceremonial compounds indicate the existence of a specific tradition among the steppe Eurasian population over an extended period. There is a need to study it and identify the causes of its appearance. The ritual complex dates back to the 7th–8th centuries and it symbolizes the archer warrior who owned the uncovered artifacts. Examining such items will enrich our comprehension of the sacred rituals of the early Middle Ages.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574223.

For citation: Logvin, A., Khassenova, B., Shevnina, I. 2023. Ritual military complex of the 7th–8th centuries from the Bestamak burial ground (Northern Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 136–150 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.136.150](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.136.150)

**Андрей Викторович Логвин^{1,2},
Бақыт Мулдашқызы Хасенова^{2*},
Ирина Викторовна Шевнина^{1,2}**

¹PhD, тарих ғылымдарының кандидаты, А. Байтұрсынов ат. Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан;

²Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

**Андрей Викторович Логвин^{1,2},
Бақыт Мулдашевна Хасенова^{2*},
Ирина Викторовна Шевнина^{1,2}**

¹PhD, кандидат исторических наук, Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынова, Костанай, Казахстан;

²Институт археологии им. А.Х. Марғұлана, Алматы, Казахстан

^{2*}корреспондент-авторы, PhD, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының филиалы, Астана, Қазақстан

¹PhD, т.ғ.к., А.Байтұрсынов атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай қ., Қазақстан;

²Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

Бестамақ қорымындағы VII–VIII ғғ. ғұрыптық әскери кешен
(Солтүстік Қазақстан)

2012 ж. Бестамақ қорымынан қару-жарақ пен ат әбзелдерінен құралған кешен табылды. Біздің пікірімізше, археологиялық нысанды ғұрыптық әскери кешен ретінде белгілеген жөн. Ежелгі ғұрыптық әрекеттерді зерттеу археологиядағы күрделі міндеттердің қатарына жатады, алайда олардың тұрақты құрамы мен осындай ғұрыптық кешендердің анықталуы Еуразия даласы тұрғындарында ұзақ уақыт бойы тұрақты дәстүрдің болғандығын көрсетеді. Оны зерттеу және пайда болу себептерін анықтау қажеттілігі туындап отыр. Ғұрыптық кешен VII–VIII ғғ. мерзімделіп, табылған заттардың иесі садақшы жауынгерді бейнелейді. Мұндай нысандарды зерттеу ерте орта ғасырлардағы киелі тәжірибелер туралы түсініктерімізді кеңейтуге мүмкіндік береді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің нысаналы қаржыландыру бағдарламасы 2023–2024, ЖТН BR18574223 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Логвин А.В., Хасенова Б.М., Шевнина И.В. Бестамақ қорымындағы VII–VIII ғғ. ғұрыптық әскери кешен (Солтүстік Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 136–150–66. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.136.150](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.136.150)

^{2*}автор-корреспондент, PhD, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан

¹PhD, кандидат исторических наук, Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынова, Костанай, Казахстан;

²Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

**Ритуальный воинский комплекс VII–VIII вв.
из могильника Бестамак**
(Северный Казахстан)

В 2002 г. на могильнике Бестамак обнаружен комплекс предметов вооружения и конского снаряжения. По нашему мнению, археологический объект необходимо обозначить как ритуальный воинский комплекс. Исследование древней ритуальной деятельности относится к числу сложных задач в археологии, но устойчивый состав и условия обнаружения этих ритуальных комплексов демонстрируют наличие определённой традиции у населения степной Евразии на протяжении длительного времени. Назрела необходимость в её исследовании и выявлении причин появления. Ритуальный комплекс датируется VII–VIII вв. и символизирует воина-лучника, которому принадлежали найденные предметы. Изучение таких объектов позволит расширить наши представления о сакральных практиках раннего средневековья.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574223.

Для цитирования: Логвин А.В., Хасенова Б.М., Шевнина И.В. Ритуальный воинский комплекс VII–VIII вв. из могильника Бестамак (Северный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 136–150. DOI: [10.52967/akz2023.1.21.136.150](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.21.136.150)

1 Введение (Логвин А.В., Хасенова Б.М., Шевнина И.В.)

Эпоха средневековья на территории Большого Тургая* (*имеется в виду Тургайский прогиб) представлена различными погребальными и поминальными памятниками (подробнее см.: [Хасенова 2017; Хасенова, Хабдулина 2017]). Оригинальным объектом этого времени является ритуальный комплекс, обнаруженный в 2002 г. на могильнике Бестамак. Исследование духовной культуры прошлого относится к числу сложных задач в археологии. Археологически фиксируется только часть совершаемых практик и невозможно быть уверенным полностью в том, насколько объективно они раскрывают обряд целиком. Тем не менее, как выясняется в результате исследования археологических памятников, важнейшей частью обрядовых действий являются некоторые предметы, частая встречаемость которых в определённых условиях позволяет прийти к выводам об их символической роли в жизни обществ древних эпох.

Могильник Бестамак относится к числу заслуживающих особого внимания археологических объектов Тургая. Он располагается в северной части Тургайской ложбины, у истока р. Убаган, правого притока р. Тобол (рис. 1), в 8 км к северо-западу от пос. Шили (Аулиекольский р-н, Костанайская обл.). Могильник расположен у северо-восточной окраины поселения, имеющего одноименное название. В настоящее время он является грунтовым, но длительность его функционирования – с эпохи энеолита до средневековья позволяет предположить исчезновение надмогильных сооружений под действием времени и антропогенного фактора. Исследования на памятнике проводились Тургайской археологической экспедицией* (*Сначала Кустанайского пединститута, затем, после преобразования учебного заведения, – Костанайского государственного университета имени А. Байтурсынова. В настоящее время вуз называется Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова) под руководством В.Н. Логвина, С.С. Калиевой, А.В. Логвина, И.В. Шевниной на протяжении 11-ти полевых сезонов: в 1991–1993, 1997, 2002–2003, 2005–2008, 2013 годах. Было вскрыто более 9000 кв. м, исследованы 183 объекта, в т. ч. могильные ямы и ритуальные сооружения. Большая часть изученных комплексов датируется эпохой бронзы (II тыс. до н.э.).

2 Материалы и методы исследования (Логвин А.В., Хасенова Б.М., Шевнина И.В.)

2.1 Методика исследования

Методологической основой исследования является историко-диалектический подход, основанный на принципе историзма и системности. Также использованы сравнительно-исторический и сравнительный методы.

В процессе интерпретации археологических материалов чрезвычайно актуальным становится использование сравнительно-исторического анализа, так как только с его помощью определяется общее и особенное в процессах, происходящих в прошлом и возможно выяснение цельной картины. Метод сравнительного анализа в значительной степени основан на аналогии, в результате установлена датировка комплекса, а

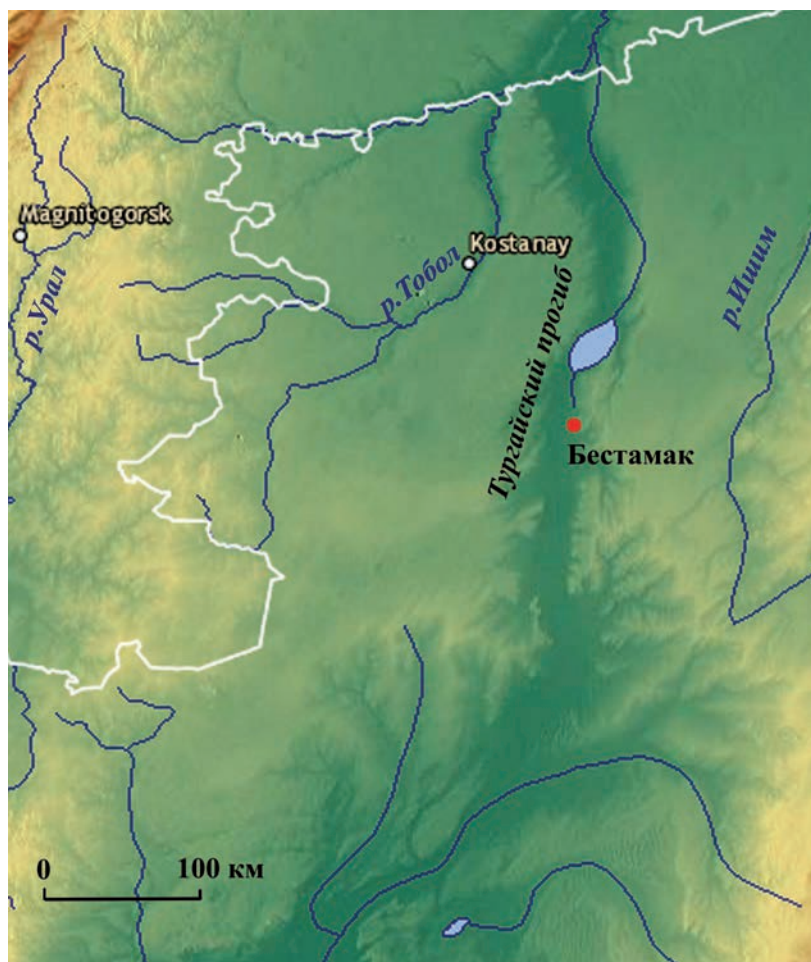

Рис. 1. Расположение могильника Бестамак
1-сур. Бестамак қорымының орналасқан жері
Fig. 1. Location of the Bestamak burial ground

также выявлены хронологические рамки, в пределах которых у населения казахстанских степей и сопредельных территорий наблюдаются ритуальные действия, результаты которых исследуются с помощью археологии.

2.2 Описание археологического памятника и артефактов

В 2002 г. во время исследования могильника (рук. А.В. Логвин) в квадрате III-3, на глубине 0,8 м от уровня современной поверхности, был обнаружен комплекс, состоящий из различных железных предметов воинского и конского снаряжения эпохи средневековья. Яма не фиксировалась.

Вооружение представлено наконечником стрелы, ножом, колчанным крюком, конское снаряжение – удилами с псалиями двух форм – прямыми и с окончаниями в виде рыбьего хвоста, массивной подпружной пряжкой, стремянами двух разновидностей – с пластиной для продевания ремня и восьмёрковидным. Судя по состоянию предметов в момент обнаружения – почти все они слиплись между собой, возможно, из-за того, что первоначально были куда-то вместе положены. Многие предметы оказалось невозможным разъединить, поэтому они были зафиксированы в том положении, в котором были найдены. Артефакты в настоящее время хранятся в фонде археологической лаборатории Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынова.

Описание предметов вооружения

Нож (рис. 3, 4). Железный, с треугольным черенком и обломанным на конце клинком. Длина 14,5 см. Клинок отделён от черенка уступами со стороны лезвия и спинки, а также бронзовой пластиной. Клинок согнут в верхней четверти, окончание черенка изогнуто. Длина клинка – 10,4 см,

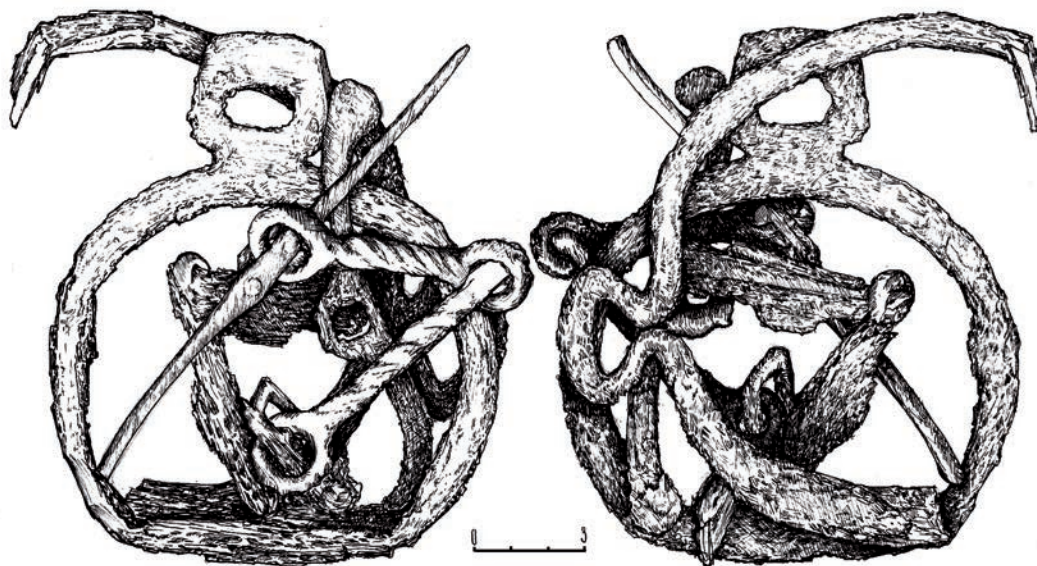

Рис. 2. Бестамак. Предметы конского снаряжения в двух ракурсах. Рисунок выполнен Алиной Колбиной

2-сур. Бестамак. Ат әбзелдерінің бұйымдары екі қырынан. Суретті салған Алина Колбина

Fig. 2. Bestamak. Items of horse equipment from two angles. Drawn by Alina Kolbina

ширина у основания – 18 мм, ширина в средней части – 10 мм. Сечение клинка треугольное. Длина черенка 4,2 см, ширина у основания 1,1 см. Длина бронзовой пластины 2 см, ширина 0,55 см.

Наконечник стрелы (рис. 3, 2). Железный. Трёхлопастной. Черешковый. Перо имеет удлиненно-треугольную форму, три узкие лопасти и прямые плечики. Окончания пера и черешка обломаны. Общая длина изделия 7,5 см. Длина сохранившейся перьевой части 5 см, длина части черешка 2,2 см.

Колчанный крюк (рис. 3, 1). Сделан из длинной узкой железной пластины. Верхняя часть прямоугольная, с дуговидными выемками по бокам и сверху. Нижняя часть зауженная, с небольшим изгибом. Немного выше середины изделия размещено прямоугольное с закруглёнными углами отверстие. Длина изделия 8 см, толщина пластины 0,5 см.

Описание предметов конского снаряжения (рис. 2).

Удила железные однокольчатые, с перегибом, состоят из двух витых коротких стержней, подвижно соединённых посредством вставленных друг в друга колец (рис. 2). Длина стержней 8 и 9,6 см. Диаметр концевых колец 2 см. К концевым кольцам крепятся псалии с прямоугольными петлями.

Псалии (2 экз.) (рис. 2). Изготовлены из узкой железной пластины, прямоугольной в сечении, расширяющейся посередине. Длина псалиев 15,4 см. Брусковидные окончания псалиев имеют слабо выраженный изгиб. Массивные прямоугольные петли, предназначенные для крепления к удилам, располагаются посередине. Хорошо сохранился один из псалиев.

Кроме вышеописанных имеются ещё одни железные удила с сохранившимся одним псалием (рис. 2). Удила подверглись сильной деформации из-за коррозии. Можно определить, что они были однокольчатыми, стержни соединялись с помощью колец. К удилам крепился S-видный псалий с окончаниями в виде рыбьего хвоста. Длина 12 см. Посередине имеется округлая петля для соединения с удилами (рис. 2).

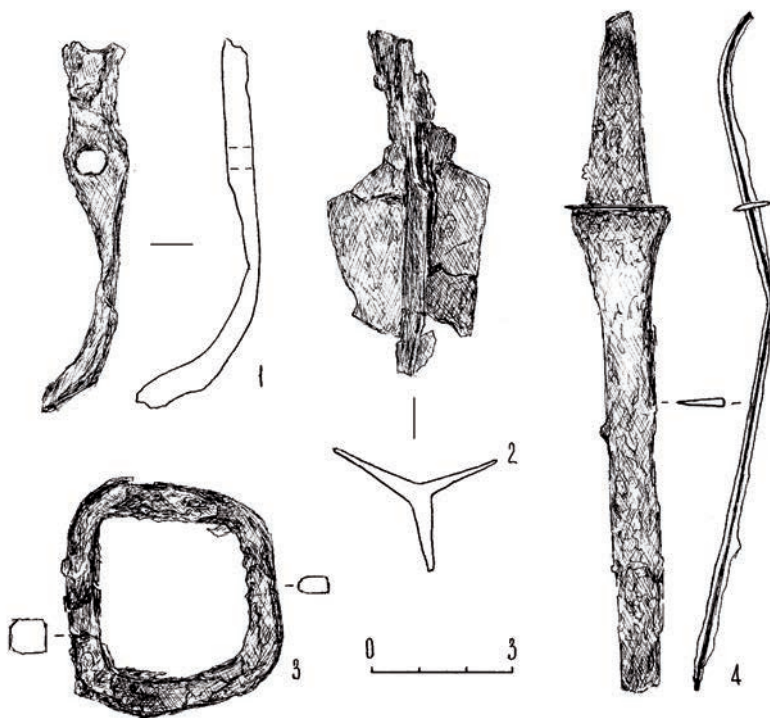

Рис. 3. Бестамак. Предметы воинского и конского снаряжения: 1 – колчанный крюк; 2 – наконечник стрелы; 3 – подпружная пряжка; 4 – нож. Рисунок выполнен Алиной Колбиной

3-сур. Бестамақ. Әскери және ат әбзелдерінің бұйымдары: 1 – қорамсақты ілмек; 2 – жебе ұшы; 3 – тартпалы айылбас; 4 – пышақ. Суретті салған Алина Колбина

Fig. 3. Bestamak. Items of military and horse equipment: 1 – quivered hook; 2 – arrowhead; 3 – belly buckle; 4 – knife. Drawn by Alina Kolbina

Стремя № 1 (рис. 2). Железное, с трапециевидным пластинчатым ушком, в котором сделано овальное отверстие для путлища. Ушко отделено от дужки слабо выраженной шейкой. Дужка подквадратной формы, округлая в сечении. Подножье уплощено. Размеры стремени 12,2×14 см.

Стремя № 2 (рис. 2). Железное, со слегка приплюснутым петельчатым ушком для путлища, с уплощённым подножьем и подквадратной, округлой в сечении дужкой. Размеры 14×14 см.

Пряжка подквадратной формы. Железная. Массивная. Из квадратного в сечении прута. Размеры: 5×4,5 см (рис. 3, 3).

3 Обсуждение (Хасенова Б.М., Логвин А.В., Шевнина И.В.)

Обнаруженные предметы имеют многочисленные аналогии в памятниках эпохи средневековья евразийских степей. Важным представляется непарность размещённых в составе комплекса стремян. По данным Д.Г. Савинова, пластинчатые и петельчатые стремяна, являясь двумя основными типами в эпоху раннего средневековья, получили параллельное развитие на территории Центральной Азии и Южной Сибири [Савинов 1996: 16].

Петельчатые стремяна отличаются широкой географией распространения. Они являются частой находкой в погребениях кимеков* (*так они должны быть обозначены, согласно мнению востоковедов Б.Е. Кумекова и Ю.А. Зуева [Кумеков 1990: 23; Зуев 1992: 26–38]) Верхнего Прииртышья [Арсланова 1972: табл. I, 18; табл. IV, 16, V, 3; 2013: рис. 3, 14; Трифонов, Ахинжанов 1987: рис. 91, 3–4; Трифонов, Самашев 1987: 94, 17–18; 105, 30, 32–33; Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. 2021: рис. 4, 25–26]. Наиболее ранние материалы из этих памятников датируются 2-й пол. VII – VIII в. [Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. 2021: 116].

Имеются аналогии в тюркских погребениях Сарыарки, на Алтае, Тянь-Шане [Кукушкин и др. 2019: рис. 69; 70, 4; 71, 1; Кубарев 2007: рис. 37, 1, 5, 8; Худяков, Табалдиев 2009: рис. 14, 4]. Такие стремяна обнаружены в курганах № 12 и 40 мог. Преображенка-3 (Барабинская лесостепь) [Молодин и др. 1981: рис. 2, 18; 5, 6], комплект таких же разных стремян происходит из Долоновского погребения в Приангарье [Николаев и др. 2002: рис. 8, 17], из погребения у с. Алмалык (Жетысу) [Tulegenov et al. 2021: fig. 5, 1–2]. Одни авторы предлагают широкую датировку находок, другие ограничивают время существования VIII–IX вв. [Молодин и др. 1981: 135; Николаев и др. 2002: 88; Tulegenov et al. 2021: 129]. Такая же разновидность стремян встречается в памятниках сросткинской культуры: в мог. Сростки (сер. IX – нач. XI в.), в кургане № 9 мог. Боровиково IV (2-я пол. XI в.) [Савинов 1998: 189, рис. 2, 5; Тишкин и др. 2004: 413, рис. 1, 27].

По мнению А.Н. Кирпичникова, такая форма стремян является древнейшей в евразийском пространстве. Во 2-й пол. II тыс. они были распространены на территории от Сибири до Европы, а наибольшей популярностью пользовались в VII–VIII вв. [Кирпичников 1973: 46]. Спустя 50 лет эта датировка претерпела изменения. По данным Н.Н. Серегина, наиболее ранние образцы такой формы датируются 2-й пол. V – 1-й пол. VI в. и связаны географически с Алтаем [Серегин 2013: 196]. На сопредельных территориях они распространяются во 2-й пол. VI – 1-й пол. VII в. [Серегин 2013: 197].

Стремяна с пластинчатым ушком встречаются в тюркских погребениях на Алтае [Кубарев 2005: рис. 37, 7, 9, 11]. Г.В. Кубарев датирует их VIII–IX вв. [Кубарев 2005: 131]. Интересно отметить, что А.Н. Кирпичников, обсуждая пластинчатые стремяна, связал их историю с петельчатыми. По его мнению, обе формы стремян появились в VI–VII вв., получили максимальное распространение в VII–IX вв., отчасти в X в. на огромной территории от Алтая до Венгрии и Чехии, а в XI в.

почти повсеместно вышли из употребления [Кирпичников 1973: 49]. По данным Д.Г. Савинова, наиболее ранние образцы таких стремян связаны с восточными районами Азии и датируются V – сер. VI в. [Савинов 1996: 18]. С.Г. Боталов высказывает мнение, что стремяна с пластинчатым ушком возникают на территории Хазарии (Волго-Донье, Северный Кавказ), здесь они встречаются в большом количестве в памятниках VIII–IX вв. [Боталов 2000: 327]. На территории Южного Урала объекты, содержавшие такие стремяна, датируются IX–X вв. [Боталов 2000: 325].

Однокольчатые удила, среди которых встречаются экземпляры с витыми стержнями, получили широкое распространение в VI–VIII вв. [Овчинникова 1990: 94]. Они известны также на Южном Урале [Боталов 2000: рис. 33, 1; 41, 19, 22; 45], их датировка – IX–X вв. [Боталов 2000: 325]. Такие удила сочетаются с **S-видными псалями**, по мнению исследователей, в VII–IX вв. [Гаврилова 1965: рис. 16] или в VII–VIII вв. [Савинов 2005: 221; Кубарев 2005: 140].

Аналогичный бестамакскому **наконечник стрелы** найден в курганах № 97, 145 Зевакинского могильника, датируемых VIII–IX вв., IX–X вв. [Арсланова 1972: 61, табл. III, 5; 2013: 44, рис. 2, 8], в погребении объекта 26 мог. Карашат I [Трифонов, Самашев 1987: рис. 105, 5–10]. Такие же крупные наконечники встречаются в тюркских погребениях на Алтае, Тянь-Шане [Кубарев 2005: рис. 25, 6–8; Худяков, Табалдиев 2009: рис. 58, 10; 61, 4–7]. В классификации Ю.С. Худякова приведены аналогичные экземпляры с территории Алтая, Тывы, Минусинской котловины и Монголии, они датируются VI–X вв. [Худяков 1986: рис. 65].

Таким образом, на основании приведённых аналогий можно сделать вывод о бытовании всех обнаруженных предметов на протяжении длительного времени: с V/VIII по X/XI вв. Большое значение для определения более узкой хронологии имеет факт наличия непарных стремян – восьмёрковидного и с пластинчатым ушком. По мнению А.К. Амброза, обычай объединять в одном комплекте стремяна этих форм появляется у авар и тюрков в VII–VIII вв. [Амброз 1973: 93]. Данный хронологический период в истории древних тюрков обозначается исследователями как катандинский [Гаврилова 1965: 105]. Среди представленных в комплексе из Бестамака вещей, кроме стремян, к этому времени также относятся однокольчатые удила с S-видными псалями [Савинов 2005: 221; Кубарев 2005: 140]. На этом основании исследуемый комплекс может быть отнесен к VII–VIII вв.

Комплекс содержит в себе предметы воинского и конского снаряжения, при этом погребение человека отсутствует, что позволяет предположить в совершенном действии ритуальный характер. Его назначение возможно выяснить, исходя из состава археологического объекта. Важной деталью обряда также являлось размещение комплекса в сакральном пространстве – на территории некрополя.

Неоднозначная трактовка действий, совершаемых участником или участниками ритуала, создаёт основания для различных терминов в обозначении данной разновидности археологических памятников. В публикациях встречаются следующие названия: – «напутственный комплекс/комплект», «клад», «схрон», «тайник» или «приклад». На данном уровне исследования наиболее подходящим обозначением для такого рода объектов, по нашему мнению, является использование термина «ритуальный воинский комплекс».

Отдельные детали воинского и конского снаряжения обнаружены при исследовании тюркских поминальных оград. На святилище Жайсан 1 (Жамбылская обл.) были найдены наконечник стрелы, фрагмент панцирной пластины [Досымбаева 2006: рис. 8, 4, 5], Жайсан 14 – наконечник стрелы [Досымбаева 2006: рис. 9, 6]. На святилище Момбай-сазы (Жамбылская обл.) в основании плиты, расположенной в центре ограды, был найден железный наконечник стрелы [Мотов 2001:

145, рис. 6]. Железные панцирные пластины, наконечники копья, стрел обнаружены при раскопках оград Иссык, Актерек (Жетысу) [Григорьев, Загородний 1995: рис. 2; Самашев и др. 2005: 139, 142]. Среди камней оград № 5 и 6 комплекса Кабантау (Сарыарка) лежали бронзовая поясная пряжка и железная панцирная пластина [Бейсенов и др. 2018: 71–72, рис. 9]. При исследовании святилища Ащекен Сораны (Сарыарка) были также зафиксированы определённые предметы. В заполнении ограды № 5 находился фрагмент бронзового псаля, при расчистке развала камней вокруг сооружения № 10 обнаружен железный наконечник стрелы, в заполнении сооружения № 10а – обломок лезвия железного ножа и фрагмент керамики [Кукушкин и др. 2019: 58, 60, рис. 38; 42; 71, 4]. Частью ритуальной деятельности древних тюрков Алтая являются небольшие каменные или деревянные ящики, которые строили при возведении оград. В них находят предметы воинского и конского снаряжения, ножи, деревянное блюдо, серебряный сосуд, фрагменты керамики, кости животных, слой золы, угли [Серегин, Шелепова 2015: 63].

Интерес представляет также обнаружение воинского «схрона»* (*термин авторов публикации) тюркского времени в каменной расщелине на склоне горы Ак-Кая (Алтай) [Мамадаков и др. 2017: 30]. Комплекс содержал железные предметы вооружения: меч и два стремени [Мамадаков и др. 2017: рис. 2–5]. На вершине насыпи древнетюркского кургана Карагайлы 2 (Сарыарка) были найдены железные удила [Досымбаева, Нұсқабай 2012: 102-б., 34-фото]. В западной части кургана № 29 мог. Уелги (Южное Зауралье) находилась яма с богатым «тайником»* (*термин авторов публикации), содержащим предметы воинского снаряжения – палаш с портупеей, пояс, наконечники стрел от двух колчанов, а также украшения: серьгу, два браслета с бубенчиками, ажурную подвеску, два флаконовидных изделия [Грудочко, Боталов 2013: 126, рис. 18].

Следы такой ритуальной деятельности, где прослеживается символическое замещение определёнными предметами человека, мы также обнаруживаем на многих памятниках эпохи средневековья. Особый интерес для раскрытия символики бестамакского комплекса представляют материалы древнетюркского времени, которые обнаружены в западных пределах территории, занимаемой первыми Тюркскими каганатами. Речь идёт о богатейших вещевых комплексах типа Малой Перещепины, не содержащих никаких костных останков. По мнению А.В. Комара, они представляют собой «напутственные комплексы» [Комар 2006: 18]. У древних тюрков фиксируется разделение места погребения и места тризны [Комар 2006: 14]. Аналогичная традиция была отмечена у знатных гуннов. Тризна маркировалась с помощью предметов, символизирующих человека, воина в первую очередь (поэтому такие комплексы содержат предметы конского и воинского снаряжения) [Комар 2013: 89].

У кимеков также существовала практика символического обозначения человека при совершении погребального обряда. В имитациях погребения присутствуют предметы конского и воинского снаряжения: в погребении объекта 6 мог. Джартас – в яме на дне находились сабля, колчан, лук, удила, седло целиком или частично, причём, один из наконечников был положен поверх сабли и обращён в сторону её острия, в противоположном направлении, по сравнению с остальными [Трифонов 1987: 116–121, рис. 62, 3]; в погребении 2 объекта 14 мог. Измайловка, которое являлось кенотафом, лежали колчан со стрелами и удила [Трифонов, Ермолаева 1987: рис. 72, 3].

Немаловажную роль в исследовании предметной символики эпохи средневековья играют материалы из храма Елеке сазы (Тарбагатай), возведённого в честь одного из «удельных» каганов Западнотюркского каганата. Здесь были зафиксированы приклады с различными предметами, основной комплекс содержал стремени, подпружные пряжки, наконечники стрел, удила с псалями,

клевец, ножи, тесло, распределители ремней, панцирные пластины, кольца и другие изделия [Самашев 2022: 177–178].

Следует отметить, что элементы воинской культуры, к которым относятся детали воинского и конского снаряжения, обретают высокое символическое значение уже в предшествующее время – в период ранних кочевников.

Особую категорию кладов эпохи ранних кочевников в Жетысу представляют комплексы, сохранившие предметы вооружения и конского снаряжения. Наиболее часто они локализуются «под курганной насыпью у края могильной ямы, на уровне древней поверхности, на площади могильника» [Джумабекова, Базарбаева 2013: 17–20; 27]. По данным Г.С. Джумабековой и Г.А. Базарбаевой, такие клады встречаются на юго-востоке Европы, Северном Кавказе, Алтае, Внутреннем Тянь-Шане, в Восточном Казахстане, Тыве [Джумабекова, Базарбаева 2013: 32].

Характерным элементом ритуальной деятельности в эпоху ранних кочевников на территории Сарыарки является размещение предметов конского снаряжения возле курганов и ритуальных объектов. Так, в околочурганном жертвеннике № 4 кургана 14 мог. Бақыбулак были зафиксированы псалий, удила, застёжки, распределители ремней [Бейсенов 2015: рис. 4], в жертвеннике № 5 того же кургана – удила, бляшка, подпружные пряжки [Бейсенов 2015: рис. 5]. В ямке, вырытой за пределами каменного кольца № 3 на р. Карагайлы, найдены золотые пластинки, железные бляхи, бляшки, а также распределители ремней, крюк, стержень [Варфоломеев 2017: рис. 3]. Также обращает на себя внимание факт обнаружения наконечников стрел, датируемых VI–IV вв. до н.э., при исследовании курганов, расположенных в окрестностях г. Житикара (Житикаринский р-н, Костанайская обл.) – на вершине, на склонах, у подножия насыпи, в межкурганном пространстве [Базарбаева и др. 2023: 106].

Значительный интерес представляют находки комплектов конского снаряжения в сарматских женских погребениях. Представительный ритуальный комплекс, состоящий из пяти комплектов снаряжения, был зафиксирован в богатом женском погребении кургана № 6 мог. Таксай I (Западный Казахстан) [Лукпанова 2014].

На памятнике Алтынказган (п-ов Мангышлак, Западный Казахстан) в состав обнаруженных исследователями «кладов» вошли такие статусные предметы, как серебряные с позолотой детали конского снаряжения, фрагменты позолоченного пояса, седло, украшенное серебряными обкладками [Астафьев, Богданов 2015; 2018]. «Клады», датируемые авторами сер. I тыс. н.э., были размещены в пределах ритуальных оград предшествующего времени (объекты № 15, 168) [Астафьев, Богданов 2018: 73, 75].

О наличии такого рода действий по символическому замещению человека определёнными предметами в ещё более раннее время свидетельствуют материалы мог. Измайловка (Восточный Казахстан). На объекте переходного от эпохи бронзы к раннему железному веку периода – ограда 17 мог. Измайловка, обнаружены предметы конского снаряжения, расположенные в «сложенном виде» в 0,65 м к юго-западу от ящика, содержавшего погребение [Ермолаева 2012: 56–57, рис. 58; 59, 11, 12, 14, 16, 17]. Отдельные вещи находились в пределах ограды, также была обнаружена серебряная серьга [Ермолаева 2012: рис. 62, 8]. Ещё один приклад выявлен при исследовании кургана раннего железного века, находящегося также в составе данного могильника [Ермолаева 2012: 74, рис. 78, 1–4].

4 Результаты (Хасенова Б.М., Логвин А.В., Шевнина И.В.)

Важно отметить состав и условия обнаружения ритуальных комплексов. Традиция размещения предметов конского снаряжения в виде отдельного комплекса фиксируется в евразийских степях, начиная с переходного от бронзового к раннему железному веку периода. Иногда в него бывают включены предметы вооружения. В эпоху средневековья в состав таких ритуальных комплексов нередко входят предметы воинского снаряжения – панцирные пластины, наконечники стрел, копье, колчаные крюки, детали поясной гарнитуры.

Интерес представляет также факт обнаружения в составе «тайников», «кладов», «прикладов» эпохи раннего средневековья именно предметов конского снаряжения и вооружения. В подавляющем большинстве их обнаруживают при исследовании оградок, также встречаются в околокурганном пространстве. Предметы из комплекса VII–VIII вв., обнаруженного на мог. Бестамак, видимо, обозначают символически своего владельца. Судя по данным этнографии тюркских народов, символика предметов конского и воинского снаряжения неразрывно связана с образом воина. Так, в тувинской сказке «Хайындырынмай Багай-оол» о воинском и конском снаряжении говорится:

Его положено надевать
и когда к Эрлику отправляться,
и когда на войну отправляться
и когда к всевышнему отправляться.

[Хайындырынмай Багай-оол 1994: 82].

Интересный обряд «Үзеңгіден өткізу»* (*в переводе с каз. яз.: «үзеңгі» – стремя, «өткізу» – проводить) зафиксирован этнографом А. Тохтабаем. После 40 дней ребёнка переносили через стремя, принадлежащее знаменитым людям. В момент, когда всадник убирал ногу из стремени, ребёнка проносили под путлищем [Тохтабай 2004: 7]. Тем самым не только собственно оружие, но и снаряжение коня играло важную роль в языке символов тюркоязычных народов.

Следует также обратить внимание на обнаружение в комплексе колчанного крюка. По мнению Г.В. Кубарева, такие изделия могли осуществлять функции пряжки для саадачных поясов [Кубарев 2005: 93]. Эту информацию дополняет находка ещё одного предмета вооружения. Наличие в составе наконечника стрелы также позволяет предположить, что данный ритуальный комплекс предназначался для воина-лучника.

В целом, на основании изучения памятников тюркской археологии Алтая, исследователями выделяются следующие ритуальные памятники рассматриваемой эпохи – это ограды, которые сопровождаются изваяниями, балбалами, столбовыми или жертвенными ямками, ящиками и захоронениями лошадей [Серегин, Шелепова 2015: 47]. Отмечаются также объекты, расположенные рядом с курганами, к их числу относятся изваяния, стелы, балбалы, каменные «кольца», выкладки округлой или квадратной формы, миниатюрные оградки, округлые или подквадратные «пристройки», «ритуальные» курганы (насыпи без погребения) [Серегин, Шелепова 2015: 79–87].

Анализируемый воинский комплекс из Бестамака позволяет расширить наши представления о сакральных практиках населения евразийских степей эпохи раннего средневековья.

5 Заключение (Логвин А.В., Хасенова Б.М., Шевнина И.В.)

Таким образом, на основании выявленных аналогий ритуальный воинский комплекс из мог. Бестамак датируется VII–VIII вв. Важно отметить, что он оказался включённым в сакральное пространство некрополя предшествующего времени. Предметы конского снаряжения и многие предметы вооружения в составе погребального обряда в эпоху средневековья гендерную инфор-

мацию в себе не несли. Но устойчивость состава таких ритуальных комплексов – зачастую они содержат предметы конского и/или воинского снаряжения, условия их размещения – в кенотафах, оградках, в околокурганном пространстве и так далее, позволяют предположить, что они были задействованы в каких-то обрядовых действиях, связанных с воинской культурой. Предметы из комплекса мог. Бестамак являлись символическим обозначением своего владельца – воина-лучника. На данном уровне исследования этих археологических памятников, вопрос о причине появления остается открытым, необходимо выяснить, почему они появляются в обрядовой деятельности тюркских племён помимо кенотафов – символических погребений.

В раннем средневековье представлено значительное количество вариантов ритуальных объектов, в которых содержатся предметы, обозначающие символически мужчин-воинов, в свою очередь, следов аналогичных обрядовых действий, которые можно было бы связать с женщинами, не отмечено.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–98.
- 2 Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане: сб. статей / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56–76.
- 3 Арсланова Ф.Х. Воинские захоронения кимаков в Зевакинском могильнике // Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья / Под общ. ред. З. Самашева, сост. Б.М. Хасенова. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 28–92.
- 4 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Парадное седло из Алтынказгана (полуостров Мангышлак, Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 4. С. 72–84.
- 5 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Жертовенные приношения вещей гуннского облика в каменных оградках Алтынказгана на восточном берегу Каспийского моря // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2. С. 68–78.
- 6 Базарбаева Г., Джумабекова Г., Сеитов А., Жамбулатов К. К археологии Притоболья: анализ случайных находок наконечников стрел (VI–IV вв. до н.э.) из окрестностей г. Житикара: (Северный Казахстан) // Археология Казахстана. 2023. № 2 (20). С. 103–116.
- 7 Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 73–84.
- 8 Бейсенов А.З. Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 4. С. 96–104.
- 9 Бейсенов А.З., Хасенова Б.М., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б. Курган с «усами» Кабантау в Центральном Казахстане // Вестник Дагестанского научного центра. 2018. № 71. С. 64–76.
- 10 Боталов С.Г. Поздняя древность и средневековье / Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 494 с.
- 11 Варфоломеев В.В. Каменные жертвенные кольца на р. Карагайлы в верховьях Ишима // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. В 2-х т. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 90–95.
- 12 Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с., вкл.
- 13 Григорьев Ф.П., Загородний А.С. Средневековые поминальные оградки могильника Иссык // Изучение памятников археологии Алтайского края: м-лы конф. Барнаул: НПЦ «Наследие», 1995. Вып. 5. С. 176–181.
- 14 Грудочко И.В., Боталов С.Г. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI вв. (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) // II Международный Мадыарский симпозиум: сб. научн. тр. / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 110–138.
- 15 Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Художественные бронзы Жетысу. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 120 с.

- 16 Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: Комплекс, 2006. 168 с.
- 17 Досымбаева А., Нұсқабай А. Құмай түркілік археологиялық-этнографиялық кешені. Астана, 2012. 146 б.
- 18 Зуев Ю.А. Этнокультурные связи ранних кимеков // Известия АН РК. 1992. № 5. С. 26-38.
- 19 Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы: ИА КН МОН РК, 2012. 238 с., ил.
- 21 Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья: сб. статей / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. Т. 5. С. 245-374.
- 22 Комар А.В. Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. научн. тр. / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 88-109.
- 23 Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. 400 с.
- 24 Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шариязданов О.К. Археологические исследования объекта тюркского периода «Ащекен Сораны» // Алтаистика, тюркология, монголистика. 2019. № 1. С. 49-128.
- 20 Кумеков Б.Е. Об этническом составе кыпчаков XI – начала XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: м-лы конф. / Отв. ред. Б.А. Литвинский, Т.А. Жданко. Вып. 2. История и археология. М.: Наука, 1990. С. 119-130.
- 25 Лукпанова Я.А. Комплекты конского снаряжения кургана № 6 комплекса Таксай 1 (предварительный обзор) // Всадники Великой степи. Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана / Отв. ред. А. Онгар. Т. IV. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 149-160.
- 26 Мамадаков Ю.Т., Кунгуров А.Л., Чекурашев А.Г., Барзынов Я.Р. Воинский схрон тюркского времени на горе Ак-Кая (Онгудайский район, Республика Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2 (18). С. 30-40.
- 27 Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. Погребения тюркского времени из могильника Перебраженка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы западносибирской археологии эпохи железа: сб. ст. / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 123-137.
- 28 Мотов Ю.А. Раннесредневековые каменные оградки урочища Момбай-Сазы // История и археология Семиречья: сб. ст. / Отв. ред. А.Н. Марьяшев, Ю.А. Мотов. Алматы: ОФ «Родничок», 2001. Вып. 2. С. 142-149.
- 29 Николаев В.С., Дзюбас С.А., Белоненко В.В. Средневековые погребения по обряду кремации на территории Приангарья // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование: сб. ст. / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2002. Вып. 2. С. 85-100.
- 30 Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Екатеринбург: УрГУ, 1990. 223 с.
- 31 Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные вопросы сибирской археологии: тез. докл. конф. / Отв. ред. А.Б. Шамшин. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 16-20.
- 32 Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии / Отв. ред. А.В. Эбель. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. № 3. С. 175-190.
- 33 Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филологический ф-т СПбГУ, 2005. С. 183-346.
- 34 Самашев З. Образ тюркского кагана в торовитке малых форм (по материалам культово-поминального комплекса Елеке сазы в Восточном Тарбагатае) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34. № 4. С. 163-190.
- 35 Самашев З., Григорьев Ф., Джумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: Казиздат КТ, 2005. 184 с.
- 36 Серегин Н.Н. Появление и первоначальное распространение петельчатых стремян (хронологический и этнокультурный аспекты) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-1 (80). С. 194-198.
- 37 Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я пол. I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.

- 38 Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнологии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, ч. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 410-415.
- 39 Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Тюркское погребение в сопровождении коней из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3 (54). С. 107-118.
- 40 Токтабай А. Культ коня у казахов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2004. 124 с.
- 41 Трифонов Ю.И. Джартаг // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 115-129.
- 42 Трифонов Ю.И., Ахинжанов С.М. Акчий III // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 168-176.
- 43 Трифонов Ю.И., Ермолаева А.С. Измайловка // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 135-141.
- 44 Трифонов Ю.И., Самашев З.С. Карашат I // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 176-215.
- 45 Tulegenov T., Besetayev B., Khassenova B. New data on the culture of the ancient Turks of Zhetysay // Археология Казахстана. 2021. № 4 (14). Рр. 121-133.
- 46 Хайындырынмай Багай-оол // Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, 1994. С. 50-225.
- 47 Хасенова Б.М. Средневековый Тургай: погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, предметный мир // Культура населения Тургай и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 51-98.
- 48 Хасенова Б.М., Хабдулина М.К. Зеркала в погребальной обрядности населения Сарыарки в эпоху Золотой орды // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 297-309.
- 49 Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- 50 Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Алтае. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 292 с.

REFERENCES

- 1 Ambroz, A. K. 1973. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)*, 4, 81-98 (in Russian).
- 2 Arslanova, F. Kh. 1972. In: Akishev, K. A. (ed.). *Poiski i raskopki v Kazahstane (Searches and excavations in Kazakhstan)*. Almaty: "Nauka" Publ., 56-76 (in Russian).
- 3 Arslanova, F. Kh. 2013. In: Samashev, Z. (ed.), Khassenova, B. M. (compl.). *Ocherki srednevekovoy arheologii Verhnego Priirtyshiya (Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh region)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 28-92 (in Russian).
- 4 Astafiev, A. E., Bogdanov, E. S. 2015. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 4, 72-84 (in Russian).
- 5 Astafiev, A. E., Bogdanov, E. S. 2018. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 2, 68-78 (in Russian).
- 6 Bazarbayeva, G., Jumabekova, G., Seitov, A., Zhambulatov, K. 2023. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (20), 103-116 (in Russian).
- 7 Bayar, D. 2004. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 4, 73-84 (in Russian).
- 8 Beisenov, A. Z. 2015. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk State University Journal)*, 4, 96-104 (in Russian).
- 9 Beisenov, A. Z., Khasanova, B. M., Akhiyarov, I. K., Duysenbay, D. B. 2018. In: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra (Bulletin of the Dagestan Scientific Center)*, 71, 64-76 (in Russian).
- 10 Botalov, S. G. 2000. In: *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zauraliya. V 2 t. T. II. Ranniy zheleznyy vek i srednevekovie (Ancient history of the Southern Trans-Urals. In 2 vol. Vol. 2. Early Iron Age and Middle Ages)*. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).
- 11 Varfolomeev, V. V. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie. V 2 t. T. II (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation. In 2 vol. Vol. 2)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; Scientific Center of History and Archaeology "Begazy-Tasmola", 90-95 (in Russian).

- 12 Gavrilova, A. A. 1965. *Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen (Burial ground Kudyrge as a source on the history of the Altai tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 13 Grigoriev, F. P., Zagorodniy, A. S. 1995. In: *Izucheniye pamyatnikov arheologii Altayskogo kraya. Vyp. 5 (The study of archaeological monuments of the Altai Territory. Issue 5)*. Barnaul: Research and Production Center "Heritage", 176-181 (in Russian).
- 14 Grudochko, I. V., Botalov, S. G. 2013. In: Botalov, S. G., Ivanova, N. O. (eds.). *II Mezhdunarodnyi Madyarskiy simpozium (2nd International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: "Riphey" Publ. (in Russian).
- 15 Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., 2013. *Khudozhestvennye bronzy Zhetysu (Artistic bronzes of Zhetysu)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 16 Dosymbayeva, A. M. 2006. *Zapadnyi Tyurkskiy kaganat. Kulturnoe nasledie kazahskikh stepey (Western Turkic Khaganate. Cultural heritage of the Kazakh steppes)*. Almaty (in Russian).
- 17 Dosymbayeva, A. M., Nuskabay, A. 2012. *Kumay turktik arheologiyalyk-etnografiyalyk kesheni (Turkic archaeological and ethnographic complex Kumay)*. Astana (in Kazakh, Russian, English).
- 18 Zuev, Yu. A. 1992. In: *Izvestiya Akademii nauk Respubliki Kazakhstan (News of the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)*, 5, 26-38 (in Russian).
- 19 Ermolaeva, A. S. 2012. *Pamyatniki predgornoj zony Kazahskogo Altaya (epoha bronzy – rannee zhelezo) (Monuments of the foothill zone of the Kazakh Altai (Bronze Age – Early Iron Age))*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 20 Komar, A. V. 2006. In: Evglevskiy A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epohu srednevekovya. T. 5 (Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 5)*. Donetsk: Donetsk National University, 245-374 (in Russian).
- 21 Komar, A. V. 2013. In: Botalov, S. G., Kradin, N. N., Lyubchanskij I. E. (eds.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kultury evraziyskikh gunnov (Hun forum. Problems of the Origin and Identification of the Culture of the Eurasian Huns)*. Chelyabinsk: South Ural State University, 88-109 (in Russian).
- 22 Kubarev, G. V. 2005. *Kultura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov) (The culture of the ancient Turks of the Altai (based on funerary monuments))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS (in Russian).
- 23 Kukushkin, I. A., Loman, V. G., Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A., Shariyazdanov, O. K. 2019. In: *Altaistika, tyurkologiya, mongolistika (Altaistics, Turkology, Mongolian studies)*, 1, 49-128 (in Russian).
- 24 Kumeikov, B. E. 1990. In: Litvinsky, B. A., Zhdanko, T. A. (eds.). In: *Problemy etnogeneza i etnicheskoj istorii narodov Sredney Azii i Kazakhstana. Vyp. 2. Istoriya i arheologiya (Problems of ethnogenesis and ethnic history of the peoples of Central Asia and Kazakhstan. Iss. 2. History and archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 119-130 (in Russian).
- 25 Lukpanova, Ya. A. 2014. In: Onggaruly, A. (ed.). In: *Vsadniki Velikoy stepi. Trudy Filiala Instituta arheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana. T. IV (Horsemen of the Great Steppe. Proceedings of the Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana. Vol. IV)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 149-160 (in Russian).
- 26 Mamadakov, Yu. T., Kungurov, A. L., Chekurashev, A. G., Barzynov, Ya. R. 2017. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 2 (18), 30-40 (in Russian).
- 27 Molodin, V. I., Savinov, D. G., Elagin, V. S. 1981. In: Troitskaya, T. N. (ed.). In: *Problemy zapadnosibirskoy arheologii epohi zheleza (Problems of West Siberian archaeology of the Iron Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 123-137 (in Russian).
- 28 Motov, Yu. A. 2001. In: Maryashev, A. N., Motov, Yu. A. (eds.). *Istoriya i arheologiya Semirechiya. Vyp. 3 (History and archaeology of Semirechye. Iss. 3)*. Almaty: Public Fund «Rodnichok», 142-149 (in Russian).
- 29 Nikolaev, V. S., Dzyubas, S. A., Belonenko, V. V. 2002. In: Harinskiy, A. V. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Bajkalskoj Sibiri: izucheniye, ohrana i ispolzovanie. Vyp. 2 (Archaeological heritage of Baikal Siberia: study, protection and use. Iss. 2)*. Irkutsk: Institute of Geography SB RAS, 85-100 (in Russian).
- 30 Ovchinnikova, B. B. 1990. *Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekah (Turkic Antiquities of Sayan-Altai in the 6th–10th centuries)*. Sverdlovsk: Uralsk State University (in Russian).
- 31 Savinov, D. G. 1996. In: Shamshin, A. B. (ed.). In: *Aktualnye voprosy sibirskoy arheologii*. Barnaul: Altai University, 16-20 (in Russian).
- 32 Savinov, D. G. 1998. In: Ebel, A. V. (ed.). *Drevnosti Altaya. Vyp. 3 (Antiquities of Altai. Iss. 3)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 175-190 (in Russian).

- 33 Savinov, D. G. 2005. In: Klyashtorny, S. G., Savinov, D. G. *Stepnye imperii drevney Evrazii (Steppe empires of ancient Eurasia)*. Saint Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University (in Russian).
- 34 Samashev, Z. 2022. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 4, 163–190 (in Russian).
- 35 Samashev, Z., Grigoriev, F., Jumabekova, G. 2005. *Drevnosti Almaty (Antiquities of Almaty)*. Almaty: Kazizdat KT (in Russian).
- 36 Seregin, N. N., 2013. In: *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)*, 4-1 (80), 194-198 (in Russian).
- 37 Seregin, N. N., Shelepova, E. V. 2015. *Tyurkskie ritualnye komplekсы Altaya (2-ya polovina I tys. n.e.): sistematizatsiya, analiz, interpretatsiya (Turkic ritual complexes of Altai (2nd half of the 1st millennium AD): systematization, analysis, interpretation)*. Barnaul: “Azбука” Publ. (in Russian).
- 38 Tishkin, A. A., Dashkovskiy, P. K., Gorbunov, V. V. 2004. In: *Problemy arheologii, etnologii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy. T. X (Problems of archaeology, ethnology, anthropology of Siberia and adjacent territories. Vol. X)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS, 410-415 (in Russian).
- 39 Tkachev, A. A., Tkachev, A. I. 2022. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 3, 107-118 (in Russian).
- 40 Toktabay, A. 2004. *Kult konya u kazakhov (The cult of the horse among the Kazakhs)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 41 Trifonov, Yu. I. 1987. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoy gidroelektrostantsii (Archaeological sites in the flood zone of the Shulba hydroelectric power station)*. Almaty: “Nauka” Publ., 115-129 (in Russian).
- 42 Trifonov, Yu. I., Akhinjanov, S. M. 1987. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoy gidroelektrostantsii (Archaeological sites in the flood zone of the Shulba hydroelectric power station)*. Almaty: “Nauka” Publ., 168-176 (in Russian).
- 43 Trifonov, Yu. I., Ermolaeva, A. S. 1987. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoy gidroelektrostantsii (Archaeological sites in the flood zone of the Shulba hydroelectric power station)*. Almaty: “Nauka” Publ., 135-141 (in Russian).
- 44 Trifonov, Yu. I., Samashev, Z. S. 1987. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoy gidroelektrostantsii (Archaeological sites in the flood zone of the Shulba hydroelectric power station)*. Almaty: “Nauka” Publ., 176-215 (in Russian).
- 45 Tulegenov, T., Besetayev, B., Khassenova, B. 2021. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (14), 121-133 (in English).
- 46 Hajyndyrynmaaj Bagaj-ool, 1994. In: *Tuvinskie narodnye skazki (Tuva folk tales)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 50-225 (in Tuvan, Russian).
- 47 Khassenova, B. M. 2017. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epokha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and era)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 51-98 (in Russian).
- 48 Khassenova, B. M., Khabdulina, M. K. 2017. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 4 (22), 297-309 (in Russian).
- 49 Khudyakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii (Armament of medieval nomads of South Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 50 Khudyakov, Yu. S., Tabaldiev, K. Sh. 2009. *Drevnie tyurki na Altae (Ancient Turks in Altai)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and ethnography SB RAS (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 17.08.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 05.09.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 05.09.2023.

The medieval town Kyshkala (Kyshtobe) – Barshynkent (Barshynly): archaeological research, localization and dating

© 2023 Taleev D., Moldakhmet A.

Keywords: archaeology, Altyn Orda, Syrdarya, Barshynkent, Kyshkala, town, excavation, mausoleum, burial places

Түйін сөздер: археология, Алтын Орда, Сырдария, Баршынкент, Қышқала, қала, қазба, кесене, жерлеу орындары

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Сырдарья, Баршынкент, Кышкала, город, раскопки, мавзолей, захоронения

Dokey Taleev¹ and Arhad Moldakhmet^{2*}

¹Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: doc19_59@mail.ru

^{2*}Corresponding author, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. E-mail: arhadkz@mail.ru

A significant number of cult objects of the Golden Horde era are concentrated on the territory of Kazakhstan: mausoleums, madrassas, underground graves, memorial structures such as cities, towns, fortresses and caravanserais. Currently, archaeological research of these monuments and their integration into scientific discourse is one of the most important works. Concurrently, one of the most pressing issues is the formation of cities and settlements of the Jochi Ulus and the assessment of its development process. Identifying specific features in the history of individual cities and determining their relationship with other cities requires comprehensive scientific inquiry. The vast majority of the cities of the Golden Horde era are concentrated along the old riverbeds of the Syrdarya River, along the rivers Inkardarya, Zhanadarya, Kuandarya and near the Aral Sea. This region held immense social, political, and cultural significance for people throughout various historical epochs. When exploring the region's history, the Golden Horde-era monuments take precedence. In the era of the Golden Horde, one of the largest cultural and spiritual centers was the medieval city of Kyshkala (Kyshtobe) – Barshynkent (Barshynlyk). After many years of research in Kyshkala, two mausoleums were discovered, the remains of an octagonal structure (Zaviya) primarily constructed using fired bricks, along with the locations where these bricks were produced (kilns), simple burials, residential complexes, and sites dedicated to rituals and commemorative purposes.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2025, IRN BR20280993.

For citation: Taleev, D., Moldakhmet, A. 2023. The medieval town Kyshkala (Kyshtobe) – Barshynkent (Barshynly): archaeological research, localization and dating. *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 151–163 (in English). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.151.163](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.151.163)

**Докей Әбдікерімұлы Талеев¹,
Архад Айтжанұлы Молдахмет^{2*}**

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ. Қазақстан

^{2*} корреспондент-автор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан

**Докей Абдикеримович Талеев¹,
Архад Айтжанұлы Молдахмет^{2*}**

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

^{2*}автор-корреспондент, Казахский национальный университет им. аль Фараби, г. Алматы, Казахстан

**Ортағасырлық Қышқала қаласы (Қыштөбе) –
Баршынкент (Баршынлы):
археологиялық зерттеулер, локализация
және мерзімдеу**

Қазақстан территориясында Алтын Орда дәуірінің культтік нысандар: кесенелер, медреселер, жер асты жерлеу орындары; мемориалдық құрлыстар: қалалар, елді мекендер, бекіністер, керуен сарайлар өте көп шоғырланған. Қазіргі күнде осы ескерткіштерді археологиялық тұрғыдан зерттеу және оны ғылыми айналымға енгізу аса маңызды жұмыстардың бірі. Сонымен қатар Жошы ұлысындағы қалалар мен елді мекендерінің қалыптасуы және оның даму үдерісін бағамдау өте өзекті мәселе болып табылады. Жекелеген қалалардың тарихындағы өзіндік ерекшеліктерін анықтау және олардың басқа қалалармен өзара арақатынасын айқындау кешенді ғылыми зерттеулерді қажет етеді. Алтын Орда дәуіріндегі қалалардың басым көпшілігі Сырдария өзенінің ескі арналары Іңкәрдария, Жаңадария, Қуандария бойында және Арал теңізі маңында шоғырланған. Бұл аймақ әрқилы тарихи кезеңдердегі халықтар үшін әлеуметтік маңызы жоғары, саяси және мәдени орталықтардың бірі болды. Өлке тарихын зерттеуде ең алдымен Алтын Орда дәуірі ескерткіштері назарға алынады. Алтын Орда дәуірі кезінде ірі мәдени және рухани орталықтардың бірі болған – ортағасырлық Қышқала (Қыштөбе) Баршынкент (Баршынлық) қаласы. Ортағасырлық Қышқала қаласына бірнеше жыл бойы жүргізілген зерттеулер нәтижесі құрылыс материалы ретінде негізінен қыш кірпіштер қолданылған екі кесене, сегіз қырлы ғимарат (Завия) орны және оның кірпішін дайындауға арналған орын (пеш), қарапайым жерлеу орындары, тұрғын үй кешендері мен ғұрыптық-мемориалдық құрылыс нысандарының орындары ашылды.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің нысаналы қаржыландыру бағдарламасы 2023–2025, ЖТН BR20280993 аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Талеев Д.Ә., Молдахмет А.А. Ортағасырлық Қышқала қаласы (Қыштөбе) – Баршынкент (Баршынлы): археологиялық зерттеулер, локализация және мерзімдеу. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 151–163-бб. (Ағылшынша). DOI: 10.52967/akz2023.3.21.151.163

**Средневековый город Кышкала (Кыштөбе) –
Баршынкент (Баршынлы):
археологические исследования, локализация
и датировка**

На территории Казахстана сосредоточено большое количество культовых объектов эпохи Золотой Орды: мавзолеев, медресе, подземных захоронений; мемориальных сооружений: городов, посёлков, крепостей, караван-сараяв. В настоящее время археологические исследования этих памятников и их введение в научный оборот являются одной из важнейших работ. Вместе с тем, одним из наиболее актуальных вопросов является формирование городов и населённых пунктов Улуса Джучи и оценка процесса его развития. Выявление специфических особенностей в истории отдельных городов и определение их взаимосвязи с другими городами требует комплексных научных исследований. Подавляющее большинство городов эпохи Золотой Орды сосредоточено по старым руслам реки Сырдарья, вдоль рек Инкардарья, Жанадарья, Куандарья и вблизи Аральского моря. Этот район был одним из самых социально значимых, политических и культурных центров для народов разных исторических периодов. При изучении истории края в первую очередь принимаются во внимание памятники эпохи Золотой Орды. В эпоху Золотой Орды одним из крупнейших культурных и духовных центров был средневековый город Кышкала (Кыштөбе) – Баршынкент (Баршынлык). В результате многолетних исследований средневекового города Кышкала были открыты два мавзолея, место восьмиугольного здания (Завия), в качестве строительного материала которого в основном использовались жжённые кирпичи, и места его изготовления (печи), простых захоронений, жилых комплексов и ритуально-мемориальных строительных объектов.

Источник финансирования: Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта BR20280993.

Для цитирования: Талеев Д.А., Молдахмет А.А. Средневековый город Кышкала (Кыштөбе) – Баршынкент (Баршынлы): археологические исследования, локализация и датировка. *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 151–163 (на англ. яз.). DOI: 10.52967/akz2023.2.20.151.163

1 Introduction (Taleev D., Moldakhmet A.)

The ancient town Kyshkala (Kyshtobe), 2 km south of the Kogalykol village, 30 km to the southwest of Kyzylorda, has been known to researchers since the second half of the 19th century. The first information about Kyshkala was given in the article of V. Kallaur, the prominent member of the Turkestan archaeological

society. V. Kallaur indicated the location of Kysh-Kala (Gysh-Kala) on the left bank of the Syrdarya near Tomarotkel, 25–30 km from the town of Perovsk in his article “The ancient towns of Sagnak (Sunak), Ashnas or Eshnas (Asanas) and others in the Perovsky district, destroyed by Genghis Khan in 1219” and suggested looking for location of the town of Zhent in this vicinity [Каллаур 2011: 211].

Despite a thorough survey of the territory by S.P. Tolstov, the head of the Khorezm archaeological-ethnographic expedition (KhAEE), we cannot find any mention about Kyshkala in his reports and works. Only B.V. Andryanov indicated the place of Kyshkala as Kysh tobe (*Kysh hill*) on the map about archaeological sites between Amudarya and Syrdarya. A. Kh. Margulan wrote, “Barchinkent (Barchinlykent) is one of the largest site in the lower reaches of the Syrdarya. It may have been a fortified town of considerable size defending the route of Zhent and Zhankent from the Mongols. The place of ancient Barchynkent today is located between Kyzylorda and Shieli and it is called as Kyz-kala” [Маргулан 1950: 76–78]. The town was indicated as ruins of separate buildings 25 km southwest of Kyzylorda under the name Kyzkala in the “Archaeological Map of Kazakhstan” published by K.A. Akishev in 1960 [AKK 1960: 225, № 3318].

In 1960, the well-known writer A. Konyratbayev together with G. Musabayev conducted monitoring work in Kyshkala. After A. Konyratbayev wrote the next: “Kyshkala is a small palace (orda) built of clay <...>, we dug up several meters of land and found a finger-sized painted pot made of burnt bricks. It contains 25 grams of water, the handle is broken. A silver coin was found under this hill. There, I found a gold coin on the surface” [Қоңыратбаев 1987: 336; 2004: 151]. In addition, A. Konyratbayev referred that the bones of a man, a horse, and fragments of painted pot were found in the grave in Kyshkala: “But there is no trace of a castle here (referring to Kyshkala – author’s note) <...> The name “Kyshkala” is probably a word in the oral speech of the people. There is no name of such a town along the Syrdarya” [Қоңыратбаев 1987: 336]. According to the elder Islambek, a resident of Kogalykol village near Kyshtobe, A.Kh. Margulan returned there with Konyratbayev in 1976. During that trip, a small vase with copper coins was found. A. Kh. Margulan took the vase with him. However, the academician did not give any written information about that trip. Apparently, his manuscript was not published.

In 1990, the first archaeological excavations were carried out on the Kyshkala by Kyzylorda State Pedagogical Institute teacher T. Mamiyev with the group of students led by M. Eleuov and with the participation of D. Taleev specially invited from Al-Farabi Kazakh National University [Мәмиев 1999: 27]. On the course of excavations carried out in Kyshkala in the 1990s, information about discovered structure, archaeological finds were briefly written in T. Mamiev’s dissertation work for the candidate of historical sciences on the topic “Towns of the Aral Region in the Late Middle Ages (13th–18th centuries)” [Мәмиев 2000: 64–69].

When carrying out archaeological work on Kyshkala located 2 km southeast of Kogalykol village, T. Mamiev paid attention to the ruins of religious, public and civil buildings consisting of round hills. The following dimensions of the ruins he documented in his report: the diameter of the first hill is 200 m, the height is 2 m, the diameter of the second hill is 300 m, the height is 2.5 m, the diameter of the third hill is 300 m, the height is 3 m, the diameter of the fourth hill is 500 m, the height is 5 m. The dimensions of the clay bricks found in them are 25×7×12 cm, 25×6×27 cm. In 1992, he conducted archaeological excavations in the mosque and residential complexes on the central street running from north to south. There were fragments of plates with Arab graphic patterns, painted with blue and light colors. Many glazed and unglazed vessel fragments, glass vessel fragments, and fragments of beads were found during the excavation [Мәмиев 2000: 52].

According to the results of the stratigraphic excavation carried out at that time, the construction layer consists of a depth of 60 cm. Its upper 10 cm consists of a dense layer, 7 cm of a mixed layer of wood

and reed ash, 20 cm of reed, 3.5 cm of a loose layer mixed with pieces. Comparing the topography of the house structures uncovered during the excavation and the complex of finds with the materials of the city of Otyrar, the author concluded that the town was built in the 13th–18th centuries. R.Z. Burnasheva and S. Yusupova, specialists of the Margulan Institute of Archaeology, conducted a laboratory examination of copper bucket finds. Mamiev's report on the excavation conducted in Kyshkala contains pictures of the town, the project of the excavation and the artifacts found during the works [Мәмиев 2000: 64–68].

According to local residents, archaeologists visited Kyshkala several times and excavated the trench, but there is no official information about this. Kyshkala was indicated in “Archaeological map of Kazakhstan” in 1960, but has not yet been included in the collection of monuments of Kyzylorda region.

2 Research methods and materials (*Taleev D., Moldakhmet A.*)

2.1 Research methodology

All traditional methods of archaeological and historical research were used in the process of preparing the article. The main part of the materials was taken from the excavations, the second part was made on the basis of interdisciplinary research (radiocarbon and anthropological analysis, numismatic materials). During the excavations, which have been carried out for several years, a number of architectural structures discovered that informs about the socio-economic and spiritual life of the town, about the life of the town residents. Samples were taken from a specially constructed stratigraphic section and sent for examination to foreign laboratories. The chronological age of the settlement was determined on the basis of a comparison of materials found in the excavation, the determination of the time of minting of coins and the conclusion of examinations conducted on samples. Attempts to determine the historical name of the town were made by the location of the town, by the toponymic, hydronymic names given in written sources and by the results of excavations. The article is aimed at substantiating the conclusions based on material data and recorded data obtained during the study of the town to the scientific community.

2.2 Characteristics of the material

The research was conducted on the basis of the analysis and examination of public, social and architectural objects and archaeological artifacts discovered during archaeological excavations of the town-site of Kyshkala, located along the Zhanadarya in old riverbed of the Syrdarya river. During excavations in the town, 1 copper dirham and 4 coins of the Golden Horde era (1330–1380) were found. It was known that one of these coins was minted in Khorezim, and three in Barshin. Found in 2022, Chinese coins from the 11th century and copper vase from 1250 in Limoges (France) are valuable evidence of well-developed cultural and trading life of Kyshkala. Analysis and identification of written data on historical events about towns in the middle and lower reaches of the Syrdarya and archaeological artifacts found during archaeological works in Kyshkala give reason to assume that Kyshkala is the town of Barchyn (Barshynkent), founded in the Golden Horde era. In the main part of the article, an attempt was made to prove this assumption on the basis of archaeological materials.

3 Results and discussion (*Taleev D., Moldakhmet A.*)

During the excavation in Kyshkala in 2018–2020, several buildings of public and social significance were discovered. The first of them was an excavation trench (trench I) of an unknown building located on the territory of the city cemetery in the northwestern part of the town. The building was originally built of burnt bricks. The slopes formed on the site of the destroyed building have turned into a natural hill. Most

of the building materials piled up around are burnt bricks and their fragments. Among them, there are many square baked clay plates with a pattern carved on the face with a sharp tool and fragments of colorful mosaic patterns (fig. 1).

The size of the rectangular main room of the building facing northwest is 11×11 m (*counting from the outside of the wall*), size of the second room built in the middle part of its back (*on the south-western edge*) is 7×7 m, the thickness of the walls is 2 m. The original plan of the mausoleum and its architectural characteristics were determined by the traces of pits dug to build its foundation. The result of excavation and clearing the site of the destroyed building, collecting and examining the intact building materials, comparing the unique design of the building with similar monuments showed that there was a mausoleum built in the Islamic style [Талеев және т. б. 2018: 265–266].

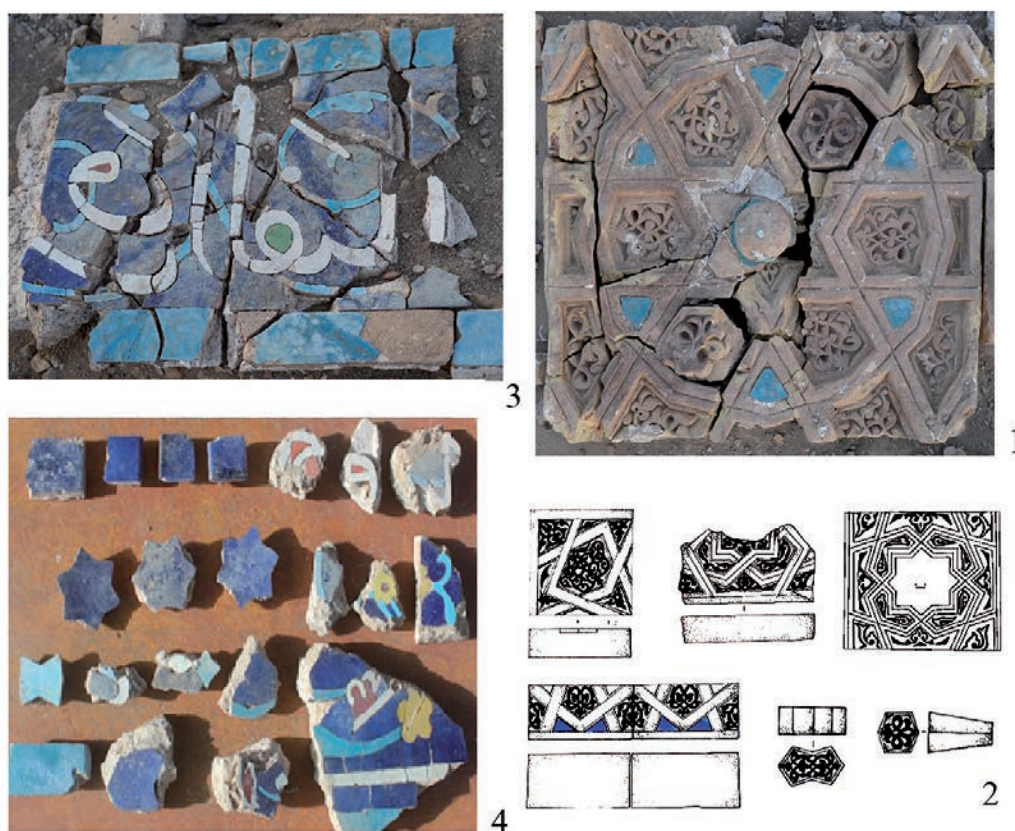

Fig. 1. Kyshkala, mausoleum 1. The colorful mosaic patterns: 1 – slab with a carved ornament; 2 – slabs with carved ornaments, graphics; 3 – mosaic with Arabic graphics; 4 – multi-colored mosaics.
Photo by Dokey Taleev

1-сур. Қышқала, 1-кесене. Мозаика өрнектері: 1 – ойып салынған өрнегімен қыш тақта
2 – ойып салынған өрнегімен қыш тақта, сызба; 3 – арабша жазуы бар мозаика; 4 – түрлі-түсті мозаикалар.
Сурет Дөкей Тәлеевтікі

Рис. 1. Кышқала, мавзолей 1. Мозаичные узоры: 1 – плита с вырезанным орнаментом;
2 – плиты с вырезанным орнаментом, графика; 3 – мозаика с арабским шрифтом; 4 – разноцветные
мозаики. Фото Дөкея Тәлеева

Mausoleums of similar topographic design and architectural type were found and excavated in different regions of the CIS and Kazakhstan. One of them was the Zhanibek-Shalkar mausoleum, 100 km south of Astana, discovered by archaeologists of the Eurasian National University (M.K. Khabdulina) in 2010 [Ученые предполагают...]. Mausoleum dates from the 14th–15th centuries. Tiles with patterns on the outer side of the Kerderi mausoleum, found on the bottom of the Aral Sea, are also very similar to the carved tiles of the Kyshkala mausoleum. Experts date the Kerderi mausoleum from the 13th–14th centuries according to the found archaeological materials. The architectural features of the mausoleum of the Golden Horde era (Kyzyloba) discovered and excavated in the Sh. Valikhanov district of the North Kazakhstan region are similar to design of mentioned mausoleums. According to the well-known numismatist P. Petrov's description, the two silver coins found in one of the burial graves of the mausoleum dates from the 14th century. It was minted in the capital of the Golden Horde (Sarai al-Makhrusa). On one of the coins, the date 737 Hijri, that is, 1337 AD is well read [Алтын Орда құпиясы].

The mosaic decoration of the Golden Horde era mosque excavated in the town of Konskie Gory in the Zaporozhye region of Ukraine exactly replicates the mausoleum mosaic in Kyshkala. The above-mentioned mausoleums are very similar in size and shape of bricks of different sizes and shapes, mosaic decorations used for decoration, patterns of outer covering panels, design of mausoleums, architectural character and dates to the same time. All of them belong to the era of the Golden Horde. Even looking at the way they were decorated, you might think that one carpenter (master) made them.

Two more structures similar to discovered mausoleum (trench I) are being excavated. Dozens of mounds similar to the one excavated were discovered during exploration and monitoring near the town. Their diameter (20–26 m) and height (1.5–2 m) are similar. The fragments of baked pottery and colorful glazed pottery similar to the pottery found during excavations of the mausoleum were found. This may indicate that the mausoleums built in the Islamic style date to the same time as the object excavated by us. Thus, the mausoleums built on the graves may show that the buried belong to the same social group, who professed Islam during the Golden Horde time.

In the second excavation trench (trench II), the remains of an octagonal building with external walls made of burnt bricks were discovered. The external structure of the opened object consists of four towers and eight walls of different length. Bottom were built with burnt bricks of size 27×27×6; 26×26×5 cm, the width of external walls are 1 m and preserved height is between 10–60 cm.

The inner-outer edges of all the walls of the building are made of whole burnt bricks, and the center is filled with a mixture of clay fragments and thick mud (fig. 2).

The building has 1.6–1.9 m round and semi-walled towers built from the four corners. The outer edges of all towers were made of specially prepared 20×20×10 cm, semi-bent burnt bricks, and the center was filled with brick fragments. Specially prepared bricks were molded in a triangular shape and with one side arched, making it convenient to weave a circular structure.

The northern and southern walls of the building had sloping gates facing each other. In the interior, the design of several rooms located radially along the walls has been preserved. The floors of the rooms are covered with burnt clay. There is a specially cleaning corner, a wash basin in the middle of each room. In the center of the building, there is an octagonal square area of about 12×12 m and an octagonal floor with an area of 2.5×2.5 m of burnt bricks, corresponding to the construction of this square. There is a tashnau cavity in the center of the floor. There was defined a special hollow with the depth of 1.3 m, width of 1 m culvert (tashnau) made of burnt bricks. At the four corners of the square, there can be seen the remains of four columns supporting the roof of the building. Specialists assumed that it could be a madrasah based

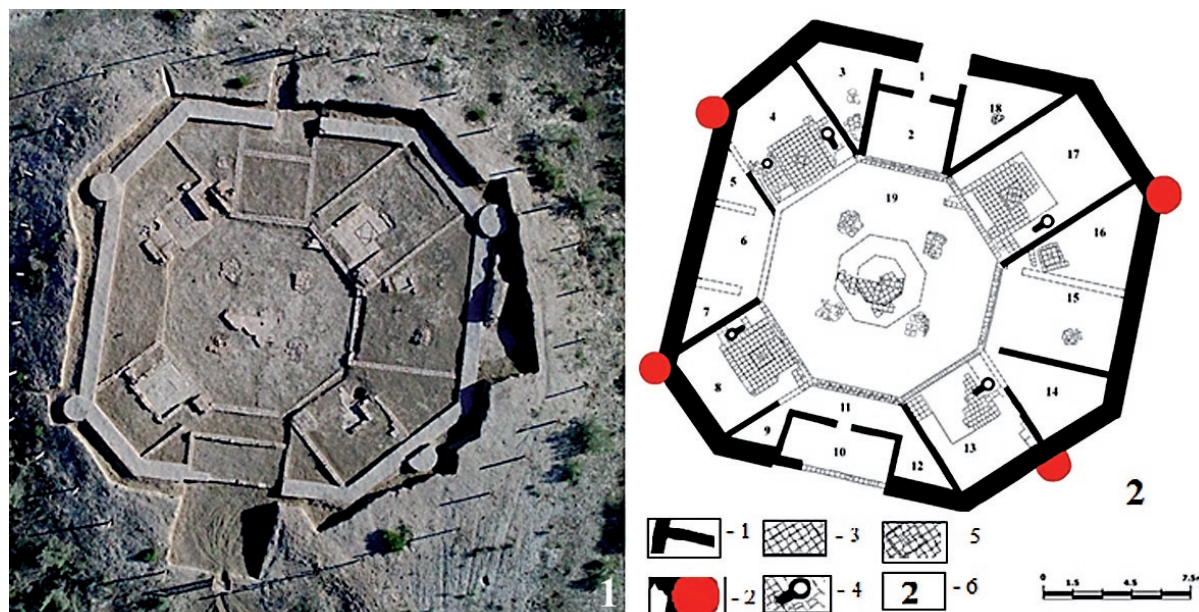

Fig. 2. Kyshkala. Photo (1) and plan (2) of an octagonal structure. Symbols: 1 – wall; 2 – tower; 3 – brick floor; 4 – hearth; 5 – tashnau; 6 – serial numbers of rooms. Photo by Dokey Taleev

2-сур. Қышқала. Серіз бұрышты құрылыс суреті (1) мен сызбасы (2). Шартты белгілер:
1 – қабырға; 2 – мұнара; 3 – кірпіш еден; 4 – ошақ; 5 – ташнау; 6 – бөлмелердің реттік саны.
Сурет Дөкей Тәлеевтікі

Рис. 2. Кышкала. Фото (1) и чертеж восьмиугольной конструкции (2). Условные обозначения:
1 – стена; 2 – башня; 3 – кирпичный пол; 4 – очаг; 5 – ташнау; 6 – порядковые номера комнат.
Фото Докея Талеева

on some unique features [Елеуов, Есен 2020: 67–69]. In our opinion, it is still too early to say what kind of construction the building is. After summarizing the results of excavations conducted in recent years, it may be possible to make a decision.

In 2019, there were discovered several rooms and 8 graves made of burnt bricks in trench IV, 50 m to the east of trench II. The Russian anthropologist Alexey Nechvaloda examined the skulls of the corpses from the graves № 1–2 and determined the gender of the deceased. After restoring the skulls, the ethnicity of buried was determined (Table 1).

Excavations in Kyshkala carried out in 2021–2022. The results of the excavation showed that there was a magnificent mausoleum under the place excavated in 2018, the architecture of which was popular in the near and far regions (fig. 3).

The project of the discovered building and the painted and unpainted brick materials collected during the excavation show that the facade and interior of the domed mausoleum were decorated in the Islamic style. The facade of the mausoleum and the frames of the main gate are decorated with clay slabs with beautiful incised patterns and colorful mosaics. The size of the mausoleum is 11×11 m consists of the main hall and the size of tomb 7×7 m located behind it. The main hall and the tomb are covered with a dome. Their walls and domes are decorated with special carvings and bricks of different sizes. The design of the mausoleum repeats the exterior of Akhmet Yasawi mausoleum in Turkestan. All this may testify the

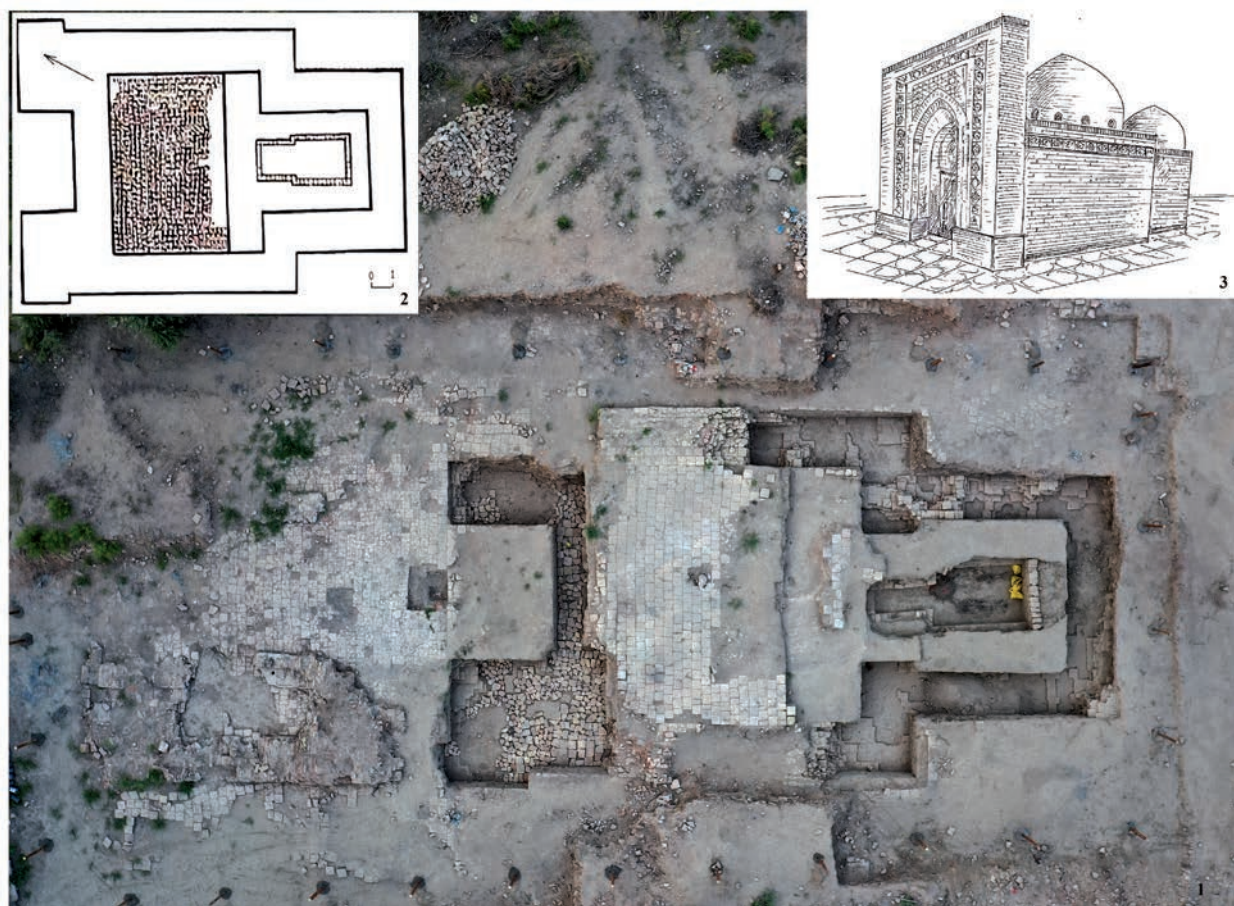

Fig. 3. Kyshkala, mausoleum 1. Aerial view (1), plan (2) and reconstruction (3). Photo by Dokey Taleev
3-сур. Қышқала, 1-кесене. Әуеден түсірілген сурет (1), жоба (2) және реконструкция (3).
Сурет Дөкей Тәлеевтікі

Рис. 3. Кышкала, мавзолей 1. Аэрофотоснимок (1), план (2) и реконструкция (3). Фото Докея Талеева

cultural and social identity of the person buried in the mausoleum. Due to the reasons mentioned above, the cemetery under the destroyed mausoleum is partially preserved. Although the upper part was destroyed, two skeletons in the grave turned out to be safe. Both bodies were sent abroad for professional laboratory examination.

A stratigraphic section was built in the middle of the town in 2021. The purpose of this work was to determine the absolute dating of the town. Coal samples taken from a layer 9.8 m long, the width of 2 m, the depth of 4 m, 4 m of cut and the depth of 2.3 m were sent to the laboratory of Herzen St. Petersburg Pedagogical University for radiocarbon determination, including calibration of absolute age. According to the results of the examination of the sent coal, the lower layer of the town dates from the 11th century. The sample taken from a depth of 2.3 m did not give the correct result. On the contrary, in 2022 coin and a bronze kuty (bottle) found in the 11th trench in the upper layer indicates the last period of the town's life. According to Russian numismatist P.N. Petrov copper coins found in the trench, (the size is 18.92×18.47

mm, weight is 1.26 g, thickness is 0.73 mm) date back to 768–769 AD. It was minted during the reign of Mubarak Khan. There is a mark of the Tuka-Temir Khan dynasty on the surface. In the 8th room of this excavated area, an unknown bronze object with a pattern and an inscription on the surface was found. At first, it was assumed that this is a women's jewelry (bracelet). When we saw a similar object with a known place of origin and time of manufacture on the Internet, we were able to identify found item as a casket without preserved upper and lower parts. According to the information shown on the Internet, this work of art, called Spirit, turned out to be a religious ritual object made of copper in the shape of a cone was *kuty* (bottle) [Pyx]. It has the inscription IHS (Jesus) within a circle on its outer wall and conical lid. Circles are repeated twice on the wall and lid of the item. There was made incrustation with white and blue colors around the text. The outer side of the circle is decorated with floral motifs. Gold-plated paint is applied to the surfaces of the patterns and inscriptions. It is recorded that this *kuty*, which was used for religious purposes was made in Limoges, France in 1250. This *kuty* named Spirit is kept in the collegium of the famous American philanthropist Michael Friedsam (1860–1931) [Pyx]. The item found by us is similar to mentioned *kuty*. The dimensions and external pattern, design and paint are also similar. There is only a slight difference in the material. Bronze predominates in the composition of casket found in Kyshkala (fig. 4).

Fig. 4. Kyshkala. Part of the casket found during excavations (1) and its analogy (2).
Photo by Dokey Taleev (1)

4-сур. Қышқала. Қазбадан табылған қобдиша бөлігі (1) мен оның баламасы (2).
Сурет Дөкей Тәлеевтікі (1)

Рис. 4. Кышкала. Часть шкатулки, найденной при раскопках (1), и аналогия
предмету (2). Фото Дюкея Талеева (1)

The result of radiocarbon examination of a coal sample taken from the lowest layer of a stratigraphic section in Kyshkala in 2021 showed its absolute age – 947 ± 30 years, that is, 10th century (the table is shown below). Coins and copper casket and painted vessels found on the surface of the town in 2022 belong to the 14th century. In conclusion, the town was formed at the end of the Oghuz era and developed during the Golden Horde. For some reason, it ceased to exist during the White Horde. Determination of its causes will be one of the main goals of further research.

Table 1 – Kyshkala, mausoleum 1. Graphic portrait of men found in the burial. Reconstruction by anthropologist Alexey Nechvaloda

1-кесте – Қышқала, 1-кесене. Ер адам бейнесінің графикалық реконструкциясы. Антрополог Алексей Нечвалоданың реконструкциясы

Таблица 1 – Кышкала, мавзолей 1. Графическая реконструкция облика мужчины. Реконструкция антрополога Алексея Нечвалоды

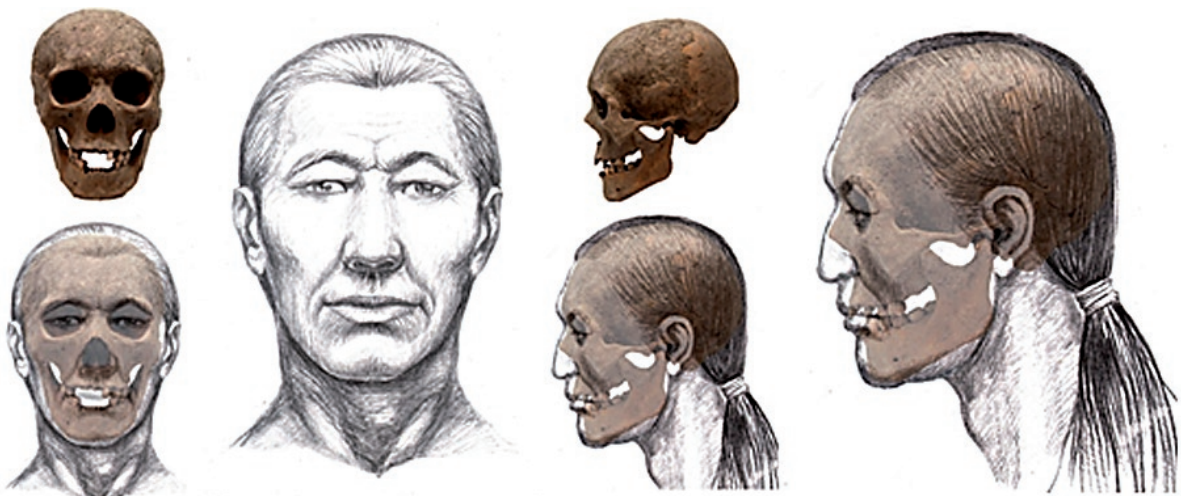

Table 2 – Results of determination of the absolute age of the sample of Kyshkala

Кесте 2 – Қышқаладан алынған үлгіден оның абсолютті жасын анықтау нәтижелері

Таблица 2 – Результаты определения абсолютного возраста образца из Кышкала

Sample identifier (Customer)	Sample Code (Contractor)	Absolute age, VR	Calibrated age (2σ) calAD
KiSKALASTRAAt. 4 m, Kyshkala (coal)	SPb_3768	974±30	999–1159

4 On the identification of the town's name according to historical written sources (Taleev D., Moldakhmet A.)

The first information about Barchilykent appeared in a letter from the Gurid ruler of al-Bagdadi, ad-Din Tekesh, to the palace secretary in May 1182. There was said that the eldest son of Tekesh, Malik Shah Zhend was the ruler of Rabat, Syganak and Barchiglykent [Ахинжанов 1995: 214]. In the report of the ambassador Karpini, sent by Pope Inokenti IV to Mongolia in 1246, the following important information about Barshynken was given: “from the land of Kangyt, we entered the land of Biserman. These people, spoke the Coman language, still speak, follow the Saracen law. Here we came across countless destroyed towns, demolished fortresses and many destroyed villages. There is one large river, the name of which is unknown to us; the town called Yankint (Zhankent) stands on it, the second is called Barkhin, and the third is called Ornas, and there were many names unknown to us. There was a master of this land called the Byik-Sultan; he was killed by the Tatars along with all his descendants” [Иоанн 1911: 51]. In another

place, the traveler wrote that “the town put up fierce resistance to the Mongols, dug huge ditches around the town, covered its face, the enemies who rushed into the town fell into the ditches, because of which they could not take the town until the ditches were full. Hearing this, the people of the town named Iankint came out in front of them and voluntarily gave the town, from which the town was not destroyed, killed most of the people, the rest of people displaced, plundered the town and filled it with other people” [Иоанн 1911: 24]. At the next place, Barshynkent is mentioned as Parchin in the story of the Armenian historian Kirakos Gandzakets about the visit of the Armenian king Hetum to Karakorum in 1247. It was said that the embassy visited Parchin while returning from Mongolia in 1255 [Киракос 1976: 224].

More complete information about Barshynkent is given in Zhamal Karshi’s work. The local sheikh Husam ad-dina stayed in the town for a year (1273–1274), when he went to receive lectures from Barchinligi. As well as, Zhamal Karshi also reports that the town of Barchkad was one of the largest religious centers of the Golden Horde. In written works of famous religious, Arabic traveler Ibn Battuta mentioned that the zaviyas (hotel) of the sufism community were in every town of the Golden Horde. During his trip to Central Asia, he widely used the hospitality of representatives of the Ahi community. He gives interesting information about how sufism zaviyas in the towns of the Golden Horde perceive themselves and who took care and gave food, as well as, the number of sufism zaviyas in Central Asia [Ибрагимов 1988: 41–60]. According to experts, there were usually many zaviyas in places where local saints were buried. The above-mentioned octagonal object, in terms of its architectural character and internal construction features is similar to the sufism zawiya described by Ibn Battuta.

A well-known Kazakh scientist A.Kh. Margulan was the first scholar who connected Barshynkent with the name of Gulbarshin from the Alpamys hero poem and expressed the opinion that the location of the town might be Kyshkala [Маргулан 1950: 76–78]. Famous Soviet linguist V.M. Zhirmunskiy taking as a basis of V.A. Kallaur’s assumptions, supporting the opinion that the old riverbed of the Syrdarya Ogyzsai may have been called Barshyndarya in ancient times and concluded that Barshynkent was along the same Barshyndarya [Жирмунский 1951: 101–102]. These predictions coincide with the area where Kyshkala is located today. That is, it confirms the assumption that Kyshkala is the place of the town of Barshynkent. The written data about the town and the results of archaeological research are the basis for making such a conclusion. Copper coins minted in Barshynkent that found during the excavations from the cultural layer of the town are proof of this.

5 Conclusion (*Taleev D., Moldakhmet A.*)

The results of the excavations carried out in the medieval town of Kyshkala since 2018 with information related to the Syrdarya river region in the written sources give every reason to confirm that the town-site is the historical town of Barshynkent. The architecture and splendor of the ritual and public buildings, the features of the construction discovered during the excavations on the territory of the town, showed that the town was one of the centers of the Islamic religion and many representatives of the religion lived in the town. The expert results of samples from stratigraphic excavations and the comparative description of the physical data found revealed that the town was formed in the 11th century and became a large cultural, trade, economic and spiritual center in the Golden Horde era. And the cessation of town life coincides with the end of the 14th century. It is not known whether the life of the town immediately collapsed and stopped. Research is ongoing to determine its causes.

The main goal of archaeology is to excavate such urban sites and reveal unknown pages of the history of our country and people based on the information obtained. The physical relics found during the

excavation are being held to the museum funds. Some of them are shown to the public in daily expositions with the aim of increasing the historical knowledge of the general public. As well as, organization of special exhibitions serves to increase the spiritual wealth of ordinary people. However, many of the exhibits remain outside of such measures as restoration, laboratory examination, their storage and scientific analysis. Many important objects that have been excavated are in need of further measures of protection, scientific use, such as restoration, inclusion in tourist programs, and are being destroyed over the years due to natural and physical impact. The implementation of these tasks is our main weakness.

We think that the mentioned issues are sacred arrangements that are waiting for help from state institutions, local administration, and professionals. We think that our scientific direction is directed towards this goal.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Алтын Орданың құпиялары: археологтар ежелгі кесененің орнын тапты. URL: <https://sputnik.kz/20201026/Altyn-Orda-arkheologtar-15298830.html> (қаралған күні: 31.05.2023 г.).
- 2 АКК – Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1960. 225 № 3318
- 3 Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы: «Ғылым», 1995. 214 с.
- 4 Жирмунский В.М. Следы огузов в низовьях Сыр-Дарьи // Тюркологический сборник. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 92-102.
- 5 Елеуов М., Есен С. Қышқаланың сегіз қырлы кесенесі // Вестник КазНУ: Сер. историч. 2020. № 3 (98). С. 65-72.
- 6 Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988. 126 с.
- 7 Иоанн де Плано Карпина. История монголов. Перевод. А.И. Малеина. СПб.: А.С. Суворин, 1911. 224 с.
- 8 Каллаур В.А. Древние города Сыганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингис ханом в 1219 году // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана. Авт. предисл. и сост. Елеуов М., Бахтыбаев М.М. Туркестан: Туран, 2011. С. 204-211.
- 9 Киракос Гандзакечи. История Армян. М.: Наука, 1976. 224 с.
- 10 Қоңыратбаев Ә. Қазақ эпосы және тюркология. Алматы: Ғылым, 1987. 361 б.
- 11 Қоңыратбаев Ә.Қ. Жент және Баршынкент // Қоңыратбаев Ә.Қ. Көп томдық шығармалар жинағы. Алматы: «Мер Сал» Баспа үйі, 2004. Т. 2. Түріктану және шығыстану мәселелері.
- 12 Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1950. 122 с.
- 13 Мәмиев Т. Кейінгі орта ғасырлардағы Арал өңірінің қалалары (XIII–XVIII ғғ.): тарих ғыл. канд. ... дис. автореф. Алматы, 1999. 27 б.
- 14 Мәмиев Т. Қызылорда облысының археологиялық ескерткіштері. Алматы: Рауан, 2000. 110 б.
- 15 Талеев Д.А., Елеуов М., Есенов С. Тағдыры жұмбақ Қышқала // Қазақстан археологиясы. 2018. № 1–2. 259-272-бб.
- 16 Рух. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/467490> (қаралған күні: 31.05.2023 г.).
- 17 Ученые предполагают, артефакты подтверждают. URL: <https://akmomuzey.kz/kz/pages/ns7.html> (дата обращения: 31.05.2023 г.).

REFERENCES

- 1 Altyn Ordanyн kypialary: arheologtar ejelgi kesenenin ornyn tapty (*Secrets of the Golden Horde: archaeologists found the site of the ancient mausoleum*). URL: <https://sputnik.kz/20201026/Altyn-Orda-arkheologtar-15298830.html> (accessed 31.05.2023) (in Kazakh).
- 2 Arheologicheskaya karta Kazakhstana (*Archaeological map of Kazakhstan*). 1960. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences (in Russian).
- 3 Akhinzhanov, S. M. 1995. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* (*Kypchaks in the history of medieval Kazakhstan*). Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).

- 4 Zhirmunskiy, V. M. 1951. In: *Turkologicheskiy sbornik (Turkological collection)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 92–102 (in Russian).
- 5 Yeleuov, M., Esen, S. 2020. In: *Vestnik KazNU: Seria istoricheskaya (Bulletin of KazNU: Historical Series)*, 3 (98), 65–72 (in Kazakh).
- 6 Ibragimov, N. 1988. *Ibn Battuta i ego puteshestviya po Sredney Azii (Ibn Battuta and his travels in Central Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 7 John de Plano Carpini. 1911. *Istoria mongolov. Perevod A.I. Maleina (History of the Mongols. Translation by A.I. Malein)*. Saint Petersburg: “A.S. Suvorin” Publ. (in Russian).
- 8 Kallaur, V. A. 2011. In: Yeleuov, M., Bakhtybayev, M. M. (authors of the preface and compl.). *Protokoly zasedaniy i soobshcheniy chlenov Turkestanskogo kruzhka lubiteley arheologii. Istoriko-kulturnye pamyatniki Kazakhstana (Protocols of meetings and messages of members of the Turkestan circle of archaeology amateur. Historical and cultural monuments of Kazakhstan)*. Turkestan: “Turan” Publ., 204–211. in Russian).
- 9 Kirakos Gandzakezi. 1976. *Istoriya Armeniyan (History of the Armenians)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 10 Konyratbayev, A. 1987. *Kazakh eposy jane Turkologia (Kazakh epics zhane Turkology)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Kazakh).
- 11 Konyratbayev, A. K. 2004. In: Konyratbayev, A. K. *Kop tom diq shigarmalar jinagi (Multivolume collection of works)*. Almaty: “Mer Sal” Publ. 2-tom. *Turiktanu jane sigistanu maseleleri (Issues of Turkology and Oriental studies)* (in Kazakh).
- 12 Margulan, A. Kh. 1950. *Iz istorii gorodov i stroitelnogo iskusstva drevnego Kazakhstana (From the history of towns and the building art of ancient Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 13 Mamiev, T. 1999. *Keingi ortagasyrlardagy Aral onirinin kalalary (XIII–XVIII gg.): tarih gyl. kand. ... dis. (Towns of the Aral region in the late Middle Ages (13th–18th centuries): abstract of the thesis)*. Almaty (in Kazakh).
- 14 Mamiev T. 2000. *Kyzylorda oblysynyn arheologialyk eskertkishteri (Archaeological monuments of Kyzylorda region)*. Almaty: “Rauan” Publ. (in Kazakh).
- 15 Taleev, D. A., Yeleuov, M., Yesenov, S. 2018. In: *Kazakhstan arheologiasy (Kazakhstan of Archeology)*, 1–2, 259–272 (in Kazakh).
- 16 Ruh (The Spirit). URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/467490> (in Kazakh).
- 17 *Uchenye predpolagayut, artefakty podtverzhdayut (Scientists suggest, artifacts confirm)*. URL: <https://akmomuzey.kz/kz/pages/ns7.html> (accessed 31.05.2023) (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 06.04.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 22.04.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.09.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.164.186>

Самое древнее захоронение человека в Казахстане: по неолитическим находкам поселения Кокен

© 2023 г. Доумани Дюпуй П. Н., Ташманбетова Ж.Х., Киясбек Г.К.,
Мерц В.К., Койл Р., Жунисханов А.С., Самашев З.

Keywords: archaeology, East Kazakhstan, early Neolithic, human burial, stone tools, Kokentau, Koken

Түйін сөздер: археология, Шығыс Қазақстан, ерте неолит, адамды жерлеу, тас құралдар, Көкентау, Көкен

Ключевые слова: археология, Восточный Казахстан, ранний неолит, погребение человека, каменные орудия, Кокентау, Кокен

Paula N. Doumani Dupuy^{1*}, Zhuldyz Tashmanbetova², Galymzhan Kiyasbek³, Viktor Merts⁴,
Reed Coil¹, Aidyn Zhuniskhanov^{5,1} and Zainolla Samashev³

^{1*}Corresponding author, Associate Professor, Nazarbayev University,
Astana, Kazakhstan. E-mail: paula.dupuy@nu.edu.kz

²PhD Candidate, Washington University in St. Louis, USA. E-mail: zhuldyz.tashmanbetova@wustl.edu

³Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: samuryq2103@gmail.com

⁴Candidate of Historical Sciences, Toraighyrov University, Pavlodar, Kazakhstan. E-mail: v_mertz@mail.ru

¹Associate Professor, Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan. E-mail: reed.coil@nu.edu.kz

⁵PhD Student, Eurasian National University named after L. Gumilyov

¹Teaching Assistant, Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan. E-mail: aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz

³Doctor of Historical Sciences, Margulan Institute of Archaeology,
Astana, Kazakhstan. E-mail: archaeology_kz@mail.ru

Earliest human burial in Kazakhstan: Neolithic findings from the Koken settlement

Excavations at the settlement of Koken, located in the semi-arid steppe zone of Eastern Kazakhstan, unveiled stratified deposits of the Stone Age lying beneath the Bronze Age settlement. Within these earlier strata, a human burial dating to the mid-6th millennium BC or the early Neolithic period was unearthed. The burial at the Koken settlement contains the earliest known human remains, and with direct absolute dates, in Kazakhstan and, therefore, presents an exceptional opportunity to study the origin, lifestyle and composition of the hunter gatherer population before the appearance of a producing economy in the region. The article also presents a brief osteological analysis of early Neolithic human remains found at the settlement. Hypotheses are proposed regarding the possible ritual and design of burial, comparative analogies from Kazakhstan and the wider region of Central Asia and Siberia are given. Further study of the Koken settlement and the early layers of its settlement will be of key importance for understanding the adaptation, settlement and human economy in the Early Holocene in the hypercontinental climate of the steppe zone of Kazakhstan, as well as for clarifying the social, cultural and technological links between the hunter-gatherer populations of the Eurasian steppe.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of Nazarbayev University's Faculty Development Competitive Research Grants Program, grant number FDCRG # 021220FD3751.

For citation: Doumani Dupuy, P. N., Tashmanbetova, Zh., Kiyasbek, G., Merts, V., Coil, R., Zhuniskhanov, A., Samashev, Z. 2023. Earliest human burial in Kazakhstan: Neolithic findings from the Koken settlement. *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 164–186 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.164.186](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.164.186)

**Паула Н. Доумани Дюпюй^{1*},
Жұлдыз Худайбергеновна Ташманбетова²,
Ғалымжан Қиясбекұлы Қиясбек³,
Виктор Карлович Мерц⁴, Рид Койл¹,
Айдын Сенғалиұлы Жүнісханов^{5, 1},
Зайнолла Самашев³**

¹корреспондент авторы, қауымдастырылған профессор, Назарбаев Университеті, Астана, Қазақстан

²PhD докторант, Сент-Луистегі Вашингтон Университеті, США

³аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

⁴тарих ғылымдарының кандидаты, Торайғыров университеті, Павлодар, Қазақстан

⁵қауымдастырылған профессор, Назарбаев Университеті, Астана, Қазақстан

⁵PhD докторант, Л.Н. Гумилёв атындағы Еуразия Ұлттық университеті;

¹оқытушы ассистенті, Назарбаев Университеті, Астана, Қазақстан

³тарих ғылымдарының докторы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Астана, Қазақстан

**Қазақстандағы ең ежелгі адамның жерлеу орны:
Көкен қонысындағы неолиттік
олжалар бойынша**

Шығыс Қазақстанның жартылай шөлейт даласында орналасқан Көкен қонысындағы қазбалар қола дәуірінің қонысы астында қалған тас ғасырының бірнеше қабат шөгіндісін анықтады. Осы ежелгі қабаттардан б.д.д. VI мыңж. ортасымен немесе ерте неолит кезеңімен мерзімделетін адамның жерлеу орны табылды. Көкен қонысындағы жерлеу Қазақстандағы бізге мәлім адам қаңқаларының ең ежелгісі және абсолюттік әдіспен мерзімделгені, демек өңірдегі өндірістік шаруашылық пайда болғанға дейінгі аңшы-терімші тұрғындардың таралуы, өмір салты мен құрамын зерттеуде таптырмас мүмкіндіктерді ашып беретін дерек көзі болмақ. Мақалада қоныстың ерте неолиттік жерлеу орнындағы адам қаңқасына жасалған қысқаша остеологиялық сараптама баяндалған. Қазақстан мен Сібір және Орталық Азияның кең аумағына салыстырмалы баламалар келтіріледі, жерлеу орнының құрылысы мен болуы ықтимал ғұрыптарға байланысты болжамдар ұсынылады. Көкен қонысын әры қарай зерттеу және оның ерте қабаттарын қоныстану Қазақстанның далалық аймағының гиперконтиненталдық климаты жағдайында ерте голоценде адамның бейімделуін, қоныстануын және шаруашылығын түсіну үшін, сонымен қатар Еуразия даласының аңшы-терімші тұрғындары арасындағы әлеуметтік, мәдени және

**Паула Н. Доумани Дюпюй^{1*},
Жұлдыз Худайбергеновна Ташманбетова²,
Ғалымжан Қиясбекұлы Қиясбек³,
Виктор Карлович Мерц⁴, Рид Койл¹,
Айдын Сенғалиевич Жүнісханов^{5, 1},
Зайнолла Самашев³**

^{1*}автор-корреспондент, ассоциированный профессор, Назарбаев Университет, Астана, Казахстан

²PhD докторант, Вашингтонский Университет в Сент-Луисе, США

³старший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

⁴кандидат исторических наук, Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан

¹ассоциированный профессор, Назарбаев Университет, Астана, Казахстан

⁵PhD докторант, Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева;

¹ассистент преподавателя, Назарбаев Университет, Астана, Казахстан

³доктор исторических наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан

**Самое древнее захоронение человека
в Казахстане:
по неолитическим находкам поселения Кокен**

Раскопки на поселении Кокен, расположенном в полусасушливой степной зоне Восточного Казахстана, выявили стратифицированные отложения каменного века, залегающие под поселением бронзовой эпохи. В этих более ранних слоях было обнаружено человеческое захоронение, датируемое серединой VI тыс. до н.э. или периодом раннего неолита. Захоронение на поселении Кокен представляет собой самое раннее из известных и непосредственно датированных абсолютным методом человеческих останков в Казахстане и, следовательно, представляет исключительную возможность изучить происхождение, образ жизни и состав населения охотников-собирателей до появления в регионе производящего хозяйства. В статье также представлен краткий остеологический анализ человеческих останков раннего неолита, найденных на поселении. Предлагаются гипотезы относительно возможного ритуала и конструкции погребения, приводятся сравнительные аналогии из Казахстана и более обширного региона Центральной Азии и Сибири. Дальнейшее изучение поселения Кокен и ранних слоёв его заселения будет иметь ключевое значение для понимания адаптации, расселения и хозяйства человека в раннем голоцене в условиях гиперконтинентального климата степной зоны Казахстана, а также для выяснения социальных,

технологиялық байланыстарын анықтауда шешуші мәнге ие болары сөзсіз.

Қаржыландыру көзі: Мақала Назарбаев Университетінің профессор-оқытушылар құрамын дамыту бойынша конкурстық зерттеу гранттарының FDCRG # 021220FD3751 бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Доумани Дюпюй П.Н., Ташманбетова Ж.Х., Қиясбек Ғ.Қ., Мерц В.К., Койл Р., Жүнісханов А.С., Самашев З. Қазақстандағы ең ежелгі адамның жерлеу орны: Көкен қонысындағы неолиттік олжалар бойынша. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 164–186-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.164.186](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.164.186)

культурных и технологических связей между населением охотников-собирателей Евразийской степи.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования конкурсных исследовательских грантов Назарбаев Университета по развитию профессорско-преподавательского состава, номер проекта FDCRG # 021220FD3751.

Для цитирования: Доумани Дюпюй П.Н., Ташманбетова Ж.Х., Қиясбек Ғ.Қ., Мерц В.К., Койл Р., Жүнісханов А.С., Самашев З. Самое древнее захоронение человека в Казахстане: по неолитическим находкам поселения Кокен. *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 164–186. DOI: [10.52967/akz2023.3.21.164.186](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.164.186)

1 Введение (Ташманбетова Ж.Х., Доумани Дюпюй П.Н.)

Ранний голоцен, охватывающий период до появления в регионе производящего хозяйства, скотоводства и земледелия, остаётся одним из самых малоизученных в археологии Казахстана. Нехватка стратифицированных стоянок раннего голоцена с хорошо сохранившимся культурным слоем является одной из главных причин, по которой наши знания об этом периоде основываются на информации, полученной в результате изучения каменных индустрий, не всегда связанных или не соответствующих радиоуглеродным датировкам. Примерные хронологические рамки неолита охватывают VI тыс. до н.э. – 1-ю пол. IV тыс. до н.э. Относительно малое количество дат C14, полученных и опубликованных по материалам с раннеголоценовых стоянок в регионе, в значительной степени затрудняет исследование культурных и экономических связей населения неолита Казахстана.

По материалам известных стоянок, основными признаками неолитизации в степной зоне Казахстана является наличие множества каменных орудий труда, микролитический инвентарь и своеобразная пластинчатая индустрия, призматические, конические и клиновидные нуклеусы из кварцита, кремня, кремнистого алевролита и яшмы, множество фрагментов керамики и фаунистические останки, связанные не только с охотой, но и с предположительно наиболее ранней формой скотоводства на территории древнего Казахстана [Мерц 2018: 99–109]. С другой стороны, керамические комплексы на юге Центральной Азии отсутствовали в неолите, а процессы неолитизации в этой части региона, скорее всего, связаны с появлением производящей экономики, ассоциированной с такими памятниками, как Джейтун в прикаспийском регионе Туркменистана (Туркмен-Хорасанская горная система) [Массон 1971; Harris 2010], пещера Кайнар Камар в Гиссарской горной местности Узбекистана [Yoshihiro et al. 2022] и памятник Обишир в Кыргызстане [Taylor et al. 2021]. В сравнении с ней северная часть Центральной Азии в раннем голоцене представлена, в основном, материалами, указывающими на отсутствие производящих форм хозяйства в северных регионах, связанных с кельтеминарской культурой, распространённой в засушливых регионах Кызылкумов и Каракумов, в дельтах рек Амударьи, Заравшана и в регионе Приаралья [Виноградов 1981], с маханджарской культурой Степного Притоболья [Логвин 1991], атбасарской культурой Тоболо-Иртышского междуречья, региона Северного и Центрального Казахстана [Зайберт 1992], а также с отдельными стратифицированными стоянками, такими как Шидерты-3 (Северо-Восточный Казахстан) [Мерц 2002] и Токтаул (Центральный Казахстан) [Артюхова, Мамиров 2016], и др.

Несмотря на довольно большое количество известных и изученных неолитических памятников Центральной Азии, тип найденного материала и характерные черты стоянок, наши знания об этом регионе данного периода ещё очень ограничены. Человеческие погребения, датируемые неолитом, ранее были неизвестны в этом регионе. В данной статье мы представляем материалы нового археологического открытия, которое в настоящее время является самым ранним на территории Казахстана захоронением человека, представленным останками двух индивидуумов, возраст которого был подтвержден радиоуглеродным датированием. По сопроводительному инвентарю ранее изученные голоценовые захоронения Казахстана были отнесены к финальным стадиям неолита и энеолита, такие как Железинка, Усть-Нарым, Шидерты-3, Майский V и Бестамак [Агеева, Максимова 1959; Черников 1970; Мерц 2002; 2019; Логвин, Шевнина 2009; Захаров и др. 2020]. В свою очередь, совместное захоронение из Кокена, датируемое ранним неолитом, даёт уникальное представление о ранних погребальных обрядах степного региона, а также позволяет провести аналогии с другими синхронными культурами Центральной Азии и Сибири.

На ранних этапах исследования памятника Кокен, основываясь на присутствии обильного подъёмного материала, состоящего из различных каменных индустрий, мы предполагали о наличии слоя каменного века, залегающего под строениями этнографического и бронзового этапов заселения. Найденное нами в периметре поселения бронзового века погребение с датой C^{14} , калиброванные показатели которой *5471–5222 лет до н.э.* (*здесь и далее выделено авт.) (табл. 1), позволили, с полной уверенностью отнести его к раннему этапу неолита. Таким образом, на момент публикации погребение на поселении Кокен представляет собой самое раннее в Казахстане захоронение. В данной статье приведено подробное описание устройства погребения (VI тыс. до н.э.), а также выдвинуты гипотезы относительно обряда захоронения и отношения людей, заселявших памятник в этнографический период, к данному явлению. Дальнейшие биомолекулярные, технологические и морфологические исследования человеческих останков и материального комплекса погребения и ранних слоёв поселения Кокен будут ключевыми в изучении вопросов расселения и типов хозяйства человека, обитавшего в условиях аридного климата степного Казахстана до появления в регионе производящей экономики, и в выяснении культурных, генетических и социальных связей между различным населением раннего голоцена Евразийских степей.

2 Материал и методы исследования (Доумани Дюпюй П.Н., Ташманбетова Ж.Х., Киясбек Г.К., Жунисханов А.С., Самашев З.)

2.1 История изучения Кокентау

Разновременный археологический комплекс Кокен расположен у подножия гор Кокентау, горного массива в 30 км южнее села Кокентау (п. Кокентау, Знаменский сельский округ, Абайская обл.), в 80 км к югу от г. Семей (рис. 1). Горный массив Кокентау расположен в полупустынной степной зоне Восточного Казахстана на стыке восточной части Казахского мелкосопочника и Прииртышской равнины. Кокентауские горы представляют собой естественное обнажение гранитоидов и тянутся с северо-запада на юго-восток на 15 км, достигая, при этом, в высоту 800 м над уровнем моря.

Пешая археологическая разведка, проведённая нами в 2018 г., позволила выявить ряд археологических памятников вдоль периметра у подножия гор, относящихся к разным эпохам, при этом большинство зафиксированных древних поселений располагаются вдоль северной стороны гор Кокентау, на участке, обеспечивающем защиту от суровых степных зим и дающем возможность

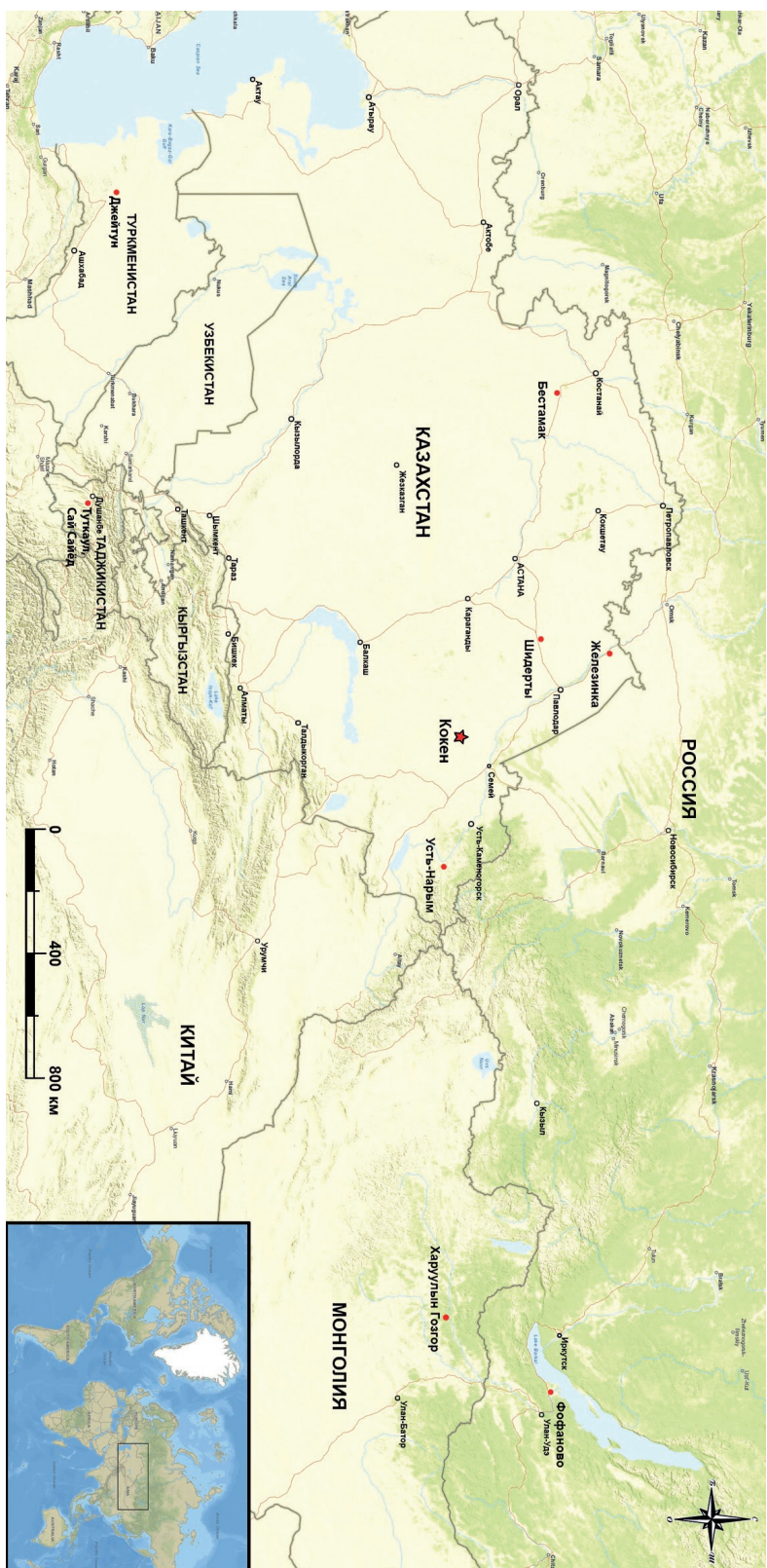

Рис. 1. Местоположение поселения Кокен и других памятников раннего голоцена, упомянутых в тексте. Исполнитель: Галымжан Киясбек 1-сур. Мәтінде айтылған Көкен қонысы мен басқа да ерте голоцендегі ескерткіштердің орналасуы. Орындаған: Ғалымжан Қиясбек
Fig. 1. Location of the Koken settlement and other early Holocene sites mentioned in the text. Executor: Galymzhan Kiyasbek

круглогодичного выпаса скота. Археологический памятник Кокен расположен с северной стороны на конусе выноса (аллювиальный веер), на высоте 360 м над уровнем моря. Несмотря на то, что Кокентауские горы находятся в степной зональности, данная местность отличается наличием микрорегионов с разнообразными местными экосистемами, варьирующими от аридных степей и водно-болотных угодий до травянистых горных лугов и сосновых лесов. Так, археологический памятник Кокен располагается в пологой низине с густым травяным покровом и рыхлой почвой, окружён низкими сопками и более высокими гранитными хребтами.

Первые сведения об археологических памятниках Кокентауского района встречаются в статье семипалатинского краеведа Н.Я. Коншина (1864–1937) «О памятниках старины Семипалатинской области», где он даёт краткую информацию о наскальных рисунках Кокентау и курганах: «Кромѣ могильныхъ кургановъ, въ Коконьской волости въ горахъ Коконь есть какія-то надписи на скалахъ <...>» [Коншин 1903: 235].

У краеведов и историков был большой интерес к древним наскальным изображениям Кокентау, которые предполагали заселение этой местности человеком с каменного века, на основании подъёмного материала, состоящего из различных каменных индустрий [Илиуф 2012]. Но впервые археологические работы были проведены сотрудниками Семейского отряда Восточно-Казахстанской археологической экспедиции филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана только в 2014–2018 гг. [Айткали и др. 2014; 2017; Исин и др. 2018].

Археологические работы по изучению более ранних этапов заселения памятника были инициированы только в 2019 г., когда была проведена крупномасштабная комплексная экспедиция Назарбаев Университета в сотрудничестве с Государственным университетом им. Шакарима г. Семей, включающая раскопки древнего поселения Кокен и прилегающего могильного комплекса в последующие полевые сезоны 2020 и 2022 гг. [Doumani Dupuy et al. 2021; Самашев и др. 2021; Доумани Дюпюй и др. 2020]. Главной целью работ полевых сезонов 2019–2022 гг. на поселении Кокен было изучение и фиксация объектов эпохи бронзы и получение полной хронологической ситуации заселения данной местности человеком от самого раннего до самого позднего периодов (некалиброванные 8180 ± 30 л.н. – 60 ± 30 л.н., табл. 1).

2.2 Методика

В ходе изучения поселения бронзового века Кокен нами было выявлено, что памятник является многослойным, с наиболее древним этапом заселения в период эпипалеолита. Древнейший поселенческий компонент Кокена преимущественно расположен на первой террасе высохшего родника. В ходе раскопок 2020 и 2022 гг., в целях расширения границ поселения и выявления дополнительных конструкций и останков бронзовой эпохи, мы заложили два шурфа на месте заметно углубленных участков (впадин) овальной формы (шурф № 1 размерами 3×4.5 м, шурф № 2 размерами 3×3 м). Обе впадины относились к этнографическому периоду и залегали над более древними слоями. В шурфе № 1 (ОР6) было найдено парное погребение раннего неолита, залегавшего под хозяйственной ямой этнографического периода (рис. 2).

После снятия дернового слоя обнажился слой золы серого цвета, содержащий фрагменты бутылочного стекла и металла, который относится к этнографическому периоду. Вероятно, данный участок, напоминающий по форме яму, использовался под хозяйственные нужды в более поздние периоды заселения памятника. На глубине от 33 до 45 см от уровня современной поверхности, под слоем золы, залегал культурный слой, состоявший из скопления камней. Камни были обработаны

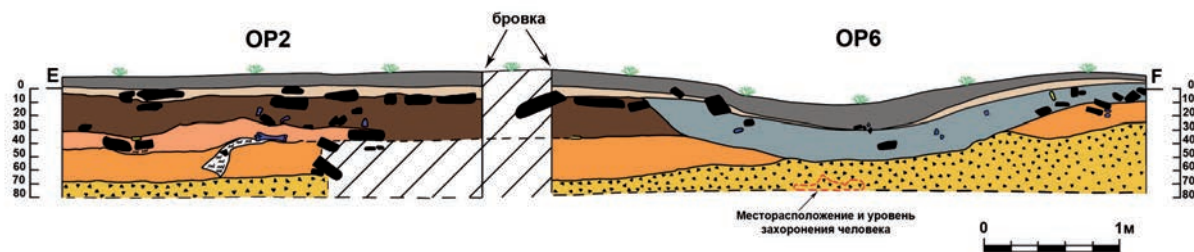

Рис. 2. Поселение Кокен. Разрез OP6 (шурф №1) показывает уровень залегания захоронения раннего неолита в мезолитическом слое; прилегающий OP2 – разрез, входящий в периметр многослойного поселения Кокен. Исполнитель: Галымжан Киясбек

2-сур. Көкен қонысы. Мезолиттік қабатта ерте неолиттің жерлеу орнының деңгейін көрсететін OP6-ның (1-шурф) қимасы; көпқабатты Көкен қонысының аумағына кіретін жапсарлас OP2 қимасы. Орындаған: Ғалымжан Қиясбек

Fig. 2. Koken settlement. Profile of the OP6 (unit №1), showing the level at which the Early Neolithic burial was situated and adjacent to OP2. Executor: Galymzhan Qiyasbek

(имели преднамеренно сделанные сколы), разделены на равные части и равномерно уложены по форме впадины (рис. 3). На поверхности выложенных камней были найдены разрозненные трубчатые кости лошади и КРС, фрагменты керамики и металлического сосуда (предположительно казана). Кость животного из данного слоя была датирована радиоуглеродным методом (табл. 1).

Под слоем камней поздней хозяйственной ямы, на глубине 63 см, был обнаружен полуразрушенный человеческий череп и трубчатые кости скелета взрослого индивидуума. Череп одного индивидуума был уложен рядом с посткраниальным скелетом другого. Череп ориентирован к северо-западу, при этом посткраниальный скелет, находившийся в скорченном положении, на правом боку, был ориентирован на северо-восток. Человеческие останки залежали на глубине от 63 см до 72 см. Камни покрывали часть посткраниального скелета и лежащий рядом череп, а остальная часть костяка, залегавшая глубже, была явно за пределами конструкции мусорной ямы. По найденным костным останкам был проведен остеологический анализ, определены возраст и пол погребённых. По коллагену, извлеченному из кости человека, получены абсолютные датировки погребения (табл. 1).

3 Результаты (Доумани Дютюй П.Н., Ташманбетова Ж.Х., Киясбек Г.К., Койл Р., Мерц В.)

3.1 Погребение и погребальный обряд

По результатам остеологического анализа возможно предположить, что погребение является совместным. Погребение, состоящее из костяка индивидуума-1 и черепа индивидуума-2, было совершено по обряду труположения (рис. 4). Общая площадь захоронения составляет 4 м (В-З) × 2,2 м (С-Ю). В погребении отсутствовали какие-либо наземные признаки, указывающие на захоронение. До начала раскопок на поверхности погребения фиксировалась западина (4×5 м), послужившая причиной закладки шурфа. Несмотря на то, что наши выводы касательно обряда захоронения ограничены полным отсутствием сопроводительного инвентаря, представляется возможным провести параллели с другими погребениями, основываясь на достаточно полном

Рис. 3. Поселение Кокен, шурф ОР6. 1 – фото. Под слоем камней этнографического периода находится захоронение раннего неолита; 2 – план (1–2 – обломок казана; 3 – фрагмент керамики; 4–6 – кости МРС; 7 – копыто КРС; 8 – обработанный камень). Фото: Паула Доумани Дюпюй; чертеж: Галымжан Киясбек

3-сур. Көкен қонысы, ОР6 шурф: 1 – сурет. Этнографиялық кезеңнің тас қабаты астында ерте неолиттік жерлеу орны бар; 2 – жоспар (1–2 – қазан сынықтары; 3 – керамика бөлшегі; 4–6 – ұсақ мал сүйектері; 7 – ірі-қара малдың тұяғы; 8 – өңделген тас). Сурет: Паула Доумани Дюпюй; сызба: ғалымжан Қиясбек

Fig. 3. Koken settlement, OP6 excavation: 1 – photo showing an ethnographic period stone layover covering an early Neolithic burial; 2 – plan (1–2 – fragment of a cauldron; 3 – pottery fragment; 4–6 – bones of cattle; 7 – cattle hoof; 8 – worked stone). Photograph: Paula Doumani Dupuy; drawn by: Galymzhan Kiyasbek

количестве человеческих останков и того, как они были захоронены. Ниже описаны характеристики погребения, указывающие на возможный ритуал захоронения Кокен.

Для совершения захоронения была вырыта яма округлой формы. Скелет индивидуума-1 находился на правом боку, в сильно скорченном положении и направлен на северо-восток, колени погребённого были расположены очень близко к груди, что вероятно указывает на то, что скелет индивидуума-1 был перевязан/связан до того, как был совершен обряд захоронения. Большая часть скелета индивидуума-1 сохранилась *in situ*. Однако головка левой бедренной кости была смещена. Череп, выявленный рядом со скелетом и принадлежащий индивидууму-2, направлен на северо-запад, вероятно, был *in situ*. Половина черепа и нижняя челюсть индивидуума-2 отсутствовали в погребении, в свою очередь у индивидуума-1 не был обнаружен череп и ряд трубчатых костей.

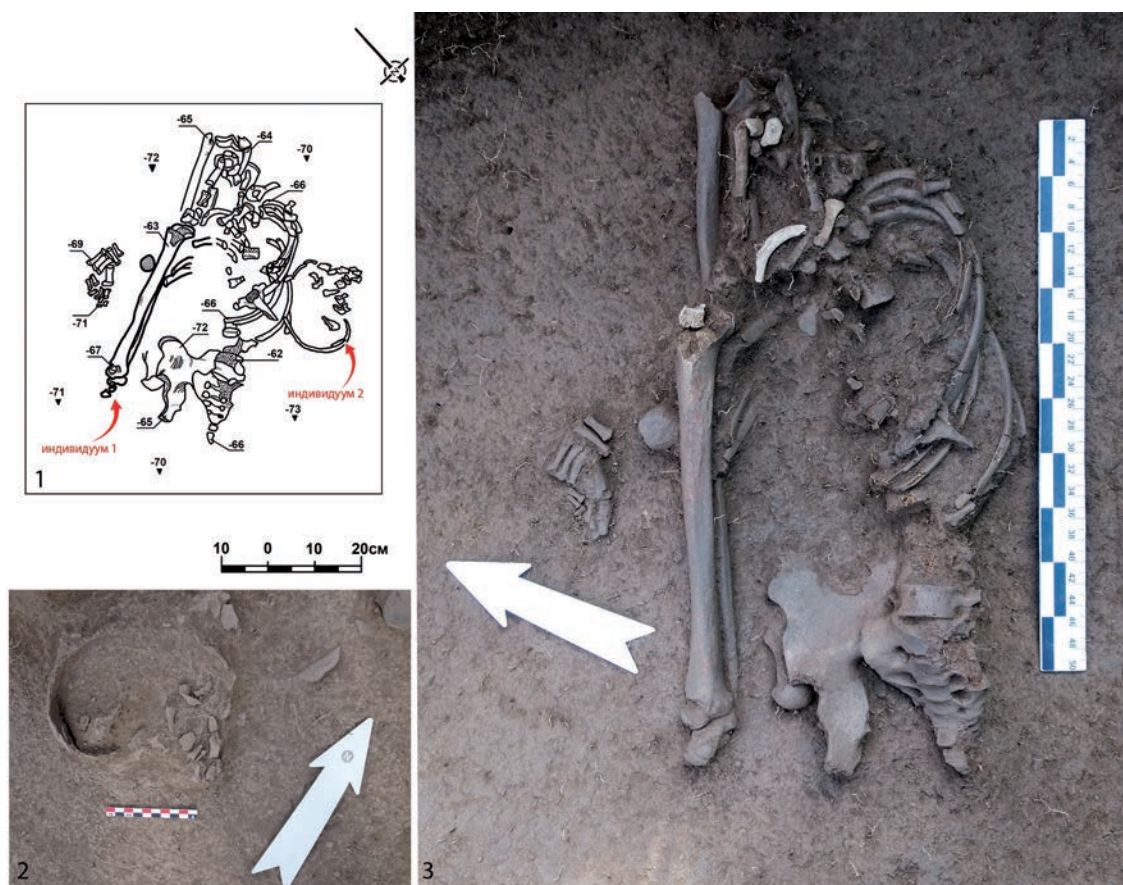

Рис. 4. Поселение Кокен. Ранненеолитическое захоронение двух индивидуумов:
1 – план; 2 – череп индивидуума-2; 3 – посткраниальный скелет индивидуума-1.

Исполнитель чертежа: Галымжан Киясбек; фото – Жұлдыз Ташманбетова

4-сур. Көкен қонысы. Екі индивидуумның ерте неолитте жерлеу орны:

1 – жоспар; 2 – 2-индивидуумың бас сүйегі; 3 – 1-индивидуумың посткраниалды қаңқасы.

Сызбаны орындаған: Ғалымжан Қиясбек; суретке түсірген – Жұлдыз Ташманбетова

Fig. 4. Koken settlement. Early Neolithic burial of two individuals:

1 – plan; 2 – cranium of individual-2; 3 – postcranial skeleton of individual-1.

Drawn by: Galymzhan Kiyasbek; photograph – Zhuldyz Tashmanbetova

Согласно некалиброванным датам, полученным в результате радиоуглеродного анализа по кости человека индивидуума-1, данное захоронение датируется 6370 ± 30 л.н., калиброванные даты $5471-5222$ лет до н.э. (с вероятностью в 95.4%) (табл. 1). Человеческий скелет залегал в отложениях жёлтого цвета с гравием, в которых также было найдено обильное количество каменных артефактов, в числе которых отщепы, пластины, дебитаж и нуклеусы (см. ниже). Несмотря на то, что погребение относится к раннему неолиту, каких-либо других материальных следов, свидетельствующих о пребывании здесь человека в данный период, не зафиксировано. Погребение залегало на 20 см глубже горизонта бронзового века и прорезало культурный слой эпохи мезолита. В целом, как уже упоминалось, памятник разновременный – здесь фиксируются находки довольно широкого хронологического диапазона, датируемого от мезолита до эпохи бронзы, а впоследствии и этнографического времени.

Таблица 1 – Результаты ^{14}C датирования образцов с поселения Кокен, проводившегося в лаборатории International Chemical Analysis Inc., Beta Analytics, США*

1-кесте – АҚШ-тың International Chemical Analysis Inc., Beta Analytics зертханасында жүргізілген Көкен қонысынан алынған үлгілерді ^{14}C мерзімдеу нәтижелері

Table 1 – Calibrated ranges of AMS dates from Koken settlement conducted BY International Chemical Analysis Inc. and Beta Analytic laboratories

Хронологический период	Лабораторной шифр	Материал	УМС некалиброванная дата, лет назад	Калиброванная дата, 68.2% (1σ)	Калиброванная дата, 95.4% (2σ)
Поздний мезолит**	ICA19B/10122	Костный коллаген	8180 ± 30	7247–7081 до н.э. (1σ)	7306–7075 до н.э. (2σ)
Ранний неолит	Beta-570765	Коллаген кости человека	6370 ± 30	5374–5311 до н.э. (1σ)	5471–5222 до н.э. (2σ)
Этнографический период	Beta-570763	Коллаген кости лошади	60 ± 30	не применимо	1692–1920 н.э.
Примечания: *Откалибровано при помощи OxCal v4.2.4 и IntCal13 [Bronk Ramsey 2009; Reimer et al. 2013]; **[Doumani Dupuy et al. 2021: table 1]					

3.2 Остеологический анализ

Предварительно, основываясь на разном возрасте сращения костей и прорезывания зубов, мы предполагаем, что скелетные останки, найденные на поселение Кокен, принадлежали двум индивидуумам. Захоронение, вероятно, состояло из черепа одного индивидуума, погребённого вместе с посткраниальным скелетом другого человека (рис. 5). В настоящее время проводятся генетические исследования по человеческому костному материалу из Кокена, результаты которых подтвердят данную интерпретацию о совместном характере захоронения.

Материал характеризуется хорошей сохранностью кости. Однако отсутствие многих элементов скелетов у обоих индивидуумов отразилось на полноте сбора остеологической информации. Нижеприведённый анализ включает определение пола и возраста погребённых к моменту смерти [White et al. 2011].

Индивидуум-1 состоял, в основном, из правой половины костяка и туловища скелета. Посткраниальные кости индивидуума-1 полностью срослись, за исключением не сросшегося медиального конца ключицы, грудины, и фаланги ног, демонстрирующие частичное сращение на проксимальных эпифизах. Костяк индивидуума-1 находился в незначительно нарушенном анатомическом

порядке и представлен только посткраниальным скелетом. Посткраниальный скелет индивидуума-2 полностью отсутствовал в погребении.

Череп индивидуума-2, в основном, состоит из фрагментированного нейрокраниума. Поддающиеся идентификации фрагменты находятся с левой половины мозгового черепа. Были идентифицированы фрагменты верхней челюсти, включая непрорезавшуюся коронку третьего моляра (M^3), последовательность прорезающихся клыков (C), третий и четвертый премоляры (P^3 и P^4). Были также обнаружены два нижнечелюстных зуба (левый и правый M_2), но из фрагментированных останков, найденных в погребении, практически невозможно было определить фрагменты нижней челюсти. У непроросшего M^3 коронка полностью была сформирована, но корни практически не сформированы. На M_2 нижней челюсти наблюдается минимальное обнажение дентина, в то время как премоляры верхней челюсти (P^3 и P^4) почти не изношены, только на P^3 присутствуют небольшие фасетки износа без обнажения дентина. Индивидуум-2 представлен черепом и отдельными зубами, может быть отнесен к человеку в возрасте от раннего до среднего подросткового периода на основании непрорезавшегося и частично сформировавшегося M^3 и довольно неизношенного зубного ряда.

Судя по состоянию неполностью сросшихся посткраниальных костей скелета, возможно отнести индивидуум-1 к возрасту от поздне-подросткового до 20–25 лет. Таким образом, вероятнее всего, индивидуум-1 был старше индивидуума-2. Из-за фрагментарного характера скелетных останков определение пола индивидуума-1 было возможным только по седалищной вырезке. Форма седалищной вырезки слегка узкая, что, как правило,

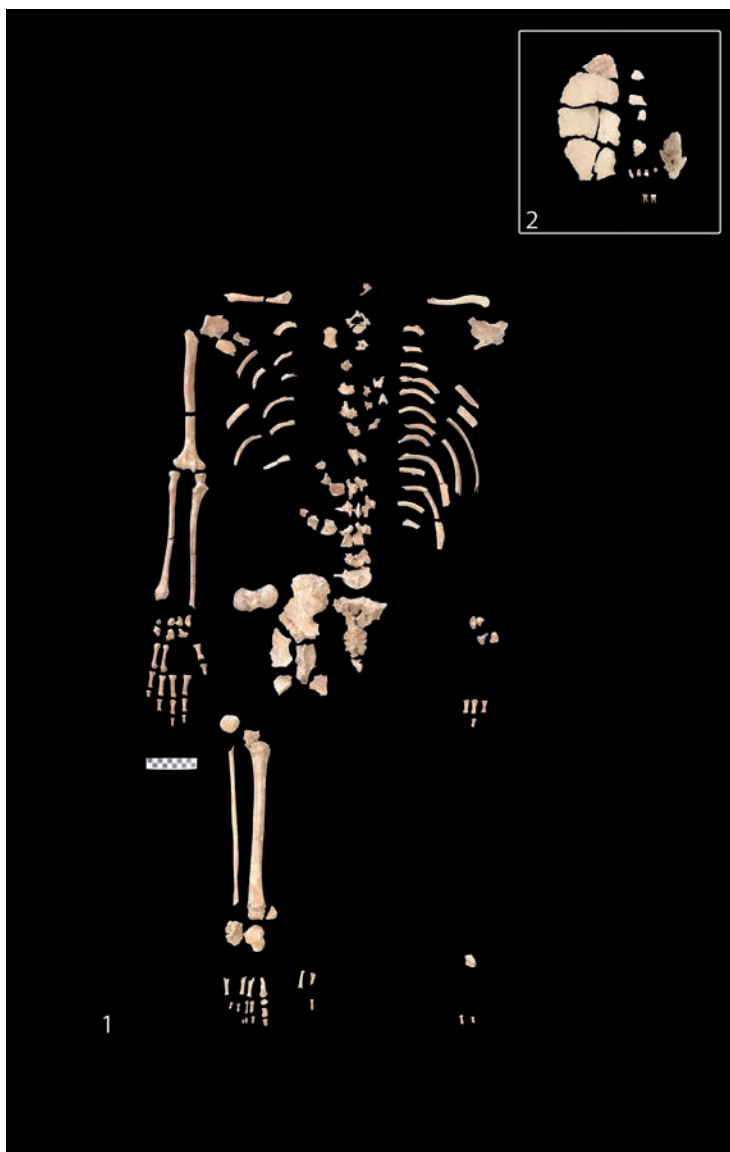

Рис. 5. Поселение Кокен. Элементы скелета: 1 – индивидуум-1; 2 – индивидуум -2. Фото: Рид Койл, Паула Доумани Дюпюй

5-сур. Көкен қонысы. Қаңқа элементтері:

1 – 1-индивидуум; 2 – 2-индивидуум.

Суретке түсірген: Рид Койл, Паула Доумани Дюпюй

Fig 5. Koken settlement. Skeletal elements: 1 – individual-1; 2 – individual-2. Photography: Reed Coil, Paula Doumani Dupuy

является более мужским признаком, однако, необходимо отметить, что достаточно молодой возраст индивидуума-1 затрудняет предоставление однозначного полового определения.

3.3 Материальный комплекс с памятника Кокен

В процессе изучения поселения эпохи бронзы Кокен было установлено, что памятник многослойный [Doumani Dupuy et al. 2021, table 1]. В культурном слое эпохи бронзы присутствовало много остатков каменных индустрий различных эпох. Ознакомившись с этими материалами и условиями их залегания в культурном слое, можно сделать следующие выводы. В слоях эпохи ранней бронзы обнаружено большое количество первичных отщепов с желвачной коркой и аморфных нуклеусов из различных кремневых пород. Наш предварительный анализ по каменным орудиям показывает, что среди этой массы артефактов, орудия являются большой редкостью и представлены обломками или невыразительными предметами в виде отщепов с ретушью или скребков. Это свидетельствует о том, что изученные участки поселения являлись стоянкой-мастерской, где производилось первичное расщепление кремневых желваков. Среди полученного материала данного комплекса встречаются отдельные образцы изделий, характерных для эпохи энеолита и ранней бронзы. Это, прежде всего, мелкие энеолитические наконечники стрел с выемкой в основании, обломок вкладыша с двусторонней обработкой, концевые и боковые скребла на крупных пластинчатых сколах и отщепах. С энеолитическим комплексом может быть связана также керамика чёрного цвета с плотной текстурой, прямыми стенками и горизонтально-линейным орнаментом.

Обломок черешкового наконечника стрелы, найденного в горизонте бронзового века, типичного для раннебронзовых комплексов степной зоны Казахстана, Южного Урала и Западной Сибири, связан с данным периодом. В целом, комплекс кремневых изделий из отщепов и отходов первичного расщепления с аморфными нуклеусами для отщепов необходимо связывать с эпохой энеолита и ранней бронзы, материальная культура которых представлена также керамическими комплексами, характерными для Восточного Казахстана и Прииртышья. Расчленив их может позволить дальнейшая работа с этими материалами.

Среди данного материала, выполненного из различных кремнистых пород, серого, белого, жёлтого кремня и халцедона, встречаются изделия более раннего облика из сердолика, серо-зелёного и патинированного кремня, происходящие из нижележащих слоёв, часть которых, вероятно, была разрушена хозяйственными ямами и иными конструкциями обитателей эпохи энеолита и бронзы. Изделия из прозрачного, тёмно-малинового сердолика и серо-зелёного кремня, связанные с микроиндустрией, представленной небольшими призматическими нуклеусами, немногочисленными пластинками, сколами и отщепами, предварительно можно отнести к эпохе позднего мезолита. Ещё один комплекс, связанный с нижним культурным слоем, представлен призматическими нуклеусами и пластинками из кремня, покрытого молочной патиной, может датироваться ранним мезолитом.

Комплексы каменных орудий, выявленных в культурных отложениях, можно рассматривать в рамках указанных периодов, которые подтверждаются серией С14 дат (табл. 1). Среди них, достоверно, пока отсутствуют материалы, которые можно было бы связать с эпохой неолита. Приоритетом наших дальнейших археологических работ на поселении Кокен является обнаружение местонахождения и изучение неолитического материала, а также потенциальной стоянки эпохи неолита. В целом, необходимо отметить, что поселение Кокен является первым многослойным памятником на территории Восточной Сарыарки, содержащим раннеголоценовые комплексы, изучение которых очень перспективно.

4 Обсуждение (Киясбек Г.К., Дюмани Дюпюй П.Н., Ташманбетова Ж.Х.)

4.1 Интерпретация археологического контекста захоронения Кокен

Несмотря на динамичное заселение и активную социальную деятельность на памятнике Кокен в течение, как минимум девяти прошлых тысячелетий, захоронение раннего неолита, залегавшее сравнительно близко к дневной поверхности, не было полностью разрушено и оставалось на первоначальном месте захоронения. Человеческие останки находились в анатомическом порядке, несмотря на то, что захоронение было потревожено в древности. Основываясь на археологическом контексте, в котором было найдено захоронение, представляется возможным предложить ряд гипотез, объясняющих: 1) связь между периодизацией погребения и стратиграфическим порядком залегания; 2) архитектуру погребения и 3) процесс того, как погребение было потревожено в более поздние этапы заселения памятника.

Гипотеза 1: Каменный слой, находившийся поверх костяка и черепа, вероятно, был частью неолитической погребальной архитектуры. Если данная гипотеза верна, в таком случае сложно объяснить причины, по которым впадина фиксировалась на поверхности до начала раскопа. Так как люди продолжали использовать и застраивать данное пространство на протяжении последующих тысячелетий, её (впадину) должно было накрыть посленеолитическим горизонтом, а именно слоями энеолита и эпохи бронзы.

Гипотеза 2: Население, выкопавшее мусорную яму этнографического периода поверх ранне-неолитического захоронения, полностью разрушило культурный горизонт бронзового века, после чего существенно нарушило сохранность каменного перекрытия захоронения. По-видимому, в процессе выкапывания мусорной ямы, камни, покрывавшие погребение, были отброшены в южную часть ямы, в результате чего люди, копавшие яму для мусорных отходов, наткнулись на человеческий костяк и покинули это место, не потревожив захоронение.

Гипотеза 3: Равномерно уложенные камни поверх захоронения никаким образом не связаны и не являются частью неолитического погребения, а полностью относятся к этнографическому этапу заселения памятника. В процессе выкапывания хозяйственной ямы люди этнографического периода наткнулись на захоронение, частично разрушив целостность архитектуры погребения, включая перекрытие/надгробие, которое было на месте до появления мусорной ямы на древней поверхности погребения.

В окрестностях поселения бронзового века Кокен большая часть развалин жилых и хозяйственных построек этнографического периода находятся рядом со впадинами схожего типа, которые, как выяснилось позже при закладке шурфа, использовались под хозяйственные нужды в этнографический период. Подобного рода ямы были врыты в слои поселения бронзового века по периметру памятника. Для выяснения характера и происхождения впадины, расположенной над неолитическим погребением, нами был заложен шурф в 2022 г. на месте одной из подобных впадин (мусорная яма № 2, рис. 6, 1), находящейся к северу от мусорной ямы № 1 (рис. 6, 2), под которой было найдено неолитическое захоронение. Верхний слой ямы № 2, залегавший под дёрном, был заполнен слоем золы и обломками костей животных, также как и в мусорной яме № 1. Дно мусорной ямы № 2 было выложено одним слоем камней среднего размера, покрытых тонким слоем бледно-коричневой глины. Некоторые из камней имеют следы обработки. Под камнями на дне мусорной ямы № 2 залегал слой бронзового века.

Предположительно, люди, заложившие яму над погребением для хозяйственных отходов в этнографический период, тем самым нарушили целостность погребения, потревожив архитектуру

Рис. 6. Поселение Кокен. Хозяйственные ямы этнографического периода: 1 – хозяйственная яма № 2; 2 – хозяйственная яма № 1 (с человеческим захоронением эпохи неолита).

Фото: Паула Доумани Дюпюй (1); Жұлдыз Ташманбетова (2)

6-сур. Көкен қонысы. Этнографиялық кезеңнің шаруашылық шұңқырлары: 1 – № 2 шаруашылық шұңқыры; 2 – № 1 шаруашылық шұңқыры (неолит дәуірінің адам жерлеу орнымен).

Суретке түсірген: Паула Доумани Дюпюй (1); Жұлдыз Ташманбетова (2)

Fig. 6. Koken settlement. Ethnographic period midden: 1 – midden no. 2; 2 – midden no. 1, beneath which the Neolithic human burial was found. Photography: Paula Doumani Dupuy (1); Zhuldyz Tashmanbetova (2)

Рис. 7. Поселение Кокен. Содержимое мусорной ямы № 1: 1 – трубчатые кости лошади и фрагмент казана; 2 – лопатка барана; 3–4 – фрагмент казана; 5 – обработанные камни в основании мусорной ямы; 6 – фрагменты керамики. Фото: Жұлдыз Ташманбетова (1–3), Галымжан Киясбек (4–6)

7-сур. Көкен қонысы. 1-қалдық шұңқырының құрамы: 1 – жылқының жілік сүйектері және қазан сынығы; 2 – қойдың жауырыны; 3–4 – қазан сынығы; 5 – қалдық шұңқырының түбіндегі өңделген тастар; 6 – керамика бөлшектері. Суретке түсірген: Жұлдыз Ташманбетова (1–3), Галымжан Киясбек (4–6)

Fig. 7. Koken settlement. Contents of midden no. 1: 1 – long bones of a horse and cauldron fragment; 2 – sheep scapula; 3–4 – cauldron fragment; 5 – worked stone at the base of the midden; 6 – pottery sherds. Photography: Zhuldyz Tashmanbetova (1–3), Galymzhan Kiyasbek (4–6)

захоронения, погребальный обряд и сопроводительный инвентарь. Таким образом, мы склоняемся к гипотезе № 3: слой камней поверх захоронения не связан с неолитическим захоронением и не является его частью, а полностью относится к этнографическому этапу заселения памятника. Точное расположение и границы погребения, а также устройство предположительно ранее присутствующего каменного перекрытия, были нарушены в этнографический период сооружением мусорной ямы, которая была врыта в более древние культурные слои поселения Кокен. Важно отметить, что большая часть скелета раннего неолита осталась неповрежденной, поэтому мы предполагаем, что костяк был причиной, по которой этнографические насельники прекратили углубляться в более древние слои памятника.

Следует отметить, что в отличие от мусорной ямы № 2, яма № 1 содержала сравнительно меньшее количество мусора, по всей видимости, присутствие захоронения в яме № 1 было причиной, по которой было использовано другое место под выброс большей части отходов. Внутри мусорной ямы № 1 были найдены кости лошади, МРС и КРС со следами порезов острым предметом, также фрагменты керамики, железного казана, фарфора и стекла (рис. 7, 1–6). Все перечисленные предметы находились над скелетом человека поверх уложенных камней, выстилающих мусорную яму, а не под скелетом или на одном уровне с ним. Радиоуглеродное датирование по кости лошади, найденной в данной мусорной яме на поверхности скопления камней, показал, что этому слою всего 200 лет (табл. 1).

4.2 Погребение Кокен в контексте синхронных погребений Казахстана, Центральной Азии и Сибири

На данный момент раннеолитическое захоронение из Кокена представляет собой самое раннее из известных человеческих захоронений, имеющее абсолютные даты на территории Казахстана. Известные раннее погребения были отнесены к эпохе неолита–энеолита по сопроводительному инвентарю методом аналогии: это Железинка, Шидерты-3, Усть-Нарым (Восточный Казахстан), Бестамак (Северный Казахстан) (рис. 1). Вышеперечисленные погребения имеют различные обряды захоронения и сопроводительный инвентарь, которые в значительной степени отличаются от обряда захоронения, зафиксированного для погребения Кокен. К примеру, Железинский могильник был продатирован по керамике и наконечникам стрел, аналогичным материалам, найденным на стоянке Пеньки 1, и отнесен к эпохе позднего неолита–энеолита [Мерц 2019: 65–68]. В Железинском могильнике захоронение из двух человеческих останков были разрушены обвалом обрыва на берегу речки, в связи с чем положение скелетов неизвестно. Богатый сопроводительный инвентарь включал в себя керамические сосуды баночной формы со сферическим дном, каменные орудия в виде листовидных наконечников копья и дротика, костяные орудия в виде наконечников стрел, украшения из кабаньих клыков, ожерелье из просверленных резцов сурка, бусы из раковин и фаланги кулана, окрашенные охрой. На стоянке Шидерты-3 скелет был уложен головой в юго-восточном направлении, тело расположено на спине и руки вытянуты вдоль тела с кистью левой руки на бедре. Под нижней челюстью обнаружены останки ожерелья из передней стенки резца речного бобра, а также резцов и клыков сайги. Автор продатировал данное погребение рубежом эпохи неолита–энеолита [Мерц 2002: 75–102; 2019: 68–71]. На многослойном поселении Усть-Нарым были обнаружены два погребения ранних периодов. Первое погребение парное, с вытянутым положением костяков на спине. Рядом с погребёнными был положен костяной кинжал с кремневыми вкладышевыми пластинками, которые С.С. Черников отнёс к эпохе неолита [Черников

1970: 7]. Могильник Бестамак, находящийся в северной части Тургайского прогиба в Северном Казахстане, состоит из 12-ти доандроновских одиночных погребений. Согласно радиоуглеродному датированию, памятник относится к эпохе энеолита Тургая, однако в погребении № 109 были найдены костяные изделия, широко распространённые в Северной Евразии как в энеолите, так и в неолите. Костяки преимущественно ориентированы головой на С, по одному случаю — на СВ, СЗ и Ю, в вытянутом положении на спине и в положении сидя. При совершении обряда погребения покойников обильно посыпали охрой так же, как и в Железинском могильнике. Четыре из 12-ти захоронений не имеют инвентаря, в остальных сопутствующий инвентарь довольно разнообразен, включая отщепы, наконечники, подвески, бусы, и другие каменные и костяные изделия [Логвин, Шевнина 2009: 142–151].

Таким образом, самые ранние погребения на территории Казахстана, которые имеют С14, даты относятся к эпохе энеолита, к примеру, Бестамак и Майский V [Логвин, Шевнина 2009; Захаров и др. 2020], поэтому имеет смысл провести аналогии с обрядами захоронения более обширной части Центральной Азии и Сибири, где было найдено и зафиксировано большее количество ранних погребений (рис. 1).

Наиболее многочисленная группа погребений раннего неолита была открыта и исследована в Байкальском регионе Сибири и, в основном, ассоциируются с китойской традицией захоронения, к примеру, могильники Китойский, Шаманка II, Галашиха, Локомотив и др. имеют схожие черты с погребением, датированном VI тыс. до н.э. из Кокена, внутримогильные или надмогильные сооружения и конструкции практически отсутствуют в погребениях данного типа [Базалийский и др. 2006: 82; Goriunova et al. 2020]. Китойские могильники имели неустойчивую традицию ориентации погребённых: головой на восток, север, юго-восток, северо-восток, при этом имея положение костяков, вытянутое на спине, на спине с подогнутыми ногами и скорченное на боку [Лбова, Жамбалтарова 2009: 89–90], однако преобладает обряд захоронения в вытянутом положении на спине и ориентировка погребений головой на СВ [Базалийский и др. 2006]. Для погребений Хоторукской группы Байкальской Сибири характерен обряд захоронения в скорченном положении [Goriunova et al. 2020]. Такая традиция захоронения присутствовала в эпоху неолита байкальского региона, что позволяет провести параллели обряда погребения байкальских могильников с кокенским захоронением неолита.

Более того, для байкальских погребений неолита характерны одиночные и совместные захоронения, включающие двух и более индивидов. В отличие от Кокенского неолитического погребения, захоронения Байкала сопровождаются богатым погребальным инвентарём, в котором преобладают изделия из кости и рога. Их сходство с могильниками Бестамак и Железинка проявляется в том, что днища ям, костные человеческие останки и погребальный инвентарь были окрашены охрой [Базалийский и др. 2006: 82–84]. Несмотря на то, что погребальный инвентарь и следы охры отсутствовали в погребении Кокен, наиболее важной аналогией с байкальским погребальным обрядом является обряд захоронения костяков без черепа, вторичное изъятие черепов из могил или захоронение черепа отдельно, а также вторичное подзахоронение чужих человеческих костей или отдельных частей тела [Базалийский 2006: 213]. Преднамеренные посмертные манипуляции с телом и костными останками до- и после погребения, проявления вторичных погребальных практик имели широкое распространение в эпоху раннего неолита в регионе Байкала [Базалийский и др. 2006: 96]. Напоминаем, что в неолитическом погребении Кокена, вероятно, практиковался подобный обряд захоронения, при котором в погребении отсутствовал череп и присутствовал

посткраниальный скелет одного индивидуума, а череп другого индивидуума, вероятно, был подзахоронен с посткраниальным скелетом первого индивидуума. Факты вторичного захоронения и подзахоронения чужих костей прослеживаются в материалах могильников Локомотив, Усть-Белая и Фофановского [Базалийский и др. 2006: 96]. Важно отметить, что отсутствие черепа стоит в ряду основных признаков, характеризующих ранненеолитические погребения Байкала, при этом позвонки погребённого и остальной посткраниальный скелет не повреждались и находились в анатомическом порядке, что схоже с обрядом захоронения в погребении Кокена.

Отличительной характеристикой захоронения Кокен является то, что костяк был захоронен в сильно скорченном положении, ориентированный на северо-восток. Аналогичный обряд захоронения зафиксирован на мог. Харуулын Гозгор в Северной Монголии [Reichert et al. 2022; Идэрхангай и др. 2015; 2016]. Покойники были погребены в сильно скорченном положении, при котором колени касались лба, по причине чего могильная яма была относительно маленького размера, также как и в Кокене. Сам обряд погребения в сильно скорченном положении также напоминает Байкальские погребения из Фофаново, в особенности Фофановский могильник № 17 [Лбова и др. 2008: 64]. Радиоуглеродные даты относят мог. Харуулын Гозгор к середине VI тыс. до н.э. Могильные ямы круглой формы были покрыты слоем равномерно уложенных камней. Внутренняя часть могильных ям и покойники посыпались охрой. Погребальный инвентарь практически отсутствует. Костяки преимущественно ориентированы на ЮЗ–СЗ. Погребения содержат останки нескольких индивидуумов, некоторые из которых были подзахоронены позднее.

Неолитические захоронения были также найдены в южных частях Центральной Азии. Погребения Джейтунской культуры примерно датируются тем же периодом, что и Кокенское захоронение, однако имеют ряд отличительных черт: индивидуумы захоронены в границах поселенческих комплексов, погребальные конструкции возведены из кирпичей и/или земли, и покойников обильно посыпали охрой. Они совершались по обряду ингумации и представлены одиночными первичными захоронениями с неопределённой ориентацией тела [Rol 2019]. Неолитические погребения были также найдены на территории Таджикистана, к ним относятся погребения Гиссарской культуры, такие как Туткаул и Сай Сайёд [Kocher et al. 2021; Белановская и др. 1996: 87–126]. Данные погребения, относящиеся к Гиссарской культуре, не абсолютно синхронны с Кокенским захоронением, они были датированы более ранним этапом [Kocher et al. 2021]. Покойники были ориентированы головой ЮВ–СЗ и находились в сильно скорченном положении на левом боку, предположительно были связаны при погребении, что схоже с Кокенским обрядом захоронения. Гиссарские захоронения, в основном, одиночные, за исключением одного парного детского погребения.

Будущий генетический анализ погребения из Кокена необходим для выявления генетических связей между людьми каменного века степного Казахстана и более обширной части Центральной Азии и Сибири.

5 Выводы (Ташманбетова Ж.Х.)

Таким образом, Кокенское погребение, датируемое VI тыс. до н.э. является самым ранним погребением на территории Казахстана, найденным *in situ*, возраст которого был подтвержден 14С датами. Погребение имеет уникальный обряд, не имеющий аналогий в Казахстане, и, основываясь на таких чертах захоронения, как совместное захоронение черепа и посткраниального скелета двух разных индивидуумов, сильно скорченное положение костяка и небольшое количество сопроводительного инвентаря в погребении, указывает на то, что ранненеолитическое погребение

Кокен обладает чертами ритуалов захоронения памятников Байкальской Сибири и Центральной Монголии.

Многослойный памятник Кокен был заселен и активно использовался с каменного века. Однако горизонты заселения памятника в добронзовые периоды более эфемерны. Изученные участки поселения являлись стоянкой-мастерской в раннем голоцене, где производилось первичное расщепление кремневых желваков. Кокенское погребение, по имеющимся для него С14 датам (табл. 1), указывающим на эпоху раннего неолита, на данный момент не представляется возможным связать с каким-либо из выявленных комплексов каменных индустрий. Несмотря на то, что каменные орудия неолитического типа не были найдены, дальнейший анализ мезо- и энеолитического каменного инвентаря и керамического комплекса с поселения Кокен предоставит возможность найти аналогии с другими раннеголоценовыми памятниками региона и поможет в решении ряда проблем позднего мезолита и неолита всего Казахстана и сопредельных территорий. Вероятнее всего, неолитическая стоянка находилась где-то в другом месте, в окрестностях уже изученных участков. Огромный потенциал имеет дальнейшие запланированные археологические работы по выявлению местонахождения стоянки каменного века на памятнике Кокен.

Благодарности. Выражаем благодарность акимату Восточно-Казахстанской области за оказанную поддержку в проведении полевых работ в рамках проекта «Алтай Тарбагатай от эпохи бронзы до раннего средневековья».

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Агеева Е.И., Максимова А.Г.* Отчёт Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. VII. С. 32-58.
- 2 *Айткали А.К., Жунисханов А.С., Каирмагамбетов А.М., Ахметов М.Г., Рахманкулов Е.Ж.* Предварительные результаты исследования могильника Каратобе в микроархеологическом районе Кокентау в 2014 году // Кадырбаевские чтения-2014: м-лы IV Междунар. научн. конф. (г. Актөбе, 10–19 октября 2014 г.) / Науч. ред. А.А. Бисембаев. Актөбе: ГKKП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2014. С. 151-160.
- 3 *Айткали А.К., Жунисханов А.С., Каримов М.К., Исин А.И., Рахманкулов Е.Ж.* Новые памятники эпохи бронзы горного массива Кокентау // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. научн. трудов XVI междунар. науч.-практ. конф. (г. Усть-Каменогорск, 28–29 сентября 2017 г.) / Отв. ред. Э.Т. Толеубекова. Усть-Каменогорск: МедиаАльянс, 2017. С. 18-23.
- 4 *Артюхова О.А., Мамиров Т.Б.* Стоянка Токтаул как уникальный памятник каменного века Центрального Казахстана // Евразия в Кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры: м-лы докл. V Междунар. научн. конф. «Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры» (г. Иркутск, 7–9 декабря 2016 г.). Вып. 5. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2016. С. 165-171.
- 5 *Базалийский В.И.* Некоторые аспекты проявления вторичных погребальных практик в ритуале захоронений позднего мезолита–раннего неолита Байкальской Сибири // Вестник Иркутского государственного технического университета. Серия: История и философия. 2006. № 4 (28). С. 213-214.
- 6 *Базалийский В.И., Ливере А.Р., Хаверкорт К.М., Пежемский Д.В., Тютрин А.А., Туркин Г.В., Вебер А.В.* Ранненеолитический комплекс погребений могильника Шаманка-II (по материалам раскопок 1998–2003 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. Т. 4. С. 80-103.
- 7 *Белановская Т.Д., Бжания В.В., Гурина Н.Н., Зайцева Г.И., Зими́на М.П. и др.* Археология. Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. Т. 20. М.: Наука, 1996. 397 с.

- 8 Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы. Среднеазиатского междуречья / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 13. М.: Наука, 1981. 176 с.
- 9 Доумани Дюпюй П.Н., Жунисханов А.С., Буллион Э., Рахманкулов Е.Ж., Киясбек Г.К., Ташманбетова Ж.Х., Исин А.И., Меркл Э., Гумирова О. Археологические исследования памятника Кокен (Восточный Казахстан): Предварительные результаты // Маргулановские чтения-2020: м-лы междунар. научн.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.) / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. В 2-х т. Т. 2. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 68-81.
- 10 Зайберт В.Ф. Атбасарская культура / Отв. ред. И.Б. Васильев; РАН, Уральское отд-ние. Екатеринбург: [Б.и.], 1992. 222 с.: ил.
- 11 Захаров С.В., Мерц В.К., Бычков В.С. Охранные раскопки курганный группы Майское V // Мир Большого Алтая. 2020. № 6 (3). С. 982-1000.
- 12 Илиуф Х.Ш. Древности Кокентау // Роль музеев на современном этапе и перспективы развития: м-лы Междунар. научно-практ. конф., посвящ. 70-летию Павлодарского областного историко-краеведческого музея им. Г.Н. Потанина (г. Павлодар, 2012 г). Павлодар: [б./и.], 2012. С. 29-35.
- 13 Исин А.И., Жунисханов А.С., Айткали А.К., Рахманкулов Е.Ж. Археологические памятники Семейтау и Кокентау в Восточном Казахстане // Алтай – золотая колыбель тюркского мира / Отв. ред. Д. Ахметов. Усть-Каменогорск, 2018. С. 1-252.
- 14 Коншин Н.Я. О памятниках старины в Семипалатинской области // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества / Отв. ред. Н.Я. Коншин. Семипалатинск: Типография Семипалат. обл. правления, 1903. Вып. I. С. 1-32.
- 15 Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д. Характерные признаки погребального обряда раннего неолита Западного Забайкалья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, Вып. 3: Археология и этнография. С. 89-97.
- 16 Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск: ИИАЭт СО РАН, 2008. 248 с.
- 17 Логвин А.В., Шевнина И.В. Погребение каменного века могильника Бестамак // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОПГУ, 2009. С. 142-151.
- 18 Логвин В.Н. Каменный век Казахского Притоболья (мезолит–энеолит). Алма-Ата: Каз. гос. пед. ун-т., 1991. 89 с.
- 19 Массон В.М. Поселение Джейтун (проблемы становления производящей экономики) / МИА. № 180. Л.: Наука, 1971. 208 с.: ил.
- 20 Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.К. Мерц. Павлодар: Эко, 2002. С. 75-102.
- 21 Мерц В.К. Процессы неолитизации в Северо-Восточном Казахстане // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 99-109.
- 22 Мерц В.К. Краткая история развития материальной культуры Павлодарского Прииртышья: иллюстрир. научн.-поп. изд. Павлодар: Центр археол. иссл. им. А.Х. Маргулана, 2019. 142 с.
- 23 Самашев З.С., Айткали А.К., Жунисханов А.С., Доумани Дюпюй П.Н., Рахманкулов Е.Ж., Киясбек Г.К., Ташманбетова Ж.Х., Курмангалиев А.К., Жангалиев У.К. Предварительные результаты исследования памятников эпохи бронзы горного массива Кокентау в 2020 г. // Древняя и средневековая археология Центральной Азии: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Омарова Гани Калиханулы (г. Алматы, 5 июля 2021 г.) / Отв. ред. Р.С. Жуматаев. Алматы: Қазақстан университеті, 2021. С. 47-62.
- 24 Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: АН СССР, 1970. 272 с.
- 25 Идэрхангай Т., Маржиддорж Э., Оргилбаяр С., Галбадрах Б., Эрдэнэбаатар Д., Өнөрбаяр Б. Эгийн голын шинэ чулуун зэвсийн үеийн булшнууд // Journal of the Archaeology, History and Culture. 2015. No. 11 (10). P. 1-22.

- 26 Идэрхангай Т., Маржиддорж Э., Оргилбаяр С., Галбадрах Б., Эрдэнэбаатар Д., Өнөрбаяр Б. Умрад Монголоос шинээр илэрсэн шинэ чулуун зэвсгийн үеийн оршуулгын судалгаа // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая (г. Красноярск, 3–7 октября 2016 г.) / Отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: Сибирский Федер. ун-т, 2016. С. 126-144.
- 27 Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. 51. P. 337-360.
- 28 Doumani Dupuy P.N., Zhuniskhanov A.S., Bullion E.A., Kiyasbek G.K., Tashmanbetova Zh.Kh., Rakhmankulov E.Z., Isin A.I. The newly discovered bronze age site of Koken: Merging micro-regions with major study zones in the high steppes of Kazakhstan // Archaeological Research in Asia. 2021. Vol. 27. 100292. DOI:10.1016/j.ara.2021.100292
- 29 Goriunova O.I., Novikov A.G., Turki G.V., Weber A.W. Middle Holocene hunter-gatherer, part I: Early Neolithic // Archaeological Research in Asia. 2021. Vol. 26. 100224. DOI:10.1016/j.ara.2020.100224
- 30 Harris David R. Origins of Agriculture in Western Central Asia: An Environmental-Archaeological Study. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2010. 321 p.
- 31 Kocher A. et al. Ten millenia of hepatitis B virus evolution // Science. 2021. No. 374. P. 182-188. DOI:10.1126/science.abi5658
- 32 Rol N. Dealing with the Dead in Aeneolithic Monjukli Depe: Norms and Handlungsräume in Burial Practices // Looking Closely. Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010-2014. Leiden: Sidestone Press, 2019. P. 213-264.
- 33 Reichert S., Erdene-Ochir N., Bemmman J. A Unique Burial of the Fourth Millennium BCE and the Earliest Burial Traditions in Mongolia // Asian Perspectives. 2022. Vol. 61, No 2. P. 220-252.
- 34 Reimer P. Bard E., Baylis A., Beck J.W., Blackwell P.G., Ramsey C.B., Buck C.E., Hai Cheng, Edwards R.L., Friedrich M. et al. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50 000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55, Issue 4. P. 1869-1887.
- 35 Taylor W.T.T., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M.T., Abdykanova A., Brancaloni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Hodgins G., Stahl R., Min J., Alisher kyzy S., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A., Jeong C., Warinner C. & Shnaider S. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia // Nature Human Behaviour. 2021. Vol. 5, No. 9. P. 1169-1179.
- 36 White T.D., Black M.T., Folkens P.A. Human Osteology. California: Elsevier Academic Press, 2011 (3rd edn).
- 37 Yoshihiro N., Aripdjanov O., Arai S., Akashi Ch., Nakata H., Sayfullayev B., Ergashev O., Suleimanov R. Neolithization during the 6th Millennium BCE in Western Central Asia: New Evidence from Kaynar Kamar Rockshelter, Hissar Mountains, Southeast Uzbekistan // Archaeological Research in Asia, 2022. Vol. 30, No 2. 100352.

REFERENCES

- 1 Ageeva, E. I., Maksimova, A. G. 1959. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the KazSSR Academy of Science)*, 7, 32-58 (in Russian).
- 2 Aitkali, A. K., Zhuniskhanov, A. S., Kairmagambetov, A. M., Akhmetov, M. G., Rakhmankulov, E. Zh. 2014. In: Bissembaev, A. A. (ed.). *Kadyrbayevskie chteniya–2014 (Kadyrbayev Readings–2014)*. Aktobe: Aktobe region historical-regional museum, 151-160 (in Russian).
- 3 Aitkali, A. K., Zhuniskhanov, A. S., Karimov, M. K., Isin, A. I., Rakhmankulov, E. Zh. 2017. In: Toleubekova, E. T., Alekseenko, A. N. (eds.) *Etnodemograficheskie protsessy v Kazakhstane i sopredelnykh territoriyah (Ethno-demographic processes in Kazakhstan and adjacent territories)*. Ust-Kamenogorsk: “Mediya Aliyans” Publ., 18-23 (in Russian).
- 4 Artyukhova, O. A., Mamirov, T. B. 2016. In: *Evrasiya v Kainozoe. Stratigrafiya, Paleoekologiya, Kultury (Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Cultures)*, 5, 165-171 (in Russian).
- 5 Bazaliyskiy, V. I. 2006. In: *Vestnik Irkutskii gosudarstvennyi universitet (Bulletin of Irkutsk State Technical University)*, 4 (28), 80-103 (in Russian).

- 6 Bazaliyskiy, V. I., Livere, A. R., Haverkort, K. M., Pezhemskiy, D. V., Tyutrin, A. A., Turkin, G. V., Weber, A. V. 2006. In: *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii (Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies)*, 4. Irkutsk: Irkutsk State Technical University, 80-103 (in Russian).
- 7 Belanovskaya, T. D., Bzhaniya, V. V., Gurina, N. N., Zaitseva, G. I., Zimina, M. P. et al. 1996. *Arheologiya. Neolit Severnoy Evrazii (Archaeology. Neolithic of Northern Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 8 Vinogradov, A. V. 1981. *Drevnie okhotniki i rybolovy Sredneaziatskogo mezhdurechiya (Ancient hunters and fishermen of the Central Asian interfluvium)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 9 Doumani Dupuy, P. N., Zhuniskhanov, A. S., Bullion, E., Rakhmankulov, E. Zh., Kiyasbek, G. K., Tashmanbetova, Zh. Kh., Isin, A. I., Merkle, A., Gumirova, O. 2020. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya – 2020 (Margulan readings – 2020)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 68-81 (in Russian).
- 10 Zaibert, V. F. 1992. *Atbasarskaya kultura (Atbasar culture)*. Ekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural branch (in Russian).
- 11 Zakharov, S. V., Merts, V. K., Bychkov, V. S. 2020. In: *Mir Bolshogo Altaya (World of the Big Altai)*, 6 (3), 982-1000 (in Russian).
- 12 Iliuf, K. S. 2012. In: *Rol muzeev na sovremennom etape i perspektivy razvitiya (Role of museums at the present stage and development prospects)*. Pavlodar, 29-35 (in Russian).
- 13 Isin, A. I., Zhuniskhanov, A. S., Aitkali, A. K., Rakhmankulov, E. Z. 2018. In: Akhmetov, D. K. (ed.). *Altai – zolotaya kolybel tyurkskogo mira (Altai – the golden cradle of the Turkic world)*. Ust-Kamenogorsk: Akimat of Eastern Kazakhstan region, 98-112 (in Russian).
- 14 Konshin, N. Y. 1903. In: *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zap-Sib. Otdela Imperatorskoe Russkoe Geograficheskoe obshchestvo (Notes of the Semipalatinsk subdivision of the West Siberian department of Imperial Russian Geographical Society)*, 1. Semipalatinsk: Printing house of the Semipalatinsk Regional Board, 1-32 (in Russian).
- 15 Lbova, L. V., Zhambaltarova, E. D. 2009. In: *Vestnik Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet. Seriya: Istoriya, filologiya. Vypusk: Arheologiya, etnografiya (Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology. Edition: Archaeology and ethnography)*, 8 (3), 89-97 (in Russian).
- 16 Lbova, L. V., Zhambaltarova, E. D., Konev, V. P. 2008. *Pogrebalnye komplekсы neolita – rannego bronzovogo veka Zabaikaliya (formirovanie arhetipov pervobytnoy kultury) (Burial complexes of the Neolithic – Early Bronze Age of Transbaikalia (formation of archetypes of primitive culture))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS (in Russian).
- 17 Logvin, A. V., Shevnina, I. V. 2009. In: Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniya kultur bronzovogo veka stepnoy zony Vostochnoy Evropy (The problems of studying the Early Bronze Age cultures in the steppe zone of Eastern Europe)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 142-151 (in Russian).
- 18 Logvin, V. N. *Kamennyy vek Kazakhstanskogo Pritobolya (mezolit–eneolit) (Stone Age of the Tobol region in Kazakhstan (mezolit–eneolit))*. Almaty: Kazakh Pedagogical University (in Russian).
- 19 Masson, V. M. 1971. *Poselenie Dzheitun (problemy stanovleniya proizvodyaschey ekonomiki) (Jeitun settlement (problems of the formation of a producing economy))*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 20 Merts, V. K. 2002. In: Merts, V. K. (ed.). *Izucheniye pamyatnikov arheologii Pavlodarskogo Priirtyshiya (The study of archaeological sites in Pavlodar's Irtysh region)*. Pavlodar: "Eko" Publ., 75-102 (in Russian).
- 21 Merts, V. K. 2018. In: *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki" (Bulletin of the Omsk University. Series: Historical sciences)*, 3 (19), 99-109 (in Russian).
- 22 Merts, V. K. 2019. *Kratkaya istoriya razvitiya materialnoy kultury Pavlodarskogo Priirtyshiya (A brief history of the development of Pavlodar's Irtysh Region material culture)*. Pavlodar: Center of archaeological research named after A.Kh. Margulan (in Russian).
- 23 Samashev, Z. S., Aitkali, A. K., Zhuniskhanov, A. S., Doumani Dupuy, P. N., Rakhmankulov, E. Z., Kiyasbek, G. K., Tashmanbetova, Zh. Kh., Kurmangaliyev, A. K., Zhangaliyev, U. K. 2021. In: Tuimebayev, Z. K. (ed.). *Drevnyaya i srednevekovaya arheologiya Tsentralnoy Azii (Ancient and medieval archaeology of Central Asia)*. Almaty: al Farabi Kazakh National University, 47-62 (in Russian).

- 24 Chernikov, S. S. *Vostochnyi Kazakhstan v epokhu neolita i bronzy (East Kazakhstan in Neolithic and Bronze Age)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- 25 Idirkhangai, T., Mirzhiddorzh, E., Origbaier, S., Galbadrakh, B., Edernebaatar, D., Önorbaier, B. 2015. In: *Journal of the Archaeology, History and Culture*, 11 (10), 1-22 (in Mongolian).
- 26 Idirkhangai, T., Mirzhiddorzh, E., Origbaier, S., Galbadrakh, B., Edernebaatar, D., Önorbaier, B. 2016. In: Mandryka, P. V. (ed.). *Drevnie kultury Mongolii, Baykalskoy Sibiri i Severnogo Kitaya (Ancient Cultures of Mogolia, Baikal Siberia and Northern China)*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 126-143 (in Mongolian).
- 27 Bronk, Ramsey C. 2009. In: *Radiocarbon*, 51, 337-360 (in English).
- 28 Doumani Dupuy, P. N., Zhuniskhanov, A. S., Bullion, E. A., Kiyasbek, G. K., Tashmanbetova, Zh. Kh., Rakhmankulov, E. Z., Isin, A. I. 2021. In: *Archaeological Research in Asia*, 27, 100292 (in English).
- 29 Goriunova, O. I., Novikov, A. G., Turkin, G. V., Weber, A. W. 2021. In: *Archaeological Research in Asia*, 26, 100224 (in English).
- 30 Harris, David R. 2010. *Origins of Agriculture in Western Central Asia: An Environmental-Archaeological Study*. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press (in English).
- 31 Kocher, A. et al. 2021. In: *Science*, 374, 182-188. DOI: 10.1126/science.abi5658 (in English).
- 32 Rol, N. 2019. In: Susan, Pollock, Reinhard, Bernbeck, Birgül, Ögüt (eds.) *Looking Closely: Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014*. Leiden: Sidestone Press, 213-264 (in English).
- 33 Reichert, S., Erdene-Ochir, N., Bemann, J. 2022. In: *Asian Perspectives*, 61 (2), 220-252 (in English).
- 34 Reimer, P. Bard E., Baylis, A., Beck, J W., Blackwell, P. G., Ramsey, C. B., Buck C. E., Hai Cheng, Edwards R. L., Friedrich M. et al. 2013. In: *Radiocarbon*, 55, 1869-1887 (in English).
- 35 Taylor, W. T. T., Pruvost, M., Posth, C., Rendu, W., Krajcarz, M. T., Abdykanova, A., Brancaloni, G., Spengler, R., Hermes, T., Schiavinato, S., Hodgins, G., Stahl, R., Min J., Alisher kyzy, S., Fedorowicz, S., Orlando, L., Douka, K., Krivoshepin, A., Jeong, C., Warinner C. & Shnaider S. 2021. In: *Nature Human Behaviour*, 5(9), 1169–1179 (in English).
- 36 White, T. D., Black, M. T., Folkens, P. A. 2011 (3rd edn). *Human Osteology*. California: Elsevier Academic Press (in English).
- 37 Yoshihiro, N., Aripdjanov, O., Arai, S., Akashi, Ch., Nakata, N., Sayfullayev, B., Ergashev, O., Suleimanov, R. 2022. In: *Archaeological Research in Asia*, 30, 100352 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.08.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 09.09.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 12.09.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.187.204>

Функциональный анализ орудий труда поселения Акбауыр 1 (Казахский Алтай)

© 2023 г. Ержанова А.Е.

Keywords: archaeology, traceology, Akbauyr 1, Early Iron Age, stone tools

Түйін сөздер: археология, трасология, Ақбауыр 1, ерте темір ғасыры, тас еңбек құралдары

Ключевые слова: археология, трасология, Акбауыр 1, ранний железный век, каменные орудия труда

Albina Yerzhanova¹

¹PhD, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: erjanova_a@mail.ru

Functional analysis of tools from the Akbauyr 1 settlement (Kazakh Altai)

In the course of excavations of the Akbauyr 1 settlement, rich archaeological record was obtained, including stone tools, the analysis of which enables evaluation of both the working skills of the ancient inhabitants and the temporal scope of the site's occupation. The results of the analysis may suggest that stone tools have been associated with various technological processes and activities that were practiced by the people of Kazakh Altai in the Early Iron Age. Tools of the following types of activity have been identified: ore mining (hoe heads, wedge-shaped mattock heads, hammer heads, pestles), metalworking (a casting mold, hammer heads, anvils, abrasives, smoothers, touchstones), raw hide and leather processing (scraper, cutter), pottery making (discoidal stands, burnishers), and, possibly, agriculture (hoe heads, mattock heads) as well as grinding grains for cooking (a grain grinder). It is established that the ratio of stone tools is evenly correlated with that of metal and bone tools. Local raw materials were used to make stone tools. The conclusion is that Akbauyr 1 in the 7th century BC was the place where some specialized crafts and household activities such as metal production (starting from ore mining to casting and hammering metals), manufacture of leather, pottery making, and, probably, agriculture were practiced.

Funding of source: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2025, IRN BR20280993.

For citation: Yerzhanova, A. 2023. Functional analysis of tools from the Akbauyr 1 settlement (Kazakh Altai). *Kazakhstan Archeology*, 3 (21), 187–204 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.187.204](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.187.204)

Альбина Ергешбайқызы Ержанова¹

¹PhD, жетекші ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

Ақбауыр 1 қонысынан табылған еңбек құралдарын функционалды талдау (Қазақ Алтайы)

Ерте темір дәуірінің Ақбауыр 1 қонысын зерттеу барысында әртүрлі материалдар, соның ішінде олар-

Альбина Ергешбаевна Ержанова¹

¹PhD, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

Функциональный анализ орудий труда поселения Акбауыр 1 (Казахский Алтай)

В процессе изучения поселения раннего железного века Акбауыр 1 получен разнообразный материал,

ды талдаудан ежелгі тұрғындардың еңбек дағдылары туралы түсінік алуға болатын тастан жасалған еңбек құралдары алынды. Жүргізілген талдау жұмыстары нәтижесі ерте темір дәуірінде өмір сүрген Қазақ Алтайы тұрғындарының еңбек құралдарын белгілі бір кәсіптеріне немесе әр түрлі технологиялық операцияларға пайдаланғанын болжауға мүмкіндік береді. Атап айтқанда, тау жыныстарын ашуға және ұсақтауға (кетпендер, қайла, балталар, үккіштер), металл өңдеуге (қалып, балға, төс, абразив, тегістегіш, қайрақ), тері өңдеуге (қырғыш пен кескіш), қыш өндірісіне (диск-үйкек, тегістегіш), жер өңдеуге (кетпен, шапқы) және дән үгуге (дәнүккіш) арналған құралдар анықталды. Тас құралдары мен құрылғылар саны жағынан металл және сүйектен жасалған құралдарға жақын. Құралдар жасауда жергілікті тау тастары қолданылған. Қорытынды: Ақбауыр 1 қонысында қолөнер, шаруашылық пен тұрмысқа қажетті мамандандырылған салалар: металл өндірудің толық циклі (кенді өндіруден құю және соғуға дейін), теріден бұйым жасау, қыш өндірісі, сонымен қатар, жер өңдеумен айналысты.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің нысаналы қаржыландыру бағдарламасы 2023–2025, ЖТН BR20280993 аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Ержанова А.Е. Ақбауыр 1 қонысынан табылған еңбек құралдарын функционалды талдау (Қазақ Алтайы). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (21). 187–204-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.3.21.187.204](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.187.204)

в том числе каменные орудия труда, анализ которых позволяет получить представление о трудовых навыках древних обитателей. Проведённый анализ позволяет предположить принадлежность орудий к различным технологическим операциям и, соответственно, к тем или иным занятиям населения Казахского Алтая в раннем железном веке. Определены, в частности, инструменты, служившие для вскрытия и измельчения горных пород (мотыги, клиновидные кайла, молоты, песты), обработки металлов (литейная форма, молотки, наковальни, абразивы, гладилки, оселки), обработки шкур и кож (скребок, резак), лепки и отделки сосудов (диски-подставки, ложила), земляных работ (мотыги, мотыжки) и растирания зерна (зернотёрка). Каменные орудия и приспособления по их численности близки металлическим и костяным инструментам. Для изготовления орудий использовалось местное сырьё. Вывод: на поселении Акбауыр 1 практиковались следующие специализированные ремёсла, хозяйственные и бытовые занятия: полный цикл металлопроизводства (от добычи руды до литья иковки), шорное дело, гончарство, а также, возможно, земледелие.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта BR20280993.

Для цитирования: Ержанова А.Е. Функциональный анализ орудий труда поселения Акбауыр 1 (Казахский Алтай). *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (21). С. 187–204. DOI: [10.52967/akz2023.3.21.187.204](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.187.204)

1 Введение

Поселение Акбауыр 1 расположено между сёлами Бестерек и Сагыр (Уланский р-н, ВКО) и является частью комплекса, в составе которого зафиксированы ограды, писаницы и петроглифы, стелы, курганы и др. Памятник исследуется с 2019 г. археологической экспедицией под руководством З. Самашева [Самашев и др. 2020: 103]. Поселение находится у подножья гор, окружающих памятник с запада и востока. С северо-восточной стороны поселения Акбауыр 1 находится древний рудник Кошанай. Памятник в планиграфическом отношении можно разделить на три части: западную, восточную и южную. В западной части выявлены жилища неправильно-прямоугольной формы с закруглёнными углами, которые соединяются коридорами (три строения). Кроме того, ближе к горе, с западной и северной сторон, имеются две полуоткрытые мастерские. Восточная часть включает два жилища округло-овальной формы. На южной стороне зафиксированы прямоугольные и округлые жилища (три строения). К настоящему времени в юго-восточной части поселения выявлено три менгира [Самашев и др. 2022: 116]. Памятник датируется VII в. до н.э. Целью настоящего исследования стал функционально-трассологический анализ каменного инвентаря раннего

железного века поселения Акбауыр 1. Обнаружение и исследование прямых свидетельств использования орудий в виде следов на них позволяет сделать заключение о кинематике работы, характере обрабатываемого материала, длительности использования и, в конечном итоге, об их назначении и функциях.

2 Материалы и методы

2.1 Методика исследований

Важность функциональной типологии каменных орудий раннего железного века обуславливается сложностью их морфологического определения. Из-за естественной формы подобные предметы невозможно обозначить иначе, кроме как «галыка», «плитка песчаника» и т. п. [Голубева 2016: 94]. В ходе проведения исследований использовался трасологический метод, разработанный С.А. Семёновым [Семёнов 1957]. Первоначально поверхности предметов изучались визуально без большого увеличения для определения степени их сохранности; затем выявлялись рабочие поверхности, лезвия, обушковые части, поскольку именно на этих частях дифференцировались группы следов износа, удержания или крепления. Далее под стереоскопическим микроскопом ZEISS steREO Discovery.V8, имеющим увеличение до 200 крат, осуществлялись поиск и фотофиксация макро- и микроследов на поверхностях орудий, составлялось описание признаков износа. На последнем этапе изучения производились идентификация и интерпретация признаков износа, т. е. определение функционального назначения орудий, кинематики рабочих операций, а также характера обрабатываемого материала [Коробкова, Щелинский 1996: 31–32].

2.2 Характеристика материала

В ходе исследования каменных орудий под микроскопом изучено 139 предметов из гранита, алевролита, базальта, сланца и песчаника. Они определены как орудия труда и приспособления, использовавшиеся в различных производственных процессах. На поверхностях изделий выявлены признаки изнашивания, характеризующие их назначение и способы употребления.

На основе технико-морфологических особенностей изделий, а также макро- и микроследов сработанности их рабочих поверхностей были выделены шесть функциональных групп орудий: горнодобывающая, металлообрабатывающая [Зданович, Коробкова 1988: 70], для обработки шкур и кож, гончарства, земляных работ и растирания зерна. В пределах каждой из выделенных групп обозначены конкретные типы инструментов, задействованные в определённой функции. В качестве сырья для изготовления орудий использовались породы преимущественно местного происхождения – кварцит, чёрный сланец, гранит, базальт, габбро.

Группу *горнодобывающих и горнообогатительных орудий* на поселении Акбауыр 1 (42 экз.) составляют следующие функциональные типы: мотыги, кайла, молоты, песты. Орудия изготовлены из чёрного слоистого сланца, кварцита, гранита.

Мотыги (24 экз.) весом 0,8–1,2 кг имеют подтрапецевидную и треугольную форму с широким рабочим лезвием, скошенным на одну сторону (рис. 1, 1–4). Микроследы износа рабочей поверхности характеризуется двусторонним изнашиванием, выраженной заглаженностью выступающих участков. На обеих сторонах лезвийной части фиксируются мелкие сколы. На боковых гранях мотыг выявлены желобки, изготовленные пикетажем для крепления к рукояти, и уплощённая площадка для упора рукояти. Лезвие мотыги располагалось перпендикулярно к её оси. Размеры изделий различны: от 7,7×5,3×1,6 см до 23,4×7,7×2,6 см. По мнению В.В. Килейникова, такого типа мотыги

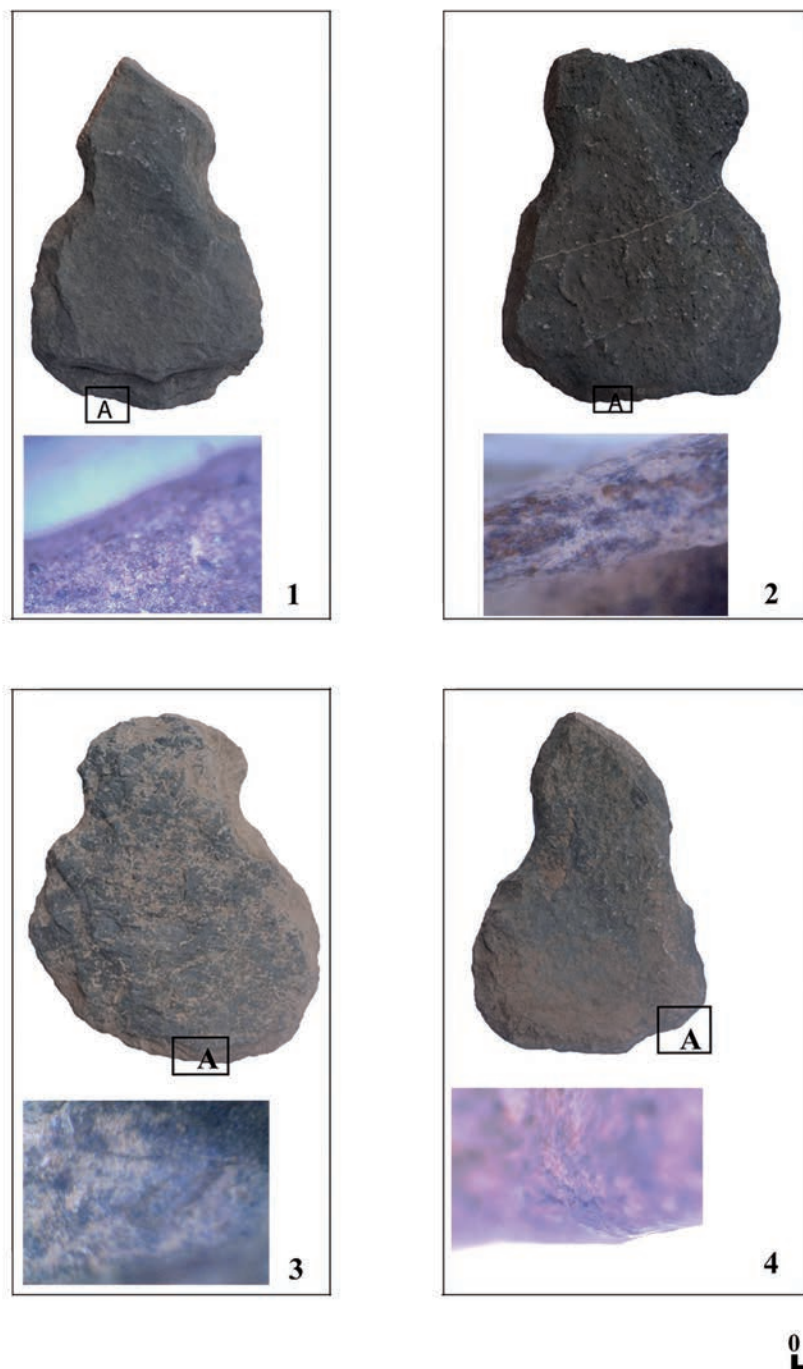

Рис. 1. Акбауыр 1. Мотыги для горной проходки.
Следы утилизации и макросъёмка с увеличением 100х
1-сур. Ақбауыр 1. Тау қыртыстарына арналған кетпендер.
Тозу іздері және 100х есе үлкейтілген макросурет

Fig. 1. Akbaury 1. Hoes for mining. Traces of recycling
and macro photography with a magnification of 100x

применялись при вскрыш-
ных землекопных работах
на рудниках [Килейников
1996: 3–4].

Кайла (4 экз.) из-
готовлены из крупнозер-
нистого кварцита, имеют
уплощённо-клиновидную
форму с узким окончани-
ем лезвия. На двух орудиях
прослежены желобки
для крепления рукояти.
На рабочих поверхностях
имеются крупные сколы
(рис. 3, 1–4). Обушковая
поверхность на орудиях,
использовавшихся без ру-
кояти, имеет следы при-
шлифовки от контакта с ру-
кой. Размеры изделий раз-
личны: от 8,9×2,5×1,6 см
до 19,1×6×2,7 см.

Следующий функ-
циональный тип горно-
добывающих орудий –
молоты (10 экз.), из них
9 экз. целые и один фраг-
ментированный. Орудия
массивные, мелкозерни-
стой и среднезернистой
текстуры, весом 0,9–1,8 кг,
изготовлены из серого
кварцита (рис. 5, 1–4).
Молоты имеют уплощён-
ную широкую рабочую
поверхность, в профиле
– клювовидную. Износ
предметов выражает-
ся в наличии глубокого
микрорельефа рабочих
плоскостей и деформа-
ции зёрен, свойственных
орудиям ударного воздей-

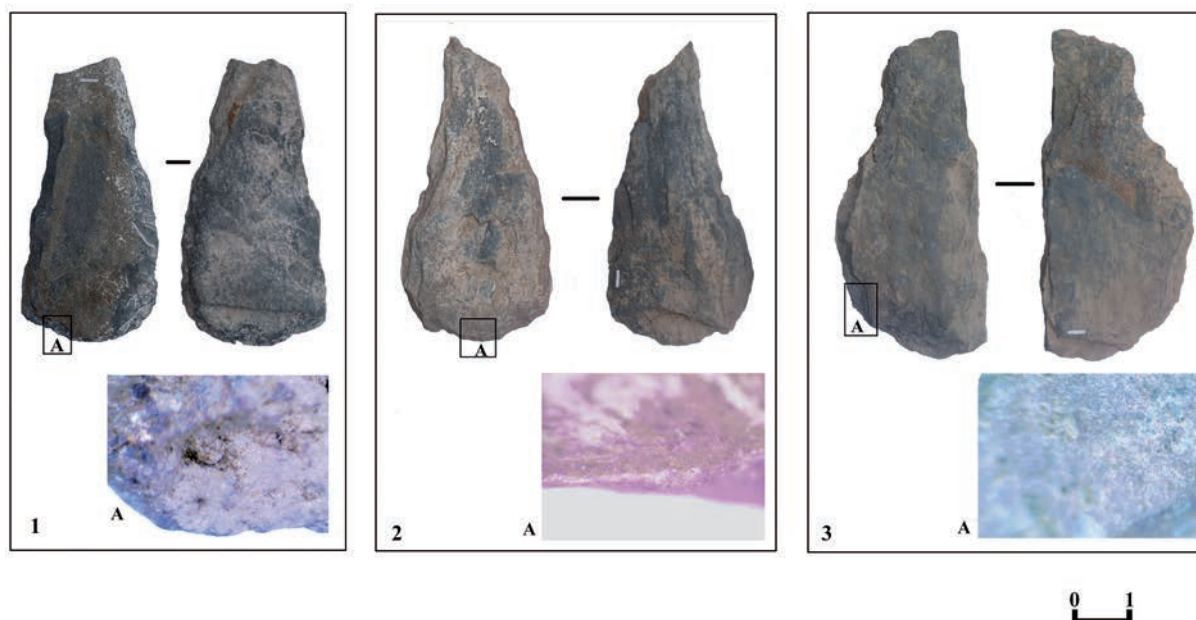

Рис. 2. Акбауыр 1. Мотыги для земледелия. Следы утилизации и макросъёмка с увеличением 100х

2-сур. Ақбауыр 1. Жер шаруашылығына арналған кетпендер. Тозу іздері және 100х есе
үлкейтілген макросурет

Fig. 2. Akbauyr 1. Hoes for farming. Traces of recycling and macro photography with a magnification of 100x

ствия на твёрдый материал. Вероятно, молоты использовались как в процессе горной проходки, так и для дробления руды. Микро- и макроследы выявлены на соединении с рукоятью в виде желобков для крепления. Размеры изделий различны: от 12,3×4×2 см до 22,1×5,7×2,2 см.

Песты (4 экз.) являются орудиями активного действия и в качестве таковых, как правило, использовались удлинённые гальки подпрямоугольной или грушевидной формы со слегка расширенным торцом, без предварительной обработки. Орудия удобно ложатся в руку и имеют небольшой вес. Микроследы выкрошенности в центре рабочей плоскости и округлость граней также свидетельствуют о сочетании ударных и тёрочных операций (рис. 4, 1–4). Размеры изделий различны: от 10,7×3,1×1,6 см до 19,4×7,7×2,2 см.

Функциональная группа *металлообрабатывающих орудий* в материалах поселения Акбауыр 1 насчитывает 42 экземпляра.

Литейная форма (1 экз.) изготовлена из слоистого сланца, представлена фрагментом (рис. 8, А–Е). На обломке формы прослеживаются детали отливаемых изделий (вероятно, пластина ножа). Точно установить тип отливавшихся изделий не представляется возможным. В срединной части литейной формы выявлены остатки металла (бронза), видна подправка изделия, с двух сторон видны воздухоотводные каналы.

Молотки (25 экз.) представлены изделиями овальной, круглой и подпрямоугольной форм, изготовлены из кварца (рис. 5, 5–8). Вся поверхность изделий тщательно отшлифована. Некоторые из них имеют одну или две противоположные рабочие поверхности, микроследы износа характеризуется наличием точечных микроуглублений – следами от проковки металлических изделий, а также на-

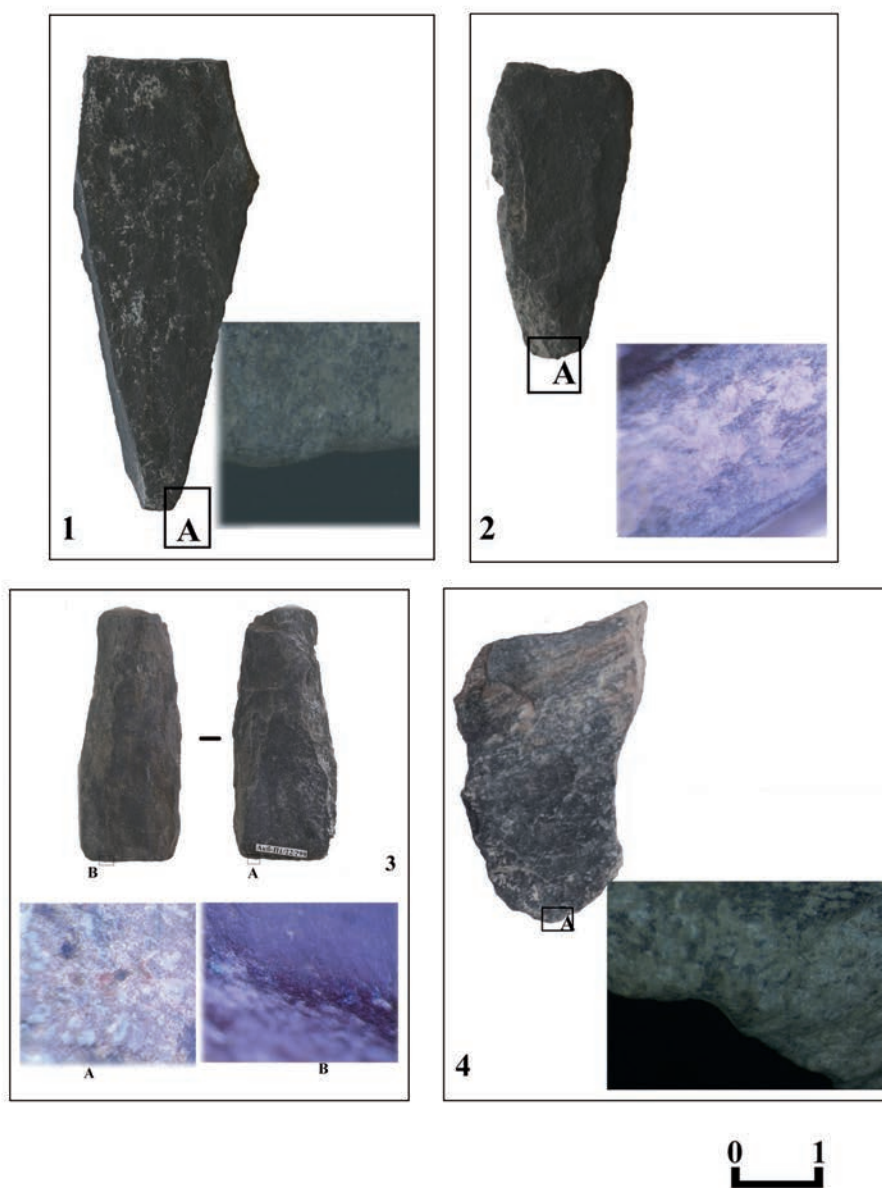

Рис. 3. Акбауыр 1. Кайла. Следы утилизации на рабочих участках.
Макросъёмка с увеличением 100х

3-сур. Ақбауыр 1. Қайла. Жұмыс бөлігіндегі тозу іздері.
100х есе үлкейтілген макросурет

Fig. 3. Akbauyr 1. Pickaxes. Traces of disposal on the work areas.
Magnification 100x

личием металлического блеска. На плоской поверхности орудий видны признаки соединения с рукоятью. Размеры молоточков от $5 \times 2,4 \times 1,5$ до $9,7 \times 3,8 \times 2$ см.

Наковальни (5 экз.) изготовлены из гранита, подпрямоугольной формы, имеют одну рабочую поверхность, отличающуюся глубоким микрорельефом и наличием многочисленных следов от точечных ударов. Они локализуются преимущественно в центре рабочей поверхности. Размеры изделий варьируют: $7-14 \times 10,2-6,2 \times 4,5-3,7$ см. Они изготовлены с применением техники пикетажа, шлифовки и оббивки, а также комбинациями этих техник. Большим плитам придавалась необходимая форма краевой оббивки, неровности выглаживались пикетажем и шлифовкой (рис. 6, 1-3).

Абразивы (3 экз.) использовались для первичной заточки металлических изделий (рис. 6, 4-6); изготовлены из плиток среднезернистого гранита различной формы, толщиной $1,5-3$ см. Характерной особенностью

абразивов является наличие одной или двух противоположных рабочих поверхностей, на которых фиксируются следы пришлифовки. На рабочей поверхности имеются микроследы износа, деформация зёрен породы. Размеры изделий различны: от 4,7×3,1×1,6 см до 12,4×7,7×2,2 см.

Гладилки (3 экз.) использовались для выравнивания поверхностей металлических заготовок после разгонки (рис. 7, 6, 7). На рабочих поверхностях гладилок присутствуют следы прикипевшего металла (бронза и железо), что отличает их от абразивов и свидетельствует об использовании в процессе горячей обработки металла. В качестве гладилок были использованы гальки из алевролита размерами от 6,5×6,8×4,8 до 7,2×15,5×7,8 см с ровными рабочими плоскостями. Одно из орудий – прямоугольной формы, углы зашлифованы. Обработаны методом оббивки, техникой пикетажа. Рабочая поверхность плоская, углы округлённые. На второй выпуклой сторо-

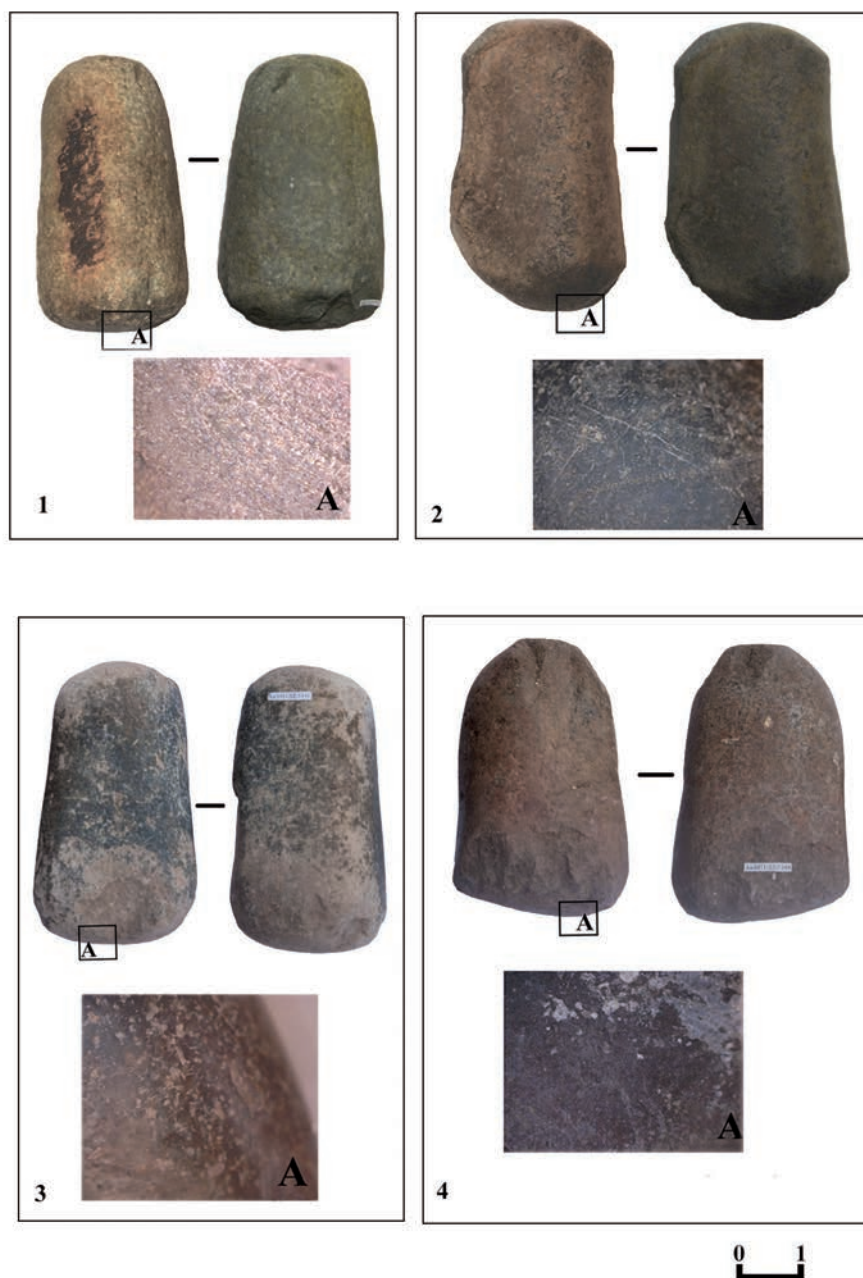

Рис. 4. Акбауыр 1. Песты. Следы утилизации на рабочих участках. Макросъёмка с увеличением 100х

4-сур. Ақбауыр 1. Үккіштер. Жұмыс бөлігіндегі тозу іздері.
100х есе үлкейтілген макросурет

Fig. 4. Akbauryr 1. Pestles. Traces of disposal on the work areas.
Magnification 100x

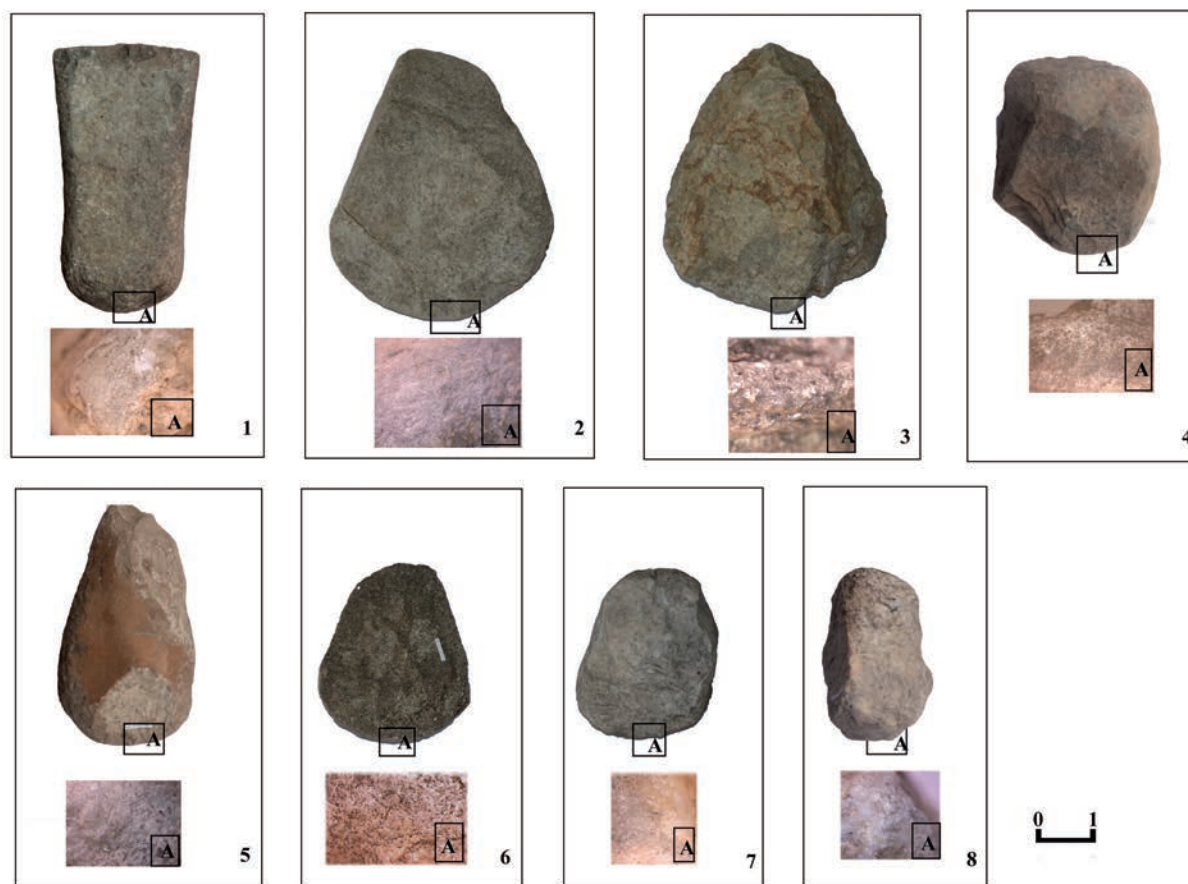

Рис. 5. Акбауыр 1. Орудия: 1–4 – молоты; 5–8 – молоточки. Макросъёмка с увеличением 100х
5-сур. Ақбауыр 1 Құралдар: 1–4 – балталар; 5–8 – балғалар. 100х есе үлкейтілген макросурет
Fig. 5. Akbauyr 1. Tools: 1–4 – hammers; 5–8 – ore-crushing hammers. Magnification 100x

не зафиксированы неглубокие, еле заметные желобки для перехвата руками. На этой стороне под микроскопом можно увидеть жирный блеск от многочисленных прикосновений руки. Пикетажной техникой были убраны выступающие углы и выполнена шлифовка каменным орудием. Орудия массивной, плотной текстуры. Износ характеризует, прежде всего, интенсивная заполированность с поперечно пересекающими её прямыми царапинами – от тончайших едва заметных до чётко выделяющихся.

Оселки (5 экз.). Орудия выполнены из базальтовой и гранитной породы; они прямоугольной, трапециевидной формы, края обработаны техникой пикетажа (рис. 7, 1–5). Размеры варьируют: 3,9–4×2,4–5×1,8–2,1 см. Использовалась плоская часть, где на рабочей поверхности видны следы заполировки, интенсивная заглаженность. На сильно заполированной поверхности прослеживаются нитевидные следы, направленные поперёк орудия. Два оселка находились в работе непродолжительное время. Инструменты применялись для расточки лезвий и плоскостей металлических изделий послековки. На двух оселках прямоугольного сечения имеются двухсторонние отверстия

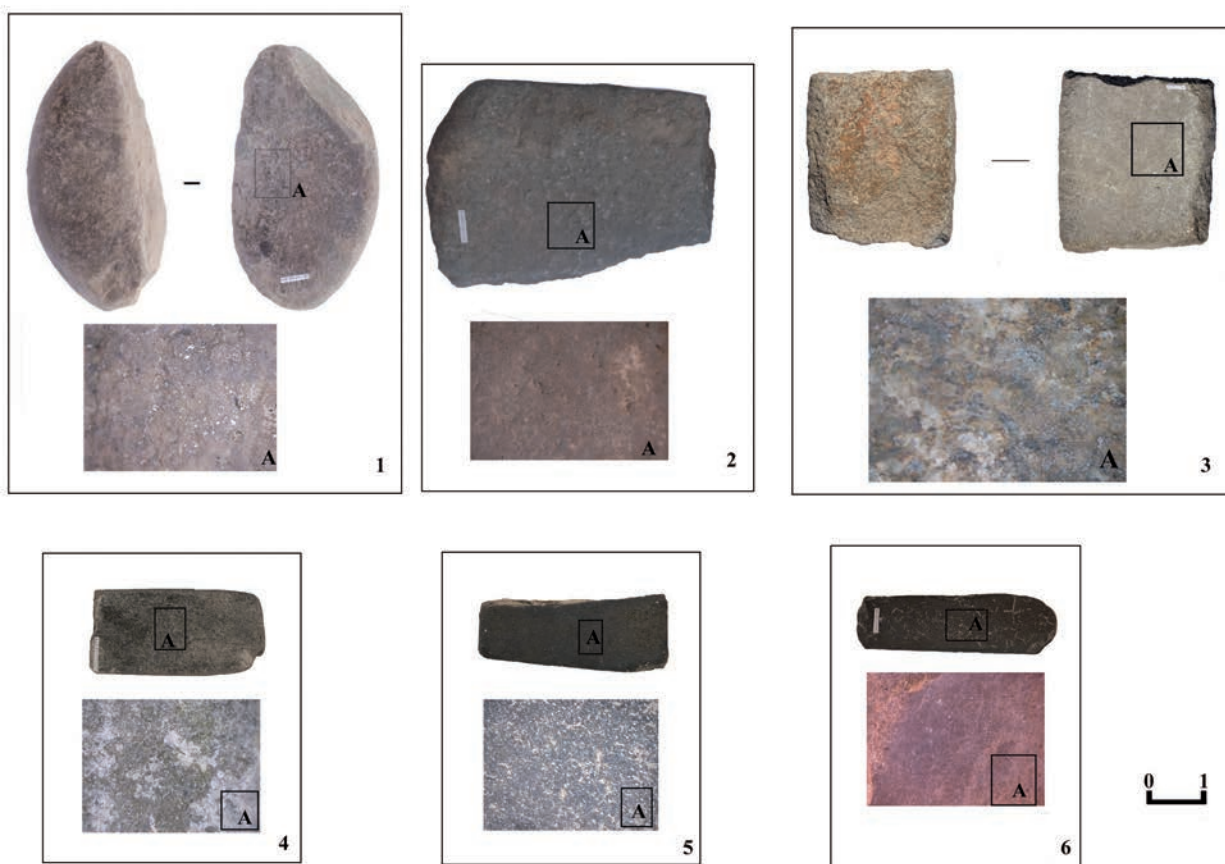

Рис. 6. Акбауыр 1. Орудия: 1–3 – наковальни; 4–6 – абразивы. Макросъёмка с увеличением 100х
6-сур. Акбауыр 1. Құралдар: 1–3 – төс; 4–6 – абразивтар. 100х есе үлкейтілген макросурет
Fig. 6. Akbaulyr 1. Tools: 1–3 – anvils; 4–6 – abrasives. Magnification 100x

для привязывания. По интерпретации М.П. Грязнова, оселки представляли собой «ритуальные предметы» [Грязнов 1961: 142]. А.Х. Халиков рассматривает данные изделия как элемент снаряжения пояса [Халиков 1977: 158]. Прямоугольные с отверстием оселки привязывались к кожаному ремню. Поэтому наблюдения А.Х. Халикова относительно оселков как орудий, привычно носимых на поясе, подтверждаются. В слоях поселения раннего железного века Тыткескень 3 найден прямоугольный оселок [Шульга 2015: 187], по форме аналогичный находке из Акбауыра. Однако мы не располагаем трасологической информацией об изделии из поселения Тыткескень 3.

Орудия обработки шкур и кож – скребок и резак.

Обломок **скребка**, сделанного из отщеп мелкозернистого песчаника, размерами 5×2,8×0,3 см (рис. 9, 2). На рабочей кромке лезвия видна выраженная матовая заполировка. Она проникает в складки микрорельефа, а также заходит на прилегающие к кромке лезвия боковые участки; скребок использован для мездрения сухих шкур. На кромке лезвия образовались однонаправленные линейные следы.

Рис. 7. Акбауыр 1. Орудия: 1–5 – оселки; 6–7 – гладилки. Макросъемка с увеличением 100х
7-сур. Ақбауыр 1. Құралдар: 1–5 – қайрақтар; 6–7 – тегістегіштер. 100х есе үлкейтілген макросурет
Fig. 7. Akbaury 1. Tools: 1–5 – touchstones; 6–7 – smoothers. Magnification 100x

Резак из аргиллита, размерами 3,5×3×1,4 см, обнаружен внутри жилища на глубине 30 см (рис. 9, 1). Рабочая часть резака представляет собой как бы один зуб пилы, режущая кромка которого прорезает канавку в материале повторными односторонними движениями, постепенно её углубляя. Процессу изнашивания подвергалась режущая кромка, видны еле заметные линейные следы в виде нитевидных линий, параллельных плоскости разрезания и перпендикулярных оси резака.

Орудия и приспособления гончарства представлены дисками-подставками и лоцилами, насчитывает 17 экземпляров.

Диски-подставки (15 экз.) под сосуды. Овальные или круглые плиты, частично или полностью оббитые по периметру (рис. 9, 3–4). Диаметр от 2,7 см до 9,7 см. Износ заключается в потёртостях на плоских поверхностях. Несколько более сильно потёртости читаются на лицевой, рабочей стороне, и слабее – на оборотной.

Лоцила (2 экз.) выполнены из гранитной гальки прямоугольной естественной формы, размерами 4,7×3,1×2,7 см и 5×2,9×2,5 см. На рабочей поверхности прослеживаются грубые линейные следы вдоль и поперёк. На ней невооружённым глазом можно заметить яркую, хотя и матовую,

полировку, которая под микроскопом выглядит не столь выразительно (рис. 6, 4). На одном из лошил видны параллельные царапины, расположенные не столь хаотично, потому как орудие было использовано для лощения просохших сосудов.

Орудия земляных работ представлены мотыгами и мотыжками. Мотыги (23 экз.) размерами от 13,5×11,5×6,7 до 19,6×9,8×3,1 см изготовлены из базальта, мотыжки (12 экз.) размерами 6,5×4,4×1,2 до 9,4×4,8×1,5 см выполнены из гранита и слоистого чёрного сланца (рис. 2, 1–3). Орудия изготовлены методом двусторонней оббивки, со следами уплощений лезвия. На лезвии мотыги имеются микровыкрошенности с фасетками подокруглой или полулунной формы, не превышающими 5 мм в диаметре. Пришлифовка, заменяющая заполировку, здесь тонкая, распро-

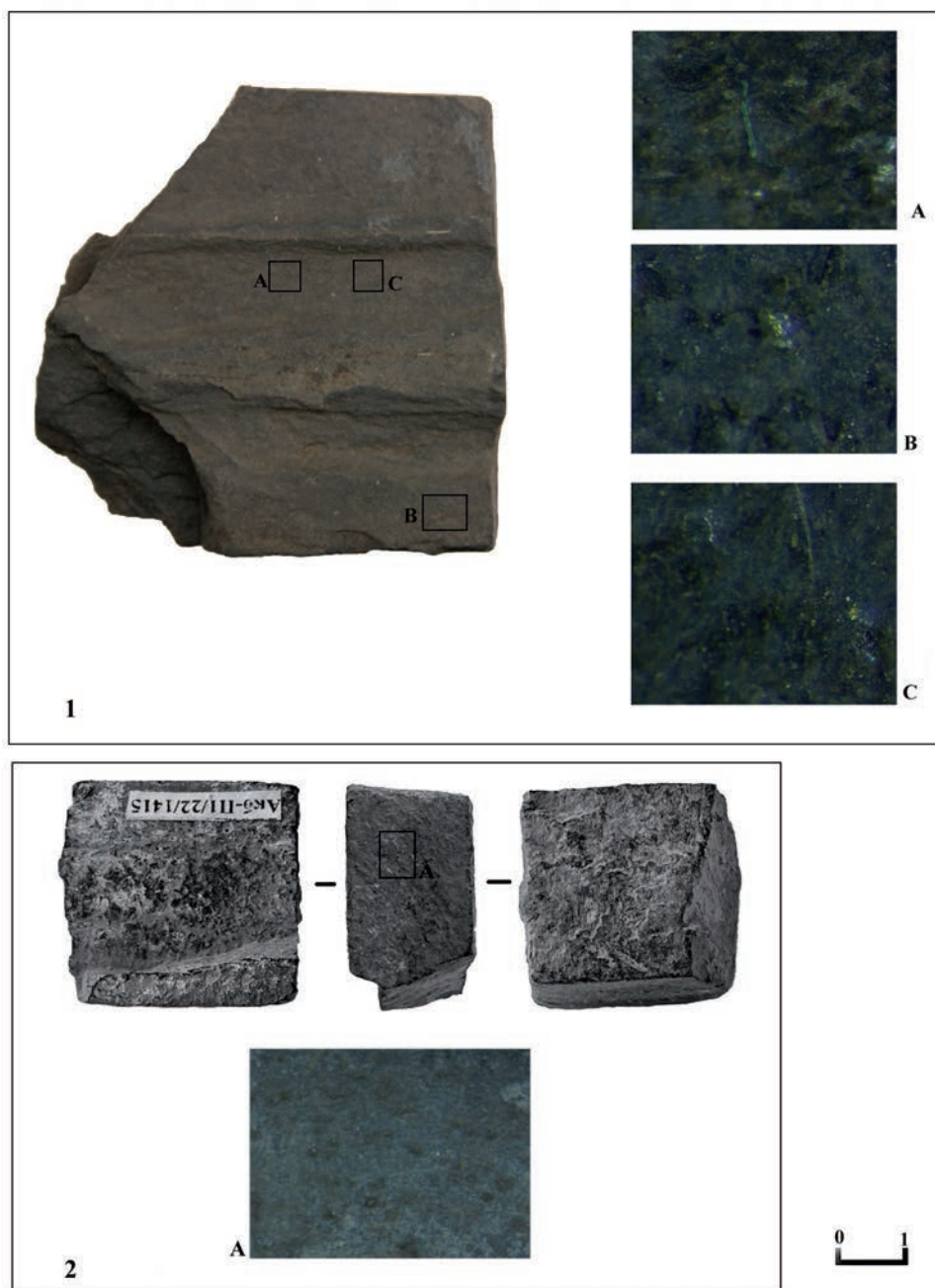

Рис. 8. Акбауыр 1. Обломок литейной формы.
Макросъёмка с увеличением 400х

8-сур. Ақбауыр 1. Қалыптың сынығы. 400х есе үлкейтілген макросурет

Fig. 8. Akbauyr 1. A fragment of a casting mold. Magnification 400x

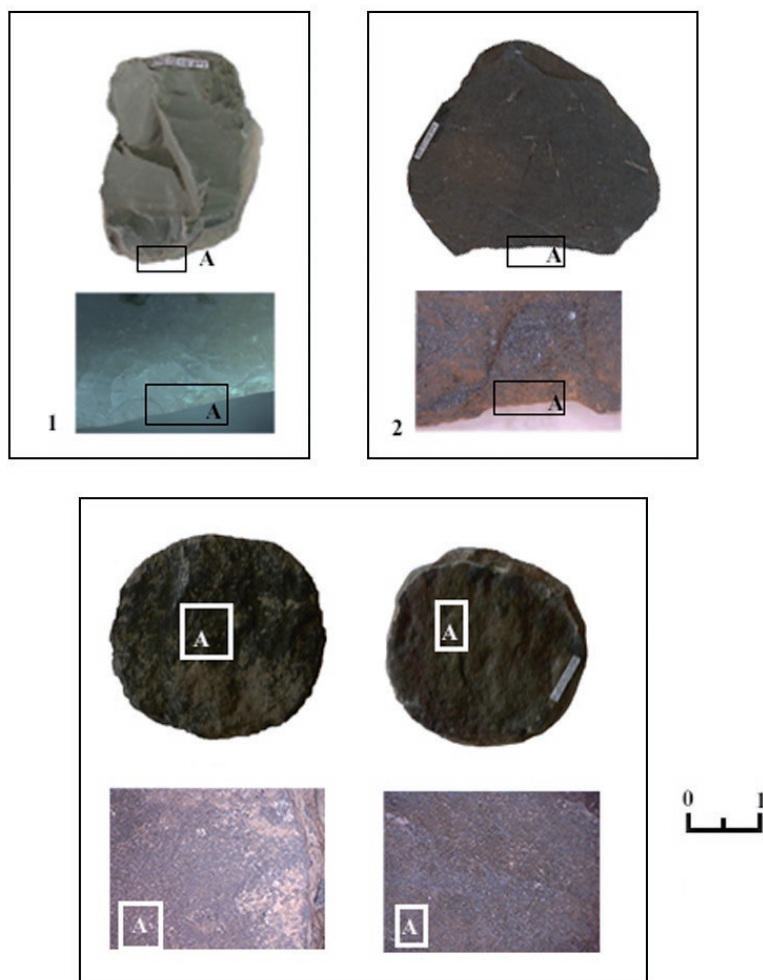

Рис. 9. Акбауыр 1. Орудия: 1 – резак; 2 – скребок; 3–4 – диски.
Макросъёмка с увеличением 100х

9-сур. Ақбауыр 1. Құралдар: 1 – кескіш; 2 – қырғыш; 3–4 – дисктер.
100х есе үлкейтілген макросурет

Fig. 9. Akbauryr 1. Tools: 1 – cutter; 2 – scraper; 3–4 – disks.
Magnification 100x

странена на обеих сторонах лезвия на расстоянии, превышающем 7 мм. Такая выкрошенность и шлифовка характерны для рыхлых сыпучих грунтов.

Орудия измельчения (растирания) зерна представлены единственной зернотёркой (обломок). Изготовлена из прямоугольной в профиле плитки, углы закруглённые. В естественном углублении, глубина которого достигает 4 мм, а диаметр около 34 см, обнаружены следы от дробления органических материалов. Эти следы представляют собой слабые вмятые деформации вершин микрорельефа в сочетании с яркой заполировкой (рис. 10, А–С). Размеры артефакта 10,5×9,2×4,5 см.

3 Анализ и обсуждение материала

При определении назначения и функций каменного инвентаря установлено, что в выборке присутствуют и приспособления: металлообработки (42 экз.), земляных работ (возможно, в т. ч. и земледелия, 35 экз.), добычи и обогащения руд (42 экз.), а также использовавшиеся в гончарном производстве (17 экз.), для обработки шкур и кожи (2 экз.). Инструментов из кости, использовавшихся в кожевенном

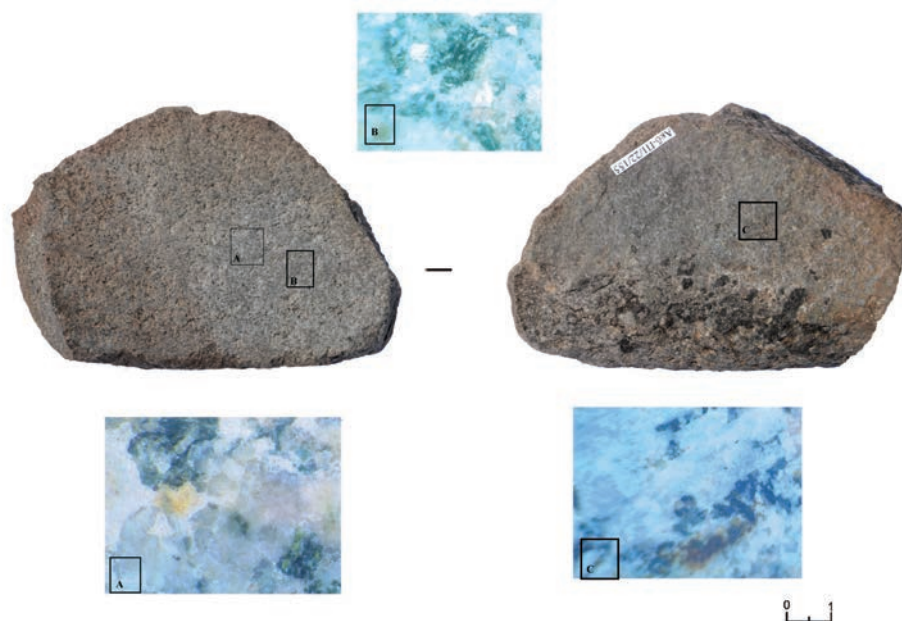
производстве, больше (порядка 40% всех костяных изделий), что является темой специального исследования. Бытовой помол продуктов характеризует специальная плита.

Трасологическое изучение каменных орудий и приспособлений поселения Акбауыр 1 позволяет последовательно решать задачи по выявлению технологии изготовления и функций орудий, использования последних в производственных и хозяйственных отраслях. В результате исследований выявлено, что жители поселения, помимо горного дела и обогащения руд, металлообработки,

Таблица 1 – Типлист по результатам функционального группирования
каменных орудий и приспособлений1-кесте – Тас еңбек құралдары мен бейімдеу заттары функционалды
топтастырудың нәтижесінің типпарағыTable 1 – Tiplist based on the results of the functional grouping
of stone tools and implements

Орудия и приспособления*											
добычи и обогащения руд		металлообработки		обработки шкур и кож		гончарства		земляных работ		растирания зерна	
мотыга	24	литейная форма	1	скребок	1	подставка	15	мотыга	23	зернотёрка	1
кайло	4	молоток	25	резак	1	лощило	2	мотыжка	12		
молот	10	наковальня	5								
пест	4	оселок	5								
		абразив	3								
		гладилка	3								
Всего	42	Всего	42	Всего	2	Всего	17	Всего	35	Всего	1
Итого	139										

Примечание: *К приспособлениям относятся дисковидные подставки.

Рис. 10. Акбауыр 1. Зёрнотёрка: А–С – следы затёртости на рабочей поверхности.
Макросъёмка с увеличением 200х10-сур. Ақбауыр 1. Дәнүккіш: А–С – жұмыс бетіндегі жырылған іздер. 200х есе
үлкейтілген макросуретFig. 10. Akbaulyr 1. Grain grinder: A–C – traces of wear on the working
surface. Magnification 200x

занимались земледелием и обработкой кожи. По письменным и археологическим источникам известно, что в раннем железном веке использовали изделия из разных металлов. Несмотря на это, в хозяйстве и производстве, в зависимости от необходимости, широко использовались каменные орудия. Орудия изготавливались из доступного сырья, и в случае утилизации без затрат можно было сделать новое, поэтому они долгое время использовались параллельно с металлическими. Доказательством являются артефакты, найденные возле жилищ, мастерских и кузниц. В результате трасологического анализа также установлено, что каменные орудия, найденные возле наземных плавильных печей и мастерских поселения Акбауыр 1, использовались в металлопроизводстве, которое являлось ведущим направлением на поселении.

На поселении Акбауыр 1 выявлены молоты с Т-образной рукоятью, использовавшиеся в горном деле. Аналогичные ручные молоты из песчаника для металлообработки встречаются на поселении тасмолинского времени Абылай в Центральном Казахстане [Бейсенов, Горащук 2022: 51]. О.Н. Загородняя, изучая орудия поселения Червонэ Озеро-1, выделяет массивные молоты, использовавшиеся в горном деле, весом 2,2–2,9 кг [Загородняя 2013: 25]. Аналогичные молоты весом до 1 кг встречаются и на поселениях Акбауыр 1, Бутакты-I [Ержанова и др. 2023: 162], Кызылбулак, Тургень [Ержанова и др. 2020: 190]. И.В. Горащуком исследованы массивные каменные молоты эпохи поздней бронзы поселения рудокопов Михайло-Овсянка [Горащук, Колев 2004: 90–91]. Использование таких массивных молотов берёт начало с эпохи поздней бронзы и продолжается в раннем железном веке. Сырьём для изготовления орудий являлись местные горные породы.

Среди материалов поселения Акбауыр 1 по назначению выделено два типа мотыг. Первый тип использовался в горном деле. Отличительная черта орудий состоит в том, что рабочая поверхность имеет выпуклую полуовальную форму, присущую натуральным целостностям сланца и гранита. На лезвии с обеих сторон имеется ретушь, а на боковых гранях выделены выемки для привязывания к деревянной рукояти. Лезвие орудия от утилизации становится весьма неровным, и на поверхности появляются забитости. Такие мотыги с двумя выемками по бокам для привязывания к рукояти встречаются на металлургических поселениях и в карьерах эпохи поздней бронзы, таких как Милыкудык и Кресто Центр [Ержанова 2021: 176]. На других исследованных поселениях раннего железного века, как и в Акбауыр 1, выявлены мотыги с одной выемкой. Исходя из этого можно отметить, что мотыги для земляных работ раннего железного века отличаются от мотыг эпохи поздней бронзы характером выемок для привязывания к рукояти.

Древние обитатели поселения параллельно с металлургией занимались и земледелием и использовали каменные мотыги. В результате трасологического анализа можно отметить, что второй тип мотыг использовался в земляных работах. Рабочий край обработан двусторонней ретушью, заострён, по бокам имеет выемки для привязывания к рукояти. Такой тип мотыг зафиксирован на поселениях раннего железного века казахской степи, в частности на Шортанды-Булак [Маргулан 1998: 278] и Абылай [Бейсенов и др. 2021: 185].

На поселении Акбауыр 1 выявлены кайла весом до 1 кг. По форме и функциональному использованию они похожи на орудия, найденные на поселении Червонэ Озеро-1 [Загородняя 2011: 25] и в карьере Кресто Центр. По морфологии кайла из массивных горных пород раннего железного века не отличаются от орудий эпохи поздней бронзы и использовались не только в горном деле, но и

при земляных работах. Такие орудия встречаются на поселении Абылай (Центральный Казахстан) [Бейсенов и др. 2021: 186].

Орудия металлообработки, такие как литейные формы, гладилки, абразивы, оселки, использовались для изготовления (оформления) и доводки готовых изделий (разглаживание, шлифовка и др). Такие каменные орудия зафиксированы на поселениях Червонэ Озеро-1 [Загородняя 2013: 236], Кент [Кунгурова, Ворфоломеев 2013: 202], Талдысай [Eržanova, Šotbaev 2018: 203], Милыкудук, Кресто Центр [Ержанова 2021: 176]. В результате можно констатировать, что доводка готовых изделий с помощью каменного орудия продолжается в раннем железном веке.

В раннем железном веке для обработки шкур продолжают использовать скребки, а для работ с кожей – резак. Если в каменном веке данные орудия были средних размеров и на лезвие наносилась односторонняя мелкая ретушь, то в раннем железном веке скребки делались из отщепов разных пород, и предпочтение отдавалось удобству при держании, нежели обработке рабочего края. Каменные ложила и диски-подставки встречаются на поселениях эпохи поздней бронзы Атасу, Талдысай [Eržanova, Šotbaev 2018: 204], Кент [Кунгурова, Ворфоломеев 2013: 204] и раннего железного века Бутакты 1 [Ержанова и др. 2023: 165]. Если диски в основном использовались как подставка для сушки керамических изделий, то на поселении Атасу аналогичные диски использовались как крышки [Кадырбаев, Курманкулов 1992: 164], на поселении Талдысай каменные диски использовались в качестве крышки и подставки [Ержанова 2015: 113]. В результате трасологического анализа установлено, что каменные диски разных диаметров являлись многофункциональными, а их изготовление не требовало больших затрат.

4 Заключение

Изучение следов, связанных с добычей, обогащением руды и металлообработкой на рабочих поверхностях орудий поселения Акбауыр 1, позволило выделить отдельные функциональные группы, соответственно – горнодобывающую, металлообрабатывающую. Таким образом, каменные изделия играли немаловажную роль в жизни поселения. Даже с появлением железных орудий камень не теряет производственного значения. В изготовлении каменных орудий использовалось местное сырьё горных пород. В результате трасологического анализа орудий труда можно также предполагать, что некоторые каменные орудия использовались в добыче и обработке не только руд, но и пород и минералов, необходимых для литейного и гончарного производств, а также строительства. Вопросы, возникающие относительно каменных орудий поселения Акбауыр 1, требуют дальнейшего всестороннего исследования. Объём материала, имеющийся к настоящему времени, пока не позволяет сделать более развёрнутые выводы о видах производств, практиковавшихся населением Акбауыр 1.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бейсенов А.З., Горащук И.В. К изучению хозяйственной деятельности населения сакского времени Центрального Казахстана (по материалам трасологических исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3 (58). С. 42-57.
- 2 Бейсенов А.З., Горащук И.В., Дуйсенбай Д.Б. Трасологическое исследование каменных орудий поселения сакского времени Абылай, Центральный Казахстан // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 182-199.

- 3 Грязнов М.П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. Л.: ЛГУ, 1961. С. 139-144.
- 4 Горащук И.В., Колев Ю.И. Каменные и костяные орудия стоянки Михайло-Овсянка // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. Алабина; СамГУ, 2004. С. 89-104.
- 5 Голубева Е.В. Теория и практика экспериментально-трассологических исследований неметаллического инструментария раннего железного века – средневековья (на материалах южно-таёжной зоны Средней Сибири). Красноярск: Сиб. Федер. Ун-т, 2016. 144 с.
- 6 Ержанова А.Е. Атасу мен Талдысай қоныстарындағы металлургиялық тас құралдарына сараптама // Абай ат. ҚазҰПУ хабаршысы. Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар сериясы. 2015. № 3 (46). 111-114-бб.
- 7 Ержанова А.Е. Каменные орудия и предметы вооружения с поселений бронзового века Атасуского и Талдысайского микрорайонов Центрального Казахстана // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Сер. историч. 2018. № 3 (90). С. 199-208.
- 8 Ержанова А.Е. Трассологический анализ каменных орудий рудокопов и металлургов из Жезказганских месторождений меди // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 166-181.
- 9 Ержанова А.Е., Горячев А.А., Горащук И.В. Каменные орудия с древних поселений северных склонов Иле Алатау // Маргулановские чтения–2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). В 2-х т. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. Т. 1. С 180-187.
- 10 Ержанова А.Е., Дубягина Е.В., Горячев А.А. Трассолого-технологический анализ каменного и керамического инвентаря из поселения раннего железного века Бутакты-I (Юго-Восточный Казахстан) // Археология Казахстана. 2023. № 1 (19). С. 157-176.
- 11 Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трассологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей: сб. науч. тр. Челябинск: изд-во: Урал. ун-та, 1988. С. 60-79.
- 12 Загородняя О.Н. Функциональный анализ орудий труда поселения Червонэ озеро 1 Картамышского археологического микрорайона // Археологія і давня історія України. 2011. Вип. 5. С. 24-30.
- 13 Загородняя О.Н. К истории изучения орудий металлопроизводства из горно-металлургических памятников // Археологія і давня історія України. 2013. Вип. 10. С. 108-123.
- 14 Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата: Ғылым, 1992. 247 с.
- 15 Килейников В.В. Трассологический анализ каменных орудий труда с рудника Червонэ озеро // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век): м-лы междунар. конф. / В 2-х ч. Донецк: Донецкий гос. ун-т, 1996. Ч. 2. С. 3-4.
- 16 Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика макро–микроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1996. Ч. 1. 80 с.
- 17 Кунгурова Н.Ю., Варфоломеев В.В. Орудия и изделия из камня поселения Кент (по результатам трассологических исследований) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 198-217.
- 18 Маргулан А.Х. Сочинения. В 14-ти томах. Т. 1. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана / Сост. Д.А. Маргулан. Алматы: Атамұра, 1998. 400 с., ил.
- 19 Семёнов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) / Материалы и исследования по археологии СССР. № 54. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1957. 240 с.
- 20 Самашев З. Производственный центр ранних саков в Казахском Алтае (поселенческий комплекс Акбауыр) // Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения В.В. Боброва. Вып. 28. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2020. С. 103-118.
- 21 Самашев З., Ержанова А.Е., Чотбаев А.Е., Самашев С.К., Меделбек Ш., Ботанов Д. Продолжение исследований на поселениях Акбауыр-I // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі / Отв.редю Д. Ахметов. Өскемен: АҚ «Көкше-Полиграфия», 2022. С. 116-122

- 22 Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 336 с.
- 23 Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.
- 24 Eržanova A., Čotbaev A. Steingeräte und Steinwaffen aus den bronze zeitlichen Siedlungen der Atas- und Taldysaj-Regionen in Zentralkazachstan. In Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 47 (2015). Berlin, 2018. P. 93-103.

REFERENCES

- 1 Beisenov, A. Z., Goraschuk, I. V. 2022. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 3 (58), 42-57 (in Russian).
- 2 Beisenov, A. Z., Goraschuk, I. V., Duisenbay, D. B. 2021. In: *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga river region archaeology)*, 3 (37), 182-199 (in Russian).
- 3 Gryaznov, M. P. 1961. In: Gaydukevich, V. F. (ed.). *Issledovaniya po arkheologii SSSR (Research on the archaeology of the USSR)*. Leningrad: Leningrad State University, 139-144 (in Russian).
- 4 Goraschuk, I. V., Kolev, Yu. I. 2004. In: Stashenkov, D. A. (ed.). *Aktualnyye problemy arkheologii Urala i Povolzh'ya (Actual problems of the archaeology of the Urals and the Volga region)*. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey im. P.V. Alabina; Samara State University, 89-104 (in Russian).
- 5 Golubeva, E. V. 2016. *Teoriya i praktika eksperimentalno-trasologicheskikh issledovaniy nemetallichesko instrumentariya rannego zheleznogo veka – srednevekoviya (na materialakh yuzhno-tayozhnoy zony Sredney Sibiri) (Theory and practice of experimental tracological studies of non-metallic tools of the Early Iron Age – the Middle Ages (based on the materials of the South Taiga zone of Central Siberia))*. Krasnoyarsk: Sibirskiy Federalnyi Universitet (in Russian).
- 6 Yerzhanova, A. 2015. In: *Abay atyndagy KazUPU khabarshysy. Tarikh zhane sayasi-aleumettik gylymdar seriyasy (Abay Kazakh National Pedagogical University Bulletin. Series «Historical and socio-political sciences»)*, 3 (46), 111-114 (in Kazakh).
- 7 Yerzhanova, A. 2018. In: *Vestnik KazNU im. al-Farabi. Ser. istorich. (Journal of History)*, 3 (90), 199-208 (in Russian).
- 8 Yerzhanova, A. 2021. In: *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga river region archaeology)*, 3 (37), 166-181 (in Russian).
- 9 Yerzhanova, A., Goryachev, A. A., Goraschuk, I. V. 2020. In: *Margulanovskiye chteniya–2020 (Margulan readings–2020)*. In 2 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 180-187 (in Russian).
- 10 Yerzhanova, A., Dubyagina, Ye. V., Goryachev, A. A. 2023. *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archaeology)*, 1 (19), 157-176 (in Russian).
- 11 Zdanovich, S. Ya., Korobkova, G. F. 1988. In: *Problemy arkheologii Uralo-Kazakhstanskikh stepey (Problems of archaeology of the Ural-Kazakhstan steppes)*. Chelyabinsk: Ural University, 60-79 (in Russian).
- 12 Zagorodnyaya, O. N. 2011. In: *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Early History of Ukraine)*, 5, 24-30 (in Russian).
- 13 Zagorodnyaya, O. N. 2013. In: *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Early History of Ukraine)*, 10, 108-123 (in Russian).
- 14 Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, Zh. 1992. *Kultura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (po materialam Severnoy Betpak-Daly) (Culture of ancient pastoralists and metallurgists of Sary-Arka (based on the materials of the Northern Betpak-Dala))*. Alma-Ata: “Gylym” Publ. (in Russian).
- 15 Kileynikov, V. V. 1996. *Severo-Vostochnoye Priazoviye v sisteme yevraziyskikh drevnostey (eneolit–bronzovyy vek) (North-Eastern Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic–Bronze Age))*. In 2 part. Part 2. Donetsk: Donetsk State University, 3-4 (in Russian).
- 16 Korobkova, G. F., Shchelinskiy, V. Ye. 1996. *Metodika makro–mikroanaliza drevnikh orudiy truda (The technique of macro–microanalysis of ancient tools)*. Part 1. Saint Petersburg: Institute for the history of the material culture RAS (in Russian).
- 17 Kungurova, N. Yu., Varfolomeyev, V. V. 2013. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybayevskaya kultura Stepnoy Yevrazii Almaty: Research center of history and archaeology “Begazy-Tasmola”*, 198-217 (in Russian).

- 18 Margulan, A. Kh. 1998. Sochineniya (Essays). Margulan, D. A. (compl.). In 14 vol. Vol. 1. *Begazy-dandybayevskaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (The Begazy-Dandybay culture of the Central Kazakhstan)*. Almaty: “Atamura” Publ. (in Russian).
- 19 Semyonov, S. A. 1957. Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneyshikh orudiy i izdeliy po sledam raboty) / Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 54. Moscow; Leningrad: USSR Academy of sciences (in Russian).
- 20 Samashev, Z. 2020. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya V.V. Bobrova*. Vol. 28. Kemerovo, 103-118 (in Russian).
- 21 Samashev, Z., Yerzhanova, A. Ye., Chotbayev, A. Ye., Samashev, S. K., Medelbek, Sh., Botanov, D. 2022. In: Akhmetov, D. (ed.). *Altay – turki aleminin altyn besigi (Altai – the golden cradle of the Turkic world)*. Oskemen: “Kokshe-Poligrafiya” Publ., 116-122 (in Russian).
- 22 Shulga, P. I. 2015. *Skotovody Gornogo Altaya v skifskoye vremya (po materialam poseleniy) (Pastoralists of the Altai Mountains in the Scythian period (based on the materials of settlements))*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).
- 23 Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kamiye v nachale epokhi rannego zheleza (VIII–VI vv. do n.e.) (Volga-Kamye at the beginning of the Early Iron Age (8th–6th centuries BC))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 24 Yerzhanova, A., Chotbaev, A. 2018. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 47 (2015), 93-103 (in German).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.08.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 29.09.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 29.09.2023.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АӘТУ –	Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесі
АлтГУ –	Алтайский государственный университет. Барнаул
АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
ВКО –	Восточно-Казахстанская область
ГАГУ –	Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск
ДонНУ –	Донецкий национальный университет. Донецк
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы
МНВО РК –	Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан. Астана
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук. Москва
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ИрГТУ –	Иркутский государственный технический университет. Иркутск
КарГУ –	Карагандинский государственный университет. Караганды
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК –	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИЦАИ –	Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд
НГУ –	Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы
НПЦ «Наследие» –	Научно-производственный центр по сохранению культурного наследия «Наследие». Барнаул
ОмГУ –	Омский государственный университет. Омск

ОГПУ –	Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург
РАН –	Российская академия наук. Москва
СКАЭ –	Северо-Казахстанская археологическая экспедиция
СКО –	Северо-Казахстанская область
СКУ им М.Козыбаева –	Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева. Петропавловск
СПбГУ –	Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург
ТКЛА –	Туркестанский кружок любителей археологии
ТомГУ –	Томский государственный университет. Томск
ТОУАК –	Труды Оренбургской ученой Архивной комиссии. Оренбург
УрГУ –	Уральский государственный университет. Екатеринбург
Уро РАН –	Уральское отделение Российской академии наук. Екатеринбург
ФИА –	Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана
ХАЭЭ –	Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы
ХАЭЭ –	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЧелГУ –	Челябинский государственный университет. Челябинск
ЧРАЭ –	Чирик-Рабатская археологическая экспедиция
ШРАЭ –	Шірікрабат археологиялық экспедициясы
ЮУрГУ –	Южно-Уральский государственный университет. Челябинск
ICAI –	International Institute for Central Asian Studies. Samarkand

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ – SUBMISSIONS

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова – қазақ тіліндегі мәтіндерді редакциялау және қазақ тіліне аудару
Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару

Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод и редакция текстов на казахском языке – А.М. Манапова
Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova
English translation and editing – Yana Shayakhmetova, Gaukhar Kaldybayeva

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 30.09.2023 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 ¹/₁₆
Шартты б. т. 21,84. Times New Roman гарнитурасы. Таралымы 100 дана

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 30.09.2023 г. Формат 84×108 ¹/₁₆
Усл. п. л. 21,84. Гарнитура Times New Roman. Тираж 100 экз.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 30.09.2023. Format 84×108 ¹/₁₆
Printed sheet 21,84. Times New Roman headset. Circulation 100 copies

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online

16+